

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

*Б.Х. Бгажноков, В.А. Фоменко
О. Б. Бубенок, А.М. Новичихин*

**ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ
И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ
АДЫГОВ**

Нальчик ♦ 2016

УДК 94
ББК 63.3(2 Адыг)
О 95

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Редактор

Б.Х. Бгажноков, доктор исторических наук

Рецензенты:

З.М. Кешева, кандидат исторических наук

Т.А. Дзуганов, кандидат исторических наук

Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А., Бубенок О.Б., Новичихин А.М.
О-95 Очерки древней и средневековой истории адыгов. – Нальчик:
Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 206 с.

Монография посвящена ключевым вопросам этногенеза и этнической истории адыгов. Обобщение данных антропологии, археологии, языкознания и других научных дисциплин позволяет воссоздать общую картину многотысячелетнего развития народа.

Издание предназначено для научных работников, аспирантов, преподавателей высшей школы, для всех, кто интересуется древней и средневековой историей народов Кавказа.

© Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А.,
Бубенок О.Б., Новичихин А.М.
© ИГИ КБНЦ РАН, 2016

THE INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH –
affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

*B.H. Bgazhnokov, V.A. Fomenko,
O.B. Bubenok, A.M. Novichikhin*

**SKETCHES OF ANCIENT
AND MEDIEVAL HISTORY
OF THE ADYGHE**

Nalchik ♦ 2016

UDK 94
DDK 63.3(2 АДЫГ)
S – 95

Is printed according to the decision
of the Scientific council of IHR KBSC RAS

Editor

B.H. Bgazhnokov, doctor of historical sciences

Reviewers:

Z.M. Kesheva, candidate of historical sciences

T.A. Dzuganov, candidate of historical sciences

Bgazhnokov B.H., Fomenko V.A., Bubenok O.B., Novichikhin A.M.
S – 95 Sketches of ancient and medieval history of the Adyghe. – Nalchik:
Publishing department of KBIHR, 2016. – 206 c.

The monograph is devoted to key questions of ethnogenesis and ethnic history of Adyghe. Synthesis of data of anthropology, archeology, linguistics and other scientific disciplines allows to recreate an overall picture of multithousand-year development of the people.

The edition is intended for scientists, graduate students, teachers of the higher school, for all who are interested in ancient and medieval history of the people of the Caucasus.

© Bgazhnokov B.H., Fomenko V.A.,
Bubenok O.B., Novichikhin A.M.
© IHR KBSC RAS, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Очерк первый</i>	
Ключевые вопросы древнейшей истории адыгов (Б.Х. Бгажноков)	7
<i>Очерк второй</i>	
Кассито-абхазо-адыгские культурно-языковые параллели (Б.Х. Бгажноков)	20
<i>Очерк третий</i>	
Кавказские дольмены: планетарные свойства и местные традиции (Б.Х. Бгажноков)	27
<i>Очерк четвертый</i>	
Дольмены в мифологии и истории кавказских народов (Б.Х. Бгажноков)	40
<i>Очерк пятый</i>	
Некоторые актуальные вопросы истории населения Северо- Западного и Центрального Кавказа в эпохи поздней, финальной бронзы и начале раннего железного века (XV-VII вв. до н.э.) (В.А. Фоменко)	53
<i>Очерк шестой</i>	
Об этногенезе синдов (А.М. Новичихин)	64
<i>Очерк седьмой</i>	
Керкеты и тореты – древнее население Черноморского побережья Западного Кавказа (А.М. Новичихин)	76
<i>Очерк восьмой</i>	
Зихи и абазги в древней истории абхазо-адыгских племен (Б.Х. Бгажноков)	82
<i>Очерк девятый</i>	
Готы и анты в фольклоре адыгов (О.Б. Бубенок)	90
<i>Очерк десятый</i>	
Этноним <i>кас</i> в топонимике Евразии (Б.Х. Бгажноков)	105
<i>Очерк одиннадцатый</i>	
Касы и Страна касов на Северном Кавказе (Б.Х. Бгажноков)	120
<i>Очерк двенадцатый</i>	
Аланские названия адыгских племен Северного Кавказа и Крыма (Б.Х. Бгажноков)	143
<i>Очерк тринадцатый</i>	
Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности (О.Б. Бубенок)	151
<i>Очерк четырнадцатый</i>	
Касоги в Киеве (О.Б. Бубенок)	172
<i>Очерк пятнадцатый</i>	
Данные топонимии о миграциях адыгов на украинские земли (О.Б. Бубенок)	188
<i>Очерк шестнадцатый</i>	
Крепость Хажикала (Б.Х. Бгажноков, В.А. Фоменко)	193

CONTENT

<i>The first sketch</i>	
Key questions of the ancient history of adyghe (B.H. Bgazhnokov)	7
<i>The second sketch</i>	
Kassit-Abhaz-Adyghian cultural and language parallels (B.H. Bgazhnokov)	20
<i>The third sketch</i>	
Caucasian dolmens: planetary properties and local traditions (B.H. Bgazhnokov)	27
<i>The fourth sketch</i>	
Dolmens in mythology and history of the Caucasian people (B.H. Bgazhnokov)	40
<i>The fifth sketch</i>	
Some topical issues of history of the population of the Northwest and Central Caucasus during the eras of late, final Bronze and the beginning of the early Iron Ages (the XV–VII th centuries BC) (V.A. Fomenko)	53
<i>The sixth sketch</i>	
About the ethnogenesis of sinds (A.M. Novichikhin)	64
<i>The seventh sketch</i>	
Kerketa and thoriates – the ancient population of the Black Sea coast of Western Caucasus (A.M. Novichikhin)	76
<i>The eighth sketch</i>	
The zikhs and the abazga in ancient history of the abkhaz-adyghe tribes (B.H. Bgazhnokov)	82
<i>The ninth sketch</i>	
The gotha and the anta in folklore of adyghe (O.B. Bubenok)	90
<i>The tenth sketch</i>	
Ethnonym “kas” desks in toponymy of Eurasia (B.H. Bgazhnokov)	105
<i>The eleventh sketch</i>	
Kasa and the Country of kasa in the Northern Caucasus (B.H. Bgazhnokov)	120
<i>The twelfth sketch</i>	
Alania names of the adyghe tribes of the Northern Caucasus and Crimea. (B.H. Bgazhnokov)	143
<i>The thirteenth sketch</i>	
The first mentions about the kasogs in Old Russian chronicles (O.B. Bubenok)	151
<i>The fourteenth sketch</i>	
Kasogs in Kiev (O.B. Bubenok)	172
<i>The fifteenth sketch</i>	
Data of the toponymy about migrations of adyghe in to the ukrainian lands (O.B. Bubenok)	187
<i>The sixteenth sketch</i>	
The Hazhikala Fortress (B.H. Bgazhnokov, V.A. Fomenko)	193

Очерк первый

**КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ
ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ АДЫГОВ**

I

Культурно-языковая общность абхазо-адыгов и хаттов, которая считается в настоящее время принципиально доказанной, сложилась, по всей вероятности, еще до последнего глобального потепления и таяния ледников, то есть около 8–10 тысяч лет назад. Размеры Черного моря были тогда меньше нынешних, и потому общение родственных племен Малой Азии и Кавказа было более доступным и свободным. Но в конечном итоге горные цепи и водный барьер, сложные процессы этнического развития, изменения этнодемографической и политической ситуации в регионе разделили протоабхазоадыгский, или хаттский этнический массив. Сформировалось – предположительно в III тыс. до н.э. – три субкультуры: хаттско-анатолийская (протохеттская) – в Малой Азии, хаттско-протоабхазская – на юго-восточном побережье Черного моря, хаттско-проточеркесская – на Западном и Северном Кавказе.

Естественные преграды и удаленность друг от друга не могли уничтожить следы былой общности и память о принципиальном единстве этих групп. Отсюда сохранявшаяся на протяжении многих веков близость многих черт материальной и духовной культуры. Вспомним библейские сказания о Гомере (сыне Яфета), соединившем в одно целое народы Малой Азии и Кавказа. Они являются отражением общности или близости языков и культур в этом пространстве, включая сюда язык и культуру киммерийцев. На рубеже II–I тыс. до н.э. киммерийцы стали связующим звеном между населением Кавказа и Юго-Восточной Европы. Фактически это протомеотские племена, образовавшиеся в результате смешения с местным населением переселившихся на Северный Кавказ скотоводов и земледельцев Северного Причерноморья. По всем данным, причиной этого переселения явилось увеличение засушливости и уменьшение продуктивности южнорусских степей¹.

Эвристическая значимость такой постановки вопроса как исходной очевидна. Во-первых, она согласуется с положениями антропологов о формировании понтийского типа на Западном и Центральном Кавказе во взаимодействии с индоевропейцами и группами племен Малой и Передней Азии. Во-вторых, становятся более понятными и очевидными главные причины и условия формирования сходных черт в языке, в материальной и духовной культуре жителей Передней Азии, Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы.

Сравнительный материал археологических культур свидетельствует о том, что преемственность этнического развития адыгов на Северном Кавказе сохранялась в течение последних 5–6 тыс. лет. В эпоху раннего бронзового века материальной базой объединительных процессов стали две культуры – майкопская и дольменная, а также занимающая промежуточное положение между ними новосвободненская, или майкопско-новосвободненская культура. В начале железного века на первый план выдвигаются традиции протомеотской и каменноостско-березовской (западно-кобанской) культур. В целом это последовательно и

закономерно сменяющие и взаимно дополняющие друг друга процессы. Связанные причудливым образом не только временем, но и пространством, они позволяют представить, каким образом, когда и в каких районах Кавказа формировалась общность протоабхазо-адыгских и черкесских племен, специфическое содержание их взаимодействия с другими народами.

В любом случае невозможно отрицать, что пересекаясь во времени и в пространстве, дольменная культура и культура майкопа своеобразно дополняли друг друга. Состояние такой, можно сказать, дополнительной дистрибуции в равной степени характеризует специфику каждой из них. Но при этом «майкопский стиль» формировался преимущественно во взаимодействии с народами Передней Азии. В то же время дольменная культура и культура новосвободненского типа сложилась под влиянием контактов с народами Европы, у которых на юге Франции и особенно на Пиренеях и ближайших к ним островах, практика захоронения в дольменах широко и разнообразно представлена со времен неолита. Вслед за этим в ходе развития кобанской культуры (на рубеже II и I тыс. до н.э.) вновь активизируется воздействие на Центральный и Западный Кавказ народов Передней Азии и, в особенности касситов (луров), достигших больших высот в изготовлении изделий из бронзы. В раннем железном веке возникает на этой почве колхидо-кобанская культура с ее локальными вариантами, включая сюда протомеотскую и каменноостско-березовскую (западно-кабанскую)².

Таким образом, определяя майкопскую, дольменную и затем протомеотскую и кобанскую культуры как материальную основу общности древних адыгских племен, необходимо не только признать, но и сделать предметом специальных исследований особое место как в культурогенезе, так и в этногенезе черкесов различных по содержанию миграционных процессов и контактов в центре евразийского континента.

II

Одной из причин движения переднеазиатского населения на Кавказ была аридизация – истощение земель, густо заселенных народами с высокой скотоводческой и земледельческой культурой. Но были, конечно, и другие причины. Среди них определенное значение имела, как видно, культурно-языковая близость древнейшего населения Кавказа и Передней Азии. При этом майкопская культура, впитавшая в себя богатую культуру Передней Азии, стала, несомненно, своего рода материальным выражением и подтверждением хаттско-адыгского присутствия и влияния на Кавказе.

В начале II тыс. до н.э. северокавказско-ближневосточные связи ослабевают, так как около 1900 г. до н.э. страна хаттов пала под ударами индоевропейских племен (лувийцев, ликийцев и др.), и на ее руинах образовалась хеттская держава, ориентированная больше на восточные и западные страны, чем на Кавказ. Видимо, не случайно в этот период майкопская культура прекратила свое существование. В то же время хетты переняли многие черты хаттской культуры, сохранили ее даже в названии своей страны – Хатти и в названии главного города – Хаттуса. Как язык письменных текстов функционировал некоторое время и язык хаттов, хотя из общего употребления он был вытеснен³. И в дальнейшем смена языка не повлекла за собой уничтожения хаттской культуры. По всем данным, в середине II тыс. до н.э. хаттский язык стал мертвым, но «культура народа, на нем говорившего, была перевоплощена на хеттском

языке»⁴, «индоевропейский хеттский язык народа-завоевателя наложился на неиндоевропейский язык хаттов»⁵.

В этих условиях политическую самостоятельность, а возможно, и родной язык сохранили лишь жители страны касков на севере Хеттской империи в окрестностях современного Самсуна. В XVI в. до н.э., усилившись, они полностью преградили путь хеттам к Черному морю и угрожали самому существованию Хеттского царства, захватив и разорив столицу Хаттусу⁶. В хеттских текстах XV в. до н.э. также имеются сообщения об актах неповиновения касков. Например, в одной из молитв отмечается, что «они отказываются платить дань, которая им положена, и начинают сами нападать на страну Хатти⁷. Из летописи хеттского царя Мурсилиса II (ок. 1343–1313 гг. до н.э.) мы узнаем также о стране каскайцев, где не было правления одного человека до тех пор, пока хетты не стали там править по обычаю царской власти⁸.

Каски, как сказано, были и оставались с протоадыгами в самом близком культурном и языковом родстве⁹, сохраняя независимость а, возможно, и родной хаттский язык. По-видимому, такое положение страны касков продолжалось длительное время и после того как в XIII – начале XII в. до н.э. сама Хеттская держава рухнула под ударами коалиции народов Восточного Средиземноморья, трансформировавшись в относительно слабые и раздробленные позднететтские царства, история которых прерывается окончательно в конце VIII в. до н.э.¹⁰ Но реликты хаттско-адыгского родства и хеттского влияния сохраняются у черкесов по сей день, в чем уже невозможно усомниться. С хаттской эпохой истории адыгов связаны не только элементы языка, но и отложившиеся в фольклоре воспоминания об Анатолии как о благодатном крае, Золотой долине, почитаемой как божество. Я имею в виду традиционный зачин адыгских гимнов, молитв и здравиц, ср.:

О наш Бог, Великий Бог,
Анадола, Золотая долина!

Уэ ди Тхэ, Тхэшхуэ,
Анэдолэ, дыщэ кьуэладжэ!¹¹

Вообще Анатолия предстает в языке и фольклоре адыгов как хорошо знакомый край, в котором они живут, где сбываются мечты человека о счастье. Сопоставив эти реминисценции с утверждениями, согласно которым жителями г. Хаттуса, столицы Страны хаттов, могли быть представители абхазо-адыгских или картвельских племен, следует усомниться в том, что взаимодействие народов Передней Азии и Кавказа протекало механистично в форме односторонней миграции с юга на север. Миграция могла быть взаимной.

Следует учесть, что в течение II тыс. до н.э. индоевропейцы из предкавказских степей переселялись большими группами в Переднюю Азию и Индию¹², увлекая за собой часть кавказского, в том числе и адыгского населения. В числе этих групп были протохетты¹³. Контакты хатто-абхазо-адыгских народов с ними поддерживались, возможно, еще в пределах Кавказа и продолжились в Анатолии. Отсюда, по всей вероятности, весьма употребительное и в настоящее время черкесское выражение *хьет жегьылэ* – «будь таким, чтобы о тебе могли сказать «хетт». Оно донесло до нас пиитет, с которым относились древние жители Кавказа к хеттам.

Но в случае с абхазо-адыгами и хаттами мы имеем сверх того принципиально иную картину взаимных связей, предопределенную

родством языка и древней культуры этих народов. Причем само это родство предстает не столько как итог миграции, сколько как данность, обусловленная самим фактом территориальной и этногенетической близости. Даже само слово *хатт* – адыг. *хъат* в черкесской культурной традиции приобретает высокую психологическую и социальную значимость – особенно в составе личных имен, фамилий и кланов, ср.: *Хъэтижь* – «Славный хатт», *Хъэтигу* – «Хаттское сердце», *Хъэтикъуэ* – «Сын хата», *Хъэжыкъуэ* – «Сын славного хата» и др.

Многие другие подобные элементы черкесской культуры еще ждут своего привлечения и осмысления. Но и тот материал, который уже известен, позволяет сказать, что, возможно, Западный и Северный Кавказ были центрами, а не периферией хатто-абхазо-адыгского древнего единства, своего рода метрополией некоторых древних народов Передней Азии, и прежде всего хаттов. Общие черты, следуя этой логике, являются следами генетического родства, а различия – итогом или результатом географических и хронологических разрывов, ибо, как говорил Антуан Мейе, пространство и время уже сами по себе порождают различия¹⁴.

III

Концепция принадлежности хаттов и касков к кавказской культурно-языковой общности приобретает еще более убедительный характер, если учесть, что, хатты в свою очередь были тесно связаны с народами хурро-урартского круга. Выясняется, что на общем фоне сближения с индоевропейским праязыком в языке хурритов имеются большие совпадения с картвельскими, абхазо-адыгскими и нахско-дагестанскими языками¹⁵.

Хатты и хурриты в свою очередь имели тесные политические и культурно-языковые контакты с касситами. Отсюда высказывавшаяся неоднократно мысль о возможности внутренней связи касситского языка с хаттским и соответственно с каскским языком¹⁶, что неизбежно ставит вопрос о характере взаимодействия касситского языка с абхазо-адыгскими. Так, Б. Грозни считает язык касситов одним из древних кавказских языков¹⁷ и усматривает прямую связь между касситами Передней Азии и касогами Кавказа, склоняясь тем самым к тому, что из множества кавказских языков, прежде всего, именно адыгские языки наиболее тесно связаны с древним, еще не иранизированным касситским языком. Касаясь этой гипотезы, и фактически поддерживая ее, И. Алиев пишет: «Кашков, сближаемых с касситами, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемых грузинами *kasag* (древнерусск.: *касоги*)»¹⁸.

По мнению ряда ученых, первоначальный центр касситов находился не в горах Загроса, как принято думать¹⁹, а на северо-востоке Малой Азии²⁰, недалеко от того места, где во второй половине XV в. до н.э. располагалась, сохраняя свою самостоятельность и самобытность, область касков. Начиная с XVIII в. до н.э. именно отсюда двигались они на юг и затем, спускаясь с гор Загроса и пересекая Тигр, совершали набеги на Вавилон. К такой же точке зрения склонялся Б. Грозни, судя по составленной им карте, где касситы (*kashshites*) располагаются в среднем течении Тигра, а *каска* (*kashkites*) – в верхнем течении Ефрата, у самого Черного моря. Дополнительно к этому Б. Грозни подчеркивает, что по всей вероятности, каски, называемые *gashgash* на хеттском языке и *kaskaya* на ассирийском языке, являются одной из касситских народностей. Занимая территорию

между верхним Евфратом и рекой Галис, каски, по его словам, угрожали своими набегами хеттам, а позднее – даже Ассирийской державе²¹.

Этноним *каска*, как установлено, является общим, собирательным обозначением племен, проживавших к северу и северо-востоку от хеттов. По данным Г.Г. Гиоргадзе, само название *каска* восходит к хаттскому *каску*. Это слово было заимствовано у них хеттами со значением «луна», «бог луны»²². «Поэтому, – считает Гиоргадзе, – допустимо, что употребляемое в хеттских источниках название «каска» означает «почитающий луну народ»²³. С другой стороны, название касситов, как полагают многие исследователи, восходит к *Кашишу* – главному божеству касситов²⁴. Это наводит на мысль о том, что название касков является производным от названия касситов, которые, в свою очередь, заимствовали слово для своего самообозначения из индийского, где *kas* означает «сверкать, сиять», а *kasih* – «солнце, свет, сияние»²⁵.

Как видим, культурно-языковое родство абхазов и адыгов с касками странным образом преломляется через их близость с древними касситами. И отсюда следы корневой морфемы *кас/каш* в древних и средневековых названиях адыгов, в дошедшем до наших дней этнониме *черкес*.

Проясняются некоторые другие особенности взаимодействия народов Передней Азии с народами Кавказа, в частности, процессы воздействия луристанской²⁶ художественной бронзы на развитие кобанской культуры, возникшей на Кавказе в XIII–XII вв. до н.э. В IX в. до н.э. следы этого влияния становятся особенно заметными, что обусловлено, быть может, проникновением северокавказцев в Переднюю Азию, в том числе и в Луристан, который с прилегающими районами Загра оставался основной областью обитания касситов²⁷. С другой стороны, вполне возможно отдельные группы лурского населения оседали в районах Центрального Кавказа. По-видимому, кобанская культура стала промежуточным звеном или посредником воздействия Луристана на скифский звериный стиль. А походы самих скифов в Переднюю Азию в VII в. до н.э. ознаменовались появлением в скифском зверином стиле новых, дополнительных черт и мотивов, навеянных традициями и стилем поздней луристанской бронзы²⁸.

Касситы и затем их потомки каспии всегда тяготели к Кавказу, к кавказскому культурному пространству. Правильно замечено, что взаимодействие кассито-каспиев и эламитян с кавказским этноязыковым миром следует рассматривать «не только в связи с малоазиатско-кавказскими языковыми параллелями, но и независимо от последних»²⁹. В первом тысячелетии до н.э. кассито-каспии, воспринявшие индоиранскую культуру, стали фактически одним из восточнокавказских народов. Границы страны Каспиана простирались до Главного Кавказского хребта вплоть до горы, получившей название Каспий (нынешний Казбек). Культурно-языковые связи между потомками касситов и северо-кавказскими народами стали в этот период еще более тесными, сопровождаясь, как видно, переселением отдельных групп касситского населения на Северный Кавказ.

Особо следует сказать в данной связи о кавказско-касситских и в том числе абхазо-адыго-касситских культурно-языковых параллелях. Например, заслуживает внимания тот факт, что, как правило, имена касситских царей, божеств, земель имеют сложную внутреннюю форму, которая образует в итоге законченное высказывание. Это характерно в целом для полисинтетических языков, к которым относятся и абхазо-адыгские языки. Другая характерная черта – наличие формантов *s/as* и

ак/ик/ок в именах касситских эламских и затем мидийских, ахеменидских царей, напоминая аналогичные суффиксальные морфемы черкесских личных имен и фамилий.

Известно, что в абхазо-адыгских языках формант «ш» со значением «кровь», «кровное родство», «потомство» широко и разнообразно используется у абхазов и адыгов в личных именах и фамилиях, и еще чаще в терминах родства, о чем писал еще Н.Я.Март³⁰. Таковы распространенные среди черкесов и абхазов в настоящее время фамилии *Уэрыш*, букв. «происходящий из ариев», *Трапш*, *Мэш*, *Мэдрэш*, *Быкьыш*, *Пахьуш*, *Зеушэ*, *Ахьумаиш*, *Мэхьуэиш* и др., а также термины родства: абх. *ааниша* – «дядя», «брат матери», *аашда* – «братья», черк. *шы* – «брат», *шыпхьу* – «сестра», *анэш* – «ближайшие родственники по материнской линии», *адэш* – «ближайшие родственники по отцовской линии», и др.

Следует думать, что с аналогичным значением, но уже с несколько иной смысловой доминантой – престижности, превосходства над носителями других родовых имен – включался данный элемент в названия кассито-эламских князей и царей. Затем эта традиция продолжилась в именах мидийских и ахеменидских правителей. Вероятно, и здесь она служила символом святости, родовитости, знатности, социального превосходства. Таковы касситские, эламские и новоэламские царские имена: Гандаш (1741–1726), Каштилиаш I (1704–1683), Уршигурумаш (конец XVII в до н.э.)³¹, Бурна Буриаши (Burnaburias – первый полновластный вавилонский царь с касситским именем – начало XVI в. до н.э.), Халидуш Иншушинак (Halludus Insusinak, 1185–1180 до н.э.), Шутрук Нахунте I (Sutruk Nahhunte I, 1180–1160), Шилхак Иншушинак I (Silhuk Insusinak I, 1155–1136), Хутелюдуш Иншушинак (Huteludus Insusnak, 1135–1130), Халунаш Иншушинак (Hallunas Insusnak, 699–693), Шутрук Нахунте II (Sutruk Nachhunte II, 717–699) и др.³²

Продолжают эту «антропономическую» традицию имена ахеменидских царей и правителей: Kuras (Кир – первый царь государства Ахеменидов 530 г. до н.э.); Darejos или Darijamos³³ (Дарий I, ахеменидский царь – 522–486 г. до н.э.).

По тем же причинам и на тех же основаниях выстраивается взаимное соответствие окончаний *ак/ик/око/ика*, часто встречающихся как в кассито-эламских, так и в адыгских личных именах. Не случайно многие ученые, в том числе Ф. Кениг, Дж. Камерон исключают переднеазиатские имена на – *ик*, – *икки* типа *Амицадук*, *Шилхак*, *Иншуушишинак*, *Ашпаштатаук*, *Маисдайукку*, *Дейокка*, *Ханасирука*, *Хардука* и др. из числа иранских и относят их к «субарийским» (хурритским), «загро кавказским», а в конечном итоге к кавказским именам. По мнению Дж. Камерона, большинство имен Северо-Западного Ирана, известных по ассирийским источникам остаются кавказскими на протяжении IX и VIII вв. до н.э.³⁴ Показательно, что И.А. Джавахишвили, обращая внимание на наличие подобных имен в античном Причерноморье, также относит их к многочисленной группе неиранских, определенно черкесских имен. В качестве примера он приводит множество черкесских, главным образом, княжеских и знатных дворянских фамилий и имен: *Батоко*, *Богарсоко*, *Болотоко*, *Докшуко*, *Каншоко*, *Кургоко*, *Мафоко*, *Шогеноко*, *Ахерако*, *Атажуко*, *Безруко*, *Дударуко*, *Эльжеруко* и др.³⁵

В кассито-эламской культуре подобные имена приобретали иногда статус божественных. Для этого названия царей соединялись с названиями богов или полубогов. Таковы имена, соединенные со знаком святости, представленным в слове *Inšušinak*. Это слово означает буквально чистый,

истинный, святой, поэтому эламские правители Шилхак Иншушнак, Халлидуш Иншушинак, Хутелидуш Иншушинак, Халлушаш Иншушинак и др. носили титул *girip*, устанавливающий их место в табели о рангах между богами и царями³⁶. В то же время за самим Иншушинаком (Иншушнаком, Инсушнаком) оставался титул Истинного, Святого царя (*Lauterer Konig*)³⁷, великого господина и прародителя царей³⁸.

Практиковалось также соединение имени касситских и эламских царей с именами каких-либо божеств – Бога грозы, ветра и бури – *Бурияша*, Бога света *Наххунте* (*Nachhunte*), ср.: *Бурна Бурияш*, *Шутцук-Наххунте*, *Шутрук-Наххунте*, *Шутрук-Наххунте II* и др. Отсюда высокопарное высказывание Шилхака-Иншушнака о себе: *Я Шилхак-Иншушнак, сын Шутрука-Наххунте, подданный (Бога) Наххунте, избранник (любимец) (Бога) Иншушнака, получив титул полновластного правителя от Богов Элама, расширил империю*. При этом обращает на себя внимание само слово *Наххунте* как название Бога Света у касситов, Оно почти буквально повторяет черкесские слова *нэху* – «свет», *нэхулъэ* – «рассвет», *нэхунэ* – «отблеск», что, быть может, является свидетельством формирования названия кассито-эламского Бога Света через взаимодействие с черкесским обозначением света.

То же самое следует сказать о двух других божествах в пантеоне касситов: *Худха* и *Бурияш*, соотносимых с вавилонским *Ададом* – Богом грозы, ветра, дождя и бури³⁹. По оценке И.Алиева, эти и многие другие имена касситских богов, содержащиеся в вавилонских источниках, «чужды индоевропейским именам, имеют местный характер и самобытны»⁴⁰. Потому неоднократно предпринимались попытки связать касситский язык с языками хаттов, кашков, а также с кавказскими языками. Но, однако, не привлекались в достаточном объеме данные абхазо-адыгских языков, что и сделало проблематичным сам вопрос о близости кассито-эламского и хаттского языков. В частности, в отношении *s/as* и *ak/uk/ukka* в кассито-эламских и каспийских именах высказывались различного рода другие предположения⁴¹, а возможность их соответствия абхазо-адыгским аналогам не рассматривалась.

О взаимовлиянии переднеазиатских и кавказских языков и культур свидетельствуют и такие, условно говоря, «исторические» адыгские имена и фамилии как *Лэурсан* (Лосанов, Лаурсанов), *Ло* (Лоов), *Лю* (Люев), *Мыд* (Мидов), *Мадай* (Мадаев – у чеченцев), *Даукъуэ* (Дауков, Дуков), *Къурашэ* (Кураш), *Къурашын* (Курашинов), *Ахъумаш* (Ахумашев), *Маргъуш* (Маргушев), *Марыш* (Марышев), *Дахэ* (Дахов), *Ашабэ* (Ашабов), *Ашабоко* (Ашабоков), *Ашэмэз* (Ашамез), *Амышокъуэ* (Ампоков), *Емышэ* (Емишев), *Ахъэмын* (Ахаминов), *Зыракъуш* (Заракуш), *Алборэ* (Альборов), *Индрокъуэ* (Индароков), *Идар*, *Ендар*, *Индрей* (Индреев)

Скорее всего, эти имена, так или иначе, связаны с реалиями древней Передней Азии и Индии: *Луристан*, *лурь* – жители Луристана, *лулубей* – племенная группа, находившаяся в близком родстве с касситами, *Мидия*, *Дейокка* – первый царь Мидии, *Кир* (Кураш) – первый царь государства Ахеменидов, *Ахурамазда* – верховный бог в зороастризме, *Маргуш* др.греч. *Маргиана*, совр. *Мары* – царство в Мидии, *дахи* – скифское племя в Средней Азии, тесно связанное с Мидией, *Амешаспенты* – небесные святые или ангелы в зороастризме, *Аша* – один из Амешаспентов, олицетворяющий Праведность и Мировой порядок, *Ахемене* (Хакхаманиш) – родоначальник Ахеменидов, *Заратуш* (Заратуштра) – пророк, положивший начало зороастризму, *Альбордж* – мифическая гора выше солнца и звезд, где пребывает сам Ахура-Мазда, *Индра* – в ведической религии царь богов.

С некоторыми из этих хорошо известных и громких имен и названий прямо перекликаются аналогичные имена в «Истории адыгейского народа» Шоры Ногмова. Это сюжеты, связанные с адыгским князем *Лавристаном* и его сватовством⁴², а также с вавилонским уроженцем ханом *Ларуном*⁴³, с памятником в честь *Дауковых* – «Даукъуэхэ я сын»⁴⁴. Особенно показателен состав *уаса* (калыма), который по преданию затребовала от Лавристана девушка из рода *Коготлоко*: *Сто человек мидийского и дакского племени, сто одежд египетских из светлосинего сукна, сто сирийских налокотников, сто кольчуг с золотыми кольцами. Вот моя цена*⁴⁵.

Кассито-абхазо-адыгские культурно-языковые связи, как мы убеждаемся, складывались под влиянием и на фоне более масштабного арийско-кавказско-переднеазиатского взаимодействия. Если в эпоху неолита и ранней бронзы эти контакты были обусловлены во многом аридизацией и переселением значительных масс переднеазиатского населения на Кавказ, то во втором тысячелетии до н.э. наблюдается движение в обратную сторону. В этот период северокавказские племена и, прежде всего черкесы, соединившись с арийскими племенами, с которыми они длительное время находились в одной контактной зоне, устремились на юг и, заняли Индию и Переднюю Азию. В течение всего первого тысячелетия до н.э. отдельные группы проточеркесов, участвовавшие в походе индоевропейцев на юг, возвращались на родину, что нашло отражение в песнях и преданиях об их пребывании в Индии и Передней Азии.

IV

Как видим, в течение длительного времени Кавказ оставался «страной», с которой индоевропейцы щедро делились своими культурными находками и достижениями, получая взамен не менее щедрые дары и уроки восточной цивилизации. Можно вспомнить в данной связи большое число закрепившихся в черкесском языке заимствований из индо-иранского, в числе которых *уэркъ* – «сословие профессиональных воинов-всадников», *махъсьмэ* – национальный хмельной напиток, *быгу* – название быка-производителя у шапсугов, *ажэ* – «козел», *шы* – «лошадь», *нысэ* – «сноха, невестка», *уэщ* – «топор» и много других.

Во взаимодействии с индоевропейцами северокавказцы приручили лошадь. Об этом свидетельствуют древнейшие находки домашней лошади в Северном Причерноморье и в ареале от Дона до Заволжья⁴⁶. Отсюда индоевропейское происхождение названия лошади⁴⁷ и культ коня у всех северокавказских народов. В индоиранско-северокавказской контактной зоне сформировалась всадническая культура, которую во второй половине II тыс. до н.э. племена Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа привнесли (в ходе миграции) в Переднюю Азию и Индию. По мнению И. Алиева, в их числе были «конеvodческие подвижные и активные племена белозерской культуры», господствовавшие в южнорусских степях и на Северном Кавказе⁴⁸. С движением этих племен в Закавказье и в Переднюю Азию связывает он вслед за Р. Гиршманом⁴⁹ близость археологических комплексов (прежде всего металлических изделий) северо-западных областей Ирана и Северного Кавказа.

Концепция миграции иранских племен в Закавказье в доскифскую эпоху поддержана другими авторитетными иранистами, и они также связывают этот процесс с развитием всаднической культуры⁵⁰.

К числу этих племен относят в первую очередь киммерийцев. А это фактически протоабхазо-адыгские племена, испытывавшие на себе

влияние иранцев, носителей локального северокавказского варианта позднесрубной культуры. Связывая киммерийцев с каменноостско-березовской группой памятников, Н.Л. Членова сближает ее с кобанской культурой Центрального Кавказа⁵¹. Киммерийцы – это, как сказано выше, обозначение группы протомеотских племен. Не случайно их называли гимирами (*gimir*), включая тем самым в число местных народов, ведущих свое происхождение от Яфета и его сына Гомера. В период раннего Средневековья потомки киммеро-меотских племен вошли в состав Черкесии под названием *кӀэмгуий* – кемгуй (Л.Я. Люлье) или темиргойцев. Затем князь Болеток разделил владение кемгуев на три удела: собственно Темиргой, Хатукай и Хегак⁵². Вместе с Кабардой, объединившей меотские, или касские племена Центрального Предкавказья, эти уделы, как мы увидим ниже, вошли в состав раннесредневековой Черкесии, которая стала преемницей Касахии Константина Багрянородного. Считая эту преемственность вполне естественной и очевидной для Северного Кавказа, Ф. Брун подчеркивал, что в черкесах «нельзя не узнать потомков обитателей Касахии императора Константина, кешехов арабских писателей и касогов Нестора»⁵³.

V

Известно, что у черкесов всадническая культура была доведена до совершенства и сохранялась вплоть до середины XX столетия, а черкесская конница была признана лучшей в мире. Но здесь нужно сказать еще и о том, что такое всадническая культура. На наш взгляд, это особая, разветвленная ценностно-нормативная система использования верховой езды, включавшая в себя множество взаимосвязанных компонентов. В их числе: методика вскармливания будущих скакунов, традиции выращивания особых пород, приспособленных к условиям повседневного, прежде всего военного быта, забота о сохранении чистоты этих пород, выездка и тренировка скакунов, приближенная к условиям боевых действий и т.д.

Большие требования предъявлялись к самому наезднику, к освоению всех видов и приемов верховой езды и управления боевым конем; отработке специфических приемов, позволяющих одержать верх над противником.

Особого внимания заслуживает и всаднический этикет черкесов. Он был хорошо, во всех деталях разработан как совокупность наполненных нравственным содержанием правил поведения всадников в обществе, во всех типовых социальных ситуациях. Например, желая вступить в разговор с женщиной или старшим по возрасту или рангу мужчиной, всадник обязан был сначала спешиться (как минимум, – привстать на стременах). Встретив в пути женщину (пожилого мужчину), всадник также спешивался – обычно за 30–40 метров до приближения.

Большое место занимала в системе всаднической культуры крепкая и трогательная дружба всадника и коня. Этой дружбе посвящались исторические рассказы, легенды, героические песни. В многочисленных песнях и преданиях воспет *Жаманшэрык* – верный конь и сподвижник Андемыркана, самого известного рыцаря Кабарды, жившего в первой половине XVI века. Рассказывают, что многочисленные враги и завистники Андемыркана сумели одолеть его, только заманив на охоту без его верного коня, которого предусмотрительно крепко заперли. Андемыркан умер стоя, опершись на меч с именем *Жаманшэрыка* на устах⁵⁴.

Добавим к сказанному, что у черкесов, как и у алан и осетин, в состав похоронно-поминальных обрядов включался неизменно обряд посвящения

коня. Во время похорон этот обряд исполнялся вплоть до 50–60-х годов прошлого столетия, воспринимаясь обычно, как театрализованная форма прощания усопшего (его души) с боевым конем и всадническим прошлым. К. Кох, известный ученый-естественник XIX в., рисует следующую картину погребения одного шапсугского воина: «Над могилой палат из ружей, и самый храбрый из присутствующих вынимает из ножен пашку покойника и несколько раз взмахивает ею над ним. Любимую лошадь покойника трижды проводят вокруг могилы и часто в качестве жертвоприношения или в память об этом дне отрезают ей ухо»⁵⁵. Через год во время поминок устраивалось еще более пышное представление. В таких случаях, как утверждают жители Причерноморской Шапсуги, лошадь покойника наряжали в специальную рубашку – *шыджанэ*; она ниспадала ниже живота и обычно закрывала даже голову коня, лишь для глаз и ушей оставляли отверстия. В таком виде боевого коня покойника трижды обводил вокруг могилы кто-либо из ближайших родственников. После каждого круга мужчины давали из ружей залп. Затем кто-либо из юношей садился на этого, условно говоря, жертвенного коня (в седло, положенное поверх «рубашки») и скакал прочь. За ним устремлялись другие всадники, пытаясь догнать его и сорвать с коня покойного его «рубашку». Тот, кому удавалось завладеть рубашкой, торжествовал⁵⁶.

Традиции, связанные с разведением лошадей и всаднической культурой черкесов еще плохо исследованы⁵⁷, и особенно в сравнительном плане, в связи с различными этапами древнейшей истории народов Юго-Восточной Европы, Кавказа, Передней Азии. Между тем, нельзя исключать, что еще в период первых тесных контактов с индоевропейцами, на рубеже III–II тыс. до н.э., была выведена адыгская порода лошадей. Получив впоследствии название кабардинской, она заслужила славу одной из лучших в мире боевых, походных коней⁵⁸. В словаре-справочнике по коневодству, изданном в 1991 году, имеется краткое описание кабардинской лошади: «Горбоносая голова, невысоко поставленная шея, длинные холка, спина и поясница, спущенный круп, часто саблистые задние конечности, очень крепкие копыта. Легкие и хорошо координированные движения, поворотливость, смелость и прекрасная память».

Суммируя сказанное, можно предположить, что еще во времена первых тесных контактов черкесов с племенами Юго-Восточной Европы у адыгов наметились контуры социальной организации, в которой особая роль отводилась культу коня и всадничеству. Видимо, уже тогда сформировалось также особое сословие профессиональных воинов-наездников – *уорков*, закрепивших благодаря такому названию свое индоарийское происхождение и особое место в иерархии адыгского общества.

О тесных связях с индоевропейцами свидетельствуют названия черкесских рек, эпических героев, патронимий: река *Аруан* (Урвань), фамилии *Аруан*, *Уэрыш*, *Уэрыкъуэ*, *Вэрмахуэ* (*Уэрмахуэ*), *Уарий Дада* – верховный судья Кабарды. Некоторые другие слова в черкесском языке, возможно, также связаны с периодом тесных контактов с ариями, ср.: *уарэ* – междометие, выражающее удивление и восхищение, *уардэ* – «могучий», «статный», «величественный», *уэр/уэру* – «бурный/бурно», «масштабный/масштабно», «неукротимый/неукротимо». Эти и другие подобные примеры заставляют думать, что зона индоевропейско-северокавказских контактов позволяла различным группам индоевропейцев свободно проникать на Кавказ, оказывая существенное влияние на быт и культуру местных племен, в том числе на быт и культуру проточеркесов.

Эти контакты имели место уже в IV–III тыс. до н.э., на что указывают некоторые особенности древних культур Северного Кавказа – майкопско-новосвободненской и дольменной. В конце III тыс. до н.э. культурные связи и взаимодействие северокавказцев с народами Европы становятся особенно тесными. Формируется в итоге особый тип социальной организации, основу которой составляла сложная всадническая культура северокавказцев, а также внутренне связанная с всаднической культурой и не менее сложная культура профессиональных воинов уорков – *уэркь*⁵⁹. Возможно, в основе данного слова лежит древнеисландское слово *wargr* – «волк» с целым рядом других дополнительных значений⁶⁰. Отсюда, как полагают некоторые ученые (А.А. Шахматов, А. Пресняков) и термины, использовавшиеся для обозначения различных социальных и этнических групп и объединений: «варяг», «франк» и др.

По всей видимости, в наследство от эпохи тесных контактов с индоевропейцами осталось в языке и культуре адыгов и слово *Аруан* (Урвань). Активно используемое в Кабарде как гидроним, топоним, фиктоним, как личное женское имя, как фамилия (в селении Дутудубгуйей)⁶¹, это слово ассоциируется вместе с тем с Арианой, с одной из стран, в формировании которой древние арии принимали прямое участие. Не исключено, таким образом, что Урвань (Аруан) стала одной из 16 стран, сформировавшихся под влиянием предков индоевропейцев. В первой главе Авесты эта страна так и называется – Аруан. Другими древнейшими центрами взаимодействия кавказцев с индоевропейцами стали, возможно, Синдика на северо-восточном побережье Черного моря и Гиркания на южном берегу Каспийского моря.

Во второй половине II тыс. до н.э. контакты ариев (протоиранцев и протоиндийцев) и северокавказцев вступили в новую фазу в связи с ширококомасштабной миграцией в Индию и Переднюю Азию, осуществлявшуюся через Среднюю Азию и Кавказ. По всей вероятности, арийцы увлекли и повели за собой определенную часть северокавказского населения. Отражением этих событий являются, вполне возможно, предания черкесов, согласно которым они мигрировали в восточные края (в том числе в Индию – *Инды паклэ*, Египет – *Мыщыр*, Кавказскую Албанию – *Иэлбын*) и возвратились в Центральное Предкавказье числом больше прежнего, обогащенные новыми знаниями и опытом⁶².

Вполне вероятным становится в свете этих данных определенная связь с походами и миграциями в Индию (и обратно?) целого ряда имен и названий, сохраняющихся в языке и в культурной истории черкесского народа: *Индар* (Идар) – личное имя, *Индарокъуэ* – кабардинская фамилия, *Индыл* – название Волги, *Индыш* – название притока Кубани в ее верхнем течении, *Ендэрей* – название села в современном Дагестане, *Индрей* – кабардинская фамилия, *синды* – меотское племя, *СантЫкь* – кабардинская фамилия, *Сындыкь* – кабардинская фамилия и т.д.

Привлекая и активно используя такого рода материалы, мы получаем возможность составить более полную картину древней истории адыгских и всех других племен Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа

1. *Махортых С.В., Иевлев М.М.* О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период // *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. М., 1991.

2. См об этом: *Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Кавказа. Т. I. Тбилиси, 1949; *Воронов Ю.Н.* Западно-кавказская этнокультурная общность Эпохи поздней

- бронзы и раннего железа (Колхидо-Кобанская культура). Нальчик, 1978; *Анфимов Н.В.* Сложение меотской культуры и ее связи с степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971; *Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник (На примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.
3. *Герни О.Р.* Хетты. М., 1987. С. 19, 117.
 4. Луна, упавшая с неба/ Пер с древнемалоазиатских языков Вяч. Вс. Иванова. М., 1977. С. 8.
 5. *Герни О.Р.* Хетты. С. 19.
 6. История Древнего Востока. М., 1979. С. 201.
 7. Луна, упавшая с неба. С. 104.
 8. Луна, упавшая с неба. С. 178, 304.
 9. *Меликишвили Г.А.* К изучению древней восточно-малоазийской этнонимии // ВДИ. № 1 (79). 1962. С. 63.
 10. *Герни О.Р.* Хетты. С. 43.
 11. Кабардинские здравицы (Адыгэ хьуэхьухэр) / Сост. З.П. Кардангушев. Нальчик, 1985. С. 67.
 12. См. об этом: *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007. С. 18–35.
 13. *Mallory J.P.* The Indo-European Homeland and the Steppe Hypothesis: Research Agenda // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сб. трудов конференции памяти проф. В.А. Сафронова). М., 2010.
 14. *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. С. 61.
 15. *Джаукян Г.Б.* Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков; *Старостин С.А.* Индоевропейско-северно-кавказские изоглоссы; *Дьяконов И.М., Старостин С.А.* Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988; *Nikolajev S.L., Starostin S.A.* A North Caucasian etimological Lictionarj. Moscow, 1994.
 16. *Forrer E.* Stratification des Langues et des peuples dans le Proche-Orient prehistorique // Journal Asiatique, CCXVII, 1930. P. 230; *Jaritz K.* Kassitische Sprachreste Anthropos. Bd. 52. № 5–6. 1957. S. 852.
 17. *Hrozny V.* Ancient history of Western Asia, India, and Grete. New York, 1953. P. 2.
 18. *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960. С. 81.
 19. См. напр.: *Бауэр С.У.* История Древнего мира. От истоков цивилизации до падения Рима. М., 2011. С. 216.
 20. *Jaritz K.* Die Kulturreste der Kassiten // Anthropos. Bd. 55. Wien, 1960.
 21. *Hrozny V.* Ibid. P. 2.
 22. *Гиоргадзе Г.Г.* К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. М., 1961. Вып. 1. С. 199.
 23. Там же. С. 200.
 24. *Алиев И.* История Мидии. С. 80.
 25. *König Fr.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. Leipzig, 1930. S. 62.
 26. Луры – одно из касситских племен. См.: *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в до н.э. М.–Л., 1956. С. 122.
 27. *Jaritz K.* Kassitischen Sprachreste // Anthropos. Bd. 52. Wien, 1957. S. 850–852; *Алиев И.* Указ. соч. С. 78.
 28. *Hancar Fr.* Kaukasus – Luristan // Eurasia-Septentrionalis antiquae. Helsinki, 1934. IX; *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.
 29. *Алиев И.* Указ. соч. С. 81.
 30. *Март Н.Я.* Яфетическое происхождение абхазских терминов родства. СПб., 1912; См. также: *Бгажноков Б.Х.* Социальная организация семьи. Нальчик, 2010. С. 9.
 31. Указ. соч. С. 126.
 32. *König Fr.M.* Die Elamischen Königsinschriften. Osnabruck. 1977. S. 7; Несколько иначе представлена хронология правления этих царей у Г.Хюзинга, см.: *Husing G.* Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams. S. 19–20.

33. *König Fr.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. S. 41.
34. *Cameron G.* Histori of Early Iran. Chicago, 1936.
35. Джавахишвили И.А. проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ. № 4. 1939. С. 33–36.
36. *König Fr.W.* Die Elamischen Königsinschriften. S. 30.
37. *Ibid.* S. 30–31.
38. *Ibid.* S. 113.
39. *Delitzsch F.* Die Sprache der Kossaer. S. 24–25.
40. Алиев И. История Мидии. С. 81.
41. См.: Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 68–71, 204–207, 249–271–285 и др.
42. Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 99–105.
43. Указ. соч. С. 109.
44. Указ.соч. С. 105.
45. Указ.соч. С. 104.
46. См. об этом: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. С. 558–559.
47. Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967. С. 112; Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 114–115.
48. Алиев И. Рец.: Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970 // ВДИ. 1973. № 3.
49. *Ghirshman R.* Persia from the Origins to Alexander the Great. L., 1964.
50. Кузьмина Е.Е. Навершие со всадниками из Дагестана // ВДИ. 1973. № 2; Погребова М.Н. К вопросу о миграции ирано-язычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху // ВДИ. 1977. № 2.
51. Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник.
52. См. об этом: Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 12.
53. Брун Ф. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877). Ч. I. Одесса. С. 120.
54. Адыгэ IуэрыIуатэ (Кабардинский фольклор). Нальчик, 1969. С. 285–286.
55. Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли // АБКИЕА. С. 622.
56. Сообщения Аллало Мусса Пшимафовича, 1897 г.р. и Шоотоха Сули Ахмедовича, 1900 г.р., аул Куйбышевка, Краснодарский край.
57. О всаднической культуре черкесов см.: Бгъэжьнокъуэ Б. Шыр лым и гъуджэщ // Газ. «Адыгэ щIэнгъуазэ». 1990. № 1–4; Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991; Он же: Кабардинская лошадь – взгляд с укоризной // Кабардино-Балкарская правда. 2006. 7 окт.
58. Бгажноков Б.Х. Кабардинская лошадь: взгляд с укоризной. С. 3.
59. Бгажноков Б.Х. Вопросы культурного взаимодействия адыгов с древними народами Передней Азии и Юго-Восточной Европы // Традиции и инновации в истории и культуре. М., 2015. С. 262–272.
60. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986. С. 352; Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 87.
61. Коков Дж. Н. Вопросы адыгской (черкесской) антропонимии. Нальчик, 1973. С. 108; Он же: Из адыгской (черкесской) ономастики). Нальчик, 1983. С. 124.
62. Адыгэ IуэрыIуатэхэр (Адыгский фольклор) Нальчик, 1969. Т. 2. С. 19–22.

КАССИТО-АБХАЗО-АДЫГСКИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Концепция принадлежности хаттов и касков к кавказской культурно-языковой общности приобретает еще более убедительный характер, если учесть, что, хатты в свою очередь были тесно связаны с народами хурро-урартского круга. Выясняется, что на общем фоне сближения с индоевропейским праязыком в языке хурритов обнаруживаются большие совпадения с картвельскими, абхазо-адыгскими и нахско-дагестанскими языками¹.

Хатты и хурриты в свою очередь имели тесные политические и культурно-языковые контакты с касситами. Отсюда высказывавшаяся неоднократно мысль о возможности внутренней связи касситского языка с хаттским и соответственно с каскским языком², что неизбежно ставит вопрос о характере взаимодействия касситского языка с абхазо-адыгскими. Так, Б. Грозни считает язык касситов одним из древних кавказских языков³ и усматривает прямую связь между касситами Передней Азии и касогами Кавказа, склоняясь тем самым к тому, что из множества кавказских языков, прежде всего, именно адыгские языки наиболее тесно связаны с древним, еще не иранизированным касситским языком. Касаясь этой гипотезы, и фактически поддерживая ее, И. Алиев пишет: «Катков, сближаемых с касситами, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемых грузинами *kasag* (древнерусск.: касоги)»⁴.

Следует отметить в данной связи, что, по мнению ряда ученых, первоначальный центр касситов находился не в горах Загроса, как принято думать⁵, а на северо-востоке Малой Азии⁶, недалеко от того места, где во второй половине XV в. до н.э. располагалась, сохраняя свою самостоятельность и самобытность, область касков. Начиная с XVIII в. до н.э. именно отсюда двигались они на юг и затем, спускаясь с гор Загроса и пересекая Тигр, совершали набеги на Вавилон. К такой же точке зрения склонялся Б. Грозни, судя по составленной им карте, где *касситы* (*kassits*) располагаются в среднем течении Тигра, а *каска* (*kasks tribe*) – в верхнем течении Ефрата, у самого Черного моря. Дополнительно к этому Б. Грозни подчеркивает, что по всей вероятности, каска, называемые *gashgash* на хеттском языке и *msuya* на ассирийском языке, являются одной из касситских народностей. Занимая территорию между верхним Евфратом и рекой Галис, каска, по его словам, угрожали своими набегами хеттам, а позднее – даже Ассирийской державе⁷.

Этноним каска, как установлено, является общим, собирательным обозначением племен, проживавших к северу и северо-востоку от хеттов. По данным Г.Г. Гиоргадзе само название каска восходит к хаттскому каску, которое было заимствовано у них хеттами со значением «луна», «бог луны»⁸. Поэтому, – считает он, – допустимо, что употребляемое в хеттских источниках название «каска» означает «почитающий луну народ»⁹. С другой стороны, название касситов, как полагают многие исследователи, восходит к Кашшу – главному божеству касситов¹⁰. Это наводит на мысль о том, что название касков является производным от названия касситов. При этом касситы, в свою

очередь, заимствовали слово для своего самообозначения из индийского, где *kas* означает «сверкать, сиять», а *kasih* – «солнце, свет, сияние»¹¹.

Все это в соединении с множеством других аналогичных данных почти неопровержимо свидетельствует о том, что культурно-языковое родство абхазов и адыгов с касками странным образом преломляется через их близость с древними касситами. И отсюда следы корневой морфемы *кас/каш* в древних и средневековых названиях адыгов, в дошедшем до наших дней этнониме черкес.

Проясняются также некоторые другие особенности взаимодействия народов Передней Азии с народами Кавказа, в частности, процессы воздействия луристанской¹² художественной бронзы на развитие кобанской культуры, возникшей на Кавказе в XIII–XII вв. до н.э. В IX в. до н.э. следы этого влияния становятся особенно заметными, что обусловлено, быть может, проникновением северокавказцев в Переднюю Азию, в том числе и в Луристан, который с прилегающими районами Загра оставался основной областью обитания касситов¹³. С другой стороны, вполне возможно отдельные группы дурского населения оседали в районах Центрального Кавказа, о чем свидетельствуют материалы Ш. Ногмова и некоторые другие косвенные данные, о которых будет сказано ниже.

Кобанская культура была промежуточным звеном или посредником воздействия Луристана на скифский звериный стиль. А походы самих скифов в Переднюю Азию в VII в. до н.э. ознаменовались появлением в скифском зверином стиле новых, дополнительных черт и мотивов, навеянных традициями и стилем поздней луристанской бронзы¹⁴.

Известно, что касситы правили Вавилоном в течение 500 лет – с 1600 по 1100-е гг. до н.э. В середине XII в. до н.э. Касситский Вавилон пал под ударами ассирийцев, затем власть в империи перешла к эламитами. По всей вероятности, основная масса касситов в этот период отступила на северо-восток, где впоследствии, уже VIII в. до н.э., вошла в состав Мидии, государства, состоявшего из разноязычных племен, общавшихся между собой на иранском языке при сохранении местных языков в том числе родственных языку северокавказских племен¹⁵. В 550 г. до н.э. Мидия оказалась во власти персидских царей из династии Ахеменидов. Однако и в составе Ахеменидской державы касситы сохраняли свою самостоятельность и, по всей вероятности, свой язык, отличный от иранского, и, возможно, близкий абхазо-адыгским языкам. Заняв юго-западный берег Каспийского моря, которому они дали свое имя, касситы стали называться каспами, жителями страны Каспиана. Согласно Геродоту, в V в. до н.э. при Дарии I каспы обитали в 11 из 20 округов персидского Ахеменидского царства, возглавляя один из этих округов – пятнадцатый¹⁶. Известно, что каспы славились как хорошие воины, принимали участие во всех сражениях персов, в том числе в походе царя Ксеркса на Грецию.

Касситы, затем их потомки каспии всегда тяготели к Кавказу, к кавказскому культурному пространству. Правильно замечено, что взаимодействие кассито-каспиев и эламитян с кавказским этноязыковым миром следует рассматривать «не только в связи с малоазиатско-кавказскими языковыми параллелями, но и независимо от последних»¹⁷. В первом тысячелетии до н.э. кассито-каспии, впитавшие в себя индоиранскую культуру, основанную на маздеизме и зороастризме, стали фактически одним из восточнокавказских народов. Границы страны Каспиана простирались до Главного Кавказского хребта вплоть до горы, получившей название Каспий (нынешний Казбек). Культурно-языковые

связи между потомками касситов и северо-кавказскими народами стали в этот период еще более тесными, сопровождаясь переселением отдельных групп касситского населения на Северный Кавказ.

Особого внимания заслуживают в данной связи кавказско-касситские и в том числе абхазо-адыго-касситские культурно-языковые параллели.

Нужно отметить с самого начала, что с конца II тыс. до н.э. самобытный индоевропейский касситский язык в Передней Азии испытывает воздействие языка пришедших с севера (главным образом из степей Предкавказья и из Средней Азии) индоевропейских народов. Иранский язык ариев, постепенно распространяясь, становится официальным языком Мидийского (с VII века до н.э.) и Ахеменидского (с 550 г. до н.э.) государств, а касситский язык фактически исчезает уже в IV–III вв. до н.э.¹⁸ Однако и в период господства в Вавилонии (с 1600-х по 1100-е гг. до н.э.) касситы пользовались в делопроизводстве аккадским языком, пока к власти в Месопотамии не пришли эламиты.

В силу этих причин данные о касситском языке сами по себе весьма ограничены и скудны. Среди сохранившихся клинописных памятников краткий касситско-вавилонский (касситско-аккадский) словарь, хранящийся в Британском музее, изданный впервые Фридрихом Деличем¹⁹, а также список кассито-вавилонских царских имен, известный под названием «Рассамский королевский список», содержащий 19 касситских имен²⁰. В аккадских текстах содержатся кроме того отдельные другие слова, включая сюда топонимы, теонимы, имена лошадей.

Из-за скудости лексического материала и отсутствия связных текстов генетическая принадлежность касситского языка остается неопределенной²¹. Безуспешными оказались все попытки связать касситский язык с хурритским и индоевропейскими языками. Даже родство с эламским языком, казалось бы, доказанное Г. Хюзингом²², в настоящее время иногда отвергается, хотя близость к нему никто не отрицает. Не подвергается сомнению также близость касситского и других каспийских языков с северокавказскими языками, что, по мнению Г.А. Меликишвили, объясняется взаимодействием и условиями совместного проживания загро-эламских и северокавказских племен в первом тысячелетии до н.э.²³ При этом, как правило, говорят о близости каспийских языков с восточнокавказскими языками²⁴, оставляя без внимания западно-кавказские – абхазоадыгские языки, а также гипотезу родства касситов, касков и касогов.

Между тем, сопоставление кассито-каспийского и абхазо-адыгского культурно-языкового материала действительно имеет определенные перспективы. Например заслуживает внимания тот факт, что, как правило, имена касситских царей, божеств, земель имеют сложную внутреннюю форму, которая образует в итоге законченное высказывание. Это характерно в целом для полисинтетических языков, к которым относятся и абхазо-адыгские языки. Другая характерная черта – наличие формантов *s/as* и *ak/uk/ukka* в именах касситских, эламских и затем мидийских, ахеменидских царей, напоминая аналогичные суффиксальные морфемы черкесских личных имен и фамилий.

Таковы касситские, эламские и новоэламские царские имена: Гандаш (1741–1726), Капштилиаш I (1704–1683), Уршигурумаш (конец XVII в до н.э.)²⁵, Бурна Буриаш (Burnaburias – первый полновластный вавилонский царь с касситским именем – начало XVI в. до н.э.), Халидуш Иншупинак (Hallidus Insusinak, 1185–1180 до н.э.), Шутрук Нахунте I (Sutruk Nahhunte I, 1180–1160), Шилхак Иншупинак I (Silhak Insusinak I, 1155–1136), Хутелюдуш

Иншушнак (Huteludus Insusnak, 1135–1130), Халунаш Иншушнак (Hallunas Insusnak, 699–693), Шутрук Нахунте II (Sutruk Nachhunte II, 717–699) и др.²⁶

Продолжают эту «антропономическую» традицию имена мидийских и ахеменидских царей и правителей: Dayakku (Дейока, первый царь Мидии, 715)²⁷, Hanasiruka (Ханасирука – мидийский или мадайский правитель), Hardukka (Хардука – правитель Изарциана в Мидии, 713 г.); Kuras (Кир – первый царь государства Ахеменидов 530 гг. до н.э.); Darejos или Darijatus²⁸ (Дарий I, ахеменидский царь – 522–486 гг. до н.э.).

Хотя в отношении s/as и ak/uk/ukka в кассито-эламских и каспийских именах высказывались различного рода другие предположения²⁹, возможность их соответствия абхазо-адыгским аналогам, образующим личные имена и фамилии, также и, быть может, в первую очередь, заслуживает нашего внимания. Известно, что в абхазо-адыгских языках формант «ш» со значением «кровь», «кровное родство», «потомство» широко и разнообразно используется у абхазов и адыгов в личных именах и фамилиях, и еще чаще в терминах родства, о чем писал еще Н.Я. Марр³⁰. Таковы распространенные среди черкесов и абхазов в настоящее время фамилии Уэрыш, букв, «происходящий из ариев», Трапш, Мэш, Мэмрэш, Быкыш, Пахыш, Ахьумаш, Мэхьюэшидр., а также термины родства: абх.аанша – «дядя», «брат матери», аашда – «братья», черк. шы – «брат», шыпху – «сестра», анэш – «ближайшие родственники по материнской линии», адэш – «ближайшие родственники по отцовской линии», и др.

Следует думать, что с аналогичным значением, но уже с несколько иной смысловой доминантой – престижности, превосходства над носителями других родовых имен – включался данный элемент в названия кассито-эламских князей и царей. Затем эта традиция продолжилась в именах мидийских и ахеменидских правителей. Вероятно и здесь она служила символом святости, родовитости, знатности, социального превосходства.

По тем же причинам и на тех же основаниях выстраивается, как видно, взаимное соответствие окончаний ак/ ик/ око/ ика, часто встречающихся как в кассито-эламских, так и в адыгских личных именах. Не случайно многие ученые, в том числе Ф. Кениг, Дж. Камерон исключают переднеазиатские имена на – ик, – икки типа Амицадук, Шилхак, Иншушинак, Ашпаштатаук, Маисдайукку, Ханасирука и др. из числа иранских и относят их к «субарийским» (хурритским), «загро кавказским», а в конечном итоге к кавказским именам. По мнению Дж. Камерона большинство имен Северо-Западного Ирана, известных по ассирийским источникам остаются кавказскими на протяжении IX и VIII вв. до н.э.³¹ Показательно, что И.А. Джавахишвили, обращая внимание на наличие подобных имен в античном Причерноморье, также относит их к многочисленной группе неиранских, определенно черкесских имен. В качестве примера он приводит множество черкесских, главным образом, княжеских и знатных дворянских фамилий и имен: Батоко, Богарсоко, Болотоко, Докшуко, Каншоко, Кургоко, Мафоко, Шогеноко, Ахерако, Атажуко, Безруко, Дударуко, Эльжеруко и др.³²

В кассито-эламской культуре подобные имена приобретали иногда статус божественных. Для этого названия царей соединялись с названиями богов или полубогов. Таковы имена, соединенные со знаком святости, представленным в слове Insusinak. Это слово означает буквально чистый, истинный, святой, поэтому эламские правители Шилхак Иншушнак, Халлидуш Иншушинак, Хутелидуш Иншушинак, Халлупаш Иншушинак и др. носили титул girip, устанавливающий их место в табели о рангах

между богами и царями³³. В то же время за самим Иншушинаком (Иншушнаком, Инсушнаком) оставался титул Истинного, Святого царя (Lauterer Konig)³⁴, великого господина и прародителя царей³⁵.

Практиковалось также соединение имени касситских и эламских царей с именами каких-либо божеств, например с именем бога грозы, ветра и бури Бурияша, бога света Нахунте (Nachhunte), ср.: Бурна Бурияш, Шутцук-Нахунте, Шутрук-Нахунте, Шутрук-Нахунте II и др. Отсюда высокопарное высказывание Шилхака-Иншушнака о себе: «Я Шилхак-Иншушнак, сын Шутрука-Нахунте, подданный (бога) Нахунте, избранник (любимец) (бога) Иншушнака, получив титул полновластного правителя от Богов Элама, расширил империю»³⁶.

Обращает на себя внимание само слово Нахунте как название Бога Света у касситов. Почти буквально повторяет оно черкесские слова нэху – «свет», нэхулъэ – «рассвет», нэхунэ – «отблеск», что, быть может, является свидетельством формирования названия кассито-эламского бога света через взаимодействие с черкесским языком и конкретно – с черкесским обозначением света. То же самое следует сказать о двух других божествах в пантеоне касситов: Худха и Нурияш, соотносимых с вавилонским Ададом – богом грозы, ветра, дождя и бури³⁷. По оценке И. Алиева, не только эти, но и все другие имена касситских богов, содержащиеся в вавилонских источниках, «чужды индоевропейским именам, имеют местный характер и самобытны»³⁸. Потому неоднократно предпринимались попытки связать касситский язык с языками хаттов, кашков, а также с кавказскими языками. Но, однако, не привлекались в достаточном объеме данные абхазо-адыгских языков, что и сделало проблематичным сам вопрос о родстве кассито-эламского и хаттского языков. Между тем, в самом названии бога грозы Худха, например, угадывается адыгское Хутхъэ – букв. «Бог Света».

О взаимовлиянии переднеазиатских и кавказских языков и культур свидетельствуют и такие, условно говоря, «исторические» адыгские имена и фамилии как Лэурсан (Лосанов, Лаурсанов), Ло (Лоов), Лю (Люсв), Мыс (Мидов), Мадай (Мадаев – у чеченцев), Даукъуэ (Дауков, Дуков), Къурашэ (Кураш), Къурашын (Курашинов), Ахъумаш (Ахумашев), Маргъуш (Маргушев), Марьщ (Марышев), Дахэ (Дахов), Ашабэ (Ашабов), Ашабоко (Ашабоков), Ашэмэз (Ашамез), Амышчокъуэ (Амшоков), Емышшэ (Емишев), Ахъэмын (Ахаминов), Зыракъуш (Заракуш), Алборэ (Альборов), Индрокъуэ (Индароков), Идар, Ендар, Индрей (Индреев).

Нетрудно заметить, что эти имена, так или иначе, связаны с реалиями древней Передней Азии и Индии: Луристан, луры – жители Луристана, лулубеи – племенная группа, находившаяся в близком родстве с касситами, Мидия, Дейокка – первый царь Мидии, Кир (Кураш) – первый царь государства Ахеменидов, Ахура-мазда – верховный бог в зороастризме, Маргуш др. греч. Маргиана, совр. Мары – царство в Мидии, дахи – скифское племя в Средней Азии, тесно связанное с Мидией, Амешаспенты – небесные святые или ангелы в зороастризме, Аша – один из Амешаспентов, олицетворяющий Праведность и Мировой порядок, Ахемене (Хакхаманиш) – родоначальник Ахеменидов, Заратуш (Заратуштра) – пророк, положивший начало зороастризму, Альбордж – мифическая гора выше солнца и звезд, где пребывает сам Ахура-Мазда, Индра – в ведической религии царь богов.

Не случайно с некоторыми из этих хорошо известных и громких имен и названий прямо перекликаются аналогичные имена в «Истории адыгейского народа» Шоры Ногмова. Это сюжеты, связанные с адыгским князем Лавристаном и его сватовством³⁹, а также с вавилонским уроженцем ханом

Ларуном⁴⁰, с памятником в честь Даукоеых – «Даукъуэхэ я сын»⁴¹. Особенно показателен состав уаса (калыма), который по преданию затребовала от Лавристана девушка из рода Коготлоко: Сто человек мидийского и дакского племени, сто одежд египетских из светлосинего сукна, сто сирийских налокотников, сто кольчуг с золотыми кольцами. Вот моя цена⁴².

Известно, что Ш. Ногмов относит эти события к средневековью. Но на самом деле перед нами причудливым образом соединившиеся и застывшие в предании, названия древнейших (периода I тысячелетия до н.э.) кассито-каспийских областей, племен и народов. Представлены вместе с тем прямо связанные с этими областями и народами вещи, предметы, которыми в равной степени пользовались в повседневном быту древние жители Кавказа и Передней Азии. В итоге в один ряд выстраиваются: страна Луристан и князь Лавристан, хан Ларун и луры, египтяне, мидийцы и даки (или дахи), египетское сукно и сирийские (ассирийские) налокотники и т.д.

Не исключаю, что некоторые из числа этих и названных выше совпадений и параллелей окажутся случайными, не имеющими под собой реальной исторической почвы. Только не следует на этом основании отбрасывать другие вполне убедительные факты, позволяющие говорить об особом значении кассито-эламо-индоиранских и абхазо-адыгских культурно-языковых связей. Они складывались, как мы убеждаемся, под влиянием и на фоне более масштабного индоевропейско-кавказско-переднеазиатского культурно-языкового взаимодействия. Если в эпоху неолита и ранней бронзы эти контакты были обусловлены во многом аридизацией и переселением значительных масс переднеазиатского населения на Кавказ, то во втором тысячелетии до н.э. наблюдается движение в обратную сторону. В этот период северокавказские племена и, прежде всего черкесы, соединившись с арийскими племенами, с которыми они длительное время находились в одной контактной зоне, устремились на юг и заняли Индию и Переднюю Азию.

Судя по всему, в течение всего первого тысячелетия до н.э. отдельные группы проточеркесов, участвовавшие в походе индоевропейцев на юг, возвращались на родину, что нашло отражение в песнях и преданиях об их пребывании в Индии и Передней Азии. Нет сомнений в том, что именно эти – протомеотские группы, приобщившиеся к индоевропейской и переднеазиатской цивилизации и культуре, способствовали объединению разрозненных абхазо-адыгских племен, стимулировали дальнейшее развитие кобанской культуры. Поддерживая тесные культурные и политические связи с древними греками, они создали древнюю Синдику, оказали заметное влияние на развитие меотских племен.

Таким образом, установить генетическое родство эламо-касситского и абхазо-адыгского языков невозможно. Хотя в прошлом такие предположения высказывались, сейчас можно говорить лишь об элементах структурной близости этих языков. На структурную близость наслаиваются, как мы убедились, весьма примечательные взаимные соответствия, являющиеся результатом тесных контактов и взаимных влияний народов Передней Азии и Северного Кавказа.

1. Джаукян Г. Б. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков; Старостин С.А. Индоевропейско-северно-кавказские изоглоссы; Дьяконов ИМ., Старостин СЛ. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988; Nikolajev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etimological Lictionaij. Moscow, 1994.

2. *Forrer E.* Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient prehistorique // *Journal Asiatique*, CCXVII, 1930. P. 230; *Jaritz K.* Kassitische Sprachreste *Anthropos*. Bd. 52. № 5–6. 1957. S. 852.
3. *Hrozny V.* Ancient history of Western Asia, India and crete. New York, 1953. P. 2.
4. *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960. С. 81.
5. См.: *Бауэр С. У.* История Древнего мира. От истоков цивилизации до падения Рима. М., 2011. С. 216.
6. *Jaritz K.* Die Kulturreste der Kassiten//*Anthropos*. Bd. 55. Wien, 1960.
7. *Hrozny V.* Op. cit. P. 2.
8. *Гиоргадзе Г.Г.* К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий. С. 199.
9. Там же. С. 200.
10. *Алиев И.* Указ. соч. С. 80.
11. *König Fr.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareiosl. Leipzig, 1930. S. 62.
12. Лурь – одно из касситских племен. См.: *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в до н.э. М.–Л., 1956. С. 122.
13. *Jaritz K.* Kassitischen Sprachreste // *Anthropos*. Bd. 52. Wien, 1957. S. 850–852; *Алиев И.* Указ. соч. С. 78.
14. *Nancar Fr.* Kaukasus – Luristan// *Eurasia-Septentrionalis antiqua*. Helsinki, 1934, IX; *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.
15. *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 230–232.
16. *Геродот.* История. III, 89; III, 93; VII, 67.
17. *Алиев И.* Указ. соч. С. 81.
18. См.: *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 65, 225–230.
19. *Delitsch F.* Die Sprache der Kossaer. Leipzig, 1884.
20. *Clay A.T.* Personal Names from Cuneiform inscriptions of the Cassite Period. Yale Oriental Series. Vol. I. New Haven, 1912.
21. *Иосад П.В.* Касситский язык // *Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии*. М., 2010. С. 185.
22. *Husing G.* Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams. Leipzig, 1916.
23. *Меликишвили Г.А.* Наири-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 140–142; Он же: К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 230–234.
24. *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.–Л., 1956. С. 61.
25. Указ. соч. С. 126.
26. *König Fr.M.* Die Elamischen Königsinschriften. Osnabruck. 1977. S. 7; Несколько иначе представлена хронология правления этих царей у Г. Хюзинга; См.: *Husing G.* Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams. S. 19–20.
27. *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1885. S. 76.
28. *König Fr.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. S. 41.
29. См.: *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 68–71, 204–207, 249–271, 285 и др.
30. *Март Н.Я.* Яфетическое происхождение абхазских терминов родства. СПб., 1912; *Бгажноков Б.Х.* Социальная организация семьи. По материалам исторической этнографии адыгов. Нальчик, 2010. С. 9.
31. *Cameron G.* Histori of Early Iran. Chicago, 1936.
32. *Джавахишвили И.А.* Проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // *ВДИ*. № 4. 1939. С. 33–36.
33. *König Fr.W.* Die Elamischen Königsinschriften. S. 30.
34. *Ibid.* S. 30–31
35. *Ibid.* S. 113.
36. *König Fr.M.* Die Elamischen Königsinschriften. Osnabruck. 1977. S. 113.
37. *Delitzsch F.* Lie Sprache der Kossaer. S. 24–25.
38. *Алиев И.* История Мидии. С. 81.
39. *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 99–105.
40. Указ. соч. С. 109.
41. Указ. соч. С. 105.
42. Указ. соч. С. 104.

Очерк третий

КАВКАЗСКИЕ ДОЛЬМЭНЫ: ПЛАНЕТАРНЫЕ СВОЙСТВА И МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ

1. Культура испунов

Возникновение дольменной культуры на Кавказе относят обычно к первой половине III тыс. до н.э. Она сформировалась на восточном побережье Черного моря и в Закубанье, а свое наименование получила по сохранившимся в большом количестве монументальным преимущественно надземным гробницам из камня – дольменам. Большинство из них расположено на склонах гор, примыкающих к восточному побережью Черного моря в 600 километровом пространстве между Таманским полуостровом в Краснодарском крае и городом Очамчире в республике Абхазия. В некотором отдалении от побережья Черного моря, главным образом в верховьях рек, впадающих в Кубань, находится значительно меньшая часть этих древних усыпальниц – около одной четверти от общего числа. Внешне кавказские дольмены напоминают дома из четырех стен с перекрытием, с маленьким входом или лазом в передней стене. Отсюда местные обозначения таких сооружений. Абхазы называют их погребальными домами – *адамра*, *ахатгун*, мегрелы домами великанов – *одзвале*, кубанские казаки богатырскими (дидовыми, чертовыми) хатами. У черкесов дольмены известны под именем древних погребальных жилищ – *кхъэунэжь*, домов для жизни в загробном мире – *ахърэту*.

Метафора дома, как мы видим, не заслоняет знание об истинном предназначении дольменов, черкесы, – писал в 1837 г. Дж. Белл, – считают эти «дома», состоящие из пяти огромных каменных плит, древними захоронениями¹.

Существует наряду с этим цикл сюжетов адыгского нартского эпоса, в котором каменные гробницы представлены как дома, в которых живут странные маленького роста люди под названием *испы/исп*. Широкое распространение имеет вследствие этого еще одно обозначение дольменов: *испун/испыун* – «дома испов». Его используют часто археологи (В.А. Марковин, Н.Г. Ловпаче и др.), что позволяет нам, следуя уже сложившейся традиции, называть дольменную культуру Кавказа *культурой испунов*. Она возникла на Кавказе позже, чем майкопская культура, но длительное время развивалась синхронно и в тесном взаимодействии с ней. Например, В.А. Трифонов считает, что бытование культуры дольменов охватывает период от 3200 до 1800 гг. до н.э.², по данным В.А. Марковина – от 2700 до 1400 гг. до н.э.. В то же время Майкопскую культуру датируют обычно 3500–2000 г. до н. э. (правда, в последние годы ее считают еще древней: в представлении С.Н. Корневского она охватывает период с 3900 по 2800 гг. до н.э.³).

В любом случае невозможно отрицать, что эти культуры пересекались во времени и в пространстве, что в равной степени характеризует специфику каждой из них.

Хоронили в дольменах, по всей видимости, не рядовых членов древних племен, а их вождей и старейшин, многие из которых были одновременно и жрецами. Некоторые исследователи прямо называют кавказские дольмены «домами жрецов-предков», то есть культовыми сооружениями⁴. Если быть

еще точнее, это дома для вечной жизни душ, освободившихся от тела. Не зря абхазцы называют дольмены местом отдохновения (успокоения) души⁵. По древним абхазо-адыгским поверьям после смерти человека его душа продолжает свое существование. Но плоть безжизненна и она не может способствовать удовлетворению страстного желания вернуться к живым, вступить в контакт с близкими людьми, оплакивающими его. Поэтому душа мертвеца страдает, мечется, не находит себе места и покоя. Называя имя недавно умершего человека, черкесы не случайно добавляют к этому имени слово *мыгъуэ*, что означает в данном контексте: «страдающий, мучающийся в поисках своей плоти».

Рис. 2. Кавказские дольмены

- 1 – Дольмен с двориком. Поселок Джубга Туапсинского района; 2 – дольмен-монолит «Черкесский камень». Кудепста; 3 – дольмен «Возрождение» в низовье реки Жанэ; 4 – Дольмен-монолит в долине реки Годлик у селения Волконка.

По всей видимости, дольменные сооружения были призваны уберечь «бедную душу» покойного от этих мучений, обеспечить ей покой и умиротворение. По понятиям древних кавказцев сама конструкция дольменов как нельзя лучше отвечала этим требованиям. Обращая на это внимание, Л.Н. Соловьев писал: «Их материал и размеры рассчитаны на вечность. Тщательная выработка пазов для пригонки стенок дольмена, притертые пробки, употребление для стенок цельных плит – все это обеспечивает герметичность сооружения. Едва ли можно сомневаться, что летучим, трудно уловимым содержанием дольменов, по понятиям их строителей, были души погребенных в них покойников»⁶.

По оценке В.А.Трифонова в год сооружалось в среднем около 10–12 дольменов по числу умерших или погибших вождей. Таким образом, можно предположить, что в течение всего периода бытования дольменной культуры Кавказа построено около 15000 дольменов. Из них большая часть была разрушена и исчезла, особенно в последние полтора столетия и, прежде всего, в течение первых десятилетий после окончания Кавказской

войны, когда плиты дольменов стали в массовом порядке разбирать для строительных нужд. Согласно последним, но все еще неполным данным общее число учтенных кавказских дольменов достигает 2308⁷. Но многие дольмены еще не обнаружены. В.И. Марковин писал в данной связи, что с каждым новым обследованием территории распространения дольменов встречаются все новые и новые памятники, скрытые от глаз лесной чащей или курганной насыпью. Действительно, в последние 20–30 лет выявлено множество неизвестных ранее дольменов, в том числе 9 – подкурганных, найденных в результате раскопок в окрестностях г. Сочи⁸.

2. Динамика дольменной культуры Кавказа

Не исключено, что более обширной, чем видится и представляется сейчас, была и область распространения кавказских дольменов и особенно в северо-восточном направлении. В.И. Марковин ссылается в связи с этим на снимки 1902 г., на которых изображены два дольмена, находившиеся на горе Острой близ Железноводска⁹. Один из этих снимков, сделанных Г.И. Раевым, передал нам В.А. Фоменко (Рис. 1,2). Как видим, на горе острой заснято сооружение характерное для поздних плиточных дольменов в бассейне реки Пшада. Еще раньше, в 1881 г. большой дольмен и остатки других плиточных сооружений этого типа обнаружил в Пятигорье археолог Д.Я. Самоквасов. Все находки располагались на возвышенности на правом берегу р. Горькой между горами Верблюд и Бештау. Обследованная Д.Я. Самоквасовым уцелевшая гробница, как будто не оставляет сомнений в ее принадлежности к памятникам дольменной культуры. Сооружение состояло из четырех плиточных стен, покрытых пятым, имевшим 4 аршина в квадрате (2,84 м), в одной из боковых стен имелось круглое отверстие семи вершков (30,8 см) в диаметре¹⁰.

По мнению Марковина эти находки свидетельствуют о том, что под давлением дольменостроителей некоторая часть носителей майкопской культуры вынуждена была двинуться на восток и на север, далеко за пределы Прикубанья. Многим археологам такая постановка вопроса представляется не вполне оправданной. Но как бы он не ставился и не решался, невозможно отрицать, что уже во второй половине III тыс. до н.э. на обширном пространстве среднего и нижнего Прикубанья, там, где еще недавно возвышались только большие кубанские курганы, господствующее положение заняли памятники бурно развивающейся дольменной культуры. Наряду с величественными майкопскими курганами не менее внушительные мегалитические гробницы дольменного типа стали одной из самых примечательных особенностей культурного ландшафта Прикубанья. Наблюдалось вместе с тем обратное воздействие курганной майкопской культуры на дольменную. С одной стороны это выражалось в распространении подкурганных дольменных захоронений в горной местности – там, где до этого такой погребальный обряд не практиковался, а с другой – в присутствии типично майкопских изделий в инвентаре каменных гробниц, например майкопской керамики с жемчужным орнаментом.

Некоторые авторы склонны включать в область распространения дольменной культуры все Центральное Предкавказье. Так, В.А. Сафронов, выдвигая идею общеевропейского «культурного фона», на котором должны рассматриваться дольмены Кавказа, утверждает: «Ареал дольменной культуры Северо-Западного Кавказа охватывает все восточное побережье Черного моря, Адыгею, Верхнее Прикубанье, степные районы Центрального Предкавказья, Пятигорья, Кабардино-Балкарии.

К проявлениям дольменной культуры следует, вероятно, отнести Нальчикскую и Кишпекскую гробницы в Кабардино-Балкарии»¹¹.

Утверждают, что столь же активно перемещалась дольменная культура Кавказа в прямо противоположном направлении к западному и северному побережью Черного моря. На территории исторической Фракии в современной Западной Турции и Южной Болгарии расположены датируемые II тыс. – III в. до н.э. мегалитические сооружения, которые обнаруживают большое сходство с западно-кавказскими дольменами¹². Во второй половине III в. до н.э. аналогичные гробницы, правда, гораздо меньших размеров и, как правило, без отверстия, появляются в Южном Крыму¹³. Обычно их относят к кеми-обинской культуре, в формировании которой, как полагают, могли участвовать мигранты с Кавказа. Такое предположение подкрепляется раскопанным сравнительно недавно И.Н. Храпуновым погребением в каменном ящике у с. Вилино близ Бахчисарая¹⁴. Своими большими размерами (два метра в высоту и более двух метров в длину), а также окном, вырубленным в одной из боковых стен, этот ящик напоминает кавказские испуны.

Движение кавказской дольменной культуры в пространстве сопровождалось еще более впечатляющим движением во времени, которое можно проследить, начиная с эпохи раннего железа вплоть до средневековья. Вспомним в этой связи, как часто в верхних слоях дольменов Абхазии и окрестностей Геленджика обнаруживают предметы, относящиеся ко времени перехода от эпохи бронзы к железному веку. Б.А. Куфтин рассматривал эти находки «как указывающие на несомненно тесную преемственную связь между строителями дольменов и тем населением, которое позднее развивало кобанскую культуру»¹⁵.

Район Геленджика, вообще говоря, считается местом, где традиции погребения в дольменах сложились очень рано, а продлились дольше, чем в других областях Западного Кавказа. В середине прошлого века И.И. Аханов обнаружил здесь 28 подкурганных плиточных гробниц с характерным для дольменов отверстием в передней стене¹⁶. По его мнению, дольменный обряд захоронения практиковался в Геленджике и его окрестностях до IV в. н.э., а сама традиция захоронения в дольменах, заключенных в курган, сложилась в период, переходный от бронзы к железу. Предположения И.И. Аханова оказались неточными в смысле хронологии, но сами находки свидетельствуют о различных формах вторичного использования и обустройства дольменов. По всем данным, в предскифский и скифский период, который был и периодом раннего железа, дольмены активно использовались для вторичных захоронений. Вполне возможно, что в отдельных случаях, чтобы придать этим захоронениям типичный для новой культуры облик, дольмены с впускными захоронениями засыпали землей и сооружали над ними курганы. Об этом свидетельствует и сравнительно большое число изделий из железа, найденных в подкурганных дольменах Геленджика: железные топоры-секиры, по форме напоминающие кобанские, серповидные ножи, наконечники копий и дротиков¹⁷.

Все это наводит на мысль о том, что существует по крайней мере два вида подкурганных дольменов, каждый из которых имеет свою специфику: 1) ранние подкурганные дольмены майкопского периода, 2) поздние подкурганные дольмены предскифского и скифского периода. Типичными примерами первого из названных видов могут служить новосвободненские памятники (2600 г. до н. э.) и подкурганный дольмен Псынако (2500 г. до н.э.). Вторая, поздняя разновидность подкурганных

дольменов ярко представлена Геленджикскими образцами И.И. Аханова. Курганный облик они приобрели в эпоху перехода от бронзы к железу, скорее всего в первой трети I тыс. до н.э.

О силе традиций дольменной культуры свидетельствуют и факты вторичного развития мегалитических сооружений этого типа уже в период средневековья в VIII–XII вв. в Верхнем Прикубанье¹⁸. К ним относят обнаруженные по берегу реки Кяфар (левый приток Кубани) постройки в виде наземных гробниц с передней стеной, имеющей округлое или чаще четырехугольное отверстие. По всем признакам это сооружения максимально приближенные к древним дольменам, но датируемые эпохой раннего средневековья.

По условиям места и времени их соотносят с культурой касогов, которые в верховьях Кубани граничили с аланами. «Местный этнос, создавший дольменообразные склепы должен быть признан адыгским», – писал в данной связи В.А. Кузнецов¹⁹. Поддерживается тем самым, выдвигавшаяся еще раньше Л.И. Лавровым идея непрерывной связи дольменной культуры с древним – абхазоадыгским населением Кавказа²⁰.

3. Принципиальное единство и местное своеобразие евразийских дольменных культур

Известно, что дольменные сооружения, относящиеся к энеолиту и к более поздним эпохам, имеются не только на Кавказе, но и во многих других частях евразийского континента, а само слово *дольмен* (*tolmen*) в переводе с кельтского языка означает «каменный стол». В настоящее время во всем мире так принято называть древние погребальные сооружения из каменных глыб и плит огромного размера, поставленных вертикально и перекрытых массивной плитой. Постройки такого типа сохранились в Британии, Дании, в южных и центральных областях Франции, а также в Португалии, Испании, Италии, Северной Африке, Турции, Сирии, Иордании, Палестине, Болгарии, Индии, Корее, Японии.

Трудно поверить, что при такой обширной географии дольменная культура, сформировавшись впервые в одном конкретном месте, распространилась затем – путем заимствования по всей Евразии. На самом деле, в этом процессе главенствующее место занимает типологическая составляющая, о чем писал Г. Чайлд²¹. Глубинные причины распространения дольменостроительства в различных концах мира следует искать в принципиальном единстве духовной и материальной культуры целого ряда приморских обществ. Они развивались в основном самостоятельно, независимо друг от друга. Но, однако, и процессы диффузии, в том числе и связанные с миграцией населения, также имели место, являясь своего рода эпифеноменом типологической общности мегалитических культур. Например, очевидная и непрерывная связь западно-европейских мегалитических культур, как полагают, восходит к традициям которые можно объяснить только распространением мегалитических сооружений (менгиров, кромлехов и дольменов) из одного центра, находящегося в Лос-Мильяре, в провинции Альмерия (Испания)²². Действительно, очень древние дольмены, датируемые 4000–3500 г. до н.э. расположены на Пиренейском полуострове в Португалии²³, а также в Испании²⁴. Радиоуглеродный анализ подкурганного дольмена Менга в Андалузии (рис. 3, 1) позволил установить, что он построен в 3790–3730 г. до н.э. Из Пиренеев дольмены распространились в Британию, что произошло, как предполагают, накануне III тыс. до н.э.²⁵ Между тем в южной Франции они появились главным об-

разом под воздействием мегалитических традиций Сардинии и Корсики.

Не исключено, следовательно, что распространение дольменов шло сначала от островов Средиземного моря на Пиренейский полуостров. Так, мегалитическая культура Бону-Игину на острове Сардиния, представленная также и дольменами, охватывает период с 4600 до 3300 г. до н.э.; причем в орбите этой культуры находятся, как полагают, аналогичные мегалитические памятники Корсики²⁶. Возраст культуры Бону-Игину позволяет думать, что возникновение аналогичных мегалитических памятников в юго-восточной Испании связано с появлением здесь в IV тыс. до н.э. новых поселенцев из восточного Средиземноморья, но не из Египта, Месопотамии или Анатолии, а из близлежащих островов в Средиземном море, в том числе из Корсики и Сардинии²⁷. Называют также остров Крит, в частности, как область, из которой на Пиренеи проникла традиция купольных погребальных сооружений²⁸, хотя постройки с толосом, к которым ведут длинные коридоры, появились еще раньше около 4800 г. до н.э. в Северной Месопотамии²⁹.

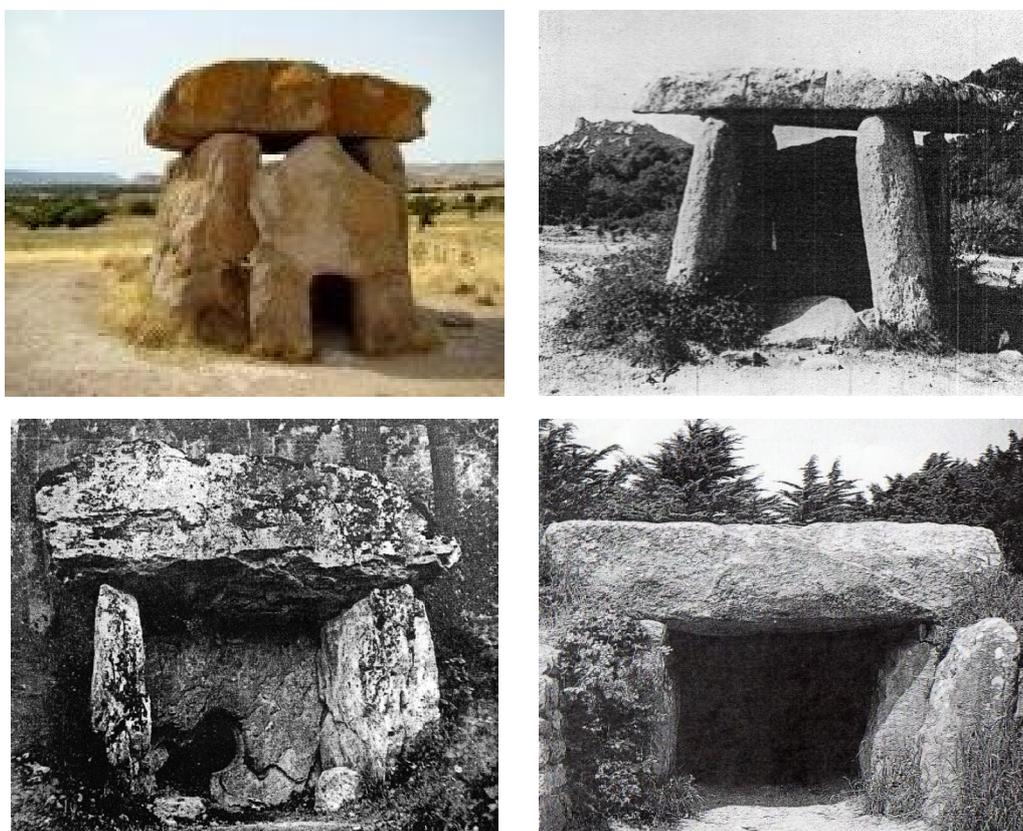

Рис. 1. Дольмены Западной Европы
 1—Дольмен Са-Ковеккада. Сардиния, Морес; 2—дольмен Фонтанаккия
 на плато Каурия. Корсика; 3—дольмен Тре-Шато. Южная Франция;
 4 — дольмен в Западной Франции

С процессом трансляции мегалитических традиций из европейских центров связывают многие археологи и возникшую гораздо позже (почти на целое тысячелетие) дольменную культуру Западного Кавказа. Но жители Кавказа, как утверждают некоторые археологи, могли

заимствовать не только и не столько ранние образцы дольменной культуры Европы, сколько сравнительно поздние, синхронные, вследствие этого, периоду первых памятников этого типа в Восточном Причерноморье. Так, А.Д. Резепкин полагает, что исходной формой для дольменов Кавказа явились купольные гробницы второго периода развития культуры Лос-Мильярес³⁰, который датируется серединой второй половины III тыс. до н.э.³¹

Во всех таких случаях следует учитывать также, не зависящую от внешних влияний и воздействий принципиальную идеологическую общность дольменной культуры. Идея дольменов как погребальных сооружений сравнительно проста. Она возникает в различных концах Евразии как естественное выражение и единство двух распространенных во всем мире культов. Первый из них – культ предков, второй – культ камня. Строили дольменные сооружения главным образом, в горных приморских районах, где сама природа способствовала мегалитическому выражению и воплощению указанных культов. Иными словами, есть некоторые общие черты и внутренние основания дольменных сооружений, позволяющие думать, что при наличии этих планетарных условий они могли возникнуть где угодно, независимо друг от друга, без каких-либо миграций и изменений в составе населения той или иной территории. Какого-либо единого центра «дольменной цивилизации», откуда она распространилась по всему миру, не существует, как не существует и «единого этнического творца» такой цивилизации. Во всяком случае и то, и другое трудно, невозможно установить. С некоторой уверенностью можно говорить лишь о том, что Средиземноморье стало катализатором дольменной культуры Евразии.

О фундаментальной типологической составляющей свидетельствует также большой хронологический разброс дольменных сооружений. Время, которое отделяет их друг от друга, исчисляется иногда двумя-тремя тысячелетиями. В самом деле, трудно представить, что, преодолевая расстояние в десятки тысяч километров и трех-четырёх тысячелетний разрыв во времени идея дольмена из Западной Европы была перенесена в Японию, где такие сооружения строились в 7 веке нашей эры³².

Кстати, и на Кавказе уже в период средневековья в VIII–XII вв. практиковались захоронения в каменных гробницах, максимально приближенных к древним дольменам³³, что свидетельствует, о силе культовых традиций, лежащих в основе данного типа построек. Прежде всего, это традиции почитания, одухотворения камня и столь же благоговейное отношение к предкам, к их душам. Соединение культа камня с культом предков, а также обилие природного материала для строительства мегалитических сооружений – вот, три главных условия возникновения кавказских дольменов. В этом отношении они стоят в одном ряду с аналогичными сооружениями Запада и Востока, находясь между ними как бы в центре – в центре Евразии. Но стоят все же особняком и от тех, и от других, так как имеют целый ряд отличительных признаков и черт, специфичных лишь для Кавказа.

Следует отметить в данной связи, что, несмотря на принципиальную общность идейного содержания, повсюду дольмены имеют специфические черты, позволяющие связать их с культурой местных племен и народов. К примеру, характерной чертой дольменов в окрестностях Парижа являются массивные, плохо обработанные глыбы перекрытия³⁴. Также выглядят во Франции менгиры, дополняющие дольменные сооружения. Чаще всего это громадные валуны, поставленные вертикально. Подкуранные дольмены

Западной Европы перерастают в большие залы с высокими сводами и опорными колоннами, что несвойственно кавказским дольменам. Кроме того, западноевропейские дольмены, в отличие от кавказских не являются герметичными, а встречающиеся отверстия в передней стене никогда не закрываются. На Пиренеях, на острове Сардиния и на западном побережье Черного моря эти неопределенной формы отверстия, небрежно выбитые в центре нижнего края передней стены. В дольменных памятниках Индии они сделаны более аккуратно, но расположены в ее верхней части, то есть прямо противоположно месту таких отверстий на передней плите кавказских дольменов. В то же время нет никаких материальных подтверждений герметичности индийских, а также палестинских и сирийских дольменов. Не обнаружены здесь и какие-либо следы каменных пробок, которыми могли бы плотно закрываться входы в камеру. Вообще каменная втулка это исключительно кавказское изобретение – факт, который заслуживает самого пристального внимания.

4. Отличительные признаки (маркеры) кавказских дольменов

Допуская возможность перенесения традиций дольменостроительства на восточное побережье Черного моря из других областей Евразии и особенно из западной Европы следует обратить внимание на то, что в таком количестве, как на Кавказе такие сооружения нигде не встречаются. Кроме того, кавказские дольмены отличаются конструктивной сложностью, неожиданным для энеолита совершенством форм, великолепной обработкой плит и монолитов, плотной без всяких зазоров подгонкой отдельных камней друг к другу.

В отношении искусства обработки камня, архитектурного мастерства и разнообразия кавказские испуны не имеют аналогов и превосходят многие другие обычно грубоватые постройки данного типа. Задаваясь вопросом об отличиях кавказских дольменов от других построек этого типа С.В. Валганов пишет: «Прежде всего это качество. Такого качества обработки камня, подгонки блоков и точности сборки больше не встречается нигде среди культур, практиковавших сооружения дольменов. Другой фактор – это разнообразие конструкций. Фантастическое многообразие конструктивных решений, которые применяли здесь таинственные дольменостроители Кавказа, не имеет аналогов больше нигде в мире. И при всем этом, кавказские мегалиты, являясь откровенной вершиной дольменостроения, остаются далеко не самыми поздними в мире³⁵.

Вопрос о том, почему именно на Кавказе дольменная культура получила такое развитие остается открытым. Некоторые ученые объясняют это влиянием, которое оказала на дольменостроителей высокая культура майкопа, сформировавшаяся еще раньше в результате тесных сношений с древними цивилизациями Месопотамии и Малой Азии. Можно предположить, таким образом, что внешние импульсы и сигналы, способствовавшие возникновению дольменной культуры Кавказа и формированию ее специфических, отличительных черт поступали по двум каналам – западному и восточному.

Понятно, что строительство дольменов и кавказских в особенности требовало больших знаний, умений, колоссальных материальных затрат. Невольно возникают мысли о космических пришельцах или богах спускающихся с неба и организующих согласованные действия землян. Отсюда мифы Кавказа, в которых, помимо всего прочего присутствует сюжет о божьем сыне, который младенцем спущен к строителям мегалитов

с небес в золотом коробе, а когда вырос покинул своих воспитателей и снова вознесся на небо³⁶.

Поражает и все еще остается загадкой, каким образом многотонные каменные плиты и валуны доставлялись к участкам строительства гробниц, расположенным очень часто на большом расстоянии (от 10 до 60 км) от мест, где эти плиты и валуны могли быть найдены и изготовлены. Некоторые плиты, особенно плиты перекрытия, весили часто более десяти тонн, а ведь их еще надо было поднять на высоту поставленных стен. Такова, например, плита, перекрывающая дольмен с двориком в поселке Джубга (рис. 2), перекрытие дольмена в Гузерипле в 60 км от Майкопа. При длине 4,6 м. и ширине 4,47 м. ее толщина составляет почти полметра³⁷. Еще внушительней масштабы порталного Гузерипльского дольмена 1. При высоте передней плиты 2,1 м он перекрыт двумя мощными плитами. Из них только передняя, опирающаяся на порталные выступы, длиной 5,1 м, шириной 3,90 м, толщиной 0,5 м³⁸. Чтобы поднять и установить такие плиты необходимо было приложить усилия сотен человек. По расчетам Б.А. Куфтина верхнюю плиту эшерского дольмена поднимали мужчины, численность, которых была никак не ниже 150 человек.

Рис. 6. Дольмен в Гузерипле. Майкоп

Трудно представить возникновение таких гробниц без четко установленного порядка привлечения (принуждения) людей к строительным работам, без власти одних групп населения над другими. Организационный момент имел колоссальное значение, ведь для возведения лишь одного средних размеров дольмена требовался слаженный, многодневный труд десятков, сотен человек. Все это позволяет говорить о многочисленности, иерархичности, сравнительно высоком уровне социальной и культурной самоорганизации сообществ, возводивших кавказские дольмены. В.И. Марковин во всех своих работах постоянно подчеркивает, что эти сообщества представляли из себя значительную силу, способную соперничать с населением майкопской культуры в Прикубанье.

По-видимому, только влиянием высокоразвитой майкопской культуры можно объяснить тщательность отделки дольменных сооружений

Кавказа, великолепие их форм. Именно в этом смысле можно говорить о восточном канале воздействий на дольменостроительство, учитывая, что Кавказ IV–II тыс. до н.э. был важной составной частью ареала распространения культуры Передней и Малой Азии. И отсюда широко обсуждаемая в современной археологии проблема специфических условий формирования дольменной культуры Кавказа.

Возникает вследствие сказанного необходимость выработать единое мнение по вопросу основных признаков кавказских дольменов. На наш взгляд, можно отнести к ним: 1) герметичность каменной гробницы, 2) аккуратно сделанное небольшое отверстие (30–40 см в диаметре) обычно в нижней части передней стены, 3) наличие каменной пробки, плотно закрывающей отверстие, 4) усиление герметичности за счет строительства корытообразных дольменов и дольменов-монолитов. В качестве еще одного отличительного признака можно было бы назвать небольшие по сравнению с аналогичными сооружениями в Западной Европе средние размеры погребальной камеры (площадь основания 4–8 м², общий объем – 10–20 м³), но дольмены таких же размеров распространены в различных других областях Евразии: в Палестине, Сирии, Турции, Индии.

Итак, остается четыре признака, которые свойственны только кавказским дольменам и никаким другим. Это, если быть кратким: герметичность камеры, плотно закрывающееся каменной пробкой отверстие в передней стене, наличие монолитных и полумонолитных (корытообразных) дольменов, усиливающих эффект герметичности камеры. Различные другие конструктивные варианты и дополнительные пристройки, характерные для данного типа сооружений, по нашему мнению, не имеют принципиального значения. Например, дольмен остается дольменом независимо от того, имеет он прямоугольную, трапециевидную или подковообразную форму, скрыт под курганом или нет, дополнен или нет каменными дворицами, площадками, кромлехами, менирами. К разряду кавказских дольменов следует отнести все, в том числе и самые сложные мегалитические комплексы, центральным звеном которых является гробница с указанными выше характеристиками. Самодовлеющего значения не имеют размеры, конструктивная сложность, даже инвентарь гробниц. Очевидно, что величина и сложность самой конструкции дольменов находились в прямой зависимости от социальной значимости погребенных. В наиболее крупных и хорошо отделанных гробницах хоронили наиболее прославленных родоплеменных вождей, менее значимых вождей и соплеменников помещали в дольменах попроще. Самых простых общинников, по мнению Л.Н. Соловьева и П.У. Аутлева, могли хоронить в пещерах, в простых грунтовых ямах, обложенных камнями³⁹.

Итак, основу, смысловую доминанту дольменной культуры образуют во всем мире сами гробницы, а их локальные характеристики являются маркерами бытовых условий и верований местных племен. Для кавказских дольменов в качестве таких маркеров выступают, как мы убеждаемся, герметичность камеры и плотно закрытое втулкой отверстие в фасаде. Именно эти признаки отличают их от дольменов в других концах мира.

Но самобытность кавказских дольменов, как сказано, не исключает возможность внешних воздействий, как с Запада, так и с Востока. Идея дольменного воплощения религиозно-магических представлений могла развиваться у местного населения в ходе взаимодействия с народами, у которых эта идея уже реализовалась. С этим согласна большая часть

современных исследователей. И особенно часто указывают в этой связи на вероятность западно-европейских воздействий, так как на Пиренейском полуострове, на островах Средиземного моря, а также во Франции и Британии находятся древнейшие дольменные памятники, которые старше своих кавказских аналогов почти на одну тысячу лет.

В отношении дольменных сооружений Ближнего Востока и Индии мы пока не можем этого сказать. Тем не менее, гипотеза ближневосточного влияния существует с XIX в. и поддерживается некоторыми современными исследователями. Предполагается, что дольменная культура сформировалась в ходе миграции на Западный Кавказ больших масс ближневосточного населения. Обычно этот процесс рассматривается в контексте хатто-абхазо-адыгского языкового и культурного родства.

Существуют кроме того гипотезы самостоятельного развития дольменной культуры на основе местных культово-погребальных традиций, с использованием сложившихся еще раньше технологических приемов обработки камня. По мнению сторонников данной гипотезы дольменная культура явилась своеобразным продолжением и развитием домайкопской и майкопской культуры. Об этом, как полагают, свидетельствует большое число промежуточных памятников, в том числе памятников новосвободненского типа – подкурганых захоронений в гробницах дольменного типа. Наличие типично майкопских (особенно каменных и керамических) изделий в инвентаре дольменных сооружений также считается важным аргументом, подкрепляющим данную гипотезу.

Существование этих гипотез, а также различных версий в рамках одной и той же гипотезы является свидетельством неослабевающего научного интереса к дольменной культуре Кавказа. Продолжаются дискуссии, в которых сторонники различных гипотез и версий приводят новые данные, доказывающие справедливость выдвигаемых концепций. На наш взгляд, в настоящее время назрела необходимость выработать некоторые общие, не подлежащие сомнению положения, способные обеспечить плодотворность этих дискуссий.

Во-первых, очень важно сформулировать и принять как аксиому положение о неизменных отличительных признаках кавказских дольменов. В нашем понимании, такими признаками являются герметичность камеры погребального сооружения, а также наличие в нижней части передней стены небольшого аккуратно сделанного отверстия, плотно закрытого втулкой. *Во-вторых*, при любом повороте дискуссий, необходимо учитывать, что неповторимые внешние черты испунов являются отражением местных обычаев и верований, связанных так или иначе с культом камня и культом предков, с характерным только для древних жителей Западного Кавказа ритуальным осмыслением и представлением этих культов.

1. Bell J.S. Journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839. T. I. London, 1841. P. 175.

2. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 79.

3. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (Майкопско-новосвободская общность. Проблемы внутренней типологии). М., 2004. С. 64.

4. Валганов С.В. Дольмены Кавказа. Реконструкция культа. М., 2004. С. 226.

5. *Инал-Ипа Ш.Д.* Страницы исторической этнографии абхазов (Материалы и исследования). Сухуми, 1971. С. 48.
6. *Соловьев Л.Н.* Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. «Труды» Абхазского института..., XXXI. Сухуми, 1960. С. 74.
7. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. С. 54
8. *Кондряков Н.В.* Тайны сочинских дольменов. Майкоп, 2010.
9. *Марковин В.И.* К полевому изучению дольменов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2006. С. 636.
10. *Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А.* Археологические памятники у горы Верблюд. Пятигорск, 2005. С. 7–10.
11. *Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 218.
12. *Марковин В.И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. С. 29–31, 40.
13. *Щепинский А.А.* Культуры энеолита и бронзы в Крыму // СА. 1966.
14. *Храпунов И.Н.* Кемпи-обинский курган у с. Вилино // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
15. *Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды. Т. 1. Тбилиси, 1949. С. 295.
16. *Аханов И.И.* Геленджикские подкурганые дольмены // Советская археология. 1961. № 1.
17. *Аханов И.И.* Геленджикские подкурганые дольмены. С. 144–145.
18. *Кузнецов В.А.* Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // Краткие сообщения института археологии. 85. 1961; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 81.
19. *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 116.
20. *Лавров Л.И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Т. XXXI. Сухуми, 1960. С. 106; *Марковин В.И.* Курган Псынако. Памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик, 2011. С. 52.
21. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952. С. 296.
22. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий. М., 2009. С. 145.
23. *Bosch-Gimpera P.* Civilisation megalithique Portugaise et civilisation Espagneles // Anthropologie. T.71. N1–2. Paris, 1967.
24. *Savory H.N.* Spain and Portugal. The prehistory of the Iberian peninsula. N.Y. Washington, 1968. P. 85–114.
25. *Ibid.* P. 114–115.
26. *Lewthwalte J.* The neolithic of Corsica // Ancient France 6000–2000 bc. Edinburgh, 1986. P. 164–165.
27. *Savory H.N.* Spain and Portugal. The prehistory of the Iberian peninsula. P. 89.
28. *Daniel G.E.* The Dual Nature of the Megalithic colonization of Prehistoric Europe // Proceedings of the Prehistoric Society. T. 8. London, 1941. P. 7–8.
29. *Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950. С. 71–72.
30. *Резепкин А.Д.* Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988. С. 160.
31. *Georg und Vera Leisner.* Die Megalithdräber der Iberischen Halbinsel, der Western. Berlin, 1956. Band 1. S. 34–35.
32. *Kidder J.E.* Early Buddhist Japan. N.Y.–Washington, 1972. P. 129.
33. *Кузнецов В.А.* Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // Краткие сообщения института археологии. 85. 1961; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 81.
34. *Daniel G.* The prehistoric chamber tombs of France. A geographical, morphological and chronological survey. London, 1960; *Bar H.* Les pierres sacres, dolmens et menhirs uest france. Paris, 1979. P. 24.
35. *Валганов С.В.* Дольмены Кавказа. Реконструкция культа. С. 21.
36. *Инал-Ипа Ш.Д.* Ацаны (Абхазский миф о карликах и их горных постройках) // Инал-Ипа Ш.Д. Труды. Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа. Сухуми, 1988. С. 256.

37. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. С. 97.
38. Мегалитические памятники Республики Адыгея. Майкоп, 2001. С. 30.
39. *Соловьев Л.Н.* Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. «Труды АБИЯЛИ». Сухуми, 1960. Т. XXXI. С. 81–90;
- Аутлев П.У.* Новые памятники бронзового века Прикубанья. СМАА. Майкоп, 1972. Т. III. С. 50, 51.

Очерк четвертый

**ДОЛЬМENEY В МИФОЛОГИИ И ИСТОРИИ
КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ**

I

В современной археологии типологическую связь кавказских дольменов с мегалитическими гробницами Евразии считают обычно вполне естественной, а мысль о том, что идея дольменов пришла на Западный Кавказ – бесспорной¹. Во всяком случае, с этим согласны многие современные исследователи. Но в отношении конкретных путей, условий, обстоятельств подобного влияния и воздействия единого мнения нет. Существуют заметно отличающиеся друг от друга гипотезы западно-европейского влияния через мегалитические культуры Испании, Португалии, Италии, Франции с учетом того обстоятельства, что они датируются 4000–3500 гг. до н.э.², в то время как кавказские дольмены строились гораздо позже в 2700–1400 гг. до н.э. В.И. Марковин, установивший такую дату, считает, что «идея дольмена на Кавказ сама прийти не могла, ее должны были занести только живые люди»³. К ним относит он, прежде всего, древнее население Пиренейского полуострова (современная Португалия) и острова Сардиния. «Может быть, М– пишет В.И. Марковин, – именно отсюда и началось их движение, хотя попасть в Восточное Причерноморье они могли чисто случайно. Но здесь их могла пленить благодатная Природа Западного Кавказа»⁴.

В русле идеи европейских воздействий построена версия происхождения кавказских дольменов, предложенная Н.А. Николаевой и В.А. Сафроновым⁵ и получившая затем развитие в трудах А.Д. Резепкина⁶. Эти исследователи связывают кавказские дольмены с культурой шаровидных амфор (воронковидных кубков), которая в Западной Европе сопровождается захоронениями в мегалитических сооружениях. Также, как и В.И. Марковин, они считают, что культуру дольменов принесли с собой пришельцы из Европы, прежде всего из Южной Франции, но не морским, а сухопутным путем, через Центральную и Юго-Восточную Европу. Утверждается, кроме того, что пришельцы подчинили себе местное население и передали ему не только свою культуру, но и свой – индоевропейский язык⁷. В последние годы эта гипотеза неоднократно подвергалась критике и, по-видимому, требует более аргументированного обоснования⁸, хотя вероятность проникновения на Кавказ индоевропейцев и индоевропейского языка в эпоху бронзы сама по себе очень велика⁹.

1

2

Рис. 1. Дольмены Западной Европы
1 – дольмен Са-Ковеккада. Сардиния, Морес; 2 – дольмен Фонтанаккия
на плато Каурия. Корсика; 3 – дольмен Тре-Шато. Южная Франция;
4 – дольмен в западной Франции

В концепции, предложенной Л.Н. Соловьевым и поддержанной затем Я.А. Федоровым, проводится идея формирования дольменной культуры Кавказа под влиянием родственного абхазо-адыгам малоазийского племени кашков, мигрировавшего на восточное побережье Черного моря на рубеже III–II тыс. до н.э.¹⁰ Эта гипотеза была подвергнута критике со стороны ряда известных археологов. Так, О.М. Джапаридзе, а вслед за ним и В.И. Марковин, допуская возможность тесных, в том числе этнических связей абхазо-адыгов с кашками, высказывают большие сомнения в том, что малоазийцы могли способствовать становлению культуры дольменов на Кавказе. Дело в том, что в местах проживания хаттского племени кашков (юго-восточное побережье Черного моря) дольмены не обнаружены. Правда, они есть в большом количестве на территории Сирии и Палестины, но это, по мнению оппонентов Л.Н. Соловьева, слишком слабый аргумент каскско-анатолийского происхождения дольменной культуры Кавказа. По мнению И.И. Цвинария гипотеза Л.Н. Соловьева не выдерживает критики и в плане хронологии. «...Если действительно произошла миграция малоазийских кашков и абешлаев на Кавказ, – пишет он, – то она связана не с начальным этапом возникновения дольменной культуры, а со средней ступенью ее расцвета. Следовательно, увязка происхождения дольменной культуры Абхазии с миграцией малоазийских племен во II тыс. до н.э., сама по себе исключается»¹¹.

Действительно, хотя дольменные гробницы Сирии, Палестины, Малой Азии как будто больше всего напоминают аналогичные сооружения на Кавказе, еще не доказано, что они древнее кавказских дольменов. То же самое можно сказать и о дольменах Индии. Они также обнаруживают поразительное сходство с кавказскими дольменами¹², но едва ли дольменная культура пришла на Кавказ из Индии.

3

4

Рис. 2. Кавказские мегалиты

- 1 – *дольмен с двориком. Поселок Джубга Туапсинского района;*
 2 – *«Черкесский камень». Кудепста;*
 3 – *дольмен «Возрождение» в низовье реки Жанэ;*
 4 – *дольмен-монолит в долине реки Годлик у селения Волконка*

На наш взгляд, во всех этих случаях недостаточно учитываются и используются бытующие у народов Кавказа представления и предания о дольменах и дольменостроителях, не обращается внимание на возможность их связи с реальными процессами, происходившими в древности. Между тем, обнаруживая скрытую за мифической оболочкой этих преданий логику исторических событий, мы в состоянии лучше представить общую картину генезиса и распространения дольменной культуры, специфические условия формирования этой культуры в восточном Причерноморье. Во всяком случае, нельзя пренебрегать этой возможностью.

II

Мифологическое осмысление дольменов угадывается с самого начала в их сравнении с жилищем, с домом. Абхазы называют дольмены погребальными домами – *адамра*, *ахатгун*, мегрелы домами великанов – *одзвале*, кубанские казаки богатырскими (дидовыми, чертовыми) хатами. У адыгов они известны под именем древних погребальных жилищ – *кхъэунэжь*, домов для жизни в загробном мире – *ахърэтун*. Называют также домами испов – *испун* по имени мифического народа испов, которому приписывают проживание в мегалитических сооружениях.

В устном народном творчестве кабардинцев, черкесов, адыгейцев испов представляет как многочисленный, загадочный и предприимчивый народ карликов, обитающих в горах, по соседству с нартами. Отличительные черты этих соседей – ум, хитрость, сила, упорство, сплоченность, чувство собственного достоинства. Отсюда передающийся названные значения и применяемый к испам эпитет *пэцый (пэцае)*¹³. В нашем понимании, он означает «маленькие, но удалые», и включает в себя ряд других дополнительных значений: гордые, высокомерные, сплоченные. В соперничестве с местными жителями – нартами испы некоторое время даже побеждают их и подчиняют своей воле. Но, постепенно, утрачивая прежнюю силу и воинственность, они вступают с нартами в дружеские и родственные отношения, демонстрируя образцы гостеприимства, изобретательности, помощи в делах¹⁴.

Внешние черты и образ жизни испов сильно отличаются от внешних черт и образа жизни обычных людей. Они маленького роста, с маленькой головой и пронзительным взглядом, с длинной бородой и волосатыми ногами. Несмотря на малый рост, физической силой они превосходят

нартов, легко взваливают на плечи и несут домой огромные туши убитых на охоте оленей, зубров. Будучи хорошими охотниками, испы метко стреляют из лука, разводят виноград, свои хозяйственные достижения и навыки с готовностью передают нартам. Изобретенный испской женщиной серп, подаренный нартам, позволил им усовершенствовать сбор урожая проса, осуществлявшийся до этого вручную¹⁵. Ездят испы верхом на взнузданных зайцах, а жилищем служат им дома со стенами из четырех огромных каменных плит¹⁶. Вход в такое жилище очень мал, а внутри это просторное помещение.

Заслуживает внимания тот факт, что у абазин сохранились аналогичные предания о народе карликов, живших в давние времена в горах Кавказа. Они известны под названием *асуны*, *асункуа*, *супы*, видимо, от черкесского названия *испы*. Как важным преимуществом асупы пользуются своим громовым голосом, наводящим ужас на покорных им великанов. Указывают абазины и на жилища древнего народа асупов. По их словам, это дольменообразные гробницы в долине реки Кяфар, левого притока верховьев Кубани¹⁷.

Посещая испов, нарты едва влезают в отверстия, служащие входом в жилище, а иногда и не могут влезть. В одном из преданий для нарта Химиша, приглашенного к испам в гости (и ставшего впоследствии их зятем), хозяева строят специальное каменное жилище с просторным входом. Точнее, по приказу испов жилище для Химиша строят находящиеся в их подчинении добродушные и простоватые исполины – *иныжи*¹⁸. От брака Химиша с испской девушкой рождается знаменитый герой нартского эпоса Батараз, совершивший множество подвигов: убийство дракона, лишившего нартов воды, освобождение прикованного к скале Насрена длиннородого (аналог Прометея в греческой мифологии) и др.¹⁹

III

В абхазской мифологии находим столь же красочные и схожие по содержанию описания странных маленького роста людей, живущих в каменных хижинах. Их называют *ацанами*, – видимо, в связи со значением черкесского слова *пэций*, хотя Ш.Д. Инал-Ипа этимологизирует это слово на почве абхазского языка: «на дне находящиеся»²⁰. Под влиянием адыгского *пэций* возникло, надо полагать, и осетинское слово *бцента* – обозначение народа карликов в осетинском нартском эпосе²¹.

Как сказано выше, также как и испы в адыгском нартском эпосе ацаны абхазского нартского эпоса строят для себя и для своего домашнего скота жилища из камня, используя силу великанов. Но это не дольмены, а круглые или прямоугольные загородки или дворы, где они живут, не зная горя, в условиях сравнимых с раем. Название этих жилищ – *ацангуары*, что означает букв. «ограда (двор, поселение) ацанов»²². Включает такой двор и пристройки для овец и коз, выложенные также из больших камней без использования связующего материала. Сохранились также воспоминания о многочисленных ацанских поселках – *ацута*. Они состояли из ста домохозяйств, обращенных строго на юго-восток²³.

Несмотря на малый рост ацаны имеют широкую грудь, мощные плечи, отличаются большой физической силой и выносливостью, храбростью, никого и ничего не боятся. При надобности способны догнать и остановить, схватив за хвост, тура, оленя, зубра. А убитого на охоте зверя, даже зубра, могут понести, взвалив на плечи, вызывая удивление наблюдающих за этим нартов. Согласно упомянутым

выше абазинским преданиям, мощный голос, которым они обладают, усиливает впечатление об их силе и возможностях и наводит страх на великанов, которые им беспрекословно подчиняются и прислуживают. Находясь в мирных, добрососедских отношениях с нартами ацаны передают им свой опыт хозяйствования: навыки выращивания хлеба, разведения коз и др. Повторяется присутствующий в адыгском нартском эпосе сюжет женитьбы одного из нартов (Сасрыква, Хмыша, Хабаджа или Куна) на девушке из племени карликов по имени Зылха. От этого брака рождается известный герой абхазского нартского эпоса Цвив, по всем признакам напоминающий основных героев адыгского нартского эпоса. Цвив отважен, находчив и одновременно необычайно скромнен, о своих подвигах, как и адыгский Батараз, предпочитает умалчивать. Но даже он не может спасти ацанов от трагедии. За гордыню и неповиновение Бог насылает на них небесный огонь и они сгорают в нем²⁴.

Существуют также варианты мифа, объясняющие исчезновение народа карликов их заточением в земле, превращением выживших ацанов в лягушек, змей, чертей. По другим версиям ацаны были унесены волнами грандиозного потопа²⁵. Не исключено, что эти сюжеты отражают определенные еще неизвестные нам реальные события и природные катаклизмы, повлекшие за собой гибель большого числа дольменостроителей и этим, быть может, следует серьезно заняться специалистам по древнейшей истории Кавказа.

В дополнение к этому обратим внимание на то, что и у адыгов исчезновение испов представляют как широкомасштабную трагедию и отсюда используемые в речи западных адыгов проклятия: *Стым дэКюдын* – «Да сгинешь ты вместе с испами»; *Стым ихьын* – «Испы с собой тебя да унесут».

IV

Легко убедиться, что в описаниях абхазских ацанов и черкесско-абазинских испов-асупов много общего. Особенно важно отметить, что и в том, и в другом случае речь идет о каком-то странном и, видимо, пришлом народе, образ жизни которого отличается от образа жизни местного населения своим рационализмом. Несмотря на малый рост испы/ацаны обладают силой, энергией, сноровкой, навыками хозяйствования, которых нет у местного населения. Главное отличие абхазских ацанов от адыгских и абазинских испов состоит в том, что их жилищами являются ацангуары – каменные хижины и дворы, а не дольмены. Однако это лишь еще больше повышает эвристическую ценность абхазо-адыгских мифов, позволяя увидеть преемственную связь между строителями дольменов и ацангуаров. Ведь и в том, и в другом случае в восприятии местного населения (создателей мифов) это – карлики, то есть люди, относящиеся к одному народу или к родственным племенам. По внешнему облику и по многим другим признакам испы/ацаны сильно отличаются от местного населения.

Иными словами, абхазо-адыгские мифы о народе карликов строятся в соответствии с принципом «мы – они». При этом «мы» в черкесских преданиях – это образ нартского племени или адыгского народа в древности.

Показательно, что и в записях фольклора, сделанных в XIX в., основатели дольменной культуры Западного Кавказа предстают как люди существенно отличающиеся от местного населения. Во всех случаях это карлики, для которых великаны строят дома из огромных плит и валунов. Например,

в 1818 г. в районе Пшады, за Геленджиком аналогичные предания о мегалитических гробницах записал французский исследователь Тебу де Мариньи. «Черкесы рассказывают, что эти своеобразные монументы были построены «гигантами» с целью укрывать от непогоды малорослое племя людей, у которых не хватало сил для того, чтобы построить себе жилище; для верховой езды эти люди использовали зайцев. Таково сказочное предание, но я думаю, что эти монументы, до сих пор хорошо сохранившиеся служили могилами какому-то народу, населявшему Кавказ в давно минувшие времена...»²⁶. Дж. Белл, находившийся в Западной Черкессии в 1837–1839 гг. записал в своем дневнике, что местные жители считают эти дома, состоящие из пяти огромных каменных плит, древними захоронениями²⁷ и сопроводил эту запись замечательным рисунком дольмена в районе Пшады²⁸.

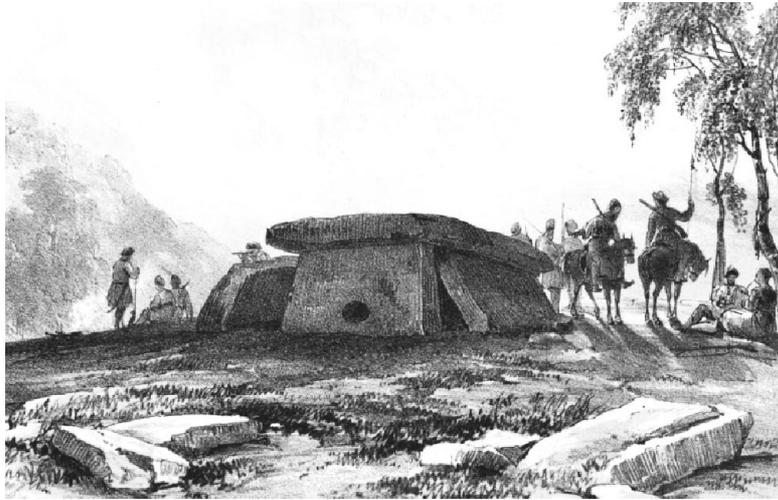

Рис. 3. Дольмен в бассейне реки Пшада (рис. Дж. Белла)

Близкие по содержанию черкесские мифы были зафиксированы и после окончания Кавказской войны. Один из них, записанный в 1913 г. журналистом А. Зотовым, гласит: «Давным-давно, во времена, о которых только знает и помнит один всемогущий Аллах, в этом богатом крае (подразумевается Черноморское побережье), тогда покрытом непроходимыми лесами, жило только два племени людей: племя больших, как дуб, странных на вид великанов и племя маленьких, отвратительных карликов. Страшные великаны жили в долинах и промышляли охотой, а карлики обитали на высоких горах, у снегов, в темных холодных пещерах, и занимались колдовством. Великаны хоть и обладали страшной силой, но были все глупы, как стадо баранов, тогда как карлики были совершенно бессильны, но очень хитры. Долго жили эти два племени, не видя и не зная друг друга. Но вот однажды карлики спустились, наконец, в долины и увидели великанов, когда те занимались играми, бросая друг в друга скалами и для потехи вырывая деревья с корнем. Крошки-карлики хитростью и колдовством скоро сумели покорить глупых великанов и заставили их служить себе. Карлики приказали великанам построить себе маленькие удобные жилища. Великаны живо взялись за дело, понаворотили скал и везде, по горам и долинам, понастроили карликам каменные хаты с маленькими круглыми отверстиями, через которые только одни карлики и могли пробираться внутрь. Много лет прошло с того времени, когда это

было; нет уже великанов на земле, нет и карликов, а их прочные каменные хаты стоят еще и сейчас. Мы их называем «сеупун», что на вашем (русском) языке значит «дом карликов»»²⁹.

Другой вариант этого мифа, изложенный Е.Д. Фелицыным, представляет испов как слабых и бесприютных карликов, которым великаны построили дома, сжалившись над их бедственным положением³⁰. В то же время графиня Уварова записала черкесскую легенду о «сипах», которые были напротив очень сильны, несмотря на малый рост. Свои дома (сипуны) они строили сами, «отделяя руками глыбы от скал, обтесывая и скобля их своими ножами». Были у сипов и лошади под названием Куян³¹. Примечательно, что и в данном случае речь идет не о лошадях в собственном смысле слова, а о зайцах, так как в переводе с ногайского языка (лексика которого активно использовали в речи черкесы) *куян*, точнее *коян*, означает «заяц».

V

Во всех вариантах кавказских мифов, как мы убедились, строители мегалитических сооружений предстают как новый и загадочный для местных жителей народ карликов под названием *испы* (*спы*), *асуны*, *ацаны*, *бцента*. Их характеризуют как сильных, энергичных людей, наделенных знаниями и умениями, которых нет у местных жителей. Не исключено, что и в самом деле *испы-ацаны* являются мифологическим образом и отображением народа, доминировавшего некоторое время на Западном Кавказе. Потеснив местное население, затем они, как видно, смешались с ним и перестали восприниматься как отдельный народ. Что и показано в своеобразной форме в абхазских мифах: народ карликов, прогневив Бога, исчезает с лица земли и продолжает свое существование в подземном царстве, либо превращается в земных тварей: лягушек, змей. В то же время в черкесских преданиях есть указания на то, что некогда очень сильное племя *испов-карликов* постепенно утратило свою мощь, уступив первенство местным жителям – *нартам*.

Версия, согласно которой дольменная культура привнесена на Кавказ извне, народом, который был носителем этой культуры в местах своего прежнего обитания, давно обсуждается специалистами по археологии и древнейшей истории. Самый известный сторонник данной гипотезы В.И. Марковин особо подчеркивал, что еще раньше, чем на Кавказе, дольмены строили на островах Средиземного моря (Корсика, Сардиния) и на Пиренейском полуострове, что, по всей вероятности, именно отсюда в начале III тыс. до н.э. мигрировали на Кавказ первые дольменостроители³². Заметим в данной связи, что отличительной чертой жителей острова Сардиния и сейчас является их малый рост. Об этом с удивлением узнал я недавно в разговоре с нашим гостем из Италии Паоло Мизерини. В подтверждение к своим рассказам о Сардинии Паоло Мизерини любезно предоставил в наше распоряжение фотографии, на которых изображены жители острова и мегалитические сооружения, расположенные на его крутых берегах (рис. 4: 1,2).

1

2

Рис. 4. 1 – дольмен на острове Сардиния;
2 – жительница острова в национальном костюме

Следует обратить внимание и на возможность проведения параллелей между нурагами Сардинии и абхазскими ацангуарами. Нурагическую культуру характеризуют конусообразные мегалитические башни высотой до 20 м, строительство которых относят к XVIII–XV вв. до н.э.³³ (хотя возраст протонурагов гораздо больше – 3500 г. до н.э.). Вокруг таких башен образовывались нурагические деревни, состоящие из круглых и прямоугольных каменных хижин – пиннетт с крышей из соломы или веток³⁴ (рис. 5). Также как и абхазские ацангуары пиннетты имели пристройки, служившие загонами для овечьих стад. Совпадает также величина – 5–6 м в диаметре – и примерная численность хижин в одной деревне: сто у абхазов (согласно преданиям), от сорока до двухсот – у сардинцев³⁵.

Одним словом, по своему назначению, по величине, а также по форме, по использованию в ходе строительства больших каменных блоков и метода сухой кладки сардинские пиннетты сильно напоминают абхазские ацангуары. Видимо, на Кавказе часть ацангуаров строилась под влиянием контактов со средиземноморским миром, повторяя в этом отношении историю формирования дольменной культуры. В данном случае речь может идти о контактах с шарданами. Известно, что их относят к числу «народов моря», поселившихся на острове Сардиния в XIV–XIII вв. до н.э. и участвовавших вместе с другими народами в создании нурагической культуры³⁶. Отсюда, как полагают, само название острова – по этнониму *шардан*.

Рис. 5. Нурагический комплекс. Сардиния

Шарданы отличались воинственностью и склонностью к морским походам. Согласно древнеегипетским источникам в XIV в. до н.э., они в числе других народов моря (сикулов, тирренов, ахейцев, ликийцев) напали, объединившись, на Египет. Будучи изначально жителями Малой Азии (по другим версиям – жителями Балкан), шарданы проникали, несомненно, и на черноморский берег Кавказа. И, по-видимому, не только проникали, но и оседали там. Быть может, как раз об этом свидетельствует большое распространение среди абхазо-адыгов фамилии Шардан.

VI

Постольку поскольку в адыгских мифах слово «испы» фигурирует как общее название народа, положившего начало сооружению мегалитических погребальных сооружений, для выяснения условий формирования дольменной культуры первостепенное значение может иметь происхождение данного этнонима. Заметим сразу, что поиски в данном направлении уже велись. Так, археолог П.У. Аутлев, ссылаясь на сообщение Гекатея Милетского о скифском племени *исеп*, соотносит с ним испов нартского эпоса. По его словам, «носителями имени *исп-исеп*, вероятно, были кубанские скифы, оставившие датируемые VII–VI веками до н.э. Келермесские, Костромские и Уляпский курганы»³⁷. Ссылается П.У. Аутлев и на сходство термина *исп* с наванием сиракского города Успа, упоминаемого Тацитом, а затем вспоминает о созвучии его со славянским словом *сирп/сери*.

Отдавая должное желанию П.У. Аутлева связать мифических испов с каким-либо известным народом, следует отметить, что, основываясь лишь на внешнем сходстве и созвучии слова «испы» с названиями народов, обитавших в древности на Западном Кавказе и в прилегающих к нему районах, можно привести множество других простых совпадений. Например, ничто не мешает связать термин испы с именем спалов, побежденных готами³⁸. Но это не помогает разъяснить ни происхождение слова *исп/спы*, ни мифы, связанные с народом под этим названием.

Гораздо больше оснований считать термин *испы/спы* производным от древнего названия Пиренейского полуострова: «И – шпаним». В переводе с финикийского оно означает «Берег зайцев», о чем писал еще в XVII в. французский востоковед Самуэль Бошар. Согласно преданиям финикийцев, когда они высадились на Пиренейском полуострове, все хором вскричали «Спан, спан!», – «Зайцы, зайцы!», так как увидели выбегающих из-под каждого куста зайцев. Поэтому и страну, которая называлась раньше Иберией, они назвали Испанией – *Берег зайцев* или *Заячий берег*. Как видим, термин «испы» адыгского нартского эпоса и финикийское словосочетание «ишпаним» объединяет не только простое созвучие, но и идентичная мифологическая составляющая. Это сюжеты, в центре которых находится и в том, и в другом случае образ зайцев. По-видимому, адыги, сохранявшие память о строителях дольменов, пришедших из Европы, заимствовали (в ходе контактов с народами моря) финикийское название Иберии и по-своему интерпретировали финикийский миф о происхождении слова *Ишпаним* – Испания. Иными словами, на основе финикийского мифа о Заячьем берегу был создан вариант адыгского мифа о народе карликов-испов, разъезжающих верхом на зайцах, о мегалитических постройках, которые были домами этих карликов – *испыун*. Память о строителях дольменов, пришедших с берегов Пиренейского полуострова и островов Средиземного моря, причудливым образом соединилась здесь с народной этимологией финикийского слова *ишпаним*.

Некоторые исследователи допускают, что финикийцы заходили в Черное море³⁹. Следовательно, здесь они могли вступать в торговые и разнообразные другие отношения с народами Восточного Причерноморья. В ходе таких контактов финикийцы, также как шарданы и другие народы моря, передавали местным жителям свои знания, в том числе, надо полагать, сведения об условиях формирования дольменной культуры Кавказа, об испах, как о народе, который принес с собой на Кавказ опыт и традицию строительства мегалитических сооружений. В конце концов, нельзя исключать, что представители абхазо-адыгских племен могли овладевать опытом дольменостроительства в ходе своих собственных дальних морских экспедиций. Об этом писал в 1960 г. Л.И. Лавров, предлагая свою версию происхождения кавказских дольменов⁴⁰. «Для того, чтобы построить первые дольмены, – пишет он, – нужно было, чтобы кавказские мастера своими глазами видели подобные сооружения в других странах. Появление дольменов на Кавказе нельзя объяснить иначе, как следствие дальних морских экспедиций кавказских народов на рубеже неолита и раннеметаллической эпохи»⁴¹. В любом случае совершенно очевидно, что древнее абхазо-адыгское население динамично развивалось в тесном взаимодействии с другими странами и народами, в том числе и со странами Средиземноморья.

VII

Суммируя вышеизложенное, мы приходим к следующим предварительным заключениям.

Культура дольменов возникла на Кавказе под влиянием контактов с ее носителями из других регионов Евразии, что не противоречит версиям, акцентирующим внимание на роли местных традиций в данном процессе (Ф. Шантр, А.А. Формозов, Ш.Д. Инал-Ипа, И.И. Цвинария, Н.Г. Ловпаче и др.). С большой долей уверенности можно сказать, что абхазо-адыгские мифы о возникновении мегалитических сооружений Западного Кавказа

отражают реальные факты прямого участия в этом процессе народов Западной Европы. Измененные временем и расцвеченные народной фантазией эти мифы дошли до нашего времени в виде различных сюжетов нартского эпоса. Каждый из этих сюжетов представляет определенную эвристическую ценность, является источником дополнительной информации о наиболее вероятной общей ситуации формирования и распространения дольменной культуры.

Можно предположить, что возникнув под воздействием пришельцев из Западного Средиземноморья, мегалитическая культура Западного Кавказа легла на почву сложившихся еще в энеолите местных традиций обработки и использования камня в различных целях (в том числе и для строительства погребальных сооружений). Другим важнейшим фактором становления и развития дольменной культуры стало, несомненно, ее взаимодействие с майкопской культурой. Мифы о черкесских испах и абхазских ацанах, являются ярким отображением этого взаимодействия. Одним словом, принимая точку зрения, согласно которой импульсом к развитию дольменной культуры явились контакты с создателями аналогичных сооружений в других регионах мира, следует учитывать, что строители кавказских дольменов были очень тесно, в том числе и этнически связаны с населением высокоразвитых культур Майкопа и Новосвободной.

Можно говорить в данной связи о формировании *дольменно-майкопской культурной традиции*, объединенной не только типичными способами производства и хозяйствования, но и родством языка, системой относительно единых общественных институтов, верований, норм, запретов. По всей вероятности именно эти связи и обусловили в конечном итоге плохо объяснимое другими причинами превосходство дольменов Северо-Западного Кавказа над дольменами Португалии, Испании, Корсики, Сардинии, а также в целом – над всеми известными дольменами. Что же касается дольменной культуры Восточного Средиземноморья и юго-западного побережья Черного моря, то, по всей вероятности, она была заимствована у дольменостроителей Западного Кавказа⁴² и была воспринята затем жителями Индии.

При этом в самом процессе распространения дольменной культуры на евразийском континенте не следует преувеличивать роль прямых контактов, влияний и взаимодействий. В основе этой культуры лежит фундаментальная типологическая составляющая, не связанная условиями места и времени. Иначе невозможно понять, почему, к примеру, в Японии в VII в. н.э. строили дольмены мало чем отличающиеся от тех, что строили на Корсике или в Британии в III тыс. до н.э.⁴³ Типология плюс заимствование (или влияние) – общий принцип, которым следует руководствоваться изучая явления дольменной культуры в планетарном масштабе.

1. Пиотровский Б.Б. Поселения медного века в Армении // СА. 1949. XI. С. 182; Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. С. 101.

2. Savory H.N. Spain and Portugal. The prehistory of the Iberian peninsula. N.Y.–Washington. 1968. P. 85–114; Lewthwalte J. The neolithic of Corsica // Ancient France 6000–2000 bc. Edinburgh, 1986. P. 164–165; Daniel G. The prehistoric chamber tombs of France. A geographical, morphological and chronological survey. London, 1960; Bar H. Les pierres sacres, dolmens et menhirs uest france. Paris, 1979. P. 24.

3. Марковин В.И. К вопросу о происхождении западнокавказских дольменов // Материалы по изучению историко-культурного наследия северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. Вып. VIII. С. 333.

4. *Марковин В.И.* Дольмены западного Кавказа. М., 1978. С. 316.
5. *Николаева Н.А., Сафронов В.А.* Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры. М., 1974. Вып. VII.
6. *Резепкин А.Д.* Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988; *Он же:* Курган 31 могильника клады: проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.
7. *Николаева Н.А.* Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологии // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982; *Сафронов В.А.* Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
8. *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М., 1994. С. 165–166; *Бетров Р.Ж.* К вопросу о происхождении народов северо-восточного Кавказа и центральных районов Кавказа // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 33–34; *Марковин В.И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. С. 389–393.
9. *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007.
10. *Соловьев Л.Н.* Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры. Труды АБИЯЛИ. Сухуми, 1958. Вып. XXIX; *Федоров Я.И.* О дольменной культуре Западного Кавказа и ее носителях // Вестник Московского университета. Серия IX. История. № 4. 1974.
11. *Цвинария И.И.* Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси, 1990. С. 58.
12. *Марковин В.И.* Дольмены западного Кавказа. М., 1978. С. 293–295.
13. *Ловпаче Н.Г.* Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1997. С. 45.
14. *Нарты.* Адыгский эпос (на адыгских языках). Сост. А.М. Хадагатль. Майкоп, 1970. Т. IV. С. 17–18, 38.
15. *Нарты.* Адыгский эпос. Майкоп, 1970. Т. I. С. 219–220.
16. Там же. Т. IV. С. 38.
17. *Инал-Ина Ш.Д.* Ацаны (Абхазский миф о карликах и их горных постройках) // *Инал-Ина Ш.Д.* Труды. Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа. Сухуми, 1988. С. 268.
18. *Нарты.* Адыгский эпос. Майкоп, 1970. Т. IV. С. 30.
19. *Нарты.* Кабардинский фольклор. М., 1957. С. 219, 228.
20. *Инал-Ина Ш.Д.* Ацаны (Абхазский миф о карликах и их горных постройках). С. 265.
21. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948. С. 227.
22. *Инал-Ина Ш.Д.* Ацаны (Абхазский миф о карликах и их горных постройках). С. 264.
23. Указ соч. С. 250.
24. Там же. С. 248–274.
25. Там же. С. 258–261.
26. *De Marigney T.* Voyage en Circassie fait en 1818. Bruxelles, 1821. P. 110.
27. *Bell J.S.* Journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839. London, 1841. Т. I. P. 175.
28. Ibid. P. between 154–155.
29. *Зотов А.* Легенда о дольменах Черноморской губернии // Известия Кавказского отделения Русского географического общества. Тифлис, 1915. Т. 23. № 1. С. 80.
30. *Фелицын Е.Д.* Западно-Кавказские дольмены // Материалы по археологии Кавказа. Краснодар, 1904. Вып. IX. С. 13.
31. *Сорохтин Г.* Дольмены Черноморской губернии и Кубанской области. Одесса, 1916. С. 7.
32. *Марковин В.И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974. С. 43–44.

33. *Pallottino M.* La Sardegna nuragica. Roma, 1950.
34. *Росси А.* Нураги – великая тайна Сардинии // <http://relax.wild-mistress.ru>
35. *Красновская Н.А.* Происхождение и этническая история сардинцев. М., 1986. С. 17.
36. Высказанная еще в XIX в. французским египтологом В. де Руже, эта точка зрения и в настоящее время находит много сторонников, в том числе среди российских ученых. См.: *Rouge V.De.* Extrait d'un memoire sur les attaques dirigees contre l'Egipe // *Revue archeologique.* XVI. Paris, 1867; *Немировский Ф.И.* От мифа к истории. М., 1983. С. 53; *Красновская Н.А.* Некоторые проблемы дофиникийской колонизации Сардинии // СЭ. 1980. № 5; См. также критику данной гипотезы: *Кац Т.П.* Нурагическая Сардиния и «морские народы» // АМА. Саратов, 1986. Вып. 6.
37. *Аутлев П.У.* Испы нартского эпоса – не скифское ли племя «исеп»? // Уч. записки АНИИ ЭЯЛИ. Майкоп, 1974. Т. XVII. С. 536.
38. *Иордан.* О происхождении и деяниях готв. СПб., 1997. С. 106.
39. *Шифман И.Ш.* Финикийские мореходы. М., 1965. С. 31.
40. *Лавров Л.И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Сухуми, 1960. Т. XXXI.
41. Там же. С. 107.
42. Такое мнение было высказано Б. Грозным. См.: *Грозный Б.* Доисторические судьбы Передней Азии // ВДИ. 1940. № 1. С. 29.
43. *Kidder J.E.* Early Buddhist Japan. N.Y.–Washington, 1972. P. 129.

**НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В ЭПОХИ
ПОЗДНЕЙ, ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ И НАЧАЛЕ РАННЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (XV–VII вв. ДО Н.Э.)**

Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. В эпоху поздней и финальной бронзы* (XV–IX вв. до н.э.) территория Прикубанья частично была охвачена т.н. прикубанским очагом** металлургии и металлообработки¹. Археолог Е.П. Алексеева считала, что памятники прикубанского очага на Северо-Западном Кавказе оставлены местным населением, в том числе и предками адыгов². Ее коллега А.Л. Нечитайло выделила особую прикубанскую культуру эпохи поздней бронзы и раннего железного века³. Исследователи прикубанской культуры подчеркивают ее связь с более ранней т.н. северокавказской культурой II тыс. до н.э. и предполагают, что в пределах прикубанской культуры в начале I тыс. до н.э. сложилась культура протомеотов – прямых предков современных адыгов⁴.

Видимо еще с эпохи ранней бронзы предки адыгов жили в соседстве с древними индоевропейцами⁵. Однако в эпоху поздней бронзы (с XV в. до н.э.) приток в Прикубанье и Закубанье степного индоевропейского населения (срубная культура) заметно усилился⁶. Даже в высокогорные районы Верхнего Прикубанья к источникам металла – медным рудникам проникало позднесрубное население⁷ и его потомки (носители сабаатиновской и белозерской культур)⁸, что сыграло далеко не последнюю роль в сложении прикубанского очага металлургии и обработки бронзы.

Наиболее мощный прикубанский очаг⁹ вероятно был связан с другими очагами металлургии и металлообработки:

1. В горах Осетии (Центральный Кавказ) на поздних этапах эпохи бронзы начинает формироваться знаменитая кобанская (тлийско-кобанская) культура¹⁰.

2. На территории современной Абхазии и Западной Грузии развивается самобытная колхидская культура¹¹.

К закату позднебронзовой эпохи на территории Северо-Западного и Центрального Кавказа складывается три крупных очага металлургии. К этому времени соответственно здесь оформились три своеобразных региональных традиции: прикубанская, колхидская и горнокобанская. Это было во многом обусловлено географическими причинами (функционированием внутрикавказских и внешних связей) и проявилось, прежде всего, в технологических и художественно-стилистических особенностях изготовления бронзовых предметов.

Период поздней бронзы это время расцвета металлургии и обработки металла на Северном Кавказе. Развитие металлургии здесь прежде всего связано с разработкой местных медных и полиметаллических руд

* На Северном Кавказе железо начинает использоваться более или менее широко только в VIII в. до н.э. (также впрочем, как и в Западной Европе). Период непосредственного перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку принято именовать также эпохой финальной бронзы.

** Иногда употребляется термин прикубанская культура.

западной и центральной частей Большого Кавказа. Следует сказать, что археологические материалы эпохи поздней бронзы, несмотря на их яркость и самобытность, на Северном Кавказе изучены неравномерно и явно недостаточно. Древности Центрального Предкавказья систематизированы и проанализированы в работах целого ряда исследователей, для Прикубанья же таких работ известно гораздо меньше¹². Особенно слабо исследованы поселения, остатки производственной деятельности.

К концу XX в. накопление нового материала, а также его дальнейшее осмысление позволило выделить в прикубанском очаге две хронологические группы: ахметовскую (XV–XIII вв. до н.э.) и бекешевскую (XII–X вв. до н.э.)¹³.

В последнее десятилетие значительный вклад в изучение Прикубанского очага металлургии и металлообработки бронзы внес А.Л. Пелих. В своей работе он рассмотрел материалы более 80 памятников Закубанья (поселений, могильников, кладов и отдельных находок металлических изделий), «определяемых как связанные с прикубанским очагом металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы»¹⁴.

Им были детально проанализированы металлические предметы поздней бронзы с территории Закубанья (наконечники копий, ножи, кинжалы, навершие булавы, проушные топоры, топоры-кельты, тесла, серпы, бляха карпатского происхождения и украшения) в сравнении с позднебронзовыми материалами с других территорий юга Восточной Европы и Кавказа.

Как показало исследование, всего в начале XXI в. было известно более 320 предметов, произведенных Прикубанским очагом металлургии и металлообработки. Особенностью названного очага является стабильное сочетание кавказской и восточноевропейской степной традиций металлообработки. К числу кавказских культурных традиций можно отнести производство в Закубанье кинжалов кавказского облика, проушных топоров верхнекубанского типа, одного из типов тесел, булавы. К влиянию степных традиций относятся прикубанские топоры-кельты, ножи степных типов и один из видов кинжалов, лавролистные наконечники копий¹⁵.

В работе А.Л. Пелиха уточняется территория собственно Прикубанского очага металлургии и металлообработки. Значительная концентрация памятников наблюдается во всем Закубанье и в зоне к востоку от долины р. Кубани до ст. Боргустанской (Пятигорье). При этом территория в верховьях Кумы и Подкумка, расположенная между Верхним Прикубаньем и Пятигорьем «была в белозерское (в первую очередь позднебелозерское) время пограничной между кобанской и прикубанской традициями металлообработки»¹⁶. В общем для прикубанского очага производства металла исследователь выделяет следующие хронологические группы памятников: Ахметовскую (XVI–XIV вв. до н.э.), Удобненскую (XIV – сер. XI вв. до н.э.), Бекешевскую (XII – сер. IX вв. до н.э.). Рассмотрены также технологические особенности производства бронзы в Прикубанье. Выделены медно-мышьяковые, медно-оловянно-мышьяковые и медно-оловянные группы сплавов являвшиеся основными. Добавки мышьяка встречаются в прикубанских в 6 раз чаще, чем добавки олова. Местные мастера часто дополнительно использовали холодную проковку и шлифовку изделий. Встречается чеканка. Вполне обычными были переплавка и вторичное использование бронзы. Использовались как более совершенные (технологичные) каменные литейные формы, так и не очень практичные глиняные формы по утрачиваемым (восковым) моделям¹⁷.

С широким развитием в эпоху поздней бронзы на Северном Кавказе торгово-обменных связей связаны находки на территории Прикубанья

бронзовых изделий, происходящих из соседних и удаленных областей (Восточная Европа, Поволжье, Урал, Прикарпатье, центр и восток Северного Кавказа, Закавказье, Центральная Европа). Не малое число бронзовых предметов произведенных в Прикубанском очаге металлургии и металлообработки найдено в центральных областях Предкавказья, в Западном Закавказье (древняя Колхида). Прикубанские изделия из бронзы распространялись также вдоль побережья Черного моря и близлежащим регионам от низовий Дона до низовий Дуная¹⁸. Население Закубанья, как видим, сбывало изделия своей металлургии на обширной территории. Таким образом, бронзовые вещи указывают на связи западнокавказских племен с внешним миром.

Интересен вывод А.Л. Пелиха о том, что: «Из всего многообразия предметов Прикубанского очага металлургии и металлообработки ... для протомеотской группы памятников определенные параллели можно провести только между наконечниками копий и легкими топорами этих двух общностей. Остальные категории протомеотского металлического инвентаря либо ведут свое происхождение с других территорий, либо являются новоделами, не имеющими близких прототипов в северокавказских памятниках предшествующего времени»¹⁹.

Вместе с тем, некоторые выводы и предположения А.Л. Пелиха нуждаются в уточнении, и может быть, корректировке:

1. Исследователь пишет: «... что территория гор и ближайших предгорий всего Закубанья сабастиновского и раннебелозерского времени (а возможно и позднебелозерского) свободна от поселенческо-погребальных комплексов степных и кобано-колхидских культурных общностей»²⁰. По этой причине, как он считает, выделять особую прикубанскую культуру еще рано.

2. Алексей Леонидович отмечает, что: «На Северо-Западном Кавказе есть необходимые для производства бронзы месторождения полезных ископаемых. Однако четко датированных поздней бронзой разработок обнаружить пока не удалось. ... У нас есть косвенные доказательства добычи меди и других металлов в позднебронзовом веке в Прикубанье. Однако в первую очередь мы должны говорить не о металлургии, а о металлообработке на указанной территории в позднебронзовое время»²¹.

3. Упомянутый исследователь пишет о верхней хронологической границе эпохи поздней бронзы в Закубанье (конец X – середина IX в. до н.э.). В это время появляются, как он считает, первые «памятники протомеотского типа, что соответствует началу черноголовско-новочеркасского периода ... Намечается особый, переходный от позднебронзового к раннежелезному, период, в целом синхронизирующийся с позднебелозерским - позднейшим предскифским (черноголовским и новочеркасским) горизонтами»²².

Во-первых, конечно, А.Л. Пелих прав, что для выделения прикубанской культуры пока нет достаточных оснований. Но это связано не с отсутствием поселений и могильников эпохи поздней бронзы в Закубанье и Верхнем Прикумье, а в недостаточной изученности здешних памятников. Складами и отдельными находками продукции Прикубанского очага металлургии и обработки бронзы нередко связаны древние поселения, могильники и т.д. Так, например, в 1941 г. между станицами Боргустанская и Бекешевская на месте древнего поселения в двух глиняных сосудах был найден клад, состоявший из 30 бронзовых топоров, 10 серпов, 3 наконечников копий, 8 тесел²³. Археолог А.А. Иессен считал, что находка Боргустанского клада бронзовых топоров, серпов и др. предметов «может быть отнесена к

категории кладов-сокровищ, что составлявшие ее предметы, вероятно, сохранялись обитателями данного поселения как запас изделий, требующих исправления ... или как запас металла»²⁴.

Кроме того клад бронзовых серпов, происходящий из урочища Нарат-Эшик в долине реки Марухи²⁵, был найден вблизи древнего поселения и курганного могильника, которые остались не исследованными. Проведенный анализ металла серпов из клада в урочище Нарат-Эшик показал, что при отливке части изделий использовалась медь без искусственных добавок. Интересно, что слитки такой меди и изделия из нее, вероятно верхнекубанского происхождения, найдены в низовьях реки Дунай на территории современной Румынии²⁶.

Во-вторых, древние выработки меди и медеплавильни известны в верховьях Кубани. Еще в 1965 г. археолог Т.М. Минаева высказала предположение о наличии в Карачаево-Черкесии на Верхней Кубани и ее притоке Теберде местного производства металла. Она называет места находок здесь кладов эпохи поздней бронзы известные к тому времени. Клад бронзовых изделий (в т.ч. и серпы) был найден в 1927 г. в пещере на левом берегу Кубани у впадения р. Индыш. На р. Гиляч (левый приток Кубани) в 1938 г. в русле реки был найден клад, в состав которого входили бронзовые топоры и серпы. В том же году в долине Теберды между селением Верхняя Теберда и курортом Теберда был найден клад из 44 бронзовых топоров, 17 серпов, а также каменных литейных форм²⁷. Кроме того, Т.М. Минаева писала, что: «... в указанных районах имелось рудное сырье, необходимое древним металлургам. Выходы медных руд известны во многих местах вдоль центральной части северного склона Кавказского хребта. В частности, имелись они и в бассейне Верхней Кубани»²⁸. В этом районе к середине 60-х гг. XX в. Татьяне Максимовне были известны древние следы добычи и плавки меди. На правом берегу Кубани, в балке Багир-Кулак, южнее свинцово-цинкового рудника, были найдены выработки медной руды и остатки медной плавки. Следы плавки медной руды отмечены на вершине водораздельного хребта между Кубанью и р. Даутом. На р. Муху, левом притоке Теберды, находились отвалы шлаков древних медеплавильен. С левой стороны р. Муху, приблизительно в среднем ее течении, проходит глубокая балка, называемая Медной, где до сих пор сохраняются следы древних штолен по выработке руды. Древние штольни по добыче медной руды зафиксированы Т.М. Минаевой и другими исследователями в горах Карачаево-Черкесии в соседнем с Тебердинским Марухском ущелье, на восточном склоне горы Большой Кара-Бек. В 25 км выше селения Маруха к левому берегу реки подходят крутые склоны горы Кара-Бек. В склоне горы на высоте около 100 метров над руслом реки есть пещера, образованная в результате выемки породы. К пещере ведет подъем высеченный в склоне. «Пещера имеет два ответвления. Первое, северное, углубляется в скалу метров на 20–25; второе, южное, в виде сводчатой ниши углубляется всего на 4–5 м. На дне пещеры оказалось большое скопление золы, перемешанной с измельченной в порошок породой. ... В золе найдены обломки от четырех каменных молотов, которыми дробили породу»²⁹. Интересно, что и в сопредельной с Карачаево-Черкесией части Абхазии, в урочище Башкапсара в верховьях р. Бзыбь (на высоте 2200 м над уровнем моря), археологи нашли древние медные рудники, функционировавшие в эпоху средней, поздней и финальной бронзы. Здесь «выявлено 13 объектов, среди которых выработки открытого типа, вертикальные шахты и горизонтальные многоярусные штольни с боковыми камерами»³⁰.

В-третьих, возможно предположить, что прикубанский очаг металлургии и металлообработки повлиял на формирование не только на протомеотских памятников, но и памятников т.н. западнокобанской или каменноостско-березовской группы Кабардино-Пятигорья.

Эшкаконско-терезинская группа памятников. Особое внимание в ходе изучения поздних этапов функционирования прикубанского очага металлургии и металлообработки на мой взгляд следует обратить на Эшкаконский и Терезинский могильники эпохи финальной бронзы. Эти некрополи компактно расположены на юго-западной периферии района Пятигорья (Кавказских Минеральных Вод) на территории Карачаево-Черкесии. Население, оставившее эти памятники, занимало стратегически выгодные позиции у входа в соседние горные ущелья рек Эшкакон, Подкумок, а также к перевалу Гумбаша в долину Кубани.

Эшкаконский могильник был разрушен при строительных работах в 1953–1958 гг., при этом осматривался краеведами Н.М. Егоровым и М.И. Рыбенко³¹. Уцелевшие вещи из погребений поступили в Пятигорский краеведческий музей. Терезинский могильник был открыт Х.Х. Биджиевым и исследовался В.И. Козенковой в 1977–1978 гг.³².

Погребения двух этих могильников несмотря на их немногочисленность и неоднородность (кремация и ингумация) близки по основным составляющим погребального инвентаря (керамика, бронзовые изделия) и хронологии³³. Эшкаконский и Терезинский могильники можно объединить в одну эшкаконско-терезинскую группу памятников.

В начале 90-х гг. мною было высказано предположение, что развивавшаяся на территории Пятигорья в предскифское и раннескифское время довольно многочисленная каменноостско-березовская (западнокобанская) группа памятников³⁴, сложилась в результате влияния более развитой культуры эшкаконско-терезинской группы на менее развитое в отношении уровня материальной культуры население Пятигорья, оставившего т.н. агачевскую группу памятников эпохи финальной бронзы³⁵. К сожалению в 90-х гг. мне не удалось развить свое предположение. Оно так и осталось в тезисной форме.

Интересно, что современные исследования т. н. Прикубанского очага металлургии и обработки бронзы позволяют выделить в верховьях Кумы и Подкумка территорию в белозерское время пограничную между кобанской и прикубанской традициями металлообработки (т.н. бекешевская и ольгенфельдская группы памятников)³⁶.

Возможно предположить, что смещение к востоку от Кубани в верховья Кумы и Пятигорье значительного числа изделий Прикубанского очага металлургии и обработки бронзы на позднем этапе его функционирования (т.н. бекешевская и ольгенфельдская группы памятников) связано с перемещением на восток части населения (мастеров-литейщиков) из Закубанья и Верхнего Прикубанья. Причиной этой миграции могло стать угасание Прикубанского очага металлургии и обработки.

В верховьях Кумы, Подкумка, на Эшкаконе, и в соседних верховьях рек Малки, Кич-Малки и Баксана известны погребальные³⁷ и бытовые памятники³⁸ эпохи финальной бронзы близкие по культуре и хронологии памятникам бекешевского типа. Вероятно население, оставившее Эшкаконский и Терезинский могильники, можно отождествлять с наследниками традиций Прикубанского очага металлургии и обработки бронзы.

Довольно близким памятником (культурно и хронологически) к кремационным погребениям эшкаконско-терезинской группы являются трупосожжения известного могильника Верхняя Рутха в Дигории³⁹.

Локализация могильников-крематориев в предгорных и горных районах Центрального Кавказа вероятно связана с тем, что важным занятием населения оставивших эти памятники были металлургия и металлообработка бронзы. Обилие бронзовых предметов характерно для Эшкаконского и в несколько меньшей степени Верхнерутхинского и Терезинского могильников. Исследователями отмечалась концентрация археологических памятников эпохи бронзы и раннего железа у входа в горные ущелья⁴⁰, ведущие к месторождениям меди и полиметаллов в т.ч. уже в Закавказье и на Ближнем Востоке.

В целом следует отметить слабую изученность могильников-крематориев Северного Кавказа, хотя они и известны на территории от Верхнего Прикубанья до Дигории⁴¹.

Археологические находки в Верхнем Прикумье эпохи поздней, финальной бронзы и начала раннего железного века характеризуют жизнь местного населения. Потомки культурных традиций Прикубанского очага металлургии и металлообработки бронзы влились в состав протомеотской и каменноостско-березовской культур предскифского и раннескифского времени. Вполне вероятно, что это население (или его часть) говорило на языках близких современным западнокавказским (адыго-абхазским) языкам, т.е. возможно было предками современных адыгов⁴².

О «новой археологической культуре» между верховьями Кубани и Малки. С 2004 года к югу от Кисловодска в основном на Кабардинском хребте (точнее плоскогорье) на высоте 1400–2500 м выявлены скопления «... разнообразных поселенческих⁴³ памятников, в том числе обладающих уникальной симметричной планировкой... На сегодняшний день известно более 200 подобных поселений, которые предварительно датируются XVI–IX вв. до н.э.»⁴⁴. Таким образом, по данным СМИ была открыта «новая археологическая культура»⁴⁵. Фрагменты глиняных сосудов, найденные в каменных постройках этой «культуры», по формам и орнаменту вполне тождественны западнокобанской керамике⁴⁶ предскифского времени (VIII–VII вв. до н.э.). Однако «поселения с симметричной планировкой» авторами раскопок были датированы эпохой поздней бронзы (серединой и второй половиной II тыс. до н.э.)⁴⁷. Захоронения, связанные с данными поселениями, пока не выявлены.

В 2009 г. на перевале Гумбаши в междуречье Подкумка и Кубани была открыта крепость «новой археологической культуры» и с 2012 г. здесь ведутся археологические исследования⁴⁸.

Еще раз подчеркну, что керамический комплекс «поселений с симметричной планировкой» свидетельствует о значительной близости т.н. «новой археологической культуры» к западнокобанским поселениям и могильникам предскифского времени и раннескифского времени (VIII–VI вв. до н.э.), десятки которых давно известны в сопредельной с Кабардинским хребтом, довольно просторной Кисловодской котловине⁴⁹. Д.С. Коробов ко времени IX–VI вв. до н.э. здесь относит 106 поселений и 67 могильников⁵⁰.

Давно замечено, что Кисловодская котловина обладает особыми климатическими характеристиками. Окружающие котловину невысокие горные хребты защищают ее от холодных ветров.

Важное значение имеет тот факт, что по количеству солнечной радиации, попадающей на поверхность почвы в течение года, Кисловодск относится к седьмой световой зоне, тогда как основная часть Предкавказья к более темным пятой и шестой зонам⁵¹. Видимо эта

особенность Кисловодской котловины использовалась ее древними обитателями. Одной из черт археологического облика Кисловодской котловины является обилие в данной местности земледельческих террас. В последнее десятилетие эти образования изучаются археологами⁵².

С 2005 по 2009 гг. в шурфах и почвенных разрезах на террасах Кисловодской котловины археологи обнаружили 2325 фрагментов керамики. 67 % керамики были датированы предскифским и раннескифским временем, 27 % – ранним средневековьем, и 6 % керамики датировать не удалось. Таким образом, время создания основной массы террас относится к концу II – началу I тыс. до н.э. В итоге длительного освоения склонов Кисловодской котловины, до середины I тыс. до н.э. «террасами были покрыты практически все склоны на высотах от 900 до 1500 м». Однако, антропогенное изменение ландшафта и резкое увеличение выпадения осадков привели к развитию эрозионных процессов и прекращению использования «обширных земледельческих угодий»⁵³.

Кем и с какой целью в Кисловодской котловине была создана и долгое время эксплуатировалась обширная система земледельческих террас? Довольно многочисленное население предскифского времени и раннескифского времени (VIII–VI вв. до н.э.) данной котловины могло использовать и поддерживать в рабочем состоянии террасы. Однако, вероятно сопоставимое по численности, раннесредневековое население Кисловодской котловины V–VII вв. не создавало столь трудоемких и обширных земледельческих террас⁵⁴.

Возможно многочисленные террасы в Кисловодской котловине были построены населением, оставившим также многочисленные каменные постройки к югу от Кисловодска (на Кабардинском хребте и соседних плоскогорьях). Погребальными памятниками этих обитателей Северного Приэльбрусья вероятно являются курганные могильники с кремационными и ингумационными захоронениями эпохи поздней и финальной бронзы на плато Бийчесын (в местности Оба-сырт и другие)⁵⁵.

Ранее высказывал предположение, что в формировании развивавшейся на территории Пятигорья (в т.ч. и Кисловодской котловины) в предскифское и раннескифское время западнокабанской (каменноостско-березовской) группы памятников, принимала участие довольно развитая культура эшкаконско-терезинской группы – наследники традиций прикубанского очага металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы⁵⁶.

Сейчас, когда опубликованы данные о разнообразных «поселенческих» памятниках Кабардинского хребта и окрестностей, многочисленных террасах сопредельной Кисловодской котловины, можно предположить, что вместе с терезинскими⁵⁷ и эшкаконскими гробницами-крематориями, в т.ч. и подкурганскими⁵⁸, а также курганами Бийчесына, только что перечисленные археологические объекты составляют одно целое.

Развитая культура, в эпоху поздней и даже скорее финальной бронзы занимавшая территорию между верховьями Кубани и Малки, вероятно составляла одно целое с прикубанским очагом металлургии и металлообработки на поздних этапах его функционирования. Эшкаконский и Терезинский могильники являются ее наиболее изученными погребальными памятниками. Верховья Баксана, а также равнинное Кабардино-Пятигорье очевидно являлись ее периферией.

Получает логичное объяснение распространение кладов и отдельных находок бронзовых серпов и топоров в эпоху финальной бронзы в Верхнем Прикубанье и в Кабардино-Пятигорье. Сооружение и обработка

многочисленных земледельческих террас Кисловодской котловины требовали именно таких орудий труда. Кстати земледельческие террасы очень похожие на таковые в Кисловодской котловине вполне отчетливо видны у горы Верблюд и других гор-лакколитов Пятигорья, а также в среднем течении реки Баксан у селения Заюково.

1. *Иессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М.–Л., 1951. Вып. 23. С. 75–124.

2. *Алексеева Е.П.* Предки адыгов на территории Карачаево-Черкесии в древности и раннем средневековье // *XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа*. Майкоп, 1992.

3. *Нечитайло А.Л.* Памятники прикубанской культуры у истоков реки Теберды // *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 1986. С. 124–133.

4. *Керефов Б.М.* Ранний этап этногенеза адыгов // *Адыгская энциклопедия*. М., 2006. С. 71–72.

5. *Ловича Н.Г.* Истоки майкопской культуры, ее связь с природой и народами Кавказа // *Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы*. Л., 1991. С. 34–36.

6. *Сорокина И.А.* О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // *Древности Ставрополя*. М., 1989. С. 279–287; *Сорокина И.А.* Курганные могильники Закубанья. Краснодар, 2001. С. 172–176.

7. *Пелих А.Л., Фоменко В.А.* Новые металлические предметы позднебронзового времени с территории Центрального Предкавказья // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Армавир, 2005. С. 66–72.

8. *Лесков А.М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // *Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР*. К., 1967. С. 143–178; *Бочкарев В.С., Лесков А.М.* О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом // *Древние культуры Поволжья и Приуралья*. Куйбышев, 1978. С. 23–26; *Лесков А.М.* О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР // *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М., 1984.

9. *Иессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М.–Л., 1951. Вып. 23. С. 75–124.

10. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 8; *Техов Б.В.* Кобано-тлийская археологическая культура // *Донская археология*. Ростов-на-Дону, 1999. № 3–4. С. 6–13.

11. *Воронов Ю.Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // *Скифия и Кавказ*. К., 1980. С. 200.

12. Краткий обзор см.: *Пелих А.Л.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы // *Автореф. дисс. ... канд. ист. наук*. СПб., 2003. С. 7–9.

13. *Бочкарев В.С.* Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // *Между Азией и Европой*. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. СПб., 1996.

14. *Пелих А.Л.* Указ. раб. С. 5.

15. *Пелих А.Л.* Указ. раб. С. 24.

16. *Пелих А.Л.* Указ. раб. С. 18–19.

17. *Пелих А.Л.* Указ. раб. С. 17–18, 14.

18. *Пелих А.Л.* Указ. раб. С. 21.

19. *Пелих А.Л.* Указ. раб. С. 24.

20. *Пелих А.Л.* Указ. раб. С. 9.

21. *Пелих А.Л.* Указ. раб. С. 13–14.

22. *Пелих А.Л.* Указ. раб. С. 10.

23. *Иессен А.А.* Указ. раб. С. 91.
24. *Иессен А.А.* Указ. раб. С. 91–92.
25. *Нечитайло А.Л., Недопако Д.П.* Комплекс нарат-эшикских серпов // Историко-археологический альманах. Армавир, 1996. Вып. 2. С. 13–18; *Нечитайло А.Л.* Клад серпов поздней бронзы из урочища Нарат-Эшик в Карачае // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994. С. 27–28.
26. *Нечитайло А.Л.* Результаты анализа нарат-эшикских серпов // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000. С. 106–107.
27. *Минаева Т.М.* Очерки археологии Ставрополя // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь, 2007. С. 630–631.
28. Там же.
29. *Минаева Т.М.* Указ. раб. С. 630–631.
30. История Абхазии. Сухум, 1991. С. 30; См. также: *Бжания В.В.* Древние Башкапсарские рудники // Природа. М., 1989. № 1. С. 55–59.
31. *Егоров Н.М.* Могильник у р. Эшкакон // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1956. Вып. 64. С. 135–140; *Фоменко В.А.* Эшкаконский могильник // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. Вып. 2. С. 7–12.
32. *Биджиев Х.Х., Козенкова В.И.* Предметы кобанской культуры из селения Терезе // Советская археология. М., 1980. № 3. С. 225–237; *Козенкова В.И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // Советская археология. М., 1982. № 3. С. 19–25; *Козенкова В.И.* Биритуализм в погребальном обряде древних кобанцев. Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. М., 2004.
33. *Козенкова В.И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // Советская археология. М., 1982. № 3. С. 26.
34. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 181–210; *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 184–199; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1989. Вып. В 2–5; *Флеров В.С., Дубовская О.Р.* Мужские погребения кобанского могильника Клинь-яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. М., 1993. Вып. 1. С. 262–303; *Дударев С.Л.* Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 3. С. 15–100.
35. *Фоменко В.А.* О памятниках эпохи поздней бронзы на территории Пятигорья и Верхнего Прикубанья // III зональная олимпиада по археологии и краеведению. Тезисы докладов. Грозный, 1991. С. 13–14; *Фоменко В.А.* О своеобразии предкавказского звена киммерийско-карасукской общности // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Доклады конференции. Омск, 1992. Ч. 2. С. 68–69.
36. *Бочкарев В.С., Пелих А.Л.* К хронологии памятников Прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 65–66.
37. *Пелих А.Л., Фоменко В.А.* Новые металлические предметы позднебронзового времени с территории Центрального Предкавказья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2005. С. 66–72.
38. *Белинский А.Б., Коробов Д.С., Райнхольд С.* Ландшафтная археология на Северном Кавказе: первые результаты исследования предгорного ландшафта Кисловодска эпохи позднего бронзового – раннего железного века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX: археология, краеведение. С. 177–220.
39. *Козенкова В.И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // Советская археология. М., 1982. № 3. С. 14–19, 30; *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 212, 215–241, 428, 432, 460–471; *Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В., Членова Н.Л.* Кремационная печь кобанского времени на могильнике Верхняя

Рутха в Северной Осетии // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнологии Академии наук СССР (1974–1976). Л., 1977. С. 125–127; *Кривицкий В.В., Нечаева Л.Г., Членова Н.Л.* Крематорий могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии // VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Нальчик, 1978. С. 76–77; *Кривицкий В.В., Нечаева Л.Г., Членова Н.Л.* Этнические и социальные черты населения, оставившего могильник Верхняя Рутха (Северная Осетия) // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1978. С. 20–21; *Мошинский А.П.* Древности горной Дигории VII–IV вв. до н.э. М., 2006. С. 6–8; *Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С. 21–25, 31.

40. *Чеченов И.М.* Природно-географические условия Центрального Кавказа и некоторые особенности его исторического развития в эпоху бронзы // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси, 1984. С. 30–33; *Фоменко В.А.* К вопросу о влиянии природно-географических условий Предкавказья на пути перемещения номадов в прескифскую и раннескифскую эпохи // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1993. С. 103–104.

41. *Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С. 122. Рис. 41.

42. *Фоменко В.А.* Эшкаконский и Терезинский могильники эпохи финальной бронзы и начала раннего железа // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 15. С. 90–92.

43. Следует заметить, что некоторые характеристики недавно открытых каменных строений не позволяют однозначно считать их жилищами. Вполне возможно, что постройки являлись святилищами, а может быть и полностью ограбленными погребальными сооружениями типа мавзолеев Северного Тагискена (прим. автора – В.Ф.). См.: *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001. С. 6. Илл. 1.

44. *Коробов Д.С.* Этапы заселения Кисловодской котловины по данным археологии // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2013. Вып. 228. С. 19–34.

45. *Мамхягова Т.* Святилище открылось людям // «Открытая для всех и каждого» газета (orengaz.ru). Ставрополь, 19–26.08.2015. № 32 (675); *Прайсман Л.* Археологи разгадывают загадки приэльбрусской культуры // Ставропольская правда. Ставрополь, 23.09.2015.

46. *Шаов А.Р.* К истории изучения археологических памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Кабардино-Пятигорья // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2015. Вып. 3 (26). С. 21–26.

47. *Белинский А.Б., Коробов Д.С., Райнхольд С.* Ландшафтная археология на Северном Кавказе: первые результаты исследования предгорного ландшафта Кисловодска эпохи позднего бронзового – раннего железного века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX: археология, краеведение. С. 177–220.

48. *Белинский А.Б., Райнхольд С., Мишина Т.Н.* Гумбаши – «крепость» эпохи поздней бронзы на перевале Гумбаши между реками Подкумок и Мара // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. М., 2014.

49. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 181–210; *Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976. Т. IV; *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 184–199; *Членова Н.Л.* Могильник VI в. до н.э. Султангора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1989. Вып. В 2–5; *Дударев С.Л., Рунич А.П.* К

вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. (на примере Пятигорья). Грозный, 1992; Флеров В.С., Дубовская О.Р. Мужские погребения кобанского могильника Клинь-яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. М., 1993. Вып. 1. С. 262–303; Дударев С.Л. Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 3. С. 15–100.

50. Коробов Д.С. Этапы заселения Кисловодской котловины по данным археологии // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2013. Вып. 228. С. 19–34.

51. Алиев Э.А. Выращивание овощей в гидропонных теплицах. К., 1985; Цаболов П.Х. Агробиологическое и экологическое обоснование промышленного тепличного овощеводства юга России // Дисс. ... доктора сельскохоз. наук в форме научного доклада. С.-Петербург-Пушкин, 1994.

52. Борисов А.В., Коробов Д.С. Древнее террасное земледелие в Кисловодской котловине // Индоевропейская история в свете новых исследований. М., 2010. С. 369–380; Коробов Д.С., Борисов А.В. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М., 2013.

53. Борисов А.В., Коробов Д.С. Древнее террасное земледелие в Кисловодской котловине // Индоевропейская история в свете новых исследований. М., 2010. С. 369–380; Коробов Д.С. Этапы заселения Кисловодской котловины по данным археологии // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2013. Вып. 228. С. 19–34.

54. Коробов Д.С., Борисов А.В. О земледелии алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э. // Российская археология. М., 2012. № 3; Коробов Д.С., Борисов А.В. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М., 2013.

55. Пелих А.Л., Фоменко В.А. Новые металлические предметы позднебронзового времени с территории Центрального Предкавказья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2005. С. 66–72.

56. Фоменко В.А. Эшаконский и Терезинский могильники эпохи финальной бронзы и начала раннего железа // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 15. С. 90–92.

57. Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних кобанцев. Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. М., 2004.

58. Фоменко В.А. Эшаконский могильник // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. Вып. 2. С. 7–12.

Очерк шестой

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ СИНДОВ

Этногенез – сложный процесс образования этноса, зачастую из других этнических общностей или их частей. Основным признаком завершения процесса этногенеза, сложения этноса является окончательное формирование этнического самосознания народа, фиксируемое в появлении и применении его основного этноопределяющего признака – самоназвания, этнонима. Исследование вопросов этногенеза древности требует комплексного подхода, основанного на привлечении и всестороннем изучении широкого круга источников, применительно к народам древности, – прежде всего, лингвистических и археологических¹.

Попытки проследить этногенез синдвов на материалах дошедшей до нас синдской ономастики (этно-, антропо-, топонимики) уже на протяжении полутора столетий предпринимаются как историками, так и филологами. Ключевым в этом вопросе стало племенное название, этноним синдвов. В настоящее время предложены две этнолингвистические гипотезы происхождения синдвов: согласно одной из них синды – это потомки индоарийцев, согласно другой – синды и меоты – предки адыгов.

Этноним «синды» дошел до нас в греческом и латинском вариантах написания: Σίνδοι, Sindos. Несмотря на это, не приходится сомневаться, что зафиксированный иноязычными античными авторами термин – это самоназвание, эндоэтноним². В большинстве, из дошедших до нас, текстов «Истории» Геродота вместо синдвов (Σίνδοι) указаны инды (Ἰνδοί)³. Особенностью этнонима синды является его созвучие с названием одного из народов, населявших историческую область Синд на севере Индостана.

На основании указанного созвучия с середины XIX в. в отечественной историографии начало утверждаться мнение об иранском или индоарийском происхождении синдвов. В 1848 г. А. Ашик в первом масштабном исследовании по истории Боспорского царства писал: «Судя по языку Синдов, можно предположить, что они вышли из Мидии или из Персии, потому что страна Синд лежала около Бактрианы»⁴. Полстолетия спустя эту фразу почти дословно повторил другой исследователь истории Боспора – С.Ф. Мельников-Разведенков⁵. Несколько ранее происхождение синдвов «обитавших у входа в Азовское море» от синдвов «на Индусе» предложил князь П.П. Вяземский, считавший первых «выходцами с Эритрейского моря»⁶. В начале XX в. донской историк и археолог Е.П. Савельев, основываясь на разночтении в дошедших до нас текстах «Истории», с уверенностью отмечал: «Синды или Инды – Поречане, пришедшие из страны Семи Индов или Семиречья, с подножий Индукуша...»⁷. Кубанский историк П.П. Короленко также считал синдвов выходцами из Индии⁸.

В разгар Второй мировой войны по ту сторону советско-германского фронта вышла статья П. Кретчера «Индийцы на Кубани». По понятным причинам работа осталась малодоступной для отечественных исследователей, и была более известна по подробному пересказу в статье О.Н. Трубачева⁹. П. Кретчер обратил внимание на указания Гесихия – «синды – народ индийский», и увидел в этнониме синды (Σίνδοι) «подлинную, национально-индийскую форму самоназвания».

Лингвист сопоставил его с индийским *sindhavas sindhu* – «река вообще», «река Инд и прилегающая страна». В качестве дополнительного аргумента индийского происхождения синдов П. Кретчмер отыскал индийскую этимологию современному названию р. Кубань. Новым в работе германского исследователя стало то, что исходной территорией индоариев он считал Европу, а индийские топонимы и этнонимы – принесенным индоарийцами с Кубани на новую родину результате миграции¹⁰.

Большой вклад в развитие гипотезы об индоарийском происхождении синдов и других обитавших в Северном Причерноморье народов внесли работы О.Н. Трубачева, выходявшие изначально в виде статей¹¹, впоследствии объединенных в книгу¹². Одна из статей непосредственно посвящена синдам, и представляет собой попытку выделения в синдской и меотской ономастике элементов, имеющих индоарийские этимологии¹³. Следует указать, что в распоряжении исследователя появился еще один источник, происходящий непосредственно из предполагаемой им зоны расселения синдов, – найденное на Таманском полуострове близ мыса Тузла, на месте возможного некрополя Корокондамы, надгробие КБН 1103 с вырезанным на нем именем погребенной – Индия (Ἰνδία)¹⁴. Подобно своим предшественникам, О.Н. Трубачев связывал происхождение этнонима синды с местожительством этого народа близ «главной» реки – Σίνδοϛ. В итоге этот этноним получил индоарийскую этимологию – *sindhavas* («речные жители»). Правда, этой рекой для синдов и меотов, которых он также относил к носителям индоарийского языка, лингвист считал Кубань. Исследователь выделил несколько десятков северопричерноморских топонимов, имеющих аналогии в Индии или находящих этимологии в индоарийском языке. По мнению О.Н. Трубачева, после перемещения индоарийских племен из Восточной Европы в направлении Индостана, на Кубани остался анклав носителей индоарийского языка, представители которого стали известны древним грекам как синды и меоты. Синдская, связанная с рекой, топонимика, по его убеждению, сформировалась в причерноморском регионе и в результате указанной миграции индоариев была перенесена на север Индостана¹⁵.

В более концентрированном и популярном виде концепция О.Н. Трубачева была изложена Э.О. Берзиным¹⁶. Мнение о индоарийской принадлежности синдов (только их) получило положительную оценку лингвиста-кавказоведа Г.А. Климова, который привлек его для объяснения наличия в абхазском языке древнеиндийских слов¹⁷. На гипотезу О.Н. Трубачева обратили внимание некоторые археологи, усмотревшие в погребальной обрядности синдов, в частности – в конструкции погребального сооружения в виде прямоугольника, заключенного в круг (каменный ящик внутри кромлеха) соответствие индоарийским космогоническим представлениям¹⁸. Впрочем, как отметил один из них, А.А. Масленников, эта гипотеза не нашла надежного подтверждения в археологическом материале¹⁹.

В то же время концепция индоарийского происхождения большого числа северопричерноморских топонимов, представленная О.Н. Трубачевым, подверглась решительной критике исследователей-иранистов, прежде всего Э.А. Грантовского, отметившего, что многие ее положения продиктованы «общими концептуальными, а не собственно лингвистическими соображениями», и что в его работах «в целом... пока не указано ни одного явно индоарийского имени во всей припонтийской ономастике», в которой решительно преобладает иранский лингвистический материал²⁰. Впрочем,

следует отметить, что по поводу этнонима синды каких-либо конкретных замечаний Э.А. Грантовским высказано не было.

В настоящее время проблематикой индоарийской ономастики Северного Причерноморья активно занимается ученик О.Н. Трубачева, соавтор по помещенному в приложении к его книге этимологическому словарю, А.К. Шапошников. В его обобщающей работе вводятся такие новые понятия как реликтовый «синдо-меотский язык» или «синдо-меотские диалекты» в качестве общего названия «ныне мертвых диалектов древних этносов, бытовавших с первой трети II тыс. до н. э. по III в. н.э. в Колхиде, Гениохии, Синдике (Прикубанье), Меотиде (Приазовье, Подонье, на Таврическом п-ве) и в степях Украины, в Буджаке и Добрудже». А.К. Шапошников выступил против мнения О.Н. Трубачева о восточноевропейской прародине индоариев и синдах с меотами, как реликте индоарийского населения, оставшемся на Западном Кавказе после миграции индоариев в Индию. По его мнению, синды и меоты – выходцы с востока: «отделение синдо-меотского языка от арийского праязыка-основы произошло в первой четверти-трети (задолго до середины!) II тыс. до н.э. в Закавказье»; «из Западного Закавказья племени синдо-меотской общности постепенно заселили весь Западный Кавказ, вышли к берегам Меотиды и привольно расселились в Циркуммеотийском регионе». Исследователь попытался отыскать «мифологические соответствия синдо-меотскому глоттогенезу» в индийских сказаниях о Пандавах и увязать арийские мифы с конкретными местностями в Закавказье и с известными археологическими памятниками («знаменитый могильник Триалети»). В приложенном к статье А.К. Шапошникова словаре приведены индоарийские этимологии этнониму синды – «речной народ», топонимам Синдика – «речная страна» и Синда – «речной поселок»²¹.

Основу для представлений о том, что меотские племена являлись носителями языков адыго-абхазской языковой семьи, возможно, сам того не подозревая, заложил в 1896 г. известный лингвист-кавказовед Л.Г. Лопатинский. В заметке к статье С.Ф. Мельникова-Разведенкова «Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов», он рассматривал этноним меоты (греч. *μαίωται, μαίται*) в качестве производного от древнего названия Азовского моря – Меотида (греч. *Μαώτις*). Последнее же объяснял исходя из адыгейского языка: *mei* – вонь, *jate* – болото, тина, лужа, т.е. «вонючая лужа», объясняя, что такое название Азовскому морю обусловили его природные факторы – поросшие камышами берега, стоячая вода²². Основываясь на адыгской этимологии названия Азовского моря в конце 1960-х гг. адыгейский исследователь П.У. Аутлев предложил рассматривать его древнее название – Меотида как основу, от которой образовался этноним меоты, из чего следовало, что меоты являются предками адыгов²³. За несколько лет до него, в рамках развернувшегося на страницах ряда научных журналов дискуссии, посвященной загадочной надписи на т. н. «майкопской плите»²⁴, Г.Ф. Турчанинов предложил свой взгляд на языковую принадлежность синдов и на этимологию их этнонима. По его мнению, топоним Синда («деревня Синда» Клавдия Птолемея) происходит от древнеабхазского «шын» – море, в греческой передаче «син», и должен переводиться как «селение Морское». Соответственно этноним синды означает «морские (приморские) жители», по этнической принадлежности – абхазы²⁵. В результате появилась еще одна концепция – адыго-абхазской языковой принадлежности меотов и синдов, согласно которой указанные древние племена являются предками современных адыгов и абхазов.

Данная гипотеза также нашла поддержку у историков и археологов. Убежденным сторонником представления о том, что меоты – это предки адыгов был кубанский археолог Н.В. Анфимов. Помимо рассмотренного выше положения П.У. Аутлева, археолог предложил новые доказательства адыгской языковой принадлежности меотов: адыгские гидронимы (Псат, Псатий) и производные от них этнонимы (псессы, псеханы), засвидетельствованные на меотской территории античными письменными источниками, имена, имеющие адыгские этимологии, в боспорских надписях. Против гипотезы О.Н. Трубачева он выступил еще в 1978 г., утверждая, что «меотские племена Прикубанья и Закубанья (в том числе синдов) правильнее относить к адыго-черкесо-кабардинскому этническому массиву»²⁶. Однако развернутой аргументации как в защиту своего мнения, так и против концепции своего оппонента ни в этой, ни в более поздних своих работах, в которых рассматривался вопрос об адыгской (или шире – кавказской) языковой принадлежности меотов, Н.В. Анфимов не привел²⁷. Сторонницей мнения Г.Ф. Турчанинова, о том, что этноним синды происходит из древнеабхазской лексики и означает «житель морской страны», «поморянин», была Ю.С. Крушкол²⁸.

Ряд археологов и историков, основываясь на мнении о том, что древнее название Азовского моря – Меотида, стало основой образования понятия меоты, пришли к выводу о том, что меоты – это не столько этноним, сколько этногеографическое понятие, охватывающее все племена, живущие вокруг или вблизи Меотиды, вне зависимости от их языковой или культурной принадлежности²⁹. Вполне возможно, как предполагал П.У. Аутлев, что термин *меот* являлся не самоназванием, а иноназванием – экзоэтнонимом, данным местному населению Приазовья древними греками³⁰.

Попытка рассмотрения этногенеза синдов на археологических материалах была впервые предпринята Ю.С. Крушкол в 1967, результаты этого исследования были повторно опубликованы в ее монографии 1971 г. Для решения вопроса этногенеза синдов исследовательница привлекла материалы раскопок курганов и грунтового могильника у хут. Рассвет. Ю.С. Крушкол выделила три типа погребальных конструкций – захоронения под каменными закладами («выкладками»), захоронения под курганами с двойными каменными кромлехами, погребения в каменных ящиках. Первый тип сооружений отнесен ею к эпохе бронзы (без уточнения датировки и культурной принадлежности) и к железному веку, второй – к эпохе бронзы, третий – к раннему железному веку, вплоть до V–IV вв. до н. э. Кроме того, исследовательницей было выделено четыре типа положения костяков: два на боку с разной степенью скорченности, расчлененное и вытянутое на спине. Во всех случаях указанным вариантам элементов погребальной обрядности были найдены аналогии в памятниках бронзового и железного века Кавказа, что убедило исследовательницу в том, что «синды были одним из исконно кавказских племен»³¹.

Мнение Ю.С. Крушкол об автохтонности синдов, прозвучавшее и в других ее работах³², нет нужды оспаривать. Тем не менее, следует указать на некоторые методические неточности исследовательницы. Прежде всего, в ее ранних работах не всегда точна культурно-хронологическая атрибуция погребальных комплексов. В частности, к началу железного века она отнесла основное погребение кургана 1, в то время как оно, а также и все основные погребения курганов у хут. Рассвет, относятся, как установил Р.М. Мунчаев, к майкопской археологической культуре эпохи ранней бронзы³³. Т.н. «расчлененные» захоронения, скорее всего, являются не

способом обращения с останками умерших, а результатом разграбления основных и впускных погребений курганов. Не была определена культурно-хронологическая принадлежность впускных погребений курганов 2–4, раскопки которых вообще плохо документированы. Судя по наличию между внешними кромлехами курганов 3 и 4 ритуального комплекса эпохи поздней бронзы³⁴, среди впускных захоронений явно могли быть относящиеся к этому периоду. Даже в итоговой работе погребения курганов у хут. Рассвет и находки из них суммарно отнесены к эпохе бронзы и датированы III–II или III–I тыс. до н.э.³⁵

Тем не менее, нельзя не отметить одного весьма значимого вывода Ю.С. Крушкoл о конструктивном сходстве погребальных сооружений эпохи ранней бронзы и раннего железа (каменных кромлехов и каменных закладов), что, по ее мнению, свидетельствовало о наличии традиции в развитии погребальной архитектуры³⁶.

На эту же особенность погребальных конструкций разных эпох обратила внимание Е.М. Алексеева, поставившая вопрос «о генетической связи обладателей каменных некрополей с местными традициями более древних культур». Исследовательница пришла к заключению, что курганы с каменными конструкциями, типа открытых у хут. Рассвет, «очевидно, и являются на данной территории прототипами каменных погребальных конструкций античной эпохи»³⁷. Одновременно с этим, Е.М. Алексеева указала, что «разнообразие каменных конструкций (каменные насыпи, кольца, выкладки на могилах) характерно для погребальных сооружений Центрального Кавказа со времени майкопской культуры» и отметила, «что «подобные погребальные конструкции прослеживаются в археологических памятниках Северного Кавказа и в позднекобанское время, на стыке кобанской – в ее западном варианте – и античной культур». В итоге, исследовательница пришла к выводу, что «какая-то ветвь населения (района Анапы – А.Н.) ... была генетически связана с потомками кобанской культуры в наиболее близком территориально ее западном варианте»³⁸. В более поздних работах Е.М. Алексеева также указывала, что корни местного населения «уходят в эпоху бронзы Центрального и Северо-Западного Кавказа, к потомкам кобанской культуры»³⁹, связаны «с ветвью местного населения, мигрировавшего в эпоху поздней бронзы с Центрального и Северо-Западного Кавказа в сторону Причерноморья»⁴⁰. Лишь в статье, посвященной племенной среде, окружавшей раннюю Горгипию, исследовательница более осторожно отмечает, что население, оставившее «каменные некрополи», «генетически связано с населением Центрального Кавказа, либо поддерживало с ним определенные контакты»⁴¹.

Следует указать, что Е.М. Алексеева, в отличие от большинства исследователей⁴², не связывает «каменные некрополи» района Анапы с синдами. По ее мнению, «где-то между Анапой и старым руслом Кубани проходила граница между землями» синдов и населением, оставившем «каменные некрополи», в котором она видит их восточных соседей – керкетов или торетов. С эллинизированной синдской или «синдо-меотской» знатью исследовательница связывает расположенные к северу от этой границы, близ «Синдского острова» (Таманского полуострова), подкурганые захоронения в сырцовых гробницах – Семибратние и Уташский курганы⁴³.

Позиция Е.М. Алексеевой имеет несколько слабых мест, на что автору уже приходилось обращать внимание⁴⁴. Прежде всего, нет никаких

оснований помещать синдов на Таманском полуострове⁴⁵, вся синдская топонимика связана именно с районом Анапы⁴⁶.

Во вторых, захоронения в каменных ящиках известны и на территории, которую исследовательница исключает из зоны «каменных некрополей»: каменные ящики III–II вв. до н. э. открыты на некрополе Семибратнего городища, т.е. в непосредственной близости от Семибратних курганов с сырцовыми гробницами V–IV вв. до н.э.⁴⁷ В одной из работ Е.М. Алексеева обращает на это внимание, указывая на открытие разрушенных погребений в каменных ящиках близ п. Виноградного⁴⁸. В этом же районе были расположены погребения в каменных ящиках античного, судя по остаткам инвентаря (бусы, золотая подвеска в виде птички, бронзовые золоченые спиралевидные привески), времени, исследованные Н.И. Веселовским в 1903 г. «в юрте станицы Гастагаевской»⁴⁹.

Что же касается сырцовых гробниц некрополей Тамани и Семибратних курганов, то отнесение их к синдской погребальной традиции основывается на работах А.К. Коровиной и Н.П. Сорокиной 1950–1960-х гг.⁵⁰, когда считалось обязательным находить в археологических памятниках античной культуры юга СССР местные, варварские черты. Однако, обе исследовательницы отметили, что применение сырцового кирпича для сооружения гробниц в начале I тыс. до н. э. было известно в Средиземноморье, в т. ч. на территории Греции⁵¹, а Н.П. Сорокина отметившая, что «сырцовая архитектура получила на Таманском полуострове большое распространение уже с раннего времени», указывала, что степень изученности древностей Таманского полуострова «не позволяет нам решить, были ли сырцовые могилы созданы аборигенами, или появились с приходом греков»⁵². На распространение в Древней Греции традиции погребения в сырцовых гробницах указывала также И.Т. Кругликова⁵³. Разнотипные сырцовые гробницы известны и в других районах Северного Причерноморья, охваченных греческой колонизацией, например на некрополе Ольвии⁵⁴ или на некрополе Панское в Северо-Западном Крыму⁵⁵, оставленном, судя по прослеженным деталям погребального обряда, бесспорно греками⁵⁶. Единственный сырцовый склеп, открытый в курганном некрополе Нимфея, В. С. Ольховский рассматривает как пример влияния греческой погребальной традиции на варварскую погребальную архитектуру⁵⁷.

Таким образом, есть основания предполагать, что традиция сооружения гробниц из сырцового кирпича была принесена на Таманский полуостров греками-колонистами в V или даже в VI в. до н. э., получила здесь широкое распространение, и вскоре была заимствована варварской синдской аристократией, чем и объясняется появление подкурганых сырцовых гробниц в Синдике⁵⁸.

Что же касается мнения Е.М. Алексеевой о происхождении каменных ящиков некрополей района Анапы от каменных могильных сооружений западного варианта кобанской культуры⁵⁹, то следует отметить, что конструктивно они заметно отличаются. Каменные ящики западного варианта кобанской культуры имеют в большинстве своем отличные от анапских пропорции, близкие к квадрату очертания и, как правило, содержат скорченные костяки⁶⁰.

Возвращаясь к вопросу об этногенезе синдов по археологическим данным необходимо отметить следующее.

Несмотря на сходство каменных погребальных конструкций в курганах майкопской культуры эпохи ранней бронзы и на «каменных некрополях» раннего железного века – античной эпохи, нельзя забывать,

что эти памятники разделяет период почти в два тысячелетия. Поэтому, говорить о преемственности погребальной традиции в данном случае не приходится. Сходство это основано, вероятнее всего, на экологических характеристиках этих эпох, обусловивших близкие формы существования людей на одной и той же территории и сходные приемы использования ими в погребальной практике местных природных ресурсов.

Е.М. Алексеева отмечала слабую изученность памятников эпохи бронзы в районе Анапы⁶¹. На сегодняшний день ситуация несколько изменилась, и мы обладаем, пусть и немногочисленными, данными не только о раннем (майкопская культура), но и о среднем и о позднем периодах бронзового века⁶². Наряду с грунтовыми погребальными конструкциями (ямы, катакомбы), для периода среднего и позднего бронзового века на будущей территории Синдики известны конструкции из камня: для среднего бронзового века это дольмены, для позднего – захоронение в каменном ящике. К сожалению, материалы последнего комплекса, случайно открытого у хут. Красный Курган, недостаточно документированы, и основные элементы погребального обряда остались неизвестными⁶³. Поэтому было бы неоправданно проводить какие-либо параллели между этой конструкцией и захоронениями в каменных ящиках раннего железного века.

Приходится также выразить сожаление, что единственный известный некрополь периода перехода от бронзового века к железному – могильник VIII–VII вв. до н. э. Атмачева щель в долине Сукко был полностью разрушен при плантажной вспашке, и, несмотря на сохранившийся разнообразный погребальный инвентарь⁶⁴, данных об использовавшихся на нем погребальных конструкциях и погребальном обряде в целом не сохранилось. Отметим, что данный могильник стал эпонимным для специфической группы бронзовых булавок «типа Сукко»⁶⁵, характерных для памятников приморского подварианта абинско-черноморского варианта выделенной В.Р. Эрлихом протомеотской группы памятников⁶⁶.

Остается констатировать только тот достоверно установленный согласно данным археологии факт, что в первой половине VI в. до н. э. на некрополях Синдики захоронения совершались на площадках под округлыми каменными закладами, иногда окруженными (укрепленными) по периметру крупными камнями, образующими своего рода обкладки-кромлехи⁶⁷. Такие погребальные конструкции открыты на могильниках Красная Скала, Воскресенском⁶⁸, ОПХ «Анапа»⁶⁹, у хут. Рассвет – как на грунтовой его части, так и в насыпи кургана 1⁷⁰. Ареал их был несколько шире Синдики, подобные конструкции отмечены на Владимировском могильнике близ Новороссийска⁷¹.

Дальнейшим развитием погребальных конструкций этой разновидности на могильниках района Анапы стали погребения в неглубоких ямах с перекрытием из каменных плит, окруженные каменными кромлехами⁷².

Около середины VI в. до н. э. на могильниках района Анапы появляются погребения в каменных ящиках. В предшествующий период (VIII–VII вв. до н. э.) подобные могильные конструкции были распространены к востоку от Синдики, в районе современного Новороссийска⁷³ и далее по Черноморскому побережью вплоть до Туапсе⁷⁴. В районе Новороссийска традиция совершения погребений в каменных ящиках прослеживается с периода среднего бронзового века⁷⁵. Автором было высказано предположение, что появление на могильниках района Анапы захоронений в каменных ящиках можно объяснить миграцией какой-то группы населения с востока, из горных районов Причерноморья⁷⁶.

В дальнейшем, при сохранении обычая отдельных захоронений в ямах с кромлехами и каменными ящиками, в районе Анапы произошло слияние двух погребальных традиций, приведшее к практике сооружения каменного ящика, заключенного в округлую каменную обкладку-кромлех⁷⁷. В V в. до н. э. этот тип погребальных конструкций, как следует из материалов наиболее полно исследованного синдского могильника у хут Рассвет⁷⁸, стал преобладающим в Синдике.

Слияние двух погребальных традиций может свидетельствовать о формировании в районе современной Анапы новой этнокультурной общности. Именно в это время (конец VI–V в. до н. э.) появляются первые сообщения античных авторов о Синдике и синдах (Hecat., fr. 166; Hell. fr. 92). Таким образом, прослеживаемое по археологическим данным этнокультурное новообразование может являться свидетельством формирования именно синдского этноса.

Данная модель этногенеза синдов дает возможность сгладить некоторые противоречия этнолингвистического характера, прежде всего, спорный вопрос о языке синдов. Судя по приведенным археологическим данным, синды VI–V вв. до н. э. представляли собой синкретическое этническое образование, которое на протяжении достаточно длительного времени могло органично сочетать не только культурные, но и языковые традиции пришлого кавказского и местного населения⁷⁹. В погребальной обрядности автохтонного (для середины VI в. до н. э.) населения равнин района Анапы, в частности в обычае окружать могилы каменным кольцом-кромлехом, некоторые исследователи видят, как уже отмечалось, традицию, восходящую к индоарийским космогоническим представлениям⁸⁰. Поэтому, нельзя исключать того, что местное население действительно могло говорить на каком-либо реликтовом индоарийском диалекте. В носителях же обряда захоронения в каменных ящиках, продвинувшихся на территорию исторической Синдики из горных районов Западнокавказского Причерноморья, логично видеть носителей адыго-абхазского языка. Таким образом, становится понятным, почему некоторые сохраненные письменной традицией синдские слова и, прежде всего, сам этноним синды находят этимологии как в индоарийской, так и в адыго-абхазской лексике. Причем в случае с этнонимом значение этимологий в некоторой степени близко – «речные жители» в индоарийском варианте, «приморские» – в абхазском: и в том, и в другом этноним оказывается связанным с водоемом, точнее с его берегом.

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 7–9, 13; Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. М., 2004. С. 45, 47.

2. Филологический анализ вариантов написания этнонима синды и производных от него античными авторами предпринят С.Р. Тохтасьевым: Тохтасьев С.Р. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен. I. СПб. 2001. С. 64–70.

3. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 260, примеч. 256.

4. Ашик А. Боспорское царство. Одесса, 1848. С. 15.

5. Мельников-Разведенков С. Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1896. Вып. 21. С. 6.

6. Вяземский П. Синды, Зунд и Сундары // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. С. 13, 15, 24.

7. Савельев Е.П. История казачества. Ч. II. Новочеркасск, 1916. С. 295.

8. Короленко П.П. Синдия. К истории Кубанского края // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1908. Т. 14. С. 24.

9. Трубачев О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 45.
10. Kretschmer P. Inder am Kuban // Anzeiger Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klassen, 1943. 80. S. 35–42.
11. Трубачев О.Н. Temarundam «Matrem Maris». К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Античная балканистика. 2. М., 1975; Он же. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4; Он же. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6; Он же. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // Вестник древней истории. 1978. № 4; Он же. Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология – 1977. М., 1979; Он же. INDOARICA в Скифии и Дакии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
12. Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999.
13. Трубачев О.Н. О синдах и их языке. С. 39–63; Он же. INDOARICA в Северном Причерноморье. С. 15–41.
14. Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. Тр. Государственного исторического музея. 1957. Вып. XXVI. С. 16; На важность этого эпиграфического памятника в решении вопроса о возможной индоарийской принадлежности синдов указывал Б.И. Надэль: Надэль Б.И. Ономатология античного Причерноморья // Вестник древней истории. 1956. № 3. С. 72.
15. Трубачев О.Н. О синдах и их языке. С. 39–63; Он же. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате С. 34–42; Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье.
16. Берзин Э. Западные индийцы и загадка амазонок // Знание – сила. 1983. № 2. С. 43–45.
17. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986. С. 55.
18. Малышев А.А. Меоты // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 215; Масленников А.А. Каменные ящики восточного Крыма. Боспорский сборник. 8. М., 1995. С. 63.
19. Масленников А.А. Указ. соч. 1995. С. 56.
20. Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 47–66; Кулланда С.В., Раевский Д.С. Scythica sub specie iranica (Скифская тематика в трудах Э.А. Грантовского) // Вестник древней истории. 2002. № 4. С. 223, 224.
21. Шапошников А.К. INDOARICA в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 30–67.
22. Лопатинский Л. Заметка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1896. Вып. 21. С. 77.
23. Аутлев П.У. К вопросу о смысле слов «меот» и «Меотида» (По материалам нартского эпоса) // Уч. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. Т. IX. История. Майкоп, 1969. С. 250–257.
24. Аутлев П.У. К вопросу о возрасте Майкопской плиты // Вестник древней истории. 1966. № 2. С. 104–107; Дьяконов И.М. «Майкопские письма» (К методике работы дешифровщика) // Вестник древней истории. 1966. № 2. С. 99–104; Крупнов Е.И. О загадочной Майкопской надписи // Вопросы истории. 1964. № 8. С. 209–211; Крупнов Е.И. Ответ Г.Ф. Турчанинову // Вопросы истории. 1965. № 4. С. 206–208; Лавров Л.И. К попытке чтения Майкопской надписи // Советская этнография. 1967. № 2. С. 203–205; Турчанинов Г.Ф. По поводу заметки Е.И. Крупнова «О загадочной Майкопской надписи» // Вопросы истории. 1965. № 4. С. 206; Он же. Древний письменный памятник Кавказа // Вестник древней истории. 1965. С. 97–108; Он же. Древний письменный памятник Кавказа (продолжение) // Вестник древней истории. 1966. № 2. С. 82–98.
25. Турчанинов Г.Ф. Древний письменный памятник Кавказа (продолжение). С. 97.
26. Анфимов Н.В. Вопросы этнической истории синдо-меотов // VIII Крупновские чтения. Тез. докл. Нальчик, 1978. С. 11–13.
27. Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 90; Он же. Адыги в древности: некоторые спорные вопросы // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1992. С. 3, 4; Он же. Ранний железный век

- на территории края. Меоты – древние жители Кубани // Очерки истории Кубани. С древнейших времен до 1920 г. Краснодар, 1996. С. 46, 47.
28. Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971. С. 43.
29. Виноградов В.Б. О язаматах // Вестник древней истории. 1974. № 1. С. 158; Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 110; Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 16; Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1990. Вып. 30. С. 50; Эрлих В.Р., Кожухов С.П. Об основных этапах развития меотской культуры Закубанья // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III-го археологического семинара. Новочеркасск, 1992. Ч. I. С. 82.
30. Аутлев П.У. К вопросу о смысле слов «меот» и «Меотида». С. 256.
31. Крушкол Ю.С. К вопросу об этногенезе синдов // Античное общество. М., 1967. С. 158–161; Она же. Древняя Синдика. М., 1971. С. 39–43.
32. Крушкол Ю.С. Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями Московского областного педагогического института им Н.К. Крупской // Уч. зап. Московского областного педагогического института. 1963. Т. СХV. С. 83, 106.
33. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 263–267.
34. Новичихин А.М. Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы в районе Анапы // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Магас, 2010. С. 271.
35. Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. С. 37–52.
36. Крушкол Ю.С. К вопросу об этногенезе синдов С. 158, 160; Она же. Древняя Синдика. С. 39, 40.
37. Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 35.
38. Там же. С. 35, 36.
39. Алексеева Е.М. Античный город Горгииппия. М., 1997. С. 27, 28.
40. Алексеева Е.М. Греческий полис Горгииппия // Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 3. Северное Причерноморье – пространство взаимодействия цивилизаций. М., 2008. С. 272.
41. Алексеева Е.М. Местная среда ранней Горгииппии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2000. Вып. VIII. С. 163.
42. Крушкол Ю.С. Археологические исследования... С. 157–161; Она же. Древняя Синдика. С. 88–90; Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М., 1981. С. 19; Шелов Д. Б. 1981. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в эпоху Великой греческой колонизации. Тбилиси. С. 239; Кругликова И.Т. Анапа – 2500 лет. Краснодар, 1987. С. 12; Новичихин А.М. Исследование архаических памятников у п. Алексеевка // Музейный вестник. Краснодар, 1993. Вып. I. С. 27; Он же. «Когда проплывешь Боспор, будут синды...» // Очерки по истории Анапы. Анапа, 2000. С. 27; Он же. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (По материалам погребальных памятников). Анапа, 2006. С. 76, 77.
43. Алексеева Е.М. Греческая колонизация... С. 34; Она же. Античный город Горгииппия. С. 26–31; Она же. Местная среда ранней Горгииппии. С. 161, 162.
44. Новичихин А.М. Население Западного Закубанья... С. 76.
45. Новичихин А.М. Границы Синдики // Былые годы. 2011. № 3. С. 11–15.
46. Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991. С. 236–239; Завойкин А.А. Синдская гавань (Синдик) – Горгииппия // ВДИ. 1998. № 3. С. 134–145; Тохтасьев С.Р. ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. Вып. 4. СПб., 2002. С. 10–32.
47. Анфимов Н. В. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. Вып. 50. С. 109, рис. 45; Алексеева Е. М., Шавырин А. С. Работы Анапской экспедиции // Археологические открытия 1982 г. М., 1984. С. 104; Новичихин А.М. Каменная гробница, исследованная на некрополе Семибратнего городища в 1987 г. // Историко-археологический альманах. 1998. Вып. 4. С. 47–49.

48. *Алексеева Е.М.* Местная среда ранней Горгииппии. С. 161.
49. ОАК за 1903 г. С. 79–80.
50. *Коровина А. К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // Советская археология. 1957. № 2. С. 177, 178; *Она же.* Некрополь около мыса Панагии // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь, 1962. С. 302, 312; *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. С. 12–14; *Она же.* Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // Краткие сообщения Института археологии. 1963. Вып. 95. С. 60, 61, рис. 22.
51. *Коровина А. К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов. С. 178; *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. С. 14.
52. *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. С. 13, 14.
53. *Кругликова И. Т.* Античная археология. М., 1984. С. 56.
54. *Козуб Ю. I.* Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. Київ, 1974. С. 12. Рис. 2, 3.
55. *Рогов Е. Я.* Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 1985. 182. С. 45–50.
56. *Монахов С. Ю., Рогов Е. Я.* Керамические комплексы некрополя Панское I // Античный мир и археология. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 13.
57. *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н. э.). М., 1991. С. 49, 152.
58. *Новичихин А.М.* Население Западного Закубанья. С. 23.
59. *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация... С. 35; *Алексеева Е.М., Шавырин А.С.* Античный город Горгииппия (Проблемы исследования и итоги работ в 1981–1985 гг.) // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 77.
60. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант. Свод археологических источников. Вып. В 2–5. М., 1989. С. 75–78.
61. *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация... С. 35; *Она же.* Местная среда ранней Горгииппии. С. 163.
62. *Новичихин А.М.* Древнейшее прошлое Анапского района // Очерки по истории Анапы. Анапа, 2000. С. 13–24.
63. *Новичихин А.М.* Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы... С. 272.
64. *Новичихин А.М.* Материалы первой половины I тыс. до н. э. из долины Сукко // Историко-археологический альманах. Армавир–М., 1995. Вып. I.
65. *Новичихин А.М.* Материалы первой половины I тыс. до н. э. из долины Сукко. С. 66, рис. 3; *Он же.* Об одной группе бронзовых булавок начала I тыс. до н. э. из памятников Северного Причерноморья // XX Юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1998. С. 99, 100; *Он же.* Население Западного Закубанья. С. 63, 64. Рис. 92–94.
66. *Эрлих В.Р.* Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе (к постановке проблемы). Ч. I // Российская археология. 2002. № 3. С. 28.
67. *Новичихин А.М.* Население Западного Закубанья. С. 16.
68. *Алексеева Е.М.* Античный город Горгииппия. Табл. 20, V.
69. *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация... С. 62–65; *Зуйков Ю.В.* Раскопки некрополя на территории Опытного хозяйства «Анапа» // Боспорский сборник. 4. М., 1994. С. 164–168.
70. *Крушкол Ю.С.* Археологические исследования... С. 65–70, 83–106; *Новичихин А.М.* Планиграфия и погребальный обряд могильника у хут. Рассвет // Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хут. Рассвет. Некрополи Черноморья. М., 2010. Т. III. С. 192.
71. *Федоренко Н.В.* Разведка в 1997 г. нового грунтового могильника у с. Владимировка в районе Новороссийска // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 3. Новороссийск, 1999. С. 63, 64; *Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В.* Некрополь VII–V вв. до н. э. близ г. Новороссийска // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VII. М.– Магнитогорск, 1999. С. 399; *Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., Кононенко А.П.* Владимировский могильник – новый памятник скифского времени в Цемесской долине // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М.–Новороссийск, 2005. С. 23; *Шишлов А.В., Федоренко Н.В.* Погребальный обряд племен побережья Северо-Западного Кавказа в конце VII–V вв. до н. э. (по материалам Владимирского могильника) // Аргонавт. 2006. № 2. С. 69.

72. Новичихин А.М. Население Западного Закубанья. С. 17.
73. Дмитриев А.В. Новые материалы VIII–V вв. до н. э. из района Новороссийска // Археология Северного Кавказа. V Крупновские чтения. Тез. докл. М., 1976. С. 19, 20; Дмитриев А.В., Малышев А.А. Некрополи аборигенного населения у пос. Большие Хутора, в Цемдолине и на Шесхарисе // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М.–Новороссийск, 2005. С. 19; Малышев А.А., Дмитриев А.В., Медникова М.Б., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Раввич И.Г. Широкая Балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования // Древности Боспора. 2004. 7. С. 273. Рис. 2, 1.
74. Тешев М.К. Новый памятник поздней бронзы на Западном Кавказе // Советская археология. 1983. № 4. С. 209–213. Рис. 1.
75. Кононенко А.П. Дольменный комплекс близ г. Новороссийска // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988. С. 23; Он же. Грунтовый могильник эпохи средней бронзы в устье реки Дюрсо в районе Новороссийска // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С. 203; Малышев А.А. К вопросу о причерноморской локальной группе меотской культуры // Боспорский сборник. 6. М., 1995. С. 151.
76. Новичихин А.М. Население Западного Закубанья. С. 19, 74, 81; Он же. Планиграфия и погребальный обряд... С. 195.
77. Новичихин А.М. Население Западного Закубанья. С. 74.
78. Новичихин А.М. Планиграфия и погребальный обряд... С. 194.
79. Новичихин А.М. «Когда проплывешь Боспор, будут синды...». С. 29; Он же. Население Западного Закубанья. С. 77.
80. Малышев А.А. Меоты. С. 215; Масленников А.А. Каменные ящики восточного Крыма. С. 63.

**КЕРКЕТЫ И ТОРЕТЫ – ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ
ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА**

Древнейшее, относящееся к V в. до н. э., сообщение о керкетах, и их локализации по отношению к другим древним кавказским народам, содержится в фрагменте (fr. 109) одного из сочинений Гелланика Митиленского, сохранившемся в «Этнике» Стефана Византийского: «Выше же керкетов живут мосхи и хариматы, нижнее же гениохи, выше же кораксы».

Первое совместное упоминание керкетов и торетов содержится в анонимном перипле IV в. до н. э., приписываемом Скилаку Кариандскому (Ps-Scyl., 73–75): «Керкеты. А за Синдской гаванью – керкеты. [Тореты. После же керкетов – тореты] и греческий город Торик с гаванью. Ахайи. А за торетами – ахайи». Отметим, что начало 74 параграфа повреждено, и сообщение о торетах восстановлено в этой части текста на основании последующего 73 параграфа.

Следующее по времени упоминание керкетов и торетов сохранилось в «Географии» Страбона. Керкеты фигурируют в его сочинении дважды: первый раз (XI, 2, 1) географ указывает, что керкеты обитают на Черноморском побережье Кавказа за Синдикой, вместе с другими племенами (ахейцами, зихами, гениохами), второй (XI, 2, 14) сообщает, со ссылкой на Артемидора, что «побережье керкетов, где есть корабельные стоянки и селения» начинается за селением Баты, расположенном в 400 стадиях от Синдской гавани. Торетов Страбон (XI, 2, 11) причисляет их «к числу меотов» не указывая их местообитания. Кроме того, среди народов, живущих в Юго-Восточном Причерноморье «над Трапезунтом и Фарнакией», близ Малой Армении Страбоном называются «аппеты, ранее называвшиеся керкитами» (XII, 3, 18).

Помпоний Мела (I, 110), опирающийся, как принято считать, на ионийскую традицию VI–V вв. до н. э., в числе «диких и необразованных племен» Кавказского побережья называет керкетиков, но ни словом не упоминает торетов.

Плиний Старший при описании Черноморского побережья Кавказа (NH, VI, 17), которое он в отличие от других античных авторов ведет с востока на запад, сообщает, что «на берегу близ керкетов река Икар», затем город Гиер, а потом мыс Круны, крутую возвышенность рядом с которым занимают тореты».

Клавдий Птолемей называет мыс Торетский, расположенный за заливом Керкетиды, название которого явно образовано от этнонима керкеты.

Керкетов упоминает в «Своде странных обычаев» Николай Дамасский, сообщающий (fr. 124): «Людей, совершивших какой-либо проступок, керкеты не допускают к священнодействию. Если кто-нибудь, управляя лодкой, допустит оплошность, то каждый по порядку подойдя, плюет на него». Возможно тореты упомянуты как торины, у которых «почет меду» в «Аргонавтике» Валерия Флакка (VI, 140, 141), рядом с эксоматами (язаматами) и сатархами.

Дионисий Периегет (ст. 680–682) помещает керкетов и торетов на Черноморском побережье, вслед за синдами и киммерийцами. Весьма

примечательны поздние переложения этой части текста сочинения Дионисия. Авиен в «Описании земного круга» (852–891) сообщает, что вблизи синдов «живет племя керкетское и род торетов». У Присциана (644–721), текст которого в целом ближе к оригиналу, за керкетами живут «дикие ореты». У византийского автора XIII в. Никифора Блемида (650–705), также основывавшегося на труде Дионисия, на данном участке побережья упоминаются керкетии и ореты.

Неясное упоминание керкетов, рядом с синдами, «которые жили посреди Харандийских ущелий у Кавказского хребта», содержится в анонимном сочинении IV в., т.н. «Аргонавтике» Псевдо-Орфея (203–208).

Самое позднее свидетельство о керкетах и торетах относится к V в. и содержится в перипле Псевдо-Арриана (63, 64), где говорится, что «от Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся керкеты или ториты», «за синдами же находятся керкеты, называемые также торитами, справедливый и добрый народ и весьма опытный в мореходстве».

Основываясь на данных письменных источников, исследователи традиционно помещали керкетов на черноморском побережье вслед за синдами к юго-востоку, т. е. в районе современного Новороссийска¹.

Тореты же, по мнению Н.А. Онайко, населяли район современного Геленджика. Основанием для этого исследовательнице послужило открытие на берегу Геленджикской бухты раннегреческого поселения, которое она отождествила с упоминаемым Псевдо-Скимном эллинским городом Ториком². Укажем, что мнение Н.А. Онайко, об отождествлении архаического геленджикского поселения с Ториком в настоящее время разделяет А.А. Малышев³. Традиционно считается, что название города Торик произошло от этнонима тореты⁴. Торик иногда отождествляется с Паграми, упомянутыми в этом районе в «Перипле» Псевдо-Арриана⁵.

Такая локализация племен, основанная на нарративных источниках, приходит в противоречия с данными боспорской эпитафии. В надписях первой половины IV в. до н. э., содержащих титулатуру боспорского царя Левкона I с перечнем подвластных ему племен (КБН 6, 6-а, 1014, 1037, 1038, надпись Теопротида из Нимфея), вслед за синдами стоят тореты. Судя по всему, порядок перечисления племен соответствует последовательности их подчинения боспорскому правителю. Едва ли земли торетов могли быть присоединены к Боспору минуя территорию, населенную керкетами, которых боспорская эпитафия не знает вовсе.

Обративший на это внимание А.В. Дмитриев отказался от локализации Торика на берегу Геленджикской бухты и высказал предположение, что Торик находился в районе мыса Мысхако, который может быть отождествлен с Торетским мысом Птолемея, и, следовательно, тореты населяли местность к западу от Цемесской бухты⁶. Следует сказать, что трудно согласиться с замечанием исследователя, что мыс Мысхако – «это самый значительный мыс на Черноморском побережье Кавказа». На эту роль вполне может претендовать и мыс Дооб, замыкающий Цемесскую бухту с восточной, противоположной Мысхако, стороны и к тому же увенчанный возвышенностью. И гора Дооб и гора Колдун, расположенная близ Мысхако, в равной степени могут претендовать на птолемееву «возвышенность, населенную торетами».

Не вдаваясь детально в историческую географию Черноморского побережья Кавказа, отметим, что для локализации керкетов определяющим является установление местоположения селения Баты,

за которым к востоку, согласно свидетельству Страбона, обитает это племя. Баты локализируются в районе Новороссийска. Исследователи либо отождествляют с ними поселение Мысхако⁷, либо считают, что остатки Бат скрыты под кварталами центральной части современного Новороссийска⁸. Отождествление с Батами известного из «Перипла» Псевдо-Скилака (72) Патуса, предложенное И.Б. Брашинским и Н.А. Онайко, было поддержано другими исследователями⁹. Нельзя не отметить, что сопоставление Патуса с Батами не аргументировано и основано лишь на созвучии этих топонимов: не исключено, что греческий город Патус, находящийся в земле синдов, – это искаженное название расположенного на Таманском полуострове Патрея¹⁰.

В.П. Шилов, на основании одного из поздних источников, перипла Псевдо-Арриана, отождествлял торетов с керкетами, и также помещал их на Черноморском побережье восточнее Анапы¹¹. И.Б. Брашинский также допускал, что керкетами и торетами античные авторы могли называть одно и то же племя¹². Эту точку зрения поддерживают А.В. Дмитриев и А.А. Малышев¹³. То обстоятельство, что керкеты, в отличие от торетов, не упомянуты в титулатуре боспорских правителей, исследователи объясняют особенностями взаимоотношений боспорского царства с торетами, которые могли отличаться от боспоро-керкетских¹⁴. М.Ф. Высокий отмечает, что поврежденный текст «Перипла» Псевдо-Скилака не дает оснований для разделения керкетов и торетов¹⁵. Отождествление торетов с керкетами предлагает и лингвист О.Н. Трубачев. По его мнению, зафиксированное в античной письменной традиции название «керкеты» происходит от греческого κερκέτης — «вид кормового весла», и является прозвищем торетов, данным им греками за искусство в морском деле¹⁶. Возможность перемещения керкетов в пределах черноморского побережья и смешения их в позднеантичное время с торетами предполагала, основываясь на анализе упоминаний о них в письменных источниках, Н.А. Онайко¹⁷. Не исключено, что миграции керкетов были довольно дальними: подобного рода перемещением можно объяснить упоминание Страбоном (XII, 3, 18) живущих близ Малой Армении аппетов, «ранее называвшихся керкитами»¹⁸.

Укажем также мнение Ф.В. Шелова-Коведяева и И.Е. Сурикова, что торетами могла именоваться группа керкетов, проживающих в окрестностях Торики, т. е. свой этноним тореты получили от названия расположенного на их землях греческого города¹⁹. «Эллинский город Торик» (Τορικός), по предположению И.Е. Сурикова, своим названием обязан аттическому дему Торик (Θορικός), представители которого, как считает исследователь, могли составлять большую часть населения раннегреческого эмпория, вторично колонизированного афинянами в V в. до н. э. во время понтийской экспедиции Перикла²⁰.

А.В. Дмитриев также связывает происхождение этнонима тореты с названием Торики, однако наделяет его несколько иным содержанием. По мнению исследователя, торетами называли обитателей Торики, подобно тому, как танаитами называли жителей Танаиса²¹. Однако, как отмечает М.Ф. Высоцкий, образование этнонима тореты от топонима Торик сомнительно «с филологической точки зрения»²². Более того, в Танаисе «танаиты», как следует из памятников местной эпиграфики, составляли равноправную с «эллинами» варварскую, сармато-аланскую по происхождению часть городской общины и, следовательно, этот термин являлся этнонимом, а не политонимом²³.

Противопоставление эллинов варварам в античном мире хорошо известно²⁴. Трудно поверить, что греческие и римские авторы, сообщавшие

о местных племенах, стали бы включать в перечень варварских народов население «эллинского города». Тем более это маловероятно в титулатуре боспорских правителей, поскольку по отношению к варварским народам они позиционировали себя как цари, в то время как для населения греческих полисов они были архонтами. А тореты в титулах боспорских тиранов помещены именно в списки народов, над которыми те царствуют.

Этнонимы керкеты и тореты Н.А. Онайко, основываясь на работах филолога-ираниста В.Ф. Миллера²⁵ считала иранскими по происхождению²⁶, однако ее мнение разделяется далеко не всеми исследователями. Так О.Н. Трубачев и А.К. Шапошников производят этноним тореты и топоним Торик от индоарийского *tarika* – «береговой, прибрежный, связанный с перевозом», родственного древнеиндийскому термину, означающему «паром, лодка»²⁷. Этноним керкеты О.Н. Трубачев, как уже отмечалось, считал греческим прозвищем торетов, указывающим на них как на искусных мореходов. В одной из последующих работ А.К. Шапошников предложил для этого этнонима общеиндоевропейскую этимологию, означающую «дубовый»²⁸. отождествление этнонима керкеты с одним из поздних названий адыгских народностей – черкесы, основано, скорее, на созвучии этих слов, нежели лингвистически обосновано²⁹.

Укажем, что вычлнить могильники керкетов и торетов из общего массива «каменных могильников» Северо-Восточного Причерноморья достаточно сложно. Отнесение местных некрополей к указанным племенам основывается исключительно на вышеизложенных представлениях исследователей о древней этногеографии региона. С историческими керкетами-торетами связывают памятники VI–IV вв. до н. э. и более позднего времени района Новороссийска: могильники Лобанова щель, Цемдолинский, Широкая Балка, Шесхарис, погребение на ул. Астраханской³⁰.

Следует признать, что вопрос о локализации керкетов и торетов по имеющимся на сегодняшний день данным не решен. Возможно, что два этих племени не имели строго выраженных границ своих зон обитания и, возможно, четко определяемых этнонимов. Подобная ситуация наблюдалась здесь в XVIII – XIX вв. Этнограф Л.Я. Люлье, описывавший в середине XIX в. обитавшие в этом регионе адыгские этносы, отмечал: «Хотя по разности в названиях, Натухажцы и Шапсуги считаются отдельными народами, но в сущности они одноплеменные. Мнение это основано на том, что они адыгейского происхождения, говорят одним языком и вообще называют себя Агучипс. Наименование это особого значения не имеет, но служит им вроде отрыва при встречах... При занятии Натухажцами и Шапсугами предгорий и плоскостей, все их отрасли перемешались между собой, что имело следствием расслабление связывавших уз»³¹. Приведенная этнографическая параллель иллюстрирует высказанное исследователями предположение, что за зафиксированными античными авторами этнонимами керкеты и тореты могут скрываться названия одного и того же народа.

1. Онайко Н.А. Архаический Торик: античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 103, 104; Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977. С. 111; Дмитриев А.В. Памятники керкетов в районе Новороссийска // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Орджоникидзе, 1986. С. 43–45; Кругликова И.Т. Анапа – 2500 лет. Краснодар, 1987. С. 13, 14.

2. Онайко Н.А. Указ. соч. С. 101, 104; Она же. Юго-восточная окраина Боспора // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 92.

3. *Малышев А.А.* Древние греки и аборигенное население (архаический Торик) // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М.–Новороссийск, 2005. С. 13–18; *Он же.* Юго-восточная периферия Боспорского царства // *ABRAU ANTIQUA*. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М., 2009. С. 75–82.
4. *Брашинский И.Б.* К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 63; *Масленников А.А.* К боспорской топонимике // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья «Цхалтубо – 1977». Тбилиси, 1979. С. 140; *Онайко Н.А.* Указ. соч. С. 104.
5. *Брашинский И.Б.* Указ. соч. С. 64; *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // Вестник древней истории. 1999. № 2. С. 109; *Высокий М.Ф.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. 14. С. 409, 410.
6. *Дмитриев А.В.* Тореты, город Торик, мыс Торетский // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 2004. С. 71.
7. *Дмитриев А.В.* Юго-восточная граница Боспора // VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. Тез. докл. М., 1999. С. 50; *Дмитриев А.В., Малышев А.А.* Мысхакское поселение – античный центр Бата на Торетском мысу // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М.–Новороссийск, 2005. С. 85; *Малышев А.А.* Юго-восточная периферия... С. 95.
8. *Онайко Н.А.* К истории Бат // Вестник древней истории. 1976. № 1. С. 113–116; *Она же.* Юго-восточная окраина... С. 91; *Шишлов А.В.* Археологические памятники г. Новороссийска и история их исследования // Исторические записки. Исследования и материалы. Новороссийск, 1996. Вып. 2. С. 51.
9. *Брашинский И.Б.* Указ. соч. С. 64; *Онайко Н.А.* К истории Бат... С. 107–110; *Шелов-Коведяев Ф.В.* Комментарии // Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря // Вестник древней истории. 1998. № 2. С. 206; *Высокий М.Ф.* Указ. соч. С. 410–412; *Сапрыкин С.Ю.* Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 172.
10. *Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья: I. Πάτους, Πάτρασος, Πατραεύς // Проблемы античного источниковедения. М.–Л., 1986. С. 72–87; *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 174.
11. *Шилов В.П.* О расселении меотских племен // Советская археология. 1950. XIV. С. 123.
12. *Брашинский И.Б.* К истории Северо-Восточного Причерноморья... С. 64.
13. *Дмитриев А.В., Малышев А.А.* Могильник VI–II вв. до н. э. в устье Лобановой щели // Историко-археологический альманах. 1999. Вып. 5. С. 47; *Они же.* Синды, тореты, керкеты // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. М.–Новороссийск, 2005. С. 10; *Они же.* Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н. э. // *ABRAU ANTIQUA*. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М., 2009. С. 54; *Малышев А.А.* К вопросу о населении Черноморья в античную эпоху // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск, 2000. С. 96.
14. *Дмитриев А.В., Малышев А.А.* Синды, тореты, керкеты. С. 11; *Они же.* Население предгорий Северо-Западного Кавказа... С. 55.
15. *Высокий М.Ф.* Указ. соч. С. 421. Примеч. 77.
16. *Трубачев О.Н.* О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 48; *Он же.* Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // Вестник древней истории. 1978. № 4. С. 41; *Он же.* INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 24, 74.
17. *Онайко Н.А.* Архаический Торик... С. 105.
18. *Ельницкий Л.А.* Северопричерноморские заметки (по следам новых публикаций и исследований) // Вестник древней истории. 1950. № 1. С. 191; *Онайко Н.А.* Архаический Торик... С. 105.

-
19. Шелов-Коведяев Ф.В. Указ. соч. С. 266; Суриков И.Е. Указ. соч. С. 109.
20. Суриков И.Е. Указ. соч. С. 109, 110.
21. Дмитриев А.В. Синды, керкеты, тореты // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 41; Он же. Новороссийск в древней истории Отечества // Исторические записки. Исследования и материалы. Новороссийск, 1996. Вып. 2. С. 65; Он же. Греки и варвары побережья Северо-Западного Кавказа // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 6 археологического семинара. Краснодар, 1998. Ч. 1. С. 13; Он же. Юго-восточная граница Боспора. С. 49; Он же. Тореты, город Торик, мыс Торетский. С. 72.
22. Высокий М.Ф. Греческая колонизация... С. 422. Примеч. 87.
23. Книпович Т.Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.–Л., 1949. С. 97–102; Болтунова А.И. Был ли Танаис разрушен Полемоном? // Вестник древней истории. 1969. № 2. С. 57–59; Шелов Д.Б. Танаис – эллинистический город // Вестник древней истории. 1989. № 3. С. 51–53; Данышин Д.И. Городская община Ταχαῖται в Танаисе // Проблемы исследования античных городов. Тез. докл. М., 1989. С. 38–40; Он же. Танаиты и танаисцы во II–III вв. н. э. // Краткие сообщения Института археологии. 1990. Вып. 197. С. 51, 52.
24. Грацианская Л.И. Центр и периферия: литературное воплощение этнопсихологических реалий в описании «варваров» // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 46; Маринович Л.П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 6 сл.
25. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. ССXLVII. С. 281, 282.
26. Онайко Н.А. Архаический Торик... С. 104, 105.
27. Трубачев О.Н. О синдах и их языке. С. 48; Он же. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 23; Он же. INDOARICA в Северном Причерноморье. С. 24, 53; Трубачев О.Н., Шапошников А.К. Этимологический словарь языковых реликтов INDOARICA // Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. С. 282, 283; Шапошников А.К. INDOARICA в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 64.
28. Шапошников А.К. INDOARICA в Северном Причерноморье. С. 41.
29. Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей... С. 111.
30. Дмитриев А.В. Памятники керкетов... С. 43–45; Он же. Синды, керкеты, тореты. С. 40; Дмитриев А.В., Малышев А.А. Могильник VI–II вв. до н.э. С. 47, 48; Они же. Синды, тореты, керкеты. С. 11–13; Они же. Население предгорий... С. 56, 57; Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. По материалам погребальных памятников. Анапа, 2006. С. 78.
31. Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Майкоп, 1990. С. 18, 20.

Очерк восьмой

**ЗИХИ И АБАЗГИ В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
АБХАЗО-АДЫГСКИХ ПЛЕМЕН**

В источниках античного периода и раннего средневековья имеется большое число разнообразных сведений соотносящихся с древними абхазо-адыгскими племенами и народами. В их числе детали быта и важные события в жизни этих племен, а также многочисленные этнонимы, топонимы, антропонимы, позволяющие определить расположение абхазских и адыгских народов в различных областях Кавказа, их развитие и связи с другими народами и странами. Важное место в этом массиве разнообразных сведений занимают материалы, связанные с характеристикой зихов и абазгов, Зихии и Абасгии. В настоящей статье эти, в принципе хорошо известные и доступные материалы рассматриваются в тесной связи со сведениями о других абхазских и адыгских племенах – родственных зихам и абасгам.

I

Племена, прочно ассоциирующиеся с абхазами и адыгами, особенно часто упоминаются в трудах античных писателей начиная с I века нашей эры. Так, Плиний Старший пишет о *зигах, кизиках, скизах*, живущих в низовьях Дона и в Восточном Приазовье. *Синды и керкеты* (их также относят к адыгам) отмечены на левом берегу Кубани¹. К северу от реки Фасис (Ингури), живет «племя абшилов» (абхазов). В 100 000 шагов от Фасиса находится римская крепость Себастополис (Сухуми), за которой до Кавказского хребта живут племена *санников* (санигов) и *гениохов*. На их территориях расположен город Питиунт (Пицунда)².

В «Географии» Страбона, написанной еще раньше – в самом начале первого тысячелетия нашей эры, зиги (зихи) фигурируют как небольшое племя в районе Цемесской бухты между ахеями и керкетами. А область «иазыгских сарматов» лежит между Борисфеном (Днепром) и Истром в соседстве с гетами и ургами³.

В других местах своего труда Страбон помещает зигов между ахеями и гениохами, сближая их как жителей одних и тех же высоких гор, не имеющих гаваней⁴. Он пишет также, что эти племена живут морским разбоем, для чего искусно пользуются узкими и легкими лодками – камарами. Отмечается, что из-за отсутствия корабельных стоянок после пиратских походов им приходится переносить эти лодки в свои леса на плечах⁵. Мы узнаем также о социальном расслоении у этих народов. Управляют ими, как сказано, некие скептухи, являющиеся высшим привилегированным слоем общества. А скептухи, в свою очередь, «подвластны тиранам и царям», – пишет Страбон.

В целом зиги, ахеи и гениохи в представлении Страбона – это близкие народы, с одним и тем же социальным строем и образом жизни. Кажется, причину этого единства он видит в том, что эти племена сформировались под влиянием переселившихся к ним греков – «ахейцев» и «лаконцев». У писателей последующего времени, в частности, у Дионисия Периегета и Руфия Фест Авиена такая роль («катализатора» социального и этнического развития зихов и других местных племен) отводится также пеласгам⁶.

Сочинение Дионисия Периегета («Описание населенной земли»), написанное им во II веке, представляет в этом отношении особый интерес. В числе других народов Кавказа, ассоциирующихся с древними абхазо-адыгскими племенами, он называет меотов, синдов, киммерийцев, керкетов, торетов, ахейцев, гениохов, зихов, тиндариев. Согласно Периегету, в этой строго последовательности они занимали с севера на юг, восточный берег Азовского моря до страны колхов, где расположена река Фасис (Ингури). При этом зигов, живущих между гениохами и тиндариями (это апсилы или абхазцы, названными здесь тиндариями по имени Тиндария – отца Диоскуров). Дионисий называет «чадами земли пеласгийской»⁷. Не исключено, таким образом, что и этноним *зиги* происходит от пеласгов, которые, по словам Страбона, «были племенем, постоянно кочевавшим и весьма подвижным»⁸, за что пеласгов, как и финикийцев, относили к так называемым « народам моря ».

Впрочем, это лишь гипотеза, которая не исключает и другие версии формирования этнонима *зихи*. Например, вполне приемлима, на наш взгляд, высказывавшаяся нами ранее версия происхождения данного этнонима из адыгского слова *зыхэ*, в котором первый элемент – *зы* означает «один», «единый», а второй – *хэ* используется в значении «общество», «родина», «край»⁹.

При этом в этимологическом отношении между термином абазги/абазы и зиги/зихи нет принципиальной разницы. Этноним *абазги/абазы* и производный от него этноним *абхазы* восходит, вне всякого сомнения, к этнониму зиги, внедрившемуся в традиционные древние названия абхазоязычных племен – абешла и апсуа. И отсюда целый ряд этнонимов, наглядно демонстрирующих переход от *зигов* к *абасгам* и *абхазам*: *азы*, *азги*, *зега*, *азега*, *адзыг*, *абазг*, *абхаз*. В исторической Шапсуги сохранились топонимы (названия рек, гор, хребтов) с элементом аз – Азыпс, Азып, АзгьукI, Азыш тау¹⁰. Обращают на себя внимание и данные Х.С.Бгажба о том, что шапсуги – хакучинцы из аула Кичмай называли абхазцев азами¹¹. По мнению К.Х.Меретукова, не исключено, что так называли абхазцев все шапсуги.

В один ряд с этими данными следует поставить и ойконим *ал-Анджаз* с вариантом *ал-Абджар* в известном сочинении Ибн Саида Магриби (XIII в.). По мнению В.В.Бартольда, к которому присоединяется И.К. Коновалова, при иной расстановке графем эти термины допускают прочтение в виде *ал-Абхаз*¹² с элементом *аз*, который, как мы убедились, является этническим термином зихско-адыгского происхождения.

Для лучшего понимания такого рода этнонимического обмена невозможно переоценить значение, которое имеет этнический термин *азега*. Судя по материалам Л.Я.Люлье и Ад.Берже он использовался адыгами для обозначения всех абхазоязычных племен¹³. В этом качестве он применяется и сейчас представителями черкесской диаспоры в Турции, а именно – по отношению ко всем представителям абхазской и абазинской диаспоры. А в современном адыгейском языке сохраняется слово *адзыгъ* в значении «абхаз»¹⁴. Таким образом, фактически азами называли и называют абхазцев не только шапсуги. Это был и остается общий для всех адыгов термин для обозначения абхазов, для всего абхазоязычного населения Кавказа.

С другой стороны, этнический термин *аз* лежит в основе абхазского названия адыгов, на что указывал еще П.К.Услар. «Абхазцы, – пишет он, – называют Азухо, то есть азами, племя Адиге, живущее от них к

северу, к стороне Кубани»¹⁵. Трудно сказать, является ли это, как считал Услар, «очевидным доказательством» того, что «страна по Кубани в незапамятные времена называлась Азией»¹⁶. Но сам факт внутреннего единства абхазо-адыгских народов сомнений не вызывает. «Очевидным доказательством» этого единства является, кроме всего прочего, практика взаимных названий и обозначений с элементом *зы/аз/зг*.

II

Во II в. н. э. Апсилия (Абхазия), Абастия (Авастия), Санника (будущая Жаннетия), а также Зихия предстают как сравнительно крупные этнополитические образования, имеющие своих «царей» и входящие в состав Римской империи. Об этом пишет в 134 г. Флавий Арриан в сочинении «Объезд Эвксинского Понта». Этот труд, составленный по результатам плавания по Черному морю до Диоскуриады (Сухуми), был представлен как отчет императору Адриану, правившему Римом в период его расцвета. В V в. аналогичные данные, с небольшими, но очень важными дополнениями и уточнениями приводит Псевдо-Арриан, безымянный автор, одноименное сочинение которого основано на материалах Арриана.

Зихов, санигов, абасков и апсилов Флавий Арриан называет в числе самых значительных народов Восточного Причерноморья¹⁷. Их земли простираются от Тамани на севере до Диоскуриады на юге. Земли зихов расположены от гавани Пагры (Геленджик) до реки Ахеунт (Шахе). Река Ахеунт «отделяет зилхов (зихов – Б.Б.) от санигов»¹⁸. К югу от санигов живут абаски. За абасками в южном направлении следуют апсилы. Сообщается также о царях этих племен и народов. Зихи, по словам Арриана, подчиняются царю Стахемфаку. Санигами управляет царь Спадаг (Спедага), абасками царь Ресмаг (Римага), апсилами – царь Юлиан. Первые три царя получили власть от римского императора Адриана. А апсильский царь Юлиан «коронован» еще раньше императором Траяном, отцом Адриана.

Из сочинения Псевдо-Арриана мы узнаем дополнительно к тому, что сказано об интересующем нас предмете, некоторые другие любопытные сведения. Отмечается, в частности, что царство абасков (абазгов) располагалось между реками *Абаска* (Бзыбь?) и *Брухонт* (Мзымта). А саниги («санихи») живут от реки *Брухонт* (Мзымта) до реки *Ахеунт* (Шахе)¹⁹.

Лучше представить общую картину сложившейся в этом районе культурно исторической ситуации и специфики позволяют и некоторые другие детали данного описания еще. Например, Псевдо-Арриан пишет, что река Брухонт «ныне называется Мизигом», что лишний раз убеждает нас в том, что речь идет о р. Мзымте. Реку Ахеунт Псевдо-Арриан называет «доступной для судов». И в самом деле, река Шахе, с которой ассоциируется у нас Ахеунт, одна из самых глубоководных в этом районе. Добавим к этому, что древнее название реки Мзымты – Брухонт, несомненно, было связано с племенем брухов или убыхов. Видимо отсюда начинались их земли, простираясь до Ахеунта (Шахе), по верховьям этих двух рек (Брухонта и Ахеунта), в то время как в низовьях жили саниги.

Такое представление этнической географии данного региона во многом совпадает с той, мы застаем здесь в XIX в. Это свидетельствует с одной стороны о том, что Флавий Арриан и анонимный автор V в. (Псевдо-Арриан) были хорошо осведомлены об этом крае. С другой стороны, мы убеждаемся в том, что сложившаяся в начале первых веков нашей эры

этнической ситуация в этом районе оставалась, не претерпевая каких-либо существенных изменений на протяжении почти двух тысячелетий.

Касаясь зихов, Псевдо-Арриан обращает внимание на процесс объединения множества мелких племен под этим названием. Усиление зихов и зихского влияния на Западном Кавказе сопровождалось, как следует из сообщений Псевдо-Арриана, поглощением одних племен и вытеснением некоторых других. Можно предположить, что в числе племен, вытесненных зихами в другие районы Восточного Причерноморья, были колхи, лазы. Часть гениохов, как видно, объединилась с зихами, а другая часть мигрировала на юг и постепенно соединилась с абасгами, утратив признаки своей самостоятельности. Наблюдается, таким образом, консолидация мелких племен, их объединение вокруг двух народов – зихов и абазгов.

Об усилении зихов и о некоторых других существенных изменениях этнической ситуации в Восточном Причерноморье Псевдо-Арриан пишет следующим образом:

«Итак, от Старой Ахеи (совр. Джубга) до Старой Лазики (совр. Ново-Михайловка) и затем до реки Ахеунта прежде жили народы, носившие имена: гениохи, кораксы, колики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы, а ныне живут зихи»²⁰;

«От гавани Пагры (совр. Геленджик) до Старой Ахеи прежде жили так называемые ахейцы, а ныне живут зихи»²¹.

Что касается пространства между Синдской гаванью и Пагрой (Геленджиком), то оно, как утверждает Псевдо-Арриан, был занято в это время (V в.) «эвдусианами» (готами или гуннами). Но раньше этот район принадлежал, по его словам, керкетам и торитам²². Два последних племени, насколько мы понимаем, объединились с синдами. Об этом свидетельствует и относящееся к V в. н.э. свидетельство Гесихия Алесандрийского о том, что «керкеты: народ синдский»²³. Видимо, то же самое можно сказать и в отношении торетов. Известно, что они были либо очень тесно связаны с керкетами, либо были этим же самым племенем (то есть керкетами), но под другим названием²⁴. В любом случае керкеты и тореты находились в составе и в сфере влияния Синдики.

При этом синды никогда не входили в союз зихских племен и были больше связаны с меотскими племенами, на основе которых сформировались впоследствии западноадыгские (западнокассские) племена и страна Каса, Касахия, Кашакия, о чем пишут позже, в X в., хазарский царь Иосиф, византийский император Константин Багрянородный, арабский географ Масуди.

III

В VI в. Абасгия прирастает на севере территориями, принадлежащими до этого зихам. Как явствует из сочинения Прокопия Кесарийского «Война с готами», границы абсагов простирались от апсилиев (абхазов) до гор Кавказского хребта. При этом брухи (убыхи), находясь в составе абасгов, занимают горные районы Абасгии на ее границе с Аланией. В данном случае перед нами первое достаточно отчетливое наименование убыхов, и еще более четкое определение занимаемой ими территории. Определяется и новое расположение санигов, на северном склоне Кавказского хребта. Для этнической истории абхазо-адыгских племен эти сообщения настолько важны, что лучше всего привести их целиком:

«За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и алан. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи. В древности этим зехам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам.

За ними живут сагины; приморской же частью их страны издревле владели римляне»²⁵.

Эти и другие аналогичные сведения говорят нам о том, как осуществлялась колонизация Восточного Причерноморья. В зависимости от римлян и греков попадали абхазо-адыгские племена, живущие у моря, а те, что находились в горах оставались свободными или относительно свободными, как брухи (убыхи) и саниги. Одновременно на тех участках Причерноморья, где позволяли обстоятельства, римляне строили собственные поселения, защищенные крепостями.

С этим связаны и сообщения о местных царях, назначаемых Римом. Время от времени народ свергал этих царей, желая, как и общества в горах, сохранить свою независимость. Об этом мы также узнаем из сочинения Прокопия Кесарийского. Абасги, – пишет он, – подчинялись двум «царям», один из которых по имени Опсит владел ее юго-восточной частью страны, а другой по имени Скепарн – ее северо-западной частью. Но власть этих царей была поколеблена, и «абасги, низложив своих царей, решили жить на свободе»²⁶. Мы узнаем также, что абазги, как и апсилы, в середине VI в. находились в зависимости от лазов и византийцев. Император Юстиниан (Юстиниан I), по словам Прокопия, построил для них храм Богородицы и, «назначив им священников, добился того, чтобы они приняли христианский образ жизни». В то же время народ, по словам Прокопия, все еще почитал рощи и деревья, «полагая, что деревья являются богами».

Столь же важны сведения Прокопия о зихах. В частности, сообщение о том, что они «утверждаются» в это время на северных склонах Кавказского хребта вдоль побережья Черного моря (Понта Эвксинского). За ними, видимо, к востоку от зихов, и также на северных склонах Кавказских гор, живут, по его словам, «сагины» (саниги)²⁷. Из этого следует, что в VI в. саниги уже покинули места своего прежнего обитания между рекой Абаска (Бзыбь) и Ахеунт (Шахе), где они жили между абазгами и зихами.

Судя по всему, переселение санигов на северный склон Кавказского хребта произошло задолго до событий описываемых Прокопием Кесарийским. Возможно еще в III в. К такому выводу располагают данные Певтингеровой карты, основа которой создавалась в III в. На этой карте саниги (Sannigae) отмечены к югу от народа Caucasi (кавказы, касы, касахи) на северо-западных отрогах Большого Кавказа²⁸. Иными словами, саниги к этому времени занимали традиционно зихские территории и сами, с самого начала были, возможно, зихским племенем. Показательно, что Ад.Берже и вслед за ним Л.Я. Лавров возводят к санигам черкесское племя и княжество Жане в низовьях Кубани²⁹. Справедливость этого заключения подтверждается многими источниками, среди которых Певтингерова карта занимает особое место как одно из самых ранних и наглядных свидетельств переселения санигов на северный склон Кавказского хребта.

В VI в. зихи (и объединившиеся с ними саниги) вышли из подчинения рухнувшей Западно-Римской империи и еще не подчинились ее приемнице Византии. Прокопий Кесарийский прямо на это указывает:

«В древности этим зехам римский император назначил царя; теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам»³⁰. Власть Рима и Византии над Зихией, как видно, была всегда не достаточно прочной. Возможно, это лишило зихов поддержки со стороны римлян во время нашествия готов в 230–250 гг. и гуннов в 1371 г. Этим завоевателям удалось вытеснить зихов из северных территорий страны, из окрестностей современного Новороссийска и Геленджика. Отсюда слова Прокопия о том, что к северу от зихов и санигов до «Меотского болота» (Азовского моря) и до реки Танаис (Дон) живут гунны и отдельные группы готов³¹.

Но пребывание готов на севере Зихии продолжалось недолго, а численность гуннов постоянно сокращалась под давлением зихов с юга и родственных им касских племен с востока. Уже в середине VI в., когда схлынули первые волны готского и затем гуннского нашествия Зихия и особенно Абагсия еще больше расширяют свои границы, постепенно усиливают свое влияние на соседние страны и народы, вступают в сложные отношения с Византией, Грузией, Аланией, с Древней Русью.

IV

К VI в. относится также и усиление роли касских племен Северного Кавказа. Касы (касконы), постепенно вытесняют гуннов и устанавливают еще более тесную культурную и политическую связь с близкими им по культуре и языку зихами, абазгами, апсилами, с некоторым другими местными племенами Центрального Кавказа и Восточного Причерноморья. Об этом свидетельствует свод грузинских летописей «Картлис Цховреба», где сообщается о народе *хаскун* (каскуп; осет.-аланск.: каскон, кашкон), живущем между аланами и авазгами (абасгами).

Император Юстиниан, как сказано в летописи, «вел войну в пограничной к Овсетию стране, на границах Авазгии с племенем, называемым хаскун, восставшим против греков»³². По мнению А.В. Гадло, это сообщение повествует о событиях, имевших место в 549–550 годы, когда адыги (каскуп) поддержали абасгов, над которыми учинили жестокую расправу византийцы и картлийцы. В ответ на это по указанию Юстиниана I каскуны подверглись вторжению в их страну лазского войска, возглавляемого Парсманом, одним из живших в Лазике картлийских царевичей³³.

Абазги, как можно понять из контекста этих сведений, а также из того как представляет события Прокопий Кесарийский, воспользовавшись войной персов с византийцами, и, следуя примеру зихов, вышли из подчинения Рима и Византии. И тогда византийцы, соединившись с лазами, ввели в Апсилию и Абагсию войска и стали силой принуждать народ к повиновению, уничтожая всех, кто оказывал им сопротивление. По свидетельству Прокопия, окруженные со всех сторон абазги, укрывшись высоко в горах в хорошо защищенном укреплении, отчаянно сражались, защищая своих жен и детей, пока византийцы не подожгли их дома и не превратили их в пепел. В результате многие защитники страны погибли, а другие попали в плен. Абагсия была опустошена.

Один из правителей Абаггии – Скепарн остался в это время с персами. А другой правитель – бежал с небольшим отрядом «к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта», – пишет Прокопий³⁴. Но там, как известно, гуннов не было. Судя по цитированным выше материалам грузинской летописи, Опсит бежал через Кавказский перешеек в Касахию и обратился за помощью к касам (к касконам),

а не к гуннам. Касконы, соединившись, как видно, с санигами и другими зихскими племенами, выступили на стороне абасгов и застав византийские войска врасплох нанесли им поражение.

Все это подводит нас к лучшему пониманию цитированного выше сообщения грузинской летописи. Становится понятным, чем была вызвана война императора Юстиниана с «племенем хаскун» в стране, граничащей с Овсетией и Авазгией. Возмущенные дерзостью касов (каскунов), византийцы объединились с лазским войском и обрушились на каскунов. Продемонстрировав свою мощь в войне с Касахией (Кавкасией), византийцы вновь установили свое господство над Апсидией, Авазгией, а заодно и над Зихией. В отношении Касахии это едва ли удалось в той же степени. Но влияние византийцев на касов с этого времени усиливается. Юстиниан – *Юстин*, *Юстук*, стал, по словам Ш.Ногмова, «союзником адыгейского народа и даже называл себя адыгейским витязем»³⁵. Благодаря уважению, которым он пользовался среди людей, сложилась даже традиция клясться юстиниановым троном для подтверждения произнесенных слов³⁶.

Именно в этот период в Касахии, также как в Зихии, Абасгии, Апсидии начинает распространяться христианство православного толка, причудливо соединявшееся с традиционными верованиями и обрядами.

1. Плиний Секунд Г. Естественная история. VI. 19.

2. Там же. VI. 14, 16.

3. Страбон. География. II, 5, 31; XI, 2,12; VII. 3. 17.

4. Там же. V. 7. 31; XI, 2. 12.

5. Возможно, по этой причине (а не по той, что указана Страбоном) один из трех названных народов был назван *гениохами* – «возничими», а точнее, как мы понимаем, «носителями лодок-камар» – выражение которое полностью соответствует адыгскому слову *кхъуафэныхь*. Не исключено, что отсюда – из древнего адыгского названия данного племени – происходит и этноним *гениох*, и распространенная кабардинская фамилия *Кхъуэныхь*.

6. Дионисий Перизет Описание населенной земли. 652–710; Руфий Фест Авиена. Описание земного круга. 852–891.

7. Дионисий Перизет. Там же.

8. Страбон. География. XIII. 3. 3.

9. Бгажноков Б.Х. Историческая этнография и география Черкесии // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. 12. С. 30.

10. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 1981. С. 11.

11. Бгажба Х.С. Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии. Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Сухуми, 1956. Т. XXVII. С. 289.

12. Бартольд В.В. Абхазы // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VII. М., 1971. С. 475–476; Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XII–XIV вв. М., 2009. С. 44.

13. См.: Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические очерки. С. 9; Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе С. 8–12.

14. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 2010. Т 1. С. 25.

15. Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1881. Вып. X. С. 327.

16. Там же.

17. Флавий Арриан. Обезд Эвксинского Понта. 15, 27.

18. Там же. 27.

19. Псевдо-Арриан. Обезд Эвксинского Понта. 56.

20. Указ. соч. 59.

21. Там же. 60.
22. Там же. 63.
23. *Гесихий Александрийский*. Лексикон // *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ. 1948. № 4. С. 700
24. См. в настоящем сборнике статью *А.М. Новичихина* «Керкеты и тореты – древнее население Черноморского побережья Западного Кавказа».
25. *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. М., 1950. С. 383.
26. Там же. С. 382–383, 400.
27. Там же. С. 383.
28. *Подосинов А.В.* Восточная Европа в Римской картографической традиции. М., 2002. С. 310, 358.
29. *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858. С. 16; *Лавров Л.И.* К истории бжедугов и жанеевцев. Уч зап. Адыгейского научно-исследовательского института. Краснодар, 1965. Т. 14. С. 252.
30. Там же.
31. Там же. С. 484.
32. *Джанашвили М.Г.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 21.
33. *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н. э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 29.
34. *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. С. 400–401.
35. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 89.
36. Там же.

ГОТЫ И АНТЫ В ФОЛЬКЛОРЕ АДЫГОВ

В современной историографии получило распространение мнение, согласно которому известная из византийских сочинений под именем «анты» группа населения обитала со второй половины IV в. по начало VII в. в Северном Причерноморье в междуречье Дуная и Дона. Казалось бы, такая локализация вполне соответствует данным Иордана, Прокопия Кесарийского, Менандра, Феофилакта Симокатты, Псевдо-Маврикия и других раннесредневековых византийских авторов. Однако исследователи давно обратили внимание на ряд пассажей, содержащихся в фольклоре некоторых народов Северного Кавказа, которые позволяют локализовать владения антов не только в Северном Причерноморье, но и на Северо-Западном и Центральном Кавказе. Данные сюжеты полностью противоречат устоявшимся представлениям о локализации территории антов в эпоху Великого переселения народов. Естественно, это требует логического объяснения.

Так, в 20-е годы XX в. А. Ольрик обратил внимание на то, что в осетинской устной традиции существуют воспоминания о борьбе предков осетин с племенем «Gut». Это дало ему основание считать, что Иордан, повествуя о борьбе антов Божа с готами Винитария, имел в виду не антов-славян, а северокавказских аланов, которые, по его мнению, называли себя антами¹. В этом мнении А. Ольрика поддержал Л. Шмидт, который считал вообще весь эпизод войны Винитария с Божем мифом². Г. Вернадский также считал антов аланами и полагал, что сообщение Иордана о борьбе антов с остроготами и данные Аммиана Марцелина о войне остроготов с аланами отражают одни те же события. Основанием для таких предположений стала выдвинутая самим Г. Вернадским гипотеза, согласно которой одно из обозначений северокавказских аланов – «ас» происходит от «ант»³.

Однако особого объяснения требует то, что народ «анты» широко представлен в фольклоре адыгов. Так, еще в первой половине XIX в. Ш.Б. Ногмов отметил, что в его время в Кабарде старцы вместо самоназвания всех адыгов «адыге» «выговаривают это слово сходно с прежним его произношением – *антихе*». Кроме того, исследователь зафиксировал в поэзии адыгских народов термины, содержащие в себе этноним *ант*: *антыпоконьеса* – антский княжеский сын, *антигишао* – антский юноша, *антигиуорк* – антский дворянин, *антигишу* – антский всадник⁴. Но наибольший интерес вызывают совпадения в сюжетах фольклора адыгов и сочинения Иордана (VI в.) «О происхождении и деяниях гетов».

Адыгское предание, по данным Ш.Б. Ногмова, повествует: «... на реке Баксане жил князь Дауо, у которого было восемь сыновей и одна дочь. Старший сын его, Баксан, был знаменитый нарт своего отечества. Говорят, что он был убит Готфским царем со всеми своими братьями и восьмидесятью знатнейшими нартами. Услышав это, народ предался отчаянию: мужчины били себя в грудь, а женщины рвали волосы на голове, говоря: ... “убиты, убиты Дауовы восемь сыновей, увы! Дауовы восемь сыновей”»⁵. При этом Ш.Б. Ногмов добавляет: «... сестра убитых Дауовых сыновей собрала их трупы и похоронила с честью на

берегу Этоко, где воздвигнула над их могилой каменный памятник, существующий и ныне»⁶.

В память об этих событиях в среде адыгов, по словам Ш.Б. Ногмова, существовал обычай, согласно которому каждый год в середине апреля молодые девушки с распущенными волосами кружились в хороводе и пели песню, якобы сочиненную сестрой убитых. Содержание песни представляет особый интерес:

«Геройство Баксана освещает
антский народ своими доблестями,
Хоира сжимает ночами антский воин,
и где бы он ни ездил, конь без вреда привозит его домой.
О родина Дауова Баксана, хотя
он уже не существует, но когда будет
добывать тебя Гут, не покоряйся.
Сонм нартов, отводя щитами удары
вражеских копий, единодушно призывал
Бога на помощь; но Баксану
не удалось участвовать в этой молитве.
Весь народ почитал его за благого духа;
когда начиналось сражение
и удары блистали как молния, –
его присутствие поселяло в антском
народе уверенность.
Гутские истязания не прекращаются,
весь антский народ пришел в отчаяние,
потому что восемь пар волос
привезли его тело на родину.
Собрав греков, предложила им
сделать памятник. Хотя каменный
образ ниже его, но сходство с ним
уязвило мое сердце. Народ не
покидает траура, и чтоб его увековечить,
реку Альтуу назвал Баксаном»⁷.

Ш.Б. Ногмов совершенно справедливо отметил, что данный сюжет очень напоминает сюжет Иордана о борьбе антов Божа с готами Винитария⁸. Однако, при этом он подчеркнул: «Разность между изустным преданием и историей весьма незначительна. Боксо то же, что Баксан, но с греческим окончанием. Одна лишь разница в месте жительства антов довольно значительна; вместо севера этот народ жил на восток от Черного моря»⁹.

Для сравнения следует напомнить данные Иордана о событиях второй половины IV в., которые происходили в Северном Причерноморье. По его сведениям, после смерти короля готов Германариха готы разделились на везеготов (западных готов) и остроготов (восточных готов). При этом последние, возглавляемые Амалом Винитарием, остались в Северном Причерноморье и вынуждены были подчиниться гуннам. Однако Винитарий не мог смириться с этим поражением и поэтому выступил против союзников гуннов – антов: «Понемногу освобождаясь из-под их (гуннов. – О.Б.) власти и пробуя проявить свою силу, он (Винитарий. – О.Б.) двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями его и с семидесятью старейшинами для устрашения». Однако со временем вождь гуннов Баламбер отомстил за

это остроготам и победил Винитария возле реки Эрак¹⁰. Е.Ч. Скржинская доказала, что река «Эрак» – это Нижний Днепр¹¹. Следовательно, события, описанные Иорданом, происходили не на Северо-Западном Кавказе, в местах исконного обитания предков адыгов, а в степях Северного Причерноморья. Однако чем же можно объяснить, что фольклор современных адыгоязычных народов повторяет во многих деталях сюжет Иордана, но при этом владения антов локализируются в районе Северо-Восточного Причерноморья?

Современный кабардинский исследователь А.Ж. Кафоев верит в историчность преданий о пребывании антов на Северном Кавказе и при этом поддерживает мнение Г. Вернадского о тождественности антов и аланов. При этом он полагает, что термин *аланы* на Северном Кавказе покрывал не только ираноязычных аланов, но и использовался для обозначения народов, в том числе адыгов, которые входили в состав этнополитического объединения, созданного аланами. В результате этого А.Ж. Кафоев сделал весьма интересное предположение: «Предки северокавказских народов (адыгейцы, кабардинцы, черкесы, балкарцы, и если верить Дербент-Наме, то и дигорцы) наряду с предками юго-восточных славян (причерноморских) входили в обширный антский племенной союз, и поэтому старинные кабардинские песни упоминают адыге-антов, и песня сестры братьев Тауовых (Дауо) обращена в силу этого к антам, а не адыгам, чем еще раз подтверждается тождественность этих понятий»¹².

Версии о кавказском происхождении антов также придерживался В.П. Кобычев, который по этому поводу отметил: «Сторонники одной из старейших гипотез видели в антах кавказскую народность (по другой версии – династию) адыгов, или, по-русски, черкесов. В пользу этой гипотезы свидетельствуют многочисленные, хотя и не всегда четкие и прямые данные. Начать хотя бы с того, что еще в XIX в. у черкесов-шапсугов была зафиксирована родовая группа *антхэр*, где *хэр* является показателем множественного числа, и фамилии *Антоко* (абадзехи) и *Антелава* (абхазы). Далее, Страбон упоминает на Таманском полуострове какую-то реку под названием *Anticites*, в которой обычно видят один из северных рукавов (в нижнем течении) Кубани. Она же, вероятно, река *Anthii*, *Anticae* Плиния и Птолемея. По сообщению кавказоведа XIX в. Л.Я. Люлье, в его время наименование *Антхирь* (*Антхэр*?) носил один из мелких притоков реки Убина на Северо-Западном побережье Кавказа. В сохранившихся фрагментах убыхского языка (одного из черкесских племен) *анта* обозначает “чудовище, лесной человек”. Можно отметить также наличие адыго-кавказского субстратного пласта в языке, топонимии и культуре населения Восточного Прикарпатья, Днепровско-Днестровского и Нижне-Дунайского бассейнов»¹³. В результате, если следовать его логике, анты представляли собой этническую группу северокавказского происхождения, которая мигрировала в эпоху Великого переселения народов в Северное Причерноморье и возглавила приднепровских славян, что нашло свое отражение в сочинении Иордана. Однако данная гипотеза, с одной стороны, переключается с адыгским фольклором об антах и готах, но, с другой стороны, дает северопричерноморскую, а не кавказскую локализацию легендарных антов.

Поэтому возникает вполне закономерный вопрос: почему сюжеты Иордана были зафиксированы в фольклоре адыгов только Ш.Б. Ногмовым?

В связи с этим отметим, что текст оригинала его рукописи «Истории адыгейского народа», где содержатся сведения об антах на Кавказе, не сохранился. При этом варианты копий рукописи Ш.Б. Ногмова, дошедшие до наших дней, подвергались редакторской правке без наблюдения самого автора. Следует также учитывать осведомленность самого Ш.Б. Ногмова о содержании многих исторических сочинений. Следовательно, сюжет Иордана о войне антов с готами мог попасть с легкой руки самого Ш.Б. Ногмова или его редакторов в его сочинение и быть приписан к сюжетным линиям адыгского фольклора. Однако нет оснований для сомнений в добросовестности самого Ш.Б. Ногмова. Поэтому следует признать фактом существование в фольклоре некоторых групп адыгов сюжетов об антах и готах, перекликающихся с текстом сочинения Иордана. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: кто, когда и где создал сюжет об антах Божа и готах Винитария? Второй вопрос: как этот сюжет попал к Иордану и в фольклор северокавказских народов?

В этой связи следует обратиться к наиболее ранней фиксации этой легенды – сочинению Иордана «Getica».

При анализе интересующего нас фрагмента текста Иордана необходимо обратить внимание на следующие особенности:

1) не известен автор, из сочинения которого Иордан мог позаимствовать данный сюжет;

2) нарушена хронология событий, но ясно, что описанные события происходили где-то в конце IV в., т. е. после появления гуннов в Северном Причерноморье;

3) рассказ напоминает содержание легенды;

4) нейтральность повествования: с одной стороны описаны подвиги готов, а с другой стороны – рассказывается о жестокости готов по отношению к антам и их окончательном поражении от гуннов;

5) анты в конце IV в. проживали вблизи от реки Эрак;

6) название *анты* упомянуто в данном повествовании лишь один раз, а в остальных случаях для их обозначения были использованы местоимения.

Попытаемся разобраться, у какого автора Иордан мог позаимствовать сюжет об антах Божа и готах Винитария.

По словам Е. Ч. Скржинской, Иордан был знаком с сочинениями «Ливия и Тацита, Страбона и Мелы, Иосифа Флавия и Диона Кассия; он пользовался географическими картами и читал Птолема, не был чужд и более “новой” литературе, обращаясь к Дексиппу, Аммиану Марцеллину, Орозию, Иерониму, Сократу, готскому историку Аблавию...»¹⁴. Ясно, что все упомянутые авторы, кроме Аммиана Марцеллина и Аблавия, не могли передать Иордану легенду о ранних антах конца IV в. Тем не менее, Е.Ч. Скржинская отметила, что «Иордан сохранил, например, великолепные отрывки из фрагментарно дошедших до нас записей Приска»¹⁵. Однако очень часто Иордан не указывал свой источник информации, как в случае с упомянутой гото-гуннской войной на землях антов вблизи реки Эрак. Поэтому не исключено, что тут мы имеем дело с фиксацией готского фольклора.

По данным Е.Ч. Скржинской, «Иордан не был самостоятельным в своем труде, представляющим собой лишь сокращение обширной хроники готского историка Кассиодора (умер после 583 г.), посвященной истории готов и не сохранившейся до нашего времени. Трудно или даже невозможно выделить ту долю самостоятельно добавленного материала, которую вероятно Иордан, все же внес в свою в основном сознательно-

компилятивную работу»¹⁶. Е.Ч. Скржинская отметила также, что «до нас не дошло сочинение Кассиодора, тот большой труд в двенадцати “томах” или “книгах”, о котором как об основе своей работы говорит Иордан и о котором неоднократно упоминает сам автор, называя его то “Historia gothica”, то просто “historia nostra” или “origo gothica”»¹⁷. Как видим, Кассиодор был готским историком, хотя, скорее всего, записал на греческом языке свое сочинение¹⁸. Однако не известно, можно ли его считать одним из первых фиксаторов легенды об антах Божа и готах Винитария?

Среди некоторых исследователей получило распространение также мнение, что одним из источников Иордана стало сочинение готского историка Аблабия, посвященное истории готов, о чем могут свидетельствовать три ссылки на этого автора (§§ 28, 82, 113) в сочинении Иордана¹⁹. А.Н. Анфертьев считает: «Источниками Аблабия были, вероятно, кроме готских преданий и песен (предполагается, что он был готом по рождению) также греческие авторы – Дион Хризостом, Дексипп и Приск...»²⁰. Таким образом, трудно установить, у кого из своих предшественников – Кассиодора или Аблабия – Иордан мог заимствовать легенду, где содержится первое упоминание об антах. Получается, что данный фольклорный сюжет готов попал к готскому историку Иордану от одного из готских историков первой половины VI в. – Кассиодора или Аблабия.

Отметим, что «анты» были зафиксированы как персонажи в фольклоре некоторых германских народов. Например, даже в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.Э. Эфрона было отмечено: «**Анты** или антские люди являются в нынешних и средневековых легендах Тироля и Хорутании: в легендах этих говорится об Антах, что они жили в пещерах, вдали от всех цивилизованных людей и не имели с ними никаких сношений»²¹. На основании подобных данных, Я. Гримм выдвинул даже гипотезу, согласно которой древненемецкое *antisc* ‘antiquus, priscus’, англосаксонское *entisc* ‘giganteus’ от *ent* ‘gigas’ – «гигант» и родственные им слова происходят от этнонима **анты**, который обозначал в народных верованиях загадочный древний народ вроде спалов, чуди, обров²².

Следовательно, готский фольклор мог стать одним из источников для фольклора тех народов Кавказа, чьи предки в прошлом контактировали с готами. Поэтому особый интерес заслуживают сведения Прокопия Кесарийского о так называемых «готах-тетракситах». Прокопий сообщает о местонахождении готов-тетракситов следующее: «Рядом с теми местами, откуда начинается устье “Болота” (Керченский пролив. – О. Б.), живут так называемые готы-тетракситы; они немногочисленны и тем не менее не хуже многих других с благовением соблюдают христианский закон». Далее Прокопий уточняет, что готы-тетракситы жили в азиатской части Боспора и подчинялись непосредственно утигурам. При этом Прокопий повествует о причинах переселения готов-тетракситов на территорию Северо-Западного Кавказа.

По словам Прокопия, гунны-утигуры решили покинуть степи Северного Причерноморья с тем, чтобы поселиться в Северо-Восточном Приазовье. Далее византийский историк уточняет: «Недалеко от Меотийского Болота (Азовского моря. – О.Б.) они (утигуры. – О.Б.) встретили так называемых готов-тетракситов. И сначала готы, устроили преграду из своих щитов против наступавших на них, решили отразить нападение, полагаясь на свою силу и на крепость своих позиций (Перекопский перешеек)». Однако в дальнейшем готы

отказались от сопротивления гуннам-утигурам и «вступили друг с другом в переговоры с тем чтобы, соединив свои силы вместе, совершить переход; они (гунны-утигуры. – О.Б.) решили, что готы поселятся на противоположном (восточном. – О.Б.) материке у самого берега пролива (Керченского. – О.Б.), там, где они живут и теперь». Что же касается утигуров, то они также, как и готы-тетракситы, форсировали Керченский пролив и расселились в степях восточнее Азовского моря. При этом Прокопий локализовал антов не на Северном Кавказе или на Боспоре, а на север от владений утигуров²³.

Исследователи уже давно высказали мнение, что это переселение готов и гуннов-утигуров следует датировать серединой V в.²⁴ Однако данные письменных источников свидетельствуют о том, что употребление термина «утигуры» при анализе событий V в. весьма не корректно, ибо это реалии более позднего времени. Это же можно сказать и об употреблении этнонима «гунны» в VI в.

Как отмечает готский историк Иордан, после смерти Аттилы во второй половине V в. часть гуннов двинулась на восток и поселилась в степях Причерноморья²⁵. Иордан писал, что уже в середине VI в. в причерноморских степях проживали болгары²⁶. С того времени многие авторы начинают путать гуннов с булгарами, а это побуждало некоторых исследователей считать, что под названием «гунны» могли быть известны во многих случаях болгары. После Иордана этноним *булгары* временно исчезает со страниц византийских хроник, а вместо него во второй половине VI в. начинают употребляться термины *кутригури* и *утигури*. Прокопий Кесарийский и Агафий писали, что к востоку от Танаиса (Дона. – О.Б.) в стране Эвлисии проживают утигури, а на запад – кутригури²⁷. Исходя из того, что названия *кутригури* и *утигури* употреблялись вместо этнического термина *булгары*, логично связать эти племенные объединения с булгарами. Именно в потомках утигуров и кутригуров исследователи склонны видеть основателей Великой Болгарии²⁸.

Что же касается употребления термина *гунны*, то во времена Прокопия в VI в. он уже являлся обозначением уже исчезнувшего народа. В данном случае в сообщении Иордана содержится намек на то, что болгары-утигуры своим происхождением могли быть связаны с гуннами младшего сына Аттилы Ирника, о котором Иордан сообщал, что тот после смерти отца достиг «Малой Скифии» (Iordanis)²⁹.

Кроме того, Прокопий упоминает о готах-тетракситах и при описании событий первой половины VI в. в четвертой книге «De bello Gothico». Тогда византийский император Юстиниан I утвердил христианство в стране «Авазгов», построил им храм во имя Богородицы и дал им священников и епископа. Готы-тетракситы, узнав об этом, обратились к нему с просьбой помочь и им в их духовных нуждах. Незадолго до того у готов умер их епископ. Отправив в Константинополь посольство из четырех человек, они просили Юстиниана прислать им нового пастыря. Император радушно принял посольство и отправил епископа готам. Прокопий прибавляет, что при встрече готы изложили только свою просьбу о епископе, но при тайной встрече дали весьма важные сообщения относительно тех выгод, какие императорское правительство может достичь, если посетит раздор в среде варварских племен, занимающих дальние области³⁰. Ю.А. Кулаковский склонен датировать это событие «от 1 августа 547 до 31 июля 548 года нашей эры»³¹. Поданным Прокопия, спустя некоторое время Юстиниан послушался

советов готов-тетракситов, ибо последние приняли в них активное участие. Речь идет о походе утигуров против их сородичей-кутригуров. В походе утигуров за Дон принимали участие и готы-тетракситы в количестве 2 тысяч человек³².

Что же касается локализации готов-тетракситов, то Прокопий помещает их южнее обитавших в Восточном Приазовье утигуров, на север от которых в его время проживали анты: «За сагинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, нанимают варвары вплоть до так называемого “Меотийского Болота” и до реки Танаиса (Дона), который впадает в “Болото”. Само это “Болото” вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов. Рядом с теми местами, откуда начинается устье “Болота”, живут так называемые готы тетракситы; они немногочисленны и тем не менее не хуже многих других с благоговением соблюдают христианский закон. [Танаисом местные жители называют и то устье, которым начинается от Меотийского Болота Танаис и, простираясь, как говорят, на двадцать дней пути, впадает в Понт Эвксинский, и даже тот ветер, который дует тут, они называют Танаитой]»³³. Как видим, в середине VI в. готы-тетракситы не являлись соседями антов, ибо их разделяли владения утигуров. А этот момент следует учитывать, если в адыгском фольклоре речь идет о столкновениях готов и антов. Получается, что реалии середины VI в. не могли лечь в основу фольклорного сюжета адыгов.

После этого готы-тетракситы, казалось бы, навсегда исчезают со страниц истории. Однако древнерусская поэма «Слово о полку Игоревом», созданная после событий конца XII в., их упомянула в пассаже о «Готских прекрасных девах» и «времени Бусовом»:

«... Се бо Готьскія красныя девы
въспеша на брези синему морю:
звоня Рускым златомъ,
поют время Бусово,
делеютъ мечь Шароканю...».

В этой связи обратим внимание на то, что еще в XIX в. некоторые исследователи высказали предположение, что упомянутый «Бус» – это князь антов Бож, о котором писал еще Иордан³⁴. Что же касается «готских прекрасных дев», то ни у кого нет сомнений, что речь идет о готах-тетракситах, которые должны были проживать или на восточном берегу Азовского моря, или на северо-восточном побережье Черного моря. Доказательством этого может являться то, что в «Слове...» неоднократно упоминается Тмутаракань. Как видим, и на Руси мог быть известен сюжет Иордана о готах Винитария и антах Божа. И это могло находиться в прямой связи с готами-тетракситами, проживавшими недалеко от Тмутаракани.

Относительно готов-тетракситов еще в XIX в. было написано немало исследований. Большинство ученых справедливо видели в них отдельную от крымских готов группу населения. Со второй половины XIX в. возобладало мнение о расположении готов-тетракситов на Тамани и в районе современной Анапы (до Геленджика)³⁵. Как правило, данную территорию отождествляли с Эвдусией анонимного Перипла Чёрного моря и Эвлисией Прокопия.

Что же касается этимологии слова «тетракситы», то на этот счет высказывались различные мнения. Так, архимандрит Арсений полагал, что готы так назывались по числу общин. А.А. Куник видел в этнониме переиначенное слово *τετρακίς* (четырёхкратно) в соответствии четырёх послам тетракситов к Юстиниану I. Н.П. Ламбин предположил, что *тетракситы* – это составное имя, где первая часть произошла от четырёх климатов Готии, а вторая – от названия «скифы». Таким образом, название *тетракситы* Н.П. Ламбин переводил как «скифы тетрархии». В. Г. Васильевский, исходя из того, что готы-тетракситы обитали там, где позже находилась Тмутаракань, выдвинул версию, что слово «тетракситы» исказилось у Прокопия в «тетракситы»³⁶.

Не менее спорна дальнейшая судьба готов-тетракситов. Ф.А. Браун считал, что погибли они раньше своих крымских соплеменников³⁷. По мнению Ф.К. Бруна, именно тетракситы были теми готами, которые в 823 г. принимали участие в восстании Фомы Славянина против византийского императора Михаила II. По его же мнению, готы-тетракситы также могли находиться в войске абхазского князя Бера, который жил в земле «сарматов» и напал в 943 г. на город Карс. Ф.К. Брун предполагал, что русский князь Изяслав Мстиславович, женившийся в 1154 г. на царевне из обез, взял эту царевну из среды народа под именем готов-тетракситов³⁸. По мнению Ю.А. Кулаковского, готы-тетракситы сохраняли «национальную самостоятельность» и после Юстиниана I, так как «Слово о полку Игореве» упоминает о готах в Приазовье»³⁹.

Как видим, судьба готов-тетракситов после VI в. остается загадкой. И что характерно, на тех землях, где проживали готы-тетракситы, в более позднее время письменными источниками стали упоминаться племена адыгов. К сожалению, мы не знаем, какие были отношения между пришельцами-готами и местными племенами аборигенов. Сообщение Прокопия позволяет прийти к выводу, что на юг от страны Эвлисии находились племена «сагинов», которые в прошлом утратили выход к Черному морю. На Черноморском же побережье поселились «зехи» или зихи. Так, Прокопий сообщает: «За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и аланов. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи. В древности этим зехам римский император назначил царя, теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам. За ними живут сагины; приморской же частью их страны издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления. Севастополь и Птитунт, находящиеся друг от друга на расстоянии двух дней пути, и с самого начала держали здесь военный гарнизон. В прежнее время, как я сказал (гл. II, § 16), легионы римских войск занимали ее местечки по побережью от Трапезунта до страны сагинов: теперь же у них оставались только эти два укрепления, к которых еще в мое время стояли гарнизоны. Но когда персидский царь Хозров был призван лазами в Петру, он очень хотел послать сюда персидское войско, с тем, чтобы оно захватило эти укрепления и само заняло их своим гарнизоном. Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, то, предупреждая врагов, они сожгли дома и до самого основания разрушили стены и, без малейшего промедления сев на суда и переправившись на противолежащий материк, ушли в город Трапезунт. Правда, они причинили ущерб Римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей и большую пользу, потому что враги не смогли завладеть этой страной; не достигнув никакого результата вследствие разрушения крепостей, враги

вернулись в Петру. Вот какие дела были здесь. За сагинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, нанимают варвары вплоть до так называемого «Меотийского Болота» и до реки Танаиса (Дона), который впадает в «Болото». Само это «Болото» вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами»⁴⁰.

Существует мнение, что в сагинах следует видеть часть адыгских племен⁴¹. Что же касается зихов (зехов Прокопия), то у исследователей нет сомнений в их адыгском происхождении. Таким образом, этнические группы адыгов Северо-Западного Кавказа были известны византийским авторам под этнонимами – зихов и сагинов у Прокопия Кесарийского, зихов, папагов и касахов у Константина Багрянородного. Этноним «зихи» появляется еще в «Географии» Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.). Его знают Клавдий Птолемей, Дионисий, Арриан и Стефан Византийский. Позднее Зихию упоминают византийские авторы Епифаний и Феофан Исповедник (VIII–X вв.)⁴². Таким образом, имеются основания предполагать, что из местных аборигенных групп Северо-Западного Кавказа в VI в. контактировать с готами-тетракситами могли сагины. Однако после VI в. данный этноним не упоминается, а это позволяет считать, что этноним *зихи* мог поглотить все иные этнические наименования субрегиона. Сохранились ли в это время готы-тетракситы, трудно сказать. Поэтому весьма проблематичным может являться определение характера взаимоотношений готов-тетракситов с местными этническими группами. Однако пролить на это свет могут данные археологии.

Понаблюдениям И.О. Гавритухина и А.В. Пьянкова, в Северо-Восточном Причерноморье в предхазарский период ситуация выглядела следующим образом: на могильнике Бжид, как и на могильнике Сопино, «в VI–VII вв. полностью господствуют ингумации в каменных ящиках или грунтовых ямах с сосудами, поставленными у ног»; на могильнике Агойский аул «нет могил с каменной обкладкой и господствует юго-восточная ориентировка погребенных»; аналогичная ситуация зафиксирована и на Борисовском могильнике⁴³.

Этот могильник, находящийся близ Геленджика, был исследован В.В. Сахановым более ста лет назад и им же был датирован на основе нумизматического материала как V–VII вв., так и IX в.⁴⁴ Для данного некрополя была характерна поливариантность погребального обряда. В.В. Саханов выделил на могильнике три группы захоронений, различных по хронологии и особенностям погребального обряда. Особый интерес могут представлять первая и вторая группы, которые исследователь датировал VI–VII вв. Подавляющее большинство этих захоронений были совершены по обряду ингумации в каменных ящиках или, в некоторых случаях, в простых грунтовых ямах. Ориентация погребенных была различной. Кроме того, в 128 могилах этих групп были встречены и синхронные грунтовым захоронениям семь кремаций, совершенным на стороне, но помещенные в 6 случаях в каменные ящики и один раз в грунтовую яму⁴⁵.

В.В. Саханов относительно большинства ингумационных захоронений VI–VII вв. Борисовского могильника, совершенных в каменных ящиках, высказал, и не без оснований, предположение об их принадлежности зихам⁴⁶. Что же касается трупосожжений, в 6 случаях помещенных в каменные ящики, то В.В. Саханов справедливо отметил, что эта часть Борисовского

могильника «очень близка к могильникам крымских готов»⁴⁷. Это последнее предположение в какой-то степени подтверждается последними результатами археологических раскопок в Крыму. Так, А.И. Айбабин отметил появление на полуострове уже в III в. нового типа захоронений: трупосожжения, которые совершались в урнах с прахом в каменных ящиках, в ямах с каменным перекрытием, в простых грунтовых ямах и т. п., а также жженые кости помещались в небольшие ямы.⁴⁸ По мнению исследователя, «признаки, присущие рассматриваемым крымским погребениям с кремацией всех вариантов, позволяют связать их с германцами»⁴⁹. Как видим, погребальный обряд ранних готов Крыма был аналогичен, но не идентичен кремациям Борисовского могильника VI в. Этому найдутся объяснения, но это не входит в предмет рассмотрения настоящего исследования. Добавим также, что если бы носители обряда кремации находились во враждебных отношениях с абorigенами, практиковавшим обряд ингумации в каменных ящиках, то они вряд ли могли хоронить своих умерших на одном могильнике с ними.

Казалось бы, ничто не мешает нам считать следующее: сюжет о борьбе готов с антами могли занести на Кавказ, в среду адыгов, готы-тетракситы, где он со временем адаптировался к местным реалиям и стал частью адыгского фольклора. Однако имеется один весомый контраргумент для данного предположения.

Так, Ш.Б. Ногмов в своей книге «История адыгейского народа» вслед за повествованием об антах и готах приводит другой фольклорный сюжет адыгов об аварском хане Байкане, который покори́л многие народы: «Очередь доходила и до нашего народа. Хан Байкан потребовал от него через своих послов подданства. Но князь Лавристан и другие вожди адыгейские не хотели исполнить желание хана и отвечали его послам гордыми и неприятными речами. Послы хана стали поддерживать достоинство своего повелителя; от переговоров возгорелось между ними и князьями ссора и послы заплатили жизнью за свою дерзость. Хан не мог простить жестокого оскорбления, нанесенного ему в лице послов. Он собрал огромное войско, вступил от берега Черного моря в землю адыгов и завладел ею до реки Баксана. Преимущественно месть его устремилась на князя Лавристана и других вождей. Не отыскав его, он опустошил его отечество, ограбил селения, сжег поля и истребил много жителей. Бедный народ, облитый кровью, без корма и без пропитания, искал спасения в горах, пещерах и дремучих лесах...»⁵⁰.

Как это ни странно, но этот сюжет очень перекликается с сюжетом, приведенным византийским историком второй половины VI в. Мена́ндром в «Продолжении истории Агафиевой». Только там аварского хана звали не Байкан, а Баян, и вместо адыгов с их вождем Лавристаном были упомянуты анты с их вождем Мезамиром. А все остальное почти идентично.

Так, Мена́ндр в своем «Продолжении истории Агафиевой» описал события после 558 г. Это описание войны антов с аварами, что могло иметь место во второй половине VI в. Мена́ндр сообщает, что анты подверглись нападению со стороны аваров, вследствие чего «Анты отправили к Аварам посланником Мезамира, сына Идаризиева, брата Келагастова, и просили допустить их выкупить некоторых пленников из своего народа». Однако посланец антов, прибыв к аварам, «закидал их надменными и даже резкими речами». Это не понравилось кагану аваров Баяну и его окружению и имело для антов трагические последствия: «Авары... уклонились от должного к лицу посланника уважения, пренебрегли правами, и убили

Мезамира. С тех пор пуще прежнего стали Авары разорять земли Антов, не переставали грабить ее, и поработать жителей»⁵¹.

Это заметил уже сам Ш.Б. Ногмов и дал этому следующее объяснение: «Предание во всем сходно с историей. Но повесть о Лавристане, кажется, перенесена несправедливо к славянам европейским, которые смешаны в повествовании с кавказскими антами. Те и другие были покорены аварским ханом. Но подробность и верность предания насчет местности относительно пути, по которому следовал хан аварский, вступивший в землю антов, от берега Черного моря, наименование дорог от этого моря до р. Кубани *смертоносными Байкановыми путями*, наконец, верность в именах, приведенных в этом сказании, сохранившаяся через многие столетия, не позволяют сомневаться в достоверности предания»⁵².

Аналогичного мнения также придерживается А.Ф. Кафоев: «В отличие от сообщения Менандра “Предание о войне адыгов с Байканом, ханом аварским” имеет ряд преимуществ. С адыгским преданием сосуществует текст исторической песни, что делает его более убедительным. Кроме того, предание ссылается на топонимику края и на сохранившиеся поговорки»⁵³.

Несмотря на это, обратим внимание на то, что сюжеты адыгского фольклора о борьбе антов с готами и о борьбе адыгов (антов) с аварами в точности повторяют сообщения историков из Византии – Иордана и Менандра. Следовательно, для обоих сюжетов может быть один источник – византийская историческая традиция. Не логичным может выглядеть предположение, что сюжет о борьбе готов и антов попал к адыгам от готов-тетракситов, а сюжет о нашествии аварского хана – из Византии. Не стоит забывать, что Иордан и Менандр жили в одну эпоху. Получается, что сюжеты об антах и готах, а также об аварах могли попасть в адыгскую среду не раньше второй половины VI в. Остается лишь выяснить: возможно ли было это?

Как уже отмечалось, в первой половине VI в. при императоре Юстиниане I византийцы проявляли интерес к народам Северо-Восточного Причерноморья, стремясь установить свое влияние через распространение халкидонского христианства. В этот процесс оказались втянутыми не только готы-тетракситы, но и зихи.

В соответствии последним данным В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружининой, мы знаем, что Зихская епархия уже существовала со второй трети VI в. По их наблюдениям, первоначальным центром епархии являлась Никопсия, располагавшаяся на р. Нечепсухо. В середине VII в. название Зихия служило общим наименованием для области церковной юрисдикции кафедр Северного и Северо-Восточного Причерноморья. С VII в. в Нотичиях Константинопольского патриархата Зихия упомянута как кафедра в подчинении Константинопольского патриархата. Однако около 800 г. кафедра Зихии относится к епархии Абазгии. Во второй четверти – второй половине IX в. Никопсийская кафедра была напрямую перенесена в Матарху на Тамани (территория будущего Тмутараканского княжества). В соответствии Нотичиям Константинопольского патриархата, уже с X в. Матарха являлась центром Зихской епархии⁵⁴.

Не стоит сомневаться в том, что вместе с халкидонским христианством на землях зихов стала распространяться и византийская культура. А это предполагает то, что некоторые сюжеты из сочинений историков Византии могли попадать в Восточное Причерноморье. И поэтому не стоит упускать из виду, что одним из мест контактов Руси с византийской культурой мог являться Таманский полуостров, где в конце X–XI вв. существовало

Тмутараканское княжество. Может быть, поэтому не лишено оснований мнение Н.Г. Головина и О. Огоновского, согласно которому упомянутый в «Слове о полку Игоревом» «Бус» являлся князем антов Божем, о котором писал еще Иордан⁵⁵. Добавим к этому упомянутых там «Готских красных дев» на «брезе синего моря», а также неоднократное упоминание Тмутаракани в поэме. Получается, что с сюжетом о Бусе (Боже) выходцы из Руси могли познакомиться на Таманском полуострове. От них он попал на Русь и отголоски этой легенды нашли свое отражение в «Слове...».

Еще в XIX в. В.Ф. Миллер обратил внимание на многие совпадения в фольклоре Руси и народов Северного Кавказа. Это он объяснил, в первую очередь, тем, что более столетия существовало Тмутараканское княжество, а это предполагало периодические контакты руси с проживавшими рядом ясами-аланами и касогами-адыгами. Они то, по его мнению, и явились носителями сюжетов⁵⁶. Если В.Ф. Миллер прав, то получается, что с сюжетом о Бусе (Боже) русь могла познакомиться от касогов на Тамани в XI в. Следовательно, сюжет о готах Винитария и антах Божа мог попасть к адыгским племенам в значительный промежуток времени: с конца V по конец X вв.

Тогда возникает вопрос: почему адыги в своих сказаниях отождествляли себя с антами? Обратим внимание на наблюдения тех исследователей, согласно которым в прошлом среди части адыгов получили распространение самоназвания, напоминавшие этноним *ант*: *антихе*, *антхэр* и т.п.⁵⁷ Не стоит также упускать из виду, что взаимоотношения адыгов Северо-Западного Кавказа и готов-тетракситов не всегда носили мирный характер. Поэтому фольклорные сюжеты о борьбе антов с готами в адыгской среде могли подвергнуться обработке. А это в конечном итоге привело к тому, что враждебные готам-тетракситам зихи и касоги стали называть себя «антами» в своих сказаниях, почерпнутыми из сюжетов сочинения Иордана.

Аналогичным образом можно объяснить, почему в осетинской устной традиции существуют сказания о борьбе предков осетин с племенем «Gut»⁵⁸. Стоит напомнить, что в средние века влияние византийской культуры на предков осетин – аланов было не менее значительным, чем на предков адыгов.

Отметим, что северокавказские аланы уже в раннее средневековье стали принимать христианство. Первым обстоятельно коснулся данной проблемы еще в XIX ст. Ю.А. Кулаковский в специальной статье «Христианство у алан», где он высказал поддержанный тогда многими исследователями тезис, в соответствии с которым лишь в начале X в. северокавказские аланы перешли в христианство, а до того были язычниками⁵⁹. По мнению Ю.А. Кулаковского, северокавказские аланы стали христианами в то время, когда Николай Мистик во второй раз занимал в Константинополе патриарший престол, т.е. между 912 и 925 гг.⁶⁰ Однако спустя десятилетия некоторые историки стали предлагать более раннюю датировку событий. Так, Фр. Дворник, А.П. Новосельцев и некоторые другие современные исследователи высказывали мнение, что северокавказские аланы приняли христианство еще в IX в.⁶¹ Другие историки стали полагать, что северокавказские аланы стали христианами уже в самом начале X в., т.е. в первое патриаршество Николая Мистика, что имело место между 901 и 907 гг. К числу сторонников этого мнения следует отнести В.А. Кузнецова, О. Прицака, З.Н. Ванеева, А.В. Гадло и др.⁶² Следовательно, принятие аланами христианства из Византии способствовало также культурному

воздействию на аланов со стороны византийцев. Это не исключает того, что к аланам могли попасть отдельные сюжеты исторических сочинений из Византии, например, сказание Иордана о борьбе антов Божа с готами Винитария. И как это часто бывает, сюжет мог адаптироваться в местной среде и поэтому мы встречаем в осетинской фольклоре упоминание о борьбе предков осетин с племенем «Gut».

Но возможно и альтернативное объяснение этого явления: предки осетин могли заимствовать сюжет о готах от своих соседей-кабардинцев, у которых, как мы видели, он пустил глубокие корни. По данным персидских историков, зимой 1395–1396 гг. войско Тимура, во время похода против золотоордынского хана Тохтамыша, двинулись из Азова в земли черкесов, которые уже проживали на равнине в степях Предкавказья⁶³. По наблюдениям археолога Н. А. Шафиева, в XIV–XVI вв. в степях Северного Кавказа, от берегов Черного моря до с. Ачхой на территории бывшей Чечено-Ингушетии, получили распространение многочисленные курганные и безкурганные могильники, которые исследователь склонен был связать с расселением адыгов-черкесов⁶⁴. Отметим, что их южными соседями являлись аланы – предки осетин. Одним словом, уже в XIV в. сюжет о борьбе с готами мог попасть от предков кабардинцев к предкам осетин.

Таким образом, распространенность сюжета о борьбе антов с готами на Кавказе можно объяснить тем, что предки современных адыгов, известные из средневековых сочинений как “зихи”, “касоги” и т. п., а также современных осетин – аланы, длительное время находились под воздействием византийской христианской культуры. И поэтому сюжеты об антах, содержащиеся в сочинениях Иордана и Менандра, могли через посредство византийцев попасть к народам Северо-Восточного Причерноморья и со временем адаптироваться в местной фольклорной среде. Отметим необычность ситуации. Обычно фольклорные сюжеты попадают в историческую литературу и становятся составляющей хроник. Здесь же мы видим ситуацию с точностью до наоборот: из византийских исторических сочинений сюжеты об антах и готах попали в среду кавказских народов, трансформировались там и стали частью местного фольклора.

1. *Olrík A.R.* Die Sagen vom Weltuntergang. Berlin–Leipzig, 1922. S. 464.

2. *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München, 1934. S. 256.

3. *Vernadsky G.* Ancient Russia. New Haven: Yale univer. press, 1943. P. 83–84, 106, 126, 130.

4. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд., 1958. С. 67.

5. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. С. 94.

6. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. С. 67.

7. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. С. 95–96.

8. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. С. 67.

9. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. С. 97.

10. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов // Пер. и комм. Скржинской Е.Ч. М.: Изд. вост. лит, 1960. С. 115.

11. *Скржинская Е.Ч.* О склавинах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне // Византийский временник М., 1957. Т. XII. С. 25; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов // Пер. и комм. Скржинской Е.Ч. М.: Изд. вост. лит, 1960. С. 323–324.

12. Кафоев А.Ж. Адыгские памятники. Нальчик: Каб.-Балк. кн., изд., 1963. С. 49–50, 73–75, 95.
13. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 93–94.
14. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. С. 26.
15. Там же. С. 56.
16. Скржинская Е.Ч. О склавинах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне. С. 3.
17. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. С. 33.
18. Там же. С. 26.
19. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. С. 70, 82, 89.
20. Иордан / Пер. и ком. Анфертьева А. Н. // Свод древнейших известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.). М.: Изд. вост. лит, 1994. С. 100.
21. Анты // Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. – Эфрона И.Э. Т. 2. СПб., 1890. С. 872.
22. Веселовский А.Н. Заметки сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Журнал министерства народного просвещения. 1868. № 140 (ноябрь). С. 80–86.
23. Procopius Caesarensis. De bello Gothico. IV. 4–5; Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. М.: АН СССР, 1959. С. 385–388.
24. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Васильевский В.Г. Труды. Т. 2. СПб., 1912. С. 375; Кулаковский Ю.А. К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове // Византийский временник. Т. 2. СПб., 1895. С. 192–194.
25. Иордан. О происхождении и деяниях гетов // Пер. и ком. Скржинской Е.Ч. М.: Изд. вост. лит, 1960. С. 118–120.
26. Там же. С. 37.
27. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. Кондратьева С.П. М.: АН СССР, 1959. С. 385–388, 434–438, 467; Агафий. О царствовании Юстиниана. М., 1953. С. 73, 88–89, 147–149.
28. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. С. 160–169; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: ЛГУ, 1979. С. 95–113; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 73–75.
29. Иордан. О происхождении и деяниях гетов // Пер. и ком. Скржинской Е.Ч. М., 1960. С. 118–120.
30. Procopius Caesarensis. De bello Gothico. IV. 4.
31. Кулаковский Ю.А. К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове. С. 13.
32. Procopius Caesarensis. De bello Gothico. IV. 18.
33. Procopius Caesarensis. De bello Gothico. IV. 4; Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М.: АН СССР, 1959. С. 385–388.
34. Головин Н.Г. Примечания на «Слово о полку Игореве». М., 1846; Огоновский О. Слово о полку Игореве. Львів, 1876.
35. Брун Ф.К. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в России // Записки Академии Наук. Т. 24. Кн. 1. СПб., 1874. С. 19; Браун Ф.А. Готы // Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. – Эфрона И. Э. Т. 9. СПб., 1893. С. 443; Кулаковский Ю.А. К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове // Византийский временник. Т. 2. СПб., 1895. С. 189–198; Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Васильевский В.Г. Труды. Т. 2. СПб., 1912. С. 373–380; Готы-тетракситы в дореволюционной отечественной историографии / <http://kidm-psu08.ucoz.ru/publ/15-1-0-28>
36. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Васильевский В.Г. Труды. Т. 2. СПб., 1912. С. 379–380.
37. Браун Ф.А. Готы. С. 443.
38. Брун Ф.К. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в России // Записки Академии Наук. Т. 24. Кн. 1. СПб., 1874. С. 21–22.
39. Кулаковский Ю.А. К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове. С. 198.

40. Procopius Caesarensis. De bello Gothico. IV. 4; Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. М.: АН СССР, 1959. С. 385–388.
41. Происхождение адыгов (отрывок из книги Руслана Бетрзова “Адыги. Возникновение и развитие этноса”) / <http://www.aheku.net/articles/russian/hist/914>
42. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 19.
43. Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Северо-Восточное Причерноморье. Могильники VI–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 193–195.
44. Саханов В.Б. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Археологической комиссии. Т. 56. М., 1914. С. 75–219.
45. Саханов В.Б. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. С. 75–219.
46. Саханов В.Б. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. С. 173–174.
47. Там же.
48. Айбабин А.И. Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь, 1999. С. 24–25.
49. Там же.
50. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. С. 99–100.
51. Менадр. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. с греч. Дестуниса С. СПб., 1860. С. 324–325.
52. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. С. 103.
53. Кафоев А. Ж. Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника. Нальчик: Изд. Центр «ЭЛЬ-ФА», 1999. С. 35.
54. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Зихская епархия и попытки христианизации зихов // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2014 г. Материалы конференции. Москва, 2014. С. 286–291.
55. Головин Н.Г. Примечания на «Слово о полку Игореве». М., 1846; Огоновский О. Слово о полку Игореве. Львів, 1876.
56. Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. I–VIII. М., 1892. С. 33–36.
57. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. С. 67; Кобычев В.П. В поисках прародины славян. С. 93–94.
58. Olrik A.R. Die Sagen vom Weltuntergang. Berlin–Leipzig, 1922. S. 464.
59. Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Византийский временник. Т. V. Вып. 1–2. СПб., 1898. С. 7.
60. Кулаковский Ю.А. Христианство у алан. С. 1–9.
61. Дворник Ф. Миссии греческой и западной церквей на Востоке в средние века // XIII международный конгресс исторических наук. М., 1970. С. 10–11; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 106.
62. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. С. 197–214; Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.–Иерусалим: Гешарим, 1997. С. 161; Ванев З.Н. Средневековая Алания. Сталинири: гос. изд. Юго-Осетии, 1959. С. 169–172; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб.: СПГУ, 1994. С. 76.
63. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.–Л.: АН СССР, 1941. С. 92, 180–181.
64. Шафиев Н.А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). Нальчик: Нарт, 1968. С. 25, 38–40.

ЭТНОНИМ КАС В ТОПОНИМИКЕ ЕВРАЗИИ

I

Давно замечено, что термин *кас/касы* относится к числу древнейших названий адыгов.

Так, еще в 1922 г. Н.Я. Марр сопоставил племенное название *кас/кас-р* с «отложившими его в себе» топонимами на Кавказе и в Малой Азии. Среди них наименования стран, населенных пунктов, гор, морей: Каппадокия в Малой Азии, Кабарда на Северном Кавказе и г. Каспи в Грузии, ороним Кавказ (*Kav-kas*), гидроним Каспий (*Kasp*-ское море) и др. Несмотря на определенные сомнения, которые возникают по отдельным положениям данной статьи, общий вывод представляется нам совершенно бесспорным. Н.Я.Марр считает, что имена, содержащие этноним *кас/касп*, объединяют Каспийский бассейн с Понтийским и в целом это может свидетельствовать о соответственно широком некогда расселении в этом пространстве племени или племен под таким названием¹.

Следует отметить, кроме того, что спустя год, поддерживая и продолжая начатые Н.Я.Марром исследования в данной области, И.И. Мещанинов назвал касов (касситов) племенем, «давшим свое имя целой стране и морю (Кавказ и Каспий)»². Действительно в первой половине X века к западу от Алании располагалась Страна Каса. Об этом пишет хазарский царь Иосиф. Отвечая на письмо Хасдая ибн Шапрута из Кордовы, он сообщает, что на Кавказе существует несколько родственных между собой общностей, «живущих в стране Каса, к западу от алан»³. Сегодня мы уже точно знаем, что речь идет в данном случае об адыгских или касожских, черкесских общностях. Соответственно страна, которой эти общности дали свое имя – это *Каса* царя Иосифа, *Касахия* византийского императора Константина Багрянородного, *Касогы* древнерусских летописей, *Черкесия* – историков и бытописателей XIII–XV вв. и последующего времени.

К сожалению, в отечественной науке эти материалы, а также связанные с ними первые краткие выводы и оценки не привлекли должного внимания кавказоведов, не получили дальнейшего развития. Фактически, проблема внутренней связи и взаимного соответствия различных имен и названий с элементом *кас* после этого не ставилась. В монографических исследованиях по истории, исторической этнонимике и топонимике Передней Азии, Индии, Кавказа ее старательно обходили. До недавнего времени трудно было найти что-либо по этому вопросу и в специальных работах по древней и средневековой истории Кавказа, по северо-кавказской и черкесской географической и этнонимической номенклатуре⁴.

Выясняется между тем, что под воздействием племенного названия *кас/каш* в Передней Азии, Индии и особенно на Кавказе и в Крыму сложилось невероятно большое число этнонимов, оронимов, гидронимов, множество других имен. Выявление этого материала, объяснение причин, условий, хронологии, становления и применения имен с элементом *кас* необходимо для лучшего понимания истории самих касситов, а также для изучения истории народов, с которыми они были тесно связаны. Особенно важно

это для изучения ранней истории кавказских и в том числе черкесских племен.

На наш взгляд, здесь открывается большое поле для новых исследований, гипотез, открытий. Интригует сам по себе тот факт, что многие названия, в которых скрыт этноним *кас*, возникали и сохранялись в Евразии через сотни лет после господства касситов в Вавилоне (с 1600 по 1100-е гг. до н.э). С другой стороны, эти названия обнаруживают далеко от тех мест, где касситы сложились как народ, где громко заявили о себе, как о наследниках и продолжателях шумерской цивилизации и культуры. По мнению чешского ученого Б. Грозни, следы элемента *кас* в различных частях Евразии могут служить свидетельством «обширных странствований» и активного взаимодействия касситов с другими народами и прежде всего с народами кавказско-переднеазиатского круга⁵.

В самом общем виде вопросы распространения эламо-касситов на евразийском континенте, их воздействия на политическое и этническое развитие различных стран и народов были поставлены еще в 20–50-х годах прошлого века. Высказывалась мысль о возможности внутренней связи касситского языка с хаттским и соответственно с каскским языком, о близости касситов и кашков⁶. А это, как мы понимаем, неизбежно ставит и вопрос о характере взаимодействия касситского языка с иберийско-кавказскими языками, об участии касситов в культурогенезе и этногенезе древних народов Кавказа.

Здесь мы сразу наталкиваемся на целый ряд любопытных фактов. Например, не случайно в лезгинском языке слово *кас* используется в значении «человек», «мужчина», «муж» и одним из главных персонажей лезгинских сказаний и притч является мифический прародитель кавказцев Касбуба – «дед Кас»⁷. То же самое можно сказать и об адыгах. Достаточно сказать, что в X веке, как выясняется, их называли касами. А корневая морфем *кас* лежит в основе почти всех предшествующих и последующих названий адыгов на Северном Кавказе, начиная с античности, заканчивая нынешним временем: *касаг/касқун/касқон/кашак/касог/чаркас/джаркас/черкес*. Элемент *кас* содержится также в имени одного из родоначальников черкесской правящей династии. Различные варианты данного имени приводятся в сочинениях Эвлия Челеби, Яна Потоцкого, Шоры Ногмова и других историков, ср.: Кису, Серакес⁸, Кесс⁹, Кес¹⁰. В генеалогических картах черкесских правителей этого Кеса представляют обычно как прадеда знаменитого князя Инала, правившего Черкесией в конце XIV–начале XV века. К числу фактов, заслуживающих внимания, можно отнести также наличие формантов *s/as* и *ak/uk/ok* в именах касситских эламских и затем мидийских, ахеменидских царей, напоминая в этом отношении аналогичные суффиксальные морфемы черкесских личных имен и фамилий¹¹.

В любом случае следует признать, что у истоков этнонимов *кас/касқон/касаг/касог/чаркас/джаркас/черкес* на Северном Кавказе лежит, с одной стороны, культурно-языковая близость адыго-черкесов с касситами и каспами, а с другой их родство с *хаттами* и хаттским племенем *касқов/кашқов*.

Много внимания уделял этим вопросам Б. Грозни. Считая язык касситов одним из древних кавказских языков, он усматривал прямую связь между касситами Передней Азии и касогами Кавказа¹². В том же духе высказывались некоторые другие специалисты по истории Передней Азии и Кавказа – Г.А. Меликишвили, И. Алиев и др. Так, И. Алиев

касаясь данной гипотезы, и фактически поддерживая ее, писал: «Кашков, сближаемых с касситами, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемых грузинами *kasag* (древнерусск.: касоги)»¹³. Что же касается рассматриваемых в настоящей статье данных по исторической этнонимике и топонимике Евразии, то они лишней раз подтверждают обоснованность данной точки зрения, существенно дополняют известные материалы языкового родства и культурной близости эламо-каситов, касков, черкесов.

II

Утратив власть в Вавилоне, основная масса касситов отступила на северо-восток, где впоследствии, уже VIII–VII вв. до н.э., вошла в состав Мидии. Как известно, Мидия – государство, состоявшее из разноязычных племен и народов. Общались они между собой на иранском языке. Вместе с тем длительное время функционировали и поддерживались местные языки и культуры, родственные языку и культуре северокавказских племен¹⁴. Среди этих народов касситы занимали, безусловно, очень важное место. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в VII веке в центре Мидии находилась большая колония касситов под названием Кар-Кашши¹⁵. В 550 г. до н.э. Мидия оказалась во власти персидских царей из династии Ахеменидов. Однако и в составе Ахеменидской державы касситы сохраняли свою самостоятельность, а также, по всей вероятности, свой язык, отличный от иранского и, судя по всему, близкий абхазо-адыгским языкам. Заняв юго-западный берег Каспийского моря, «остатки первоначальных касситов» получили название *каспи*¹⁶, которое дали им эламиты. Соответственно местность или страна, населенная каспами, стала известна под названием Каспиана.

Одной из ветвей касситского народа считают и малоазийский хаттский народ касков, обитавший к западу от верховья Ефрата на северо-востоке Анатолии. Также как и касситов касков сближают с *касами/касагами* Северного Кавказа¹⁷. Известно, что это был могущественный союз древних племен, сформировавшийся, по-видимому, еще в III тыс. до н.э., в период господства в Анатолии хаттов. Поэтому их близость к каспитами нельзя однозначно связывать с продвижением последних в Анатолию из гор Загроса. Возможно, этот процесс шел в обратном направлении, вызванный и движимый активностью касков, постепенно расширявших места своего обитания. По мнению некоторых исследователей (Гр. Капацян), сначала часть касков дошла до Северной Месопотамии и обосновалась там в горах Загроса¹⁸. Затем, усилившись, эта группа воинственных племен – касов или касситов завоевала в начале XVI в до н.э. Вавилон и правила там до 1150 г..

Между тем Страна касков сохраняла статус самостоятельного царства несколько столетий после захвата касситского Вавилона эламитами, а также и после падения хеттской державы, с которой каски находилась в постоянной вражде. Поэтому косвенные данные о длительном пребывании касков и их потомков на юго-восточном побережье Черного моря прочно закрепились в топонимике, антропонимике, этнонимике этих мест. Например, на итальянских морских картах XIII–XVII веков к востоку от Трапезунда отмечен населенный пункт или город *Каса/Каска* (*Quisa/Quixa*)¹⁹. Под названием Каса фигурирует этот город и у Ибн-Сины во второй половине XIII века²⁰. По всем данным город с таким названием стоял здесь еще во второй половине II тыс. до н.э. – во времена господства касков в северо-восточной Анатолии. В Стране касков здесь

был населенный пункт Кассий (Kassia)²¹. А в античное время (по данным римского писателя Юлия Гонория в IV–V веках) в этом районе рядом с горой (горами) Армений располагались Кассийские горы – Cassius mons²².

По мнению Гр.Капацян, топонимы с элементом *кас/каш* в Армении уходят своими корнями во II тыс. до н.э., когда в Малой Азии возвысилось и распространилось многочисленное хаттское племя *гашга* или *кашка*, близкое к касситам²³. В древней Малой Армении «этническое древнее имя *khas* – «касит» отмечено в топонимах области Сюник – *Кашаквартал*, *Кашуния*, *Каша*²⁴. Упомянутые в сочинении армянского историка XIII века С. Орбеляна²⁵, эти названия могут служить дополнительным свидетельством прямых контактов протоармян с отдельными группами касских племен. Этноним *кас* сохранился и в топонимах современной Армении. Например, с касками связывают название села *Кашах* в области Битлиса²⁶.

В самой стране Кашка или Каска, расположенной к западу от древней Армении (Ацци-Хайасы), в некоторых географических названиях элемент *кас/каш* использовался в качестве общей основы: *Kasipa*, *Kasula*, *Kasimula*, *Kassu*, *Kassia*²⁷. Корневая морфема *кас* содержится, кроме того, в названии хаттского бога *Kashala*, а также в самом этнониме *kaska*, что по мнению историков свидетельствует о родстве касков и касситов.

Будучи одним из убежденных сторонников сближения касков с касситами, чешский историк Б. Грозни подчеркивал, что по всей вероятности, каски, называемые *gashgash* на хеттском языке и *kaskaya* на ассирийском языке, являются одной из касситских народностей²⁸. При этом язык касситов и касков, по его словам, мог быть одним из древних кавказских языков. И потому корневая морфема *кас* не случайно входит в состав целого ряда топонимов и этнонимов на Кавказе, в Малой Азии, на юге России. В их числе Б. Грозни, также как Марр и Мещанинов, называет топонимы *Кавказ*, *Каспийское море*.

С позиций кассито-северокавказских культурно-языковых связей рассматриваются кроме того и разного рода другие наименования как на Кавказе, так и за его пределами. В список имен с этническим именем *кас* Б. Грозни включает древнее название первой хеттской столицы – *Куссара*, обозначение горной системы – *Гиндукуш* в Афганистане, Пакистане и Индии, современный этноним *казак*, название «кавказского племени касхов или касогов» и др. Отмечается, что, возможно, именно касоги русских летописей X века были связующим звеном между кашкитами III–II тыс. до н.э. и казаками нашего времени, что вторгшиеся из Вавилона в Египет *кишиты* оказали влияние на египетский язык и культуру, что по своему происхождению каспийским или касситским народом являются *кушаны* в Бактрии и северо-западной Индии, что язык народа *бурушаски* на Гиндукуше находится в родстве как с эламо-касситскими, так и с кавказскими языками²⁹.

Можно продолжить этот список и включить в орбиту касского влияния Фракию на берегах Мраморного моря. Там, по сведениям древних писателей, располагалась область *Кизик*, население которой сохраняло название *кизикейцев*. Отсюда, надо полагать, распространение среди фракийцев имени Киссей. Известен, в частности, фракийский царь Киссей, отец Гекубы, ставшей женой Приама³⁰. При этом, видимо, не случайно язык и обычаи фракийцев обнаруживают ряд общих черт с языком и обычаями кавказцев, прежде всего черкесов³¹.

Конечно, все это требует дополнительной аргументации. Но сам по себе факт широкого распространения касских племен и касской этнотопонимической номенклатуры не подлежит никакому сомнению.

III

Контакты и культурные связи касситов с Кавказом были и длительное время оставались особенно внушительными. Поэтому в этнонимике и топонимике Северного Кавказа, а также тесно с ним связанного Крыма следы элемента *кас* представлены наиболее широко, разнообразно и зримо. И не только в прошлом, Многие топонимы, гидронимы, оронимы и другие названия, повторяющие данное имя или содержащие его в себе в качестве основы, сохраняются и в настоящее время. Например, река Сулак или Койсу в ее верховьях (на территории, занятой даргинцами и лакцами), называлась и называется сейчас древним именем *Кас*³². Ущелье в долине реки Ардон в Осетии носит название Кассарской – *Къасарагом*, *Къасара*. Вероятно (по некоторым данным еще в XIII–XIV вв., как мы увидим), здесь жили касы, акасы или касаги, что является одним из свидетельств их участия в этно- и культурогенезе осетинского народа. Видимо, прежде всего в этногенезе дигорцев, о чем писал В.Н. Абаев и другие исследователи³³.

Этнический термин *кас/касп* содержит в себе топоним Казбек – название самой большой и заметной после Эльбруса вершины Большого Кавказа. В древности, в сочинениях Эратосфена и вслед за ним Гиппарха и Страбона эта вершина была отмечена под именем *Каспий*³⁴. Затем, – видимо, лишь в средние века – топоним *Каспий* был преобразован в *Казбек* – название, в котором также представлен этноним *кас*³⁵.

Каспийским (то есть связанными с племенем каспиев, с их страной Каспианой и вершиной Каспий) назывался в античный период весь Кавказский хребет. Поэтому нет ничего неожиданного и в том, что в период средневековья в этом качестве используется иногда этнический топоним *Черкесские горы*. Так же, как и термин *Каф-кас* (Гора касов), он отражает масштабы распространения касских/черкесских племен на северных склонах Кавказского перешейка.

Существует на этот счет обширная и разнообразная литература. Например, в XV в. арабский географ Ибн-Арабшах пишет о том, что на Кавказе два моря – Каспийское (Кользумское) и Черное (Египетское) «почти сталкиваются, не будь промеж них гор Черкесских, составляющих между ними грань непроходимую»³⁶. Как синоним Кавказских гор фигурируют Черкесские горы в книге Утемиша-хаджи о Золотой орде. Сообщается, что в первой половине XIV века правитель Золотой орды Токтаги-хан убил своего младшего брата Тогрула. Вдова Тогрула, византийская принцесса Келин-Байалин, опасаясь, что хан вслед за ее мужем убьет и ее десятилетнего сына Узбека, укрыла его в Черкесских горах, в Черкесском вилайете³⁷. В 1668 году точно также использует данный топоним голландец Я.Я. Стрейс, описывая во время пребывания в г. Терки открывающуюся ему панораму Кавказских гор, он говорит: «Утром стало снова светло и ясно, и мы увидели по правую сторону высокие Черкесские горы»³⁸.

Следы элемента *кас* легко угадываются, кроме того, в названиях средневековых святынь Осетии. – *касуты дзуар*, а также в названиях связанных с этими святынями праздников: *касутæ*, *касутæ бон*, *касуты сабат*³⁹. Помимо этнического термина *кас* в основе этих названий лежит древний, по всей видимости, иранский, «топографический» (топонимический) аффикс *т* (*та*, *ты/да*), ассоциирующийся с понятиями места, местности, земли. На Кавказе с использованием данного аффикса образованы названия рек, морей, городов, этнических групп, стран: *Ахеунт*, *Мзымта*, *Бичвинта*, *Меотида*, *Пицунда*, *Тапанта*, *Кабарда* (*Кабарты*), *Осеты*, *Сванеты*, *Двалети*.

По той же модели построено обозначение адыгов и страны адыгов в хрониках монгольских завоеваний XIII в. Так, в хронике Алтан тобчи (Золотое сказание), составленной в 1620 г. монгольским ламой Лубсан Данзаном, постоянно встречаются сообщения о *чэркисутах/сэркэсутах* и *хасутах/касутах* (*serkesut, qasut*), а также о «землях чэркисутов»⁴⁰. Показательно, что эти земли упоминаются наряду с землями *оросутов* (русских), *асутов* (алан), *башкир*, *кипчаков*, *булгар* и других народов Евразии.

В одном словообразовательном ряду с этими обозначениями находятся некоторые современные названия селений Центрального Кавказа: *Каишуети* (*Каишвети*) в Верхней Сванетии, *Кашети* (*Каишете*, *Каишети*, *Кайшет*, *Кашет*) в горной Ингушетии⁴¹. Они также содержат этнический термин *кас* и топографический аффикс *т*. Поэтому нельзя исключать, что и в этом случае названия с элементом *кас* сохраняются как свидетельство некогда компактного проживания в этих местах касов или черкесов. Возможно, здесь расположены могильники, могильные сооружения касов или захоронения, произведенные по касскому (черкесскому) погребальному обряду.

Очевидная связь с касами и с осетинскими святилищами касурами обнаруживается в обозначениях чечено-ингушских и балкарских склепов и могильников, ср. – *кашун*, *малх каш*, *каш*, *кешене*. Наконец, нет сомнений в том, что особое место в списке аналогичных имен занимают абхазо-адыгские названия старинных крепостей и надземных склепов: абх. *акашана*, абаз. *кашана*, каб. *кэщана*. Похоже, что все они состоят из обозначения местного населения – *каш/кас* и достаточно продуктивного в адыгских языках аффикса *н/нэ/на*. Известно, что это распространенный в индоевропейских языках топо-патронимический аффикс. В отдельных случаях он придает образованному с его помощью существительному своеобразный эпический смысл, вызывая ассоциации с какой-либо значительной или сакральной местностью или субстанцией. Например, благодаря этому аффиксу образуется название страны, в которой жили каспы – *Каспиана*. По этой же модели образуются названия некоторых других известных областей – *Ариана*, *Маргиана*, *Согдиана*, а также названия племен и народов – поляне, древляне, удины, лезгины, грузины. Если мы не ошибаемся, в адыгских языках благодаря элементу *нэ* образованы такие слова как *унэ* – «дом». *анэ* – «мать». *аранэ* – «недоступная вершина», *гьуэгуанэ* – «путь-дорога», «жизненный путь», *нэхунэ* – «отблеск», «светлость», «радость» и др.

Смысловой перевод адыгского *кэщанэ* сводится, таким образом, к понятиям типа: «касское наследие», «касский след» и т.п. Но возможно и другое толкование – «касское сооружение», «касский дом», с учетом еще и того обстоятельства, что именно так переводится на адыгский язык чеченское обозначение средневековых склепов – *кашун*. Что же касается других, в том числе и тюркских аналогов данного слова, включая и кумано-половецкое *казана*, то это, как видно, заимствование из абхазо-адыгских или иранских языков, а не наоборот, как считалось до сих пор⁴². Можно сослаться в данной связи на персидское слово *kasana* «дом, украшенный глазурью». Приводимое В.И. Абаевым в качестве первоисточника для северо-кавказских и тюркских названий надгробных сооружений⁴³, оно заставляет вспомнить еще раз о том, что этноним *касы/касситы* восходит к древнеиндийскому языку, в котором *kas* означает «сверкать, сиять», а *kasih* – «солнце, свет, сияние, глянец»⁴⁴.

IV

Мы уже писали о том, что по данным античных писателей на Северном Кавказе и в Крыму постоянно встречаются топонимы и соответствующие им племенные названия, включающие в себя различные модификации корневой морфемы *кас*⁴⁵. Например, некоторые исследователи (А.В. Подосинов) связывают *киссов* и *хизоев* античного времени с Киссейскими горами на Северном Кавказе⁴⁶. В то же время В. Томашек локализует племя *кизов* (кизиков) в современной Кабарде⁴⁷, что заставляет вспомнить о фамилии *Къыз* (Кизовых), распространенной в настоящее время в Малой Кабарде.

Следует особо отметить в данной связи, что античный период изобилует сообщениями о Кизике на Балканах, на Кавказе и в Крыму. Еще в V в. н.э. Геродот сообщал об области *Кизик* в Скифии и о *кизикейцах* «пышно справляющих праздник в честь матери богов»⁴⁸. Начиная со II в. до н.э. племя кизиков и область Кизик фиксируют в юго-восточном Крыму, в районе между Керчью и Херсонесом, а также на Таманском полуострове – на восточном берегу Азовского моря. Так, Полибий (II в. до н.э.) относит к числу автономных общин юго-восточного Крыма «херсониситов и кизикцев», которые были включены в мирный договор 179 г. до н.э., заключенный Фарнаком I с римскими правителями в Малой Азии⁴⁹.

Известно, кроме того, относящиеся ко II в. н.э.⁵⁰ сообщение Арриана о «кизикцах» и «местечке Казека» на юго-востоке Крымского полуострова за Пантикапеем (Керчью) неподалеку от Херсонеса. В V в. н.э. в том же месте Псевдо-Арриан локализируют «деревню Казека»⁵¹.

Аналогичные данные содержат историко-географические труды римских авторов I в. н.э. Г. Плиния Секунда и Помпония Мелы. Первый писал о *кисах*, *кизиках/кизах*, живущих к востоку от Азовского моря за коммериями и скифами, а также об *аккисах* и *агдеях* в низовьях Киссийских гор, расположенных в Центральном Предкавказье⁵². Второй в одном ряду с *киммериями*, *ахееми*, *керкетами* упоминает племенное название *киссианты*, также вызывающее ассоциации с касами⁵³. При этом в отношении *аккисов* Центрального Кавказа можно определенно сказать, что это касы или черкесы, так как в сочинениях средневековых авторов Пахимера, Ибн-Саида, Абу-л-Фиды *акасы* и страна *ал-Акасара* вблизи Дарьяльского ущелья прямо отождествляются с черкесами и Черкесией (см. об этом дальше).

Таким образом, в античное время и в период средневековья, как показывает имеющийся материал, термин *кас* в различных формах и модификациях постоянно использовался не только для названия адыгов Северного Кавказа и Крыма, но также для обозначения страны или местности, в которой этот народ обитает. Суммируя данные об античных и средневековых названиях адыгов с элементом *кас*, можно предположить, что во второй половине I тыс. до н.э. на юго-востоке Крымского полуострова и на Северном Кавказе сформировался массив меото-адыгского населения, объединенный похожими или однотипными названиями: *кисы*, *кизы*, *каси*, *аккисы*, *кизики*, *касаки*, *кашаки*, *акасы* *касконы*. В основе своей это потомки носителей майкопской дольменной, кобанской культур, которые затем, уже в раннем средневековье, объединились в этнополитическое целое под названиями Каскун, Каса, Касак, ал-Касакан, Касахия, Касогдиана, Касогы, ал-Акасара, Джаркасия, Черкесия.

В VI веке касы заявили о себе как о значительном в рамках Кавказа союзе адыгских этнических групп. В своде грузинских летописей есть

сообщение о народе *хаскун* (*каскун*; осет.-аланск.: *каскон*, *кашкон*), живущем между аланами и *авазгами* (абазинами). Отмечается, в частности, что, находясь в зените своей славы, византийский император Юстиниан I (527–565) «вел войну в пограничной к Овсети (Алании. – *Ред.*) стране, на границах Авазгии, с племенем называемым хаскун, восставшим против греков»⁵⁴. По мнению А.В. Гадло, это сообщение повествует о событиях, имевших место в 549–550 годы, когда адыги (каскун) поддержали абасгов, над которыми учинили жестокую расправу византийцы и картлийцы. В наказание за это по приказу Юстиниана каскуны «подверглись вторжению в их страну лазского войска, возглавляемого одним из живших в Лазике картлийских царевичей»⁵⁵.

К рубежу VIII–IX вв. относятся сообщения святого Епифания, в которых он упоминает наряду с зихами и Зихией народ под названием касогдиан, а также Сугду горную и равнинную⁵⁶. В данном случае касогдиане и сугды – это, несомненно, различные названия адыгских племен Северного Кавказа и Крыма. Сугдами называли адыгов греки, а касогами – русские. В русских летописях X века касогдиане Епифания всплывают в виде названия *касог*. Сообщается о том, что летом 965 года Святослав взял штурмом хазарский г. Саркел (Белая Вежа), а затем победил ясов (алан) и касогов и многих из них привел в Киев на поселение⁵⁷. Как коренное население Таманского полуострова предстают касоги и в летописях, повествующих о борьбе за Тмутаракань в 1022 году русского князя Мстислава и касожского (черкесского) князя Редеди⁵⁸.

V

В период средневековья следы компактного проживания касов/черкесов отмечены, как сказано выше, в различных, главным образом юго-восточных районах Крымского полуострова. Причем по всем данным они оставлены предками адыгов, обитавшими здесь еще в период ранней античности. Иначе говоря, здесь также как и на Северном Кавказе наблюдается определенная преемственность. Достаточно вспомнить в данной связи сообщения античных и раннесредневековых писателей: Геродота, V в. до н.э., Полибия, II в. до н.э., Плиния Секунда, I в. н.э., Помпония Мела, I в. н.э., Арриана, II в. н.э., Епифания (VII в. н.э.) Все они застают и локализуют предков адыгов – *кизикийцев*, *кизов*, *киссов*, *киссиантов*, *казеков касогдиан*, *сугдов* по обе стороны Керченского пролива – в Юго-Восточном Крыму и на Тамани, в низовьях Кубани и других рек, впадающих в Азовское и Черное море⁵⁹. Это свидетельствует о длительной и прочной связи данного региона с адыгским населением.

Очевидная связь между раннесредневековыми сугдами (касогдианами) в Прикубанье и сугдами (Сугдеей) в Крыму (VIII–IX вв.) лишний раз указывает на подобную преемственность. Большой интерес представляют в этой связи данные археологических раскопок, произведенных недавно И.А. Барановым. Город Судак, согласно этим данным, основан в конце VII – начале VIII веков *касогдианами* или *сугдами* – адыгскими переселенцами из низовьев Кубани⁶⁰. Выводы И.А. Баранова находят свое подтверждение в письменных источниках, в упомянутых выше сообщениях Епифания, где он говорит о народе *касогдиан*, разделяя местность, занятую этим народом, на Сугду горную и Сугду равнинную. Сугдами, по мнению И.А. Баранова, а также А.В. Гадло и Ф.И. Айбабина, называли низовых прикубанских адыгов (касогдиан) византийцы. Под давлением хазар, считают они, значительная часть сугдов переселилась к «казекийским» черкесам или касам в Юго-

Восточном Крыму и основала там ремесленно-торговое поселение Сутдея⁶¹. Речь идет, видимо, о городе, который фигурирует в сочинении итальянца Гильома де Рубрука (1253 г.) под названием Солдайя. Это, – пишет он, – город, расположенный в области *Газария* или *Кассария*⁶².

Такие названия также заслуживают нашего внимания, с одной стороны, как обозначения юго-восточной части Крыма, где еще со времен античности жили адыгские общины, а с другой – как имена, в которых можно рассмотреть касский (черкесский) след. Нам кажется, что в данном случае сочетание *Газария/Кассария* заставляет и обязывает еще раз вспомнить выдвинутую еще в первой половине XIX века Ж. Рено и Фр. Боденштедтом концепцию двойственной природы хазар – местной, кабардино-черкесской и пришлой – тюркской⁶³.

В ее основе лежат сообщения, взятые из сочинения «Книга путей царств», написанного Ибн-Хаукалем в середине X в. В этом труде сказано, что язык живущих в Прикаспии так называемых чистых хазар «не похож на язык турецкий, и с ним не сходен ни один из языков известных народов»⁶⁴. Отмечается также, что один из двух классов этого народа, называемый *карахазары*, отличается смуглостью, а другой класс – «белый... видный по красоте и совершенству»⁶⁵.

Отсюда, в частности, мнение Д.И. Иловайского и его последователей на счет того, как была устроена Хазария и каким образом в течение VIII–IX вв. развивались в ней этнополитические процессы: 1) внутри Хазарской державы «турко-хазары» жили главным образом около Каспийского моря и Нижней Волги, 2) собственно хазары или «хазаро-черкесы» (а также некоторое время черные булгары) занимали северо-западный Кавказ и Юго-восточный Крым, 3) между Вожско-Каспийской и Крымско-Западно-Кавказской Хазарией пролетала, зависимая также от «турко-хазар» Алания, выполняя роль связующего звена между двумя областями Хазарии, 4) восстания и выселение из Центрального Кавказа «части кабар» (кабардинцев) постепенно «подрывали крепость Хазарской державы» и усиливали позиции алан, что в конечном итоге стало одной из внутренних причин распада Хазарии и становления независимой Алании и Касахии (Черкесии).

Действительно после падения Хазарии позиции черкесов на западном Кавказе и в Крыму укрепились и стали особенно прочными после ослабления (под ударами Владимира Мономаха во второй половине XII века) половцев в этих районах.

Известно, что в XIII–XIV веках юго-восточная часть Крыма между Пантикапеем (Керчью) и Херсонесом была населена и некоторое время даже управлялась черкесами⁶⁶. В 1333 году г. Керчью владел черкесский князь Милен⁶⁷. Во второй половине XVII века⁶⁸ турецкий путешественник Эвлия Челеби застает черкесов и черкесские поселения в Кафе, во множестве других мест Крымского полуострова. П.С.Паллас, побывавший в Крыму в конце XVIII, обращает внимание на широкую лесистую долину реки Кабарты между верхним Бельбеком и Качей. Она называлась Черкесской долиной – Черкес-гюсс⁶⁹. По преданию, пишет он, в этой долине и ее окрестностях располагалась страна, в которой некогда жили черкесы или кабардинцы, и отсюда ее название. С пребыванием адыгов на полуострове связывает он и развалины крепости Черкес-Керман (Черкесская крепость) и некоторые другие топонимы⁷⁰. О.Б. Бубенок дополняет этот список следующими названиями: сел. Черкес на реке Кабарда; с. Черкес-Эли на реке Альма; с. Черкес-Тогай (Черкесский берег) в Феодосийском районе;

с.Черкес-Кир в бассейне р.Кара-Эозан; Черкес-Дере – название балки в Гурзуфе; Черкес-Даг (Черкесская гора) – гора в западной стороне Поликастры⁷¹.

Выраженная в различных формах, в том числе и в этнотопонимах, информация о компактном проживании черкесов в различных, главным образом юго-восточных районах Крыма прослеживаются вплоть до начала XIX в.⁷² Известны также случаи переселения сюда отдельных групп адыгского населения. «Случалось иногда, – пишет В.Д. Смирнов, – что некоторые черкесы в трудные для них времена, как, например, при утеснении их калмыками, искали в Крыму себе убежища, переселяясь туда целыми племенами»⁷³.

Но при этом не стоит вслед за Х.А. Поркешьяном, А.В. Гадло, Ф.И. Айбабиным, связывать освоение Юго-Восточного Крыма черкесами с эпохой средневековья. Не стоит думать, что именно в этот период под давлением хазар, половцев, татаро-монголов, либо по торгово-экономическим или каким-либо другим соображениям началось впервые переселение сюда адыгского населения Прикубанья. В то же время нет оснований считать, что всего этого не было или не могло быть. Более того, аналогичные миграции в этот район по аналогичным причинам происходили, несомненно, и раньше – во времена скифо-сарматской и греческой колонизации Западного Кавказа, в период нашествия алан, готов, гуннов, булгар, печенегов. Но во всех этих случаях имела место внутренняя миграция – переселение адыгов в область, которая была заселена и освоена ими с древнейших времен.

По той же причине критически следует отнестись к этногенетическим преданиям, согласно которым адыги (кабардинцы, черкесы), изгнанные (или ушедшие по своему желанию) из Египта (Вавилона, Индии, Кавказской Албании) поселились сначала в Крыму, а затем распространились по всему Северному и Западному Кавказу. По мнению О.Б. Бубенка, данная народная традиция может свидетельствовать лишь о том, «что до того времени в Крыму черкесов было так много, что сами кабардинцы стали верить в то, что Крым являлся одним из первоначальных мест их обитания»⁷⁴.

При этом сами по себе подобные предания заслуживают, безусловно, самого серьезного внимания и тщательного анализа. Определенные шаги в данном направлении уже сделаны. Но этих шагов еще явно недостаточно.

VI

В XIII–XV веках этноним или хороним *каса/акаса* как обозначение народа, земли или страны северокавказских адыгов все еще встречается иногда в трудах итальянских, византийских, арабо-персидских писателей, но теперь, как правило, вперемежку или в одном ряду с ее индоиранской и ирано-тюркской версией – в виде *касак*, *джаркис*, *чаргаз*, *черкес*. К примеру, итальянец Плато Карпини, совершивший путешествие в Монголию в 1245–1247 г. в числе множества земель, которые монголы подчинили своей власти, называет *Касы* и *Чиркасы* в одном ряду с *Комуки*, *Аланы*, *Обезы*, *Команы* и др.⁷⁵

Во второй половине XIII века Ибн-Саид сообщает о стране *ал-Акасара*⁷⁶. По его словам, жители этой страны (акасы) совершают нападения на владельцев стены или крепости в горном проходе горы ал-Кабк (Кавказ). Дальше следует описание крепости ал-Алан, из чего следует, что речь идет об Аланских воротах в Дарьяльском ущелье. Таким образом, есть все

основания считать, что средневековая страна *ал-Акасара* располагалась в долине современного Кассарского ущелья – осет. *Акъасара*. Что же касается «жителей страны ал-Акасара», совершавших эти нападения, то это, как видно, касы (или северокавказские адыги, кабардинцы), на что указывает также И.Г. Коновалова: «Ал-Акасара – хороним, по всей вероятности, образованный от этнонима «каса»⁷⁷.

Но не следует воспринимать эти сообщения как нападения касов (кабардинцев) на алан (осетин). Напротив, они действовали совместно против врагов на севере и на юге страны, в данном случае на врагов, занявших Аланские ворота. Можно вспомнить в этой связи и сообщения Георгия Пахимера, относящиеся ко второй половине XIII века Он пишет о *сергах*, *акасах* или *черкесах*, которые являются христианами и продолжают войну с монголо-татарами⁷⁸. Под названиями *акасов* или *сергов* (ср. чеченское название кабардинцев – *черси*) объединяет «черкесов и алан». Видимо, к этому времени положение касов, касконов, (кабардинцев) в Алании усилилось. Вследствие этого термин *акасы* и способный заменить его термин *серги* мог восприниматься сторонними наблюдателями как общий для черкесов и алан. Более того, не исключено, что этнический термин *акасы* возник в результате симбиоза этнонимов *асы* (овсы) и *касы* (джаркасы) с выпадением свистящего «с» в первом из них.

Видимо, уже во второй половине XIII века некоторые географы воспринимали асов (овсов) и касов (джаркасов), как народы, объединенные в одно этнополитическое целое под названием *Ас-Каски* или *Ас-Касия* (*Ашкисийа*). И отсюда составной этноним *аскаска* или *акасы*. Отсюда также производные от этих имен оронимы *Аскаска* (ал-Идриси), *Аскасийа* (ал-Хоризми, Ибн-Саид, Абульфеда).

На самом деле перед нами обозначения гор Центрального Кавказа, где действительно в течение многих столетий жили совместно *асы* (овсы, аланы) и *касы* (черкесы). В частности, по словам ал-Идриси (XII в.) «гора Аскаска протянулась с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. В этой горе берет начало река, которая распадается на два рукава. Один рукав течет на запад «до города Матриха (Матрега, Темрюк – Б.Б.) и впадает там между ним и городом Русийа (Керчь – Б.Б.)...», а второй «течет на юго-восток до земли хазар и впадает за городом Исил в море ал-Хазар (Каспийское море – Б.Б.)»⁷⁹.

Нетрудно понять из данного описания, что ороним *Аскаска/Аскасия* охватывает цепь кавказских гор от истоков Кубани на северо-западном склоне Эльбруса до истоков Терека в Дарьяльском ущелье. Соответственно реки, о которых идет речь (Кубань и Терек), действительно могут восприниматься как рукава одного потока, формирующегося в самом центре Кавказских гор. Там, где над ними возвышается Эльбрус и живут два близких по культуре народа – *асы* и *касы*. Там, где берут начало все основные – великие реки Кавказа и Закавказья. Не даром Н.Я. Марр прозорливо, со свойственной ему способностью придать той или иной важной детали поистине эпический размах, дает свое собственное – следующее определение снежных вершин между Эльбрусом и Казбеком: «Кавказская, Касская или Каспийская водораздельная территория в цепи гор главного хребта» (выделено мной – Б.Б.)⁸⁰. Она, эта территория, распадается, по его словам, на три части: 1) центральную или материковую – на верховьях Терека и Арагвы, со включением верхнего течения Алазани, 2) Понтийскую – на верховьях Кубани и Риона и 3) Каспийскую с озерным перевальным нагорьем между бассейнами – на севере Аргуна, на юге Андийского Койсу⁸¹.

В сочинениях Г. Пахимера и Ибн-Саида второй половины XIII века достаточно отчетливо показано расположение акасов и их страны ал-Акасара в составе Золотой Орды. Это местность вблизи, где-то справа от Дарьяльского ущелья и, насколько мы понимаем, ее координаты совпадают с долиной Кассарского ущелья. Что, конечно, не случайно, также как и то, что в современной Осетии осетины называют это ущелье *Къасара*, почти дословно повторяя одно из раннесредневековых, видимо, грузинских, названий адыгов.

Спустя несколько десятилетий после Пахимера и Ибн-Саида другой средневековый писатель – Абульфедда (1321 г.), выделяет справа от страны ал-Булгар (Вожская Булгария) государство *ал-Касак*, населенное народом, обитающим между *ал-Анджаз* (Жаннетия – Б.Б.) и *ал-Лан*⁸². Сообщается также о стране *ал-Джаркис* в одном ряду со странами *ал-Булгар*, *ар-Рус*, *ал-Фарандж* и др. «Это, – пишет Абульфедда, – многолюдные страны, великие и очень обширные»⁸³.

Выстраивается таким образом, целый ряд однотипных названий одной и той же северо-кавказской страны – *Каскун/ал-Акасара/ал-Касак/ал-Джаркис*. Все они содержат в себе этнический термин *кас*.

Как видим, здесь, как и в некоторых других случаях, рассмотренных нами, имеет место сложное переплетение пространственных (топографических) и временных (хронологических) значений этнического термина *кас*. В целом же обилие и разнообразие имен с этими значениями информирует нас о некоторых важных особенностях характера и динамики этнодемографической ситуации на Северном Кавказе. По-видимому, уже в предмонгольский период касское или черкесское население Центрального Кавказа было достаточно заметным, а в отдельных районах преобладающим. Что и нашло отражение в возникших на этой почве обозначениях племен, областей, населенных пунктов, святилищ, склепов, башен, крепостей, праздников.

Все это в конечном итоге свидетельствует о преемственности не только самих топонимов с элементом *кас*, но также и о преемственности этнических терминов *каспы/касы/касаги/чаркасы/джаркасы/черкесы*. Зримые очертания приобретает, с учетом этих фактов и отношений тезис о длительных и тесных контактах древних адыгов с народами Передней Азии, об участии касситов в этногенезе северокавказских и прежде всего адыгских племен.

1. *Март Н.Я.* Каппадокийцы и их двойники // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Петербург, 1922. Т. II. С. 336.

2. *Мещанинов И.* Каменные статуи рыб – вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // Записки коллегии востоковедов. Л., 1925. Т. I. С. 26.

3. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 101.

4. См. напр.: *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; *Коков Дж.Н.* Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983.

5. *Грозный Б.* Доисторические судьбы Передней Азии // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 38–45.

6. *Forrer E.* Stratification des Langues et des peuples dans le Proche-Orient prehistorique // Journal Asiatique, CCXVII, 1930. P. 230; *Капанцян Гр.* Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. С. 131–135; *Jaritz K.* Kassitische Sprachreste Anthropos. Bd. 52. № 5–6. 1957. S. 852.

7. Предки северо-восточно-кавказских народов // <http://alpan365.ru>.

8. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 57, 71–78.

9. *Потоцкий Я.* Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 228.

10. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1959. С. 111.
11. См. об этом: Б.Х. Бгажноков. Кассито-абхазо-адыгские культурно-языковые параллели // Вестник КБИГИ. 2014. № 1.
12. Hrozný V. Ancient history of Western Asia, India, and Grete. New York, 1953. P. 2.
13. Алиев И. История Мидии. Баку, 1960. С. 81.
14. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 230–232.
15. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 129.
16. Грозный Б. Протоиндийские письма и их расшифровка // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 16–17
17. Hrozný V. Ancient history of Western Asia, India, and Grete. New York, 1953. P.2; Jaritz K. Kassitische Sprachreste Anthropos. Bd. 52. № 5–6. 1957. S. 852.
18. Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947. С. 133.
19. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. М., 2011. С. 282–346.
20. См: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 27.
21. Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий. Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. М., 1961. С. 171.
22. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 114.
23. Капанцян Гр. Указ. соч. С. 131.
24. Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. С. 134–135.
25. Орбелян С. История области Сисакан. Тифлис, 1911. С. 617.
26. Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. С. 135.
27. Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий. С.199.
28. См. об этом: Hrozný Ph.D. Ancient history of Western Asia, India, and Grete. P. 2.
29. Ibid. P. 49–54.
30. Гомер. Илиада. VI. 299.
31. Намиток А. Происхождение черкесов. Ч. 1 // Архив КБИГИ.
32. Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании // Исторические записки. М., 1937. Т. 1. С. 135.
33. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т.1. М., 1949. С. 105; Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1991. С. 92, 93.
34. Страбон. II. I. 39.
35. Муравьев С.Н. Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1986. С. 242.
36. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к золотой орде. Т. 1. СПб., 1884. С. 459.
37. Утемыш-хаджи. Чингиз-наме-Алма-Ата, 1992. С. 52, 102.
38. Стрейс Я.Я. Три путешествия. Рязань, 2006. С. 253.
39. Белецкий Д.В., Габоева Е.Р. Хидикусское «касутæ»: К вопросу о характере религиозных культур в позднее-средневековых осетинских святилищах // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Вып. 8. 2012.
40. См. напр.: Лубсан Данзан. Алтан тобги (Золотое сказание). М., 1973. С. 228, 232, 368.
41. Там же. С. 48–51.
42. Багов П.М. От истории слова к истории народа // Актуальные вопросы адыгских языков. Нальчик, 1981. С. 53–56.

43. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л., 1958. С. 594.
44. *König Fr.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. Leipzig, 1930. S. 62.
45. См.: *Бгажноков Б.Х.* Следы элемента *кас* в античных названиях адыгов на Северном Кавказе // Древняя и средневековая история адыгов (Материалы международной научно-практической конференции, 22–26 октября 2013 г. в г. Нальчике). Нальчик, 2014.
46. *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 356.
47. См.: *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. С. 324.
48. *Геродот.* История. Кн. IV. 1, 76.
49. *Полибий.* История // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ. 1947. № 3. С. 216.
50. *Арриан.* Объезд Эвксинского моря // АИСК. С. 132.
51. *Псевдо-Арриан.* Объезд Эвксинского моря // АИСК. С. 181.
52. *Плиний Секунд Г.* Естественная история. VI. 19, 21 // См.: *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. С. 191, 187.
53. *Мела Помпоний.* Хорография, 1, 13 // *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Указ. соч. С. 45.
54. *Джанашвили М.Г.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 21.
55. *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н. э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 29.
56. См.: *Василевский В.Г.* Труды. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1909. С. 226, 275.
57. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 117.
58. Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. С. 146–147.
59. См.: *Бгажноков Б.Х.* Следы элемента *кас* в античных названиях адыгов на Северном Кавказе.
60. См. об этом: *Бубенок О.Б.* К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым // V Боспорские чтения. Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 32.
61. *Баранов И.А.* Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989. С. 47; *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиоведения. Ленинград, 1991. С. 100; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 194.
62. Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Гильома де Рубрука. М., 1957.
63. См. об этом: *Брун Ф.* Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. 11. Одесса, 1880. С. 119; *Bodenstedt Fr.* Volker des Kaukasus. Frankfurt-am-Main. 1848. S. 238; *Иловайский Д.И.* Болгаре и Русь на Азовском Поморье // Журнал министерства народного просвещения. № 1–2. СПб., 1975. С. 56, 70, 75, 78, 80; *Григорьев В.В.* О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. СПб., 1876. С. 74; *Dunlop D.M.* The history of the jewish khazars. Princeton, 1954. P. 242–243.
64. *Ибн Хаукаль.* Книга путей царств // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 113.
65. Там же.
66. *Мурзакевич Н.И.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. С. 44.
67. *Тунманн И.Э.* Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 19–20.

68. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме. Симферополь, 1999.
69. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999. С. 36.
70. Там же. С. 61, 79, 158.
71. *Бубенок О.Б.* Указ. соч. С. 31.
72. *Тунманн И.Э.* Крымское ханство. Симферополь, 1991.
73. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты. В 2-х томах. М., 2005. Т. 2. С. 14.
74. *Бубенок О.Б.* К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым. С. 31.
75. *Карпини П.* История монголов // Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрука. М., 1957. С. 57.
76. См: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 28.
77. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 46.
78. *Клапрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 112.
79. Цитата по: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. С. 55.
80. *Март Н.Я.* Племенной состав населения Кавказа. Петроград, 1920. С. 16.
81. Там же. С. 16–17.
82. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 119
83. Там же. С. 84.

КАСЫ И СТРАНА КАСОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

I

Давно замечено, что термин *кас/касы* относится к числу древнейших названий адыгов, что подтверждается также и данными исторической этнонимии и топонимии.

Так, еще в 1922 г. Н.Я. Марр сопоставил племенное название *кас/кас-р* с «отложившими его в себе» топонимами на Кавказе и в Малой Азии. Среди них наименования стран, населенных пунктов, гор, морей: Каппадокия в Малой Азии, Кабарда на Северном Кавказе и г. Каспи в Грузии, ороним Кавказ (*Kav-kas*), гидроним Каспий (*Kasp*-ское море) и др. Несмотря на определенные сомнения, которые возникают по отдельным положениям данной статьи, общий вывод представляется нам совершенно бесспорным. Н.Я. Марр считает, что имена, содержащие этноним *кас/касп*, объединяют Каспийский бассейн с Понтийским и в целом это может свидетельствовать о соответственно широком некогда расселении в этом пространстве племени или племен под таким названием¹.

Следует отметить, кроме того, что спустя год, поддерживая и продолжая начатые Н.Я.Марром исследования в данной области, И.И. Мещанинов назвал касов (касситов) племенем, «давшим свое имя целой стране и морю (Кавказ и Каспий)»². Действительно в первой половине X века к западу от Алании располагалась Страна Каса. Об этом пишет хазарский царь Иосиф. Отвечая на письмо Хасдая ибн Шапрута из Кордовы, он сообщает, что на Кавказе существует несколько родственных между собой общностей, «живущих в стране Каса, к западу от алан»³. Сегодня мы уже точно знаем, что речь идет в данном случае об адыгских или касожских, черкесских общностях. Соответственно страна, которой эти общности дали свое имя – это *Каса* царя Иосифа, *Касахия* византийского императора Константина Багрянородного, *Касогы* древнерусских летописей, *Черкесия* – историков и бытописателей XIII–XV вв.

К сожалению, в отечественной науке эти материалы, связанные с ними, первые краткие выводы и оценки не привлекли должного внимания кавказоведов, не получили дальнейшего развития. Фактически, проблема внутренней связи и взаимного соответствия различных имен и названий с элементом *кас* после этого не ставилась. В монографических исследованиях по истории, исторической этнонимии и топонимии Передней Азии, Индии, Кавказа ее старательно обходили. До недавнего времени трудно было найти что-либо по этому вопросу и в специальных работах по древней и средневековой истории Кавказа, по северо-кавказской и черкесской географической и этнонимической номенклатуре⁴.

Выясняется между тем, что под воздействием племенного названия *кас/каш* в Передней Азии, Индии и особенно на Кавказе и в Крыму сложилось невероятно большое число этнонимов, оронимов, гидронимов, множество других имен. Выявление этого материала, объяснение причин, условий, хронологии, становления и применения имен с элементом *кас* необходимо для лучшего понимания поздней истории самих касситов, а также для изучения истории народов, с которыми они были тесно связаны.

Особенно важно это для изучения ранней истории кавказских и в том числе черкесских племен.

Наш взгляд, здесь открывается большое поле для новых исследований, гипотез, открытий. Интригует сам по себе тот факт, что многие названия, в которых скрыт этноним *кас*, возникали и сохранялись на Кавказе и в других зонах переднеазиатского влияния через сотни лет после господства касситов в Вавилоне – с 1600 по 1100-е гг. до н.э. С другой стороны, эти названия обнаруживают далеко от тех мест, где касситы сложились как народ, где громко заявили о себе, как о наследниках и продолжателях шумерской цивилизации и культуры. По мнению чешского ученого Б. Грозни, следы элемента *кас* в различных частях Евразии могут служить свидетельством «обширных странствований» и активного взаимодействия касситов с другими народами и прежде всего с народами кавказско-переднеазиатского круга⁵.

В самом общем виде вопросы распространения эламо-касситов на евразийском континенте, их воздействия на политическое и этническое развитие различных стран и народов были поставлены еще в 20–50-х годах прошлого века. Высказывалась мысль о возможности внутренней связи касситского языка с хаттским и соответственно с каскским языком, о близости касситов и кашков⁶. А это, как мы понимаем, неизбежно ставит и вопрос о характере взаимодействия касситского языка с иберийско-кавказскими языками, об участии касситов в культурогенезе и этногенезе древних народов Кавказа. Здесь мы сразу наталкиваемся на целый ряд любопытных фактов. Например, не случайно в лезгинском языке слово *кас* используется в значении «человек», «мужчина», «муж» и одним из главных персонажей лезгинских сказаний и притч является мифический прародитель кавказцев Касбуба – «дед Кас»⁷. То же самое можно сказать и о корневой морфеме *кас* в названиях адыгов: *касаг/касог/чаркас/джаркас/черкес*. Заслуживает внимания наличие формантов *s/as* и *ак/ик/ок* в именах касситских эламских и затем мидийских, ахеменидских царей, напоминая аналогичные суффиксальные морфемы черкесских личных имен и фамилий⁸.

В любом случае следует признать, что у истоков этнонимов *кас/каскон/касаг/касог/чаркас/джаркас/черкес* на Северном Кавказе лежит, с одной стороны, культурно-языковая близость адыго-черкесов с касситами и каспами, а с другой их родство с *хаттами* и хаттским племенем *касков/кашков*.

Много внимания уделял этим вопросам Б. Грозни. Считая язык касситов одним из древних кавказских языков, он усматривал прямую связь между касситами Передней Азии и касогами Кавказа⁹. В том же духе высказывались некоторые другие специалисты по истории Передней Азии и Кавказа – Г.А. Меликишвили, И. Алиев и др. Так, И. Алиев касаясь данной гипотезы, и фактически поддерживая ее, писал: «Кашков, сближаемых с касситами, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемых грузинами *kasag* (древнерусск.: касоги)»¹⁰.

Что же касается рассматриваемых в настоящей статье данных по исторической этнонимике и топонимике Евразии, то они лишней раз подтверждают обоснованность данной точки зрения, существенно дополняют известные материалы языкового родства и культурной близости эламо-касситов, касков и черкесов.

II

Утратив власть в Вавилоне, основная масса касситов отступила на северо-восток, где впоследствии, уже VIII–VII вв. до н.э., вошла в состав Мидии. Как известно, Мидия – государство, состоявшее из разноязычных племен и народов, общавшихся между собой на иранском языке при сохранении местных языков и культур в том числе родственных языку и культуре северокавказских племен¹¹. Среди этих народов касситы занимали, безусловно, очень важное место, о чем свидетельствует уже тот факт, что в VII веке в центре Мидии находилась большая колония касситов под названием Кар-Кашши¹². В 550 г. до н.э. Мидия оказалась во власти персидских царей из династии Ахеменидов. Однако и в составе Ахеменидской державы касситы сохраняли свою самостоятельность, а также, по всей вероятности, свой язык, отличный от иранского и, возможно, близкий абхазо-адыгским языкам. Заняв юго-западный берег Каспийского моря, «остатки первоначальных касситов» получили название *касши*¹³, данное им эламитами. Соответственно местность или страна, населенная касшами, стала известна под названием Каспиана.

Одной из ветвей касситского народа считают и малоазийский хаттский народ касков, который, также как и касситов сближают с *касами/касагами* Северного Кавказа¹⁴. Каски, как известно, – могущественный союз древних племен, сформировавшийся, по-видимому, еще в III тыс. до н.э., в период господства хаттов Анатолии. Поэтому их близость к касшитами нельзя однозначно связывать с продвижением последних в Анатолию из гор Загроса. Возможно, этот процесс шел в обратном направлении, движимый активностью касков, расширивших места своего обитания до Северной Месопотамии, о чем писал Гр. Капацян¹⁵.

Страна касков к западу от верховье Ефрата на северо-востоке Анатолии сохраняла статус самостоятельного царства несколько столетий после захвата касситского Вавилона эламитами около 1150 г. и даже после падения хеттской державы, с которой каски находилась в постоянной вражде. Поэтому косвенные данные о длительном пребывании касков и их потомков на юго-восточном побережье Черного моря прочно закрепились в топонимике, антропонимике, этнонимике этих мест. Например, на итальянских морских картах XIII–XVII веков к востоку от Трапезунда отмечен населенный пункт или город *Каса/Каска* (Quisa/Quixa)¹⁶. Под названием Каса фигурирует этот город и у Ибн-Сины во второй половине XIII века¹⁷. По всем данным город с таким названием стоял здесь еще во второй половине II тыс. до н.э. – во времена господства касков в северо-восточной Анатолии. В Стране касков здесь был населенный пункт Кассий (Kassia)¹⁸. А в античное время (в IV–V веках по данным римского писателя Юлия Гонория) в этом районе рядом с горой (горами) Армений располагались Кассийские горы – Cassiuss mons¹⁹.

Этноним *кас* сохранился и в топонимах современной Армении, например, в названии села *Кашах* в области Битлиса²⁰. А в древней Малой Армении «этническое древнее имя *khas* – «касит» отмечено в топонимах области Сюник – *Кашаквартал*, *Кашунья*, *Каша*²¹. Упомянутые в сочинении армянского историка XIII века С. Орбеляна²², эти названия могут служить дополнительным свидетельством прямых контактов протоармян с отдельными группами касситских племен.

Этнотопонимы с элементом *кас/каш* в Армении уходят своими корнями во II тыс. до н.э., когда в Малой Азии возвысилось и распространилось многочисленное хаттское племя *гашга* или *кашка*, близкое к касшитами²³. По

данным Т.Г. Гиоргадзе в самой стране Кашка или Каска, расположенной к западу от древней Армении (Ацци-Хайасы), в некоторых географических названиях элемент *кас/каш* выступает в качестве общей основы: *Kasira*, *Kasula*, *Kasimula Kassu*, *Kassiiia*²⁴. Корневая морфема *кас* содержится, кроме того, в названии хаттского бога *Kashala*, а также в самом этнониме *kaska*.

Будучи одним из убежденных сторонников сближения касков с касситами, чешский историк Б. Грозни подчеркивал, что по всей вероятности, каски, называемые *gashgash* на хеттском языке и *kaskaaya* на ассирийском языке, являются одной из касситских народностей²⁵. При этом язык касситов и касков, по его словам, мог быть одним из древних кавказских языков. Поэтому корневая морфема *кас* не случайно входит в состав целого ряда топонимов и этнонимов на Кавказе, в Малой Азии, на юге России. В их числе Б. Грозни, также как Марр и Мещанинов, называет топонимы *Кавказ*, *Каспийское море*. Но он рассматривает кроме того и разного рода другие наименования как на Кавказе, так и за его пределами. В список имен с этническим именем *кас* включается древнее название первой хеттской столицы – *Куссара*, обозначение горной системы – *Гиндукуш* в Афганистане, Пакистане и Индии, современный этноним *казак*, название «кавказского племени касхов или касогов» и др. Отмечается, что, возможно, именно касоги русских летописей X века были связующим звеном между кашкитами III–II тыс. до н.э. и казаками нашего времени, что вторгшиеся из Вавилона в Египет *кишиты* оказали влияние на египетский язык и культуру, что по своему происхождению каспийским или касситским народом являются *кушаны* в Бактрии и северо-западной Индии, что язык народа *бурушаски* на Гиндукуше находится в родстве как с эламо-касситскими, так и с кавказскими языками²⁶.

В дополнение к этому можно предположить кроме того миграцию касков и касситов на берег Мраморного моря, во Фракию, где по сведениям древних писателей располагалась область *Кизик*, население которой сохраняло название *кизикейцев*. Отсюда, надо полагать, распространение среди фракийцев имени Киссей. Известен фракийский царь Киссей, отец Гекубы, ставшей женой Приама²⁷. При этом, видимо, не случайно язык и обычаи фракийцев обнаруживают ряд общих черт с языком и обычаями кавказцев, прежде всего черкесов²⁸.

III

Контакты и культурные связи касситов с Кавказом были и длительное время оставались особенно внушительными. Поэтому в этнонимике и топонимике Северного Кавказа и Крыма следы элемента *кас* представлены наиболее широко, разнообразно и зримо. И не только в прошлом, Многие топонимы, гидронимы, оронимы и другие названия, повторяющие данное имя или содержащие его в себе в качестве основы, сохраняются и в настоящее время. Например, река Сулак или Койсу в ее верховьях (на территории, занятой даргинцами и лакцами), называлась и называется сейчас древним именем *Кас*²⁹. Ущелье в долине реки Ардон в Осетии носит название Кассарской – *Къасарагом*, *Къасара*. Вероятно (по некоторым данным еще в XIII–XIV вв., как мы увидим), здесь жили кассы, акасы или касаги, что является одним из свидетельств их участия в этно- и культурогенезе осетинского народа, видимо, прежде всего в этногенезе дигорцев, о чем писал В.Н. Абаев и другие исследователи³⁰.

Этнический термин *кас/касп* содержит в себе топоним Казбек – название самой большой и заметной после Эльбруса вершины Большого Кавказа.

В древности, в сочинениях Эратосфена и вслед за ним Гиппарха и Страбона эта вершина была отмечена под именем *Каспий*³¹. Затем, – видимо, лишь в средние века – топоним *Каспий* был преобразован в *Казбек* – название, в котором также представлен этноним *кас*³².

Каспийским (то есть связанными с племенем каспиев, с их страной Каспианой и вершиной Каспий) назывался в античный период весь Кавказский хребет. Поэтому нет ничего неожиданного и в том, что в период средневековья в этом качестве используется иногда этнический топоним *Черкесские горы*. Так же, как и термин *Каф-кас* (Гора касов), он отражает масштабы распространения касских/черкесских племен на северных склонах Кавказского перешейка. Например, в XV в. арабский географ Ибн-Арабшах пишет о том, что на Кавказе два моря – Каспийское (Кользумское) и Черное (Египетское) «почти сталкиваются, не будь промеж них гор Черкесских, составляющих между ними грань непроходимую»³³. Как синоним Кавказских гор фигурируют Черкесские горы в книге Утемиша-хаджи о Золотой орде. Сообщается, что в первой половине XIV века правитель Золотой орды Токтаги-хан убил своего младшего брата Тогрула. Вдова Тогрула, византийская принцесса Келин-Байалин, опасаясь, что хан вслед за ее мужем убьет и ее десятилетнего сына Узбека, укрыла его в Черкесских горах, в Черкесском вилайете³⁴.

В 1668 году точно также использует данный топоним голландец Я.Я. Стрейс, описывая во время пребывания в г.Терки открывающуюся ему панораму Кавказских гор, он говорит: «Утром стало снова светло и ясно, и мы увидели по правую сторону высокие Черкесские горы»³⁵.

Следы элемента *кас* легко угадываются, кроме того, в названиях средневековых святилищ Осетии. – *касуты дзуар*, а также в названиях связанных с этими святилищами праздников: *касутаэ*, *касутаэ бон*, *касуты сабат*³⁶. Помимо этнического термина *кас* в основе этих названий лежит древний, по всей видимости, иранский, «топографический» (топонимический) аффикс *т* (*та*, *ты/да*), ассоциирующийся с понятиями места, местности, земли. На Кавказе с использованием данного аффикса образованы названия рек, морей, городов, этнических групп, стран: *Ахеунт*, *Мзымта*, *Бичвинта*, *Меотида*, *Пицунда*, *Тапанта*, *Кабарда* (*Кабарты*), *Осеты*, *Сванеты*, *Двалети*.

По той же модели построено обозначение адыгов и страны адыгов в хрониках монгольских завоеваний XIII в. Так, в хронике Алтан тобчи (Золотое сказание), составленной в 1620 г. монгольским ламой Лубсан Данзаном, постоянно встречаются сообщения о *чэркисутах/сэркэсутах* и *хасутах/касутах* (*serkesut*, *qasut*), а также о «землях чэркисутов»³⁷. Показательно, что эти земли упоминаются наряду с землями *оросутов* (русских), *асутов* (алан), *башкир*, *кипчаков*, *булгар* и других народов Евразии.

В одном словообразовательном ряду с этими обозначениями находятся некоторые современные названия селений Центрального Кавказа: *Кашуети* (*Кашвети*) в Верхней Сванетии, *Кашети* (*Кашшете*, *Кашшети*, *Кайшет*, *Кашет*) в горной Ингушетии³⁸. Они также содержат этнический термин *кас* и топографический аффикс *т*. Поэтому нельзя исключать, что в данном случае названия населенных пунктов с элементом *кас* сохраняются как свидетельство некогда компактного проживания в этих местах касов или черкесов. Возможно, здесь расположены могильники, могильные сооружения касов или захоронения, произведенные по касскому (черкесскому) погребальному обряду.

Очевидная связь с касами и с осетинскими святилищами касутами обнаруживается и в обозначениях чечено-ингушских и балкарских

склепов и могильников, ср. – *кашун, малх каш, каш, кешене*. Наконец, нет сомнений в том, что особое место в списке аналогичных имен занимают абхазо-адыгские названия старинных крепостей и надземных склепов: абх. *акашана*, абаз. *кашана*, каб. *кэщана*. Похоже, что все они состоят из обозначения местного населения – *каш/кас* и достаточно продуктивного в адыгских языках аффикса *н/нэ/на*. Известно, что это распространенный в индоевропейских языках топо-патронимический аффикс. В отдельных случаях он придает образованному с его помощью существительному своеобразный эпический смысл, вызывая ассоциации с какой-либо значительной или сакральной местностью или субстанцией. Например, благодаря этому аффиксу образуется название страны, в которой жили каспы – *Каспиана*. По этой же модели образуются названия некоторых других известных областей

Ариана, Маргиана, Согдиана, а также названия племен и народов – поляне, древяне, удины, лезгины, грузины. Если мы не ошибаемся, в адыгских языках благодаря элементу *нэ* образованы такие слова как *унэ* – «дом», *анэ* – «мать», *аранэ* – «недоступная вершина», *гьуэгуанэ* – «путь-дорога», «жизненный путь», *нэхунэ* – «отблеск», «светлость», «радость» и др.

Смысловой перевод адыгского *кэщанэ* сводится, таким образом, к понятиям типа: «каское наследие», «каский след» и т.п. Но возможно и другое толкование – «каское сооружение», «каский дом», с учетом еще и того обстоятельства, что именно так переводится на адыгский язык чеченское обозначение средневековых склепов – *кашун*. Что же касается других, в том числе и тюркских аналогов данного слова, включая и кумано-половецкое *казана*, то это, как видно, заимствование из абхазо-адыгских или иранских языков, а не наоборот, как считалось до сих пор³⁹. Можно сослаться в данной связи на персидское слово *kasana* «дом, украшенный глазурью». Приводимое В.И. Абаевым в качестве первоисточника для северо-кавказских и тюркских названий надгробных сооружений⁴⁰, оно заставляет вспомнить еще раз о том, что этноним *касы/касситы* восходит к древнеиндийскому языку, в котором *kas* означает «сверкать, сиять», а *kasih* – «солнце, свет, сияние, глянец»⁴¹.

Как видим, здесь, как и в некоторых других случаях, имеет место сложное переплетение пространственных (топографических) и временных (хронологических) значений этнического термина *кас*. В целом же обилие и разнообразие имен с этими значениями информирует нас о некоторых важных особенностях характера и динамики этнодемографической ситуации на Северном Кавказе. По-видимому, уже в предмонгольский период касское или черкесское население Центрального Кавказа было достаточно заметным. А в последующее время оно стало преобладающим. Что и нашло отражение в возникших на этой почве обозначениях племен, областей, населенных пунктов, святилищ, склепов, башен, крепостей, праздников.

Все это в конечном итоге свидетельствует о преемственности не только самих топонимов с элементом *кас*, но также и о преемственности этнических терминов *каспы/касы/касаги/чаркасы/джаркасы/черкесы* и соответственно о длительных и тесных контактах древних адыгов с народами Передней Азии, об участии касситов в этногенезе черкесских племен.

IV

По данным античных писателей на Северном Кавказе и в Крыму постоянно встречаются топонимы и соответствующие им племенные названия, включающие в себя различные модификации корневой

морфемы *кас*. Например, некоторые исследователи (А.В.Подосинов) связывают *киссов* и *хизов* античного времени с Киссейскими горами на Северном Кавказе⁴². В то же время В.Томашек локализует племя *хизов* (кизиков) в современной Кабарде⁴³, что заставляет вспомнить о фамилии *Къыз* (Кизовых), распространенной в настоящее время в Малой Кабарде.

Следует особо отметить в данной связи, что античный период изобилует сообщениями о Кизике на Балканах, на Кавказе и в Крыму. Еще в V в. н.э. Геродот сообщал об области *Кизик* в Скифии и о *кизикейцах* «пышно справляющих праздник в честь матери богов»⁴⁴. Начиная со II в. до н.э. племя кизиков и область *Кизик* фиксируют в юго-восточном Крыму, в районе между Керчью и Херсонесом, а также на Таманском полуострове – на восточном берегу Азовского моря. Так, Полибий (II в. до н.э.) относит к числу автономных общин юго-восточного Крыма «херсониситов и кизикцев», которые были включены в мирный договор 179 г. до н.э., заключенный Фарнаком I с римскими правителями в Малой Азии⁴⁵.

Известно, кроме того, относящиеся ко II в. н.э.⁴⁶ сообщение Арриана о «кизикцах» и «местечке Казека» на юго-востоке Крымского полуострова за Пантикапеем (Керчью) неподалеку от Херсонеса. В V в. н.э. в том же месте Псевдо-Арриан локализует «деревню Казека»⁴⁷.

Аналогичные данные содержат историко-географические труды римских авторов I в. н.э. Г. Плиния Секунда и Помпония Мелы. Первый писал о *кисах*, *кизиках/кизах*, живущих к востоку от Азовского моря за коммериями и скифами, а также об *аккисах* и *агдеях* в низовьях Киссийских гор, расположенных в Центральном Предкавказье⁴⁸. Второй в одном ряду с *киммериями*, *ахелями*, *керкетами* упоминает племенное название *киссианты*, также вызывающее ассоциации с *касами*⁴⁹. При этом в отношении *аккисов* Центрального Кавказа можно определенно сказать, что это *касы* или *черкесы*, так как в сочинениях средневековых авторов Пахимера, Ибн-Саида, Абу-л-Фиды *акасы* и страна *ал-Акасара* вблизи Дарьяльского ущелья прямо отождествляются с черкесами и Черкесией (см. далее).

В античное время в период средневековья, как показывает имеющийся материал⁵⁰, термин *кас* в различных формах и модификациях постоянно использовался не только для названия адыгов Северного Кавказа и Крыма, но также для обозначения страны или местности, в которой этот народ обитает. Суммируя данные об античных и средневековых названиях адыгов с элементом *кас*, можно предположить, что во второй половине I тыс. до н.э. на юго-востоке Крымского полуострова и на Северном Кавказе сформировался массив меото-адыгского населения, объединенный похожими или однотипными названиями: *кисы*, *кизы*, *каси*, *аккисы*, *кизики*, *касаки*, *кашаки*, *акасы* *касконы*. В основе своей это потомки носителей майкопской дольменной, кобанской культур, которые затем, уже в раннем средневековье, объединились в этнополитическое целое под названиями *Каса*, *Касак*, *ал-Каскан*, *Касахия*, *Касогдиана*, *Касогы*, *ал-Акасара*, *Джаркасия*, *Черкесия*.

В VI веке *касы* заявили о себе как о значительном в рамках Кавказа объединении адыгских этнических групп. В своде грузинских летописей есть сообщение о народе *хаскун* (*каскун*; осет.-аланск.: *каскон*, *кашкон*), живущем между аланами и *авазгами* (абазинами). Отмечается, в частности, что, находясь в зените своей славы, византийский император Юстиниан I (527–565) «вел войну в пограничной к Овсети (Алани. – *Ред.*) стране, на границах Авазгии, с племенем называемым *хаскун*, восставшим против

греков»⁵¹. По мнению А.В. Гадло, это сообщение повествует о событиях, имевших место в 549–550 годы, когда адыги (касқун) поддержали абасгов, над которыми учинили жестокую расправу византийцы и картлийцы. В наказание за это по приказу Юстиниана касқуны «подверглись вторжению в их страну лазского войска, возглавляемого одним из живших в Лазике картлийских царевичей»⁵².

К рубежу VIII–IX вв. относятся сообщения святого Епифания, в которых он упоминает наряду с зихами и Зихией народ под названием касогдиан, а также Сугду горную и равнинную⁵³. В данном случае касогдиане и сугды – это, несомненно, различные названия адыгских племен Северного Кавказа и Крыма. Сугдами называли адыгов греки, а касогами – русские. В русских летописях X века касогдиане Епифания всплывают в виде названия *касог*. Сообщается о том, что летом 965 года Святослав взял штурмом хазарский г. Саркел (Белая Вежа), а затем победил ясов (алан) и касотов и многих из них привел в Киев на поселение⁵⁴. Как коренное население Таманского полуострова предстают касоги и в летописях, повествующих о борьбе за Тмутаракань в 1022 году русского князя Мстислава и касожского (черкесского) князя Редеди⁵⁵.

V

Судя по источникам, начиная с X века название *касы*, *касoги*, *кашаки* закрепляется практически за всеми племенами Северо-Западного Кавказа. Область распространения касских или черкесских племен была в этот период заметно ограничена с востока за счет продвижения на запад, усилившихся к этому у времени алан.

Об этом свидетельствует сочинение византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». В подробном описании Кавказа, отражающем ситуацию 930-х годов (само сочинение закончено в 948–952 годах), Константин Багрянородный выделяет наряду с Аланией, к западу от нее, еще три страны – на юге Зихию, а на севере – Папагию и простирающуюся до «Кавказских гор» (возможно, до Эльбруса) Касахию⁵⁶. Жители этих стран были, бесспорно, адыгами. Но Зихия была обособлена от Касахии и Папагии. Она занимала восточный берег Черного моря, на юго-западной оконечности Главного кавказского хребта. Зихи – это, условно говоря, жители Закавказья, находившиеся в тесном контакте с абхазскими племенами (Отсюда, надо полагать, воспринятое северокавказскими адыгами общее название абхазо-абазинских племен – *азги/азега*⁵⁷, которое в этом значении продолжает функционировать и по сей день в среде черкесской диаспоры в Турции).

В отличие от этого, касы или касоги, а также соединившиеся позже с ними *папаги* (*паги*, *петеги*) занимали северные склоны Главного Кавказского хребта, включая степное Предкавказье и Юго-Восточный Крым. При этом страна, именуемая Касахией, простиралась далеко на восток по направлению к Каспийскому морю. Правильно, еще Ю. Клапротом замечено, что Касахия является «страной восточных черкесов внутренних областей Кавказа»⁵⁸.

В период господства хазар, Касахия представляла собой западную, собственно кавказскую или касскую (касожскую) область Хазарии. По мнению А.В. Гадло, Касахию отделяла от восточной Каспийско-Волжской Хазарии Алания или страна Ирхан, которая в XIII–IX вв. занимала горы и предгорья за Сунжей к юго-востоку от Дарьяльского ущелья⁵⁹. О том же, но с учетом усиления позиции алан в середине X века, писал в свое

время Д.И. Иловайский, ср.: «Судя по тому, что Алане могли заграждать сообщение Каспийско-Волжским Хазарам с Кавказскими, то есть с Кабардою или Папагией и Казахией, а также затруднять сообщение с Саркелом, надо полагать, что Алане были ограничены той горной областью, в которой обитают предполагаемые их потомки, то есть нынешние осетины⁶⁰.

По мнению Г.А.Кокиева, восточные пределы Касахии «доходили до Эльбруса и далее на Восток до Аланских ворот»⁶¹, то есть гораздо дальше, чем это показано на карте, прилагающейся к изданию сочинения Константина Багрянородного в 1989 г. Возможно, Г.А. Кокиев имел здесь в виду ситуацию более позднего времени – XIII–XIV веков. Но, скорее всего, его позиция отражает состояние взаимопроникновения племен Алании и Касахии в ранний период XI–XII веков. При этом необходимо учитывать особый статус той части *касов/акасов/касconoв, касагов*, которые оказались с самого начала (уже после падения Хазарии) в составе Алании. Иначе говоря, речь должна идти не о миграции касов в Центральное и Восточное Предкавказье, а о смене условий их длительного пребывания в данном регионе, о множественном взаимопроникновении или скрещивании языка и культур внутри Хазарии и Алании.

В 956 году арабский географ Масуди дает относительно точные и подробные сведения о стране и народе *Кашак*. Он пишет, что эта страна находится за царством кавказских аланов и характеризуя внешний облик, быт, нравы кашаков⁶². Масуди подчеркивает, что по своей военной мощи кашаки превосходят алан, хотя в случае надобности Алания способна выставить 30 тыс. всадников⁶³. Что же касается причины слабости кашаков по сравнению с аланами, то они, по словам Масуди, в том, что племена, говорящие на языке кашаков, не могут объединиться под властью одного царя. Если бы это произошло, продолжает он, то ни аланы, ни какой-либо другой народ не смог бы одержать над ними верх. Тем самым подчеркивается, что по своей численности и, вероятно, по занимаемой территории кашаки не уступали аланам.

О разобщенности адыгов свидетельствуют и сведения Ибн-Рустэ. Он пишет, что аланы «состоят из четырех племен, но почет и царство принадлежат у них племени, называемому *Д.хсас*»⁶⁴. Судя по всему, речь идет о черкесах – джаркасах⁶⁵. По всей вероятности, к этому времени в Кавказской Алании касы, также как до этого в Хазарии, находились в привилегированном положении. По-видимому, и столица Алании – Магас (адыг. *Махуэгъэпс*⁶⁶) находилась в районе, где преобладало касское население. Однако, все это не способствовало – во всяком случае, в данный период – сплочению и усилению самой Касахии или Черкесии.

В сочинениях арабских географов X и затем XIII–XIV вв. элемент *кас/каш* присутствует неизменно в составе названий городов, стран, областей и народов Северного Кавказа. Например, о городе Касак на Таманском полуострове упоминает анонимный автор книги «Худуд-аль-Алем», написанной в 982–983 годы⁶⁷. По мнению А.В. Гадло, этот город вырос еще раньше под защитой хазарского Тумен-тархана (Тамтаракая, Тмутаракани) вследствие подъема окружавших Хазарский каганат автохтонных – адыгских социально-политических образований⁶⁸. Что же касается сообщений о том, что г. Касак находится в Алании, то это лишь характерные для данного времени обобщения, навеянные возвышением аланского царства после падения Хазарии. На самом деле прочная связь Таманского полуострова, а также юго-восточного Крыма (от Керчи до

Херсонеса) с адыгским населением не прерывалась, по крайней мере, со времен проникновения в этот район скифов.

Хорошо отображает ситуацию и один из промежуточных этапов формирования Касахии или Черкесии во взаимодействии с Аланией карта-схема XI–XIII вв, составленная А.В.Гадло (Рис. 2)⁶⁹. Согласно этой карте в обозначенный период самостоятельной областью, составлявшей ядро Аланского царства или «Аланской конфедерации»⁷⁰, была Кабарда. Но название *Кабарда* для междуречья Малки и Терека (Баксана и Малки) сформировалось, скорее всего, еще в хазарский период. По данным Моисея Хоренского, отражающим этническую ситуацию VI–VII веков, преобладающим населением северо-восточного Кавказа были хебуры. Безусловно, это одно из самых могущественных касских племен, получивших затем известность под названием кабаров или кабардинцев. В 870 году они восстали против кагана, узурпировавшего верховную власть в стране и ограничившего возможность участия кабаров в ее политической жизни. Восстание не было успешным, часть кабаров была истреблена, а уцелевшая часть разделилась на две группы. Одна группа осталась в Кабарде, то есть в Центральном Предкавказье, главным образом в междуречье Чегема и Баксана. Другая часть, непосредственно вовлеченная в конфликт, покинула Хазарию, фактически была изгнана из страны. Присоединившись к венграм, враждовавшим с хазарами, кабары-изгнанники расселилась в степном Предкавказье, в Северном Причерноморье и в Крыму – в стране Леведия⁷¹.

При этом Кабарда в Центральном Предкавказье продолжала свое существование и сохраняла статус этноконтактной зоны, как самостоятельной и в то же время органической и жизнеспособной структуры сначала Хазарского Каганата, а затем, начиная с конца X века – Аланского царства. Тем самым она обеспечивала равновесие эволюционного развития территории, последовательную смену политической системы и культурного облика народов Хазарии, Алании, Черкесии. Любые, сколь угодно значительные события в Кабарде неизбежно отражались на ситуации во всем северо-кавказском регионе. Так, ослабление позиций кабаров (кабардинцев) в Центральном Предкавказье, последовавшее за 870 годом, способствовало усилению позиций алан в этом районе, а затем, уже в конце X века падению Хазарской державы.

В предмонгольский период касы или черкесы распространяются постепенно по всей длине Северного Кавказа – от Черного и Азовского морей до Каспийского. В 1822 г. на это указывал известный русский историк С. Броневский. По его словам, в конце XI в. – после падения Тмутараканского княжества в пространстве между устьями Дона и Волги распространились черкесы и половцы⁷². О том же еще раньше, в 1784 г., писал проф. Тунманн, ср: «...К концу одиннадцатого столетия, вследствие внутренних беспорядков, потрясающих Россию, Таманское княжество было, по-видимому, для этого государства потеряно. Северо-восточную часть Кубани взяли во владение команы или половцы, южную и западную – цихи и другие черкасские племена, все более распространявшиеся к северу и жившие тогда уже у устьев Дона и Волги»⁷³.

Но, однако, и в этом случае не стоит сводить данные процессы к простому переселению. По общему мнению целого ряда авторитетных ученых, еще до прихода половцев в Прикаспии, в междуречье Терека и Сулака жили касы, касоги или черкесы, составлявшие одно из двух «колен хазарских». Так, Ф. Брун, ссылаясь на французского востоковеда Ж.Т. Рено, писал,

что представители первого хазарского колена отличались смуглостью и казались почти черными. За это они получили название *кара-джур*. Между тем, представители второго колена (по мнению Ф. Бруна и Ж. Рено, адыги) «были белы, прекрасны и стройны»⁷⁴.

Несомненно, в основу данной гипотезы положены сообщения, взятые из сочинения «Книга путей царств», написанного Ибн-Хаукалем в середине X в. В этом труде сказано, в частности, что язык живущих в Прикаспии так называемых чистых хазар «не похож на язык турецкий, и с ним не сходен ни один из языков известных народов»⁷⁵. Отмечается также, что один из двух классов этого народа, называемый *карахаза*ры, отличается смуглостью, а другой класс – «белый... видный по красоте и совершенству»⁷⁶.

На этих сообщениях строится упомянутая выше старая, выдвинутая еще в первой половине XIX века Ж.Т. Рено и Фр. Боденштедтом, теория, согласно которой, как пишет В.В. Григорьев, изначально «хазары не были турецкого происхождения, ибо языком и наружностью отличались от турков»⁷⁷. Прямо связано с этим положением, поддержанная многими историками, гипотеза участия касов (черкесов) в этно- и культурогенезе хазар, в образовании на этой почве самого этнонима *хазар*⁷⁸. Вспомним, в частности, проводимое Д.И. Иловайским разделение хазар на «пришлый турецкий элемент и туземный хазаро-черкесский», который, по его мнению, происходит от *хазиров* Моиея Хоренского, *акациров* (акасов, касов?) греческого историка Приска⁷⁹.

Мнение Д.И. Иловайского и его последователей в России на этот счет, на счет того, как была устроена Хазария и каким образом в течение VIII–IX вв. развивались в ней этнополитические процессы, сводилось к четырем основным положениям:

1) внутри Хазарской державы «турко-хазары» жили главным образом около Каспийского моря и Нижней Волги,

2) собственно хазары или «хазаро-черкесы» (а также некоторое время черные булгары) занимали северо-западный Кавказ и Юго-восточный Крым,

3) между Вожско-Каспийской и Крымско-Западно-Кавказской Хазарией пролегла, зависящая также от «турко-хазар» Алания, выполняющая роль связующего звена между двумя областями Хазарии,

4) восстания и выселение из Центрального Кавказа «части кабар» (кабардинцев) постепенно «подрывали крепость Хазарской державы» и усиливали позиции алан, что в конечном итоге стало одной из внутренних причин распада Хазарии и становления независимой Алании и Касахии (Черкесии).

Есть, таким образом, все основания считать, что основу «второго, туземного класса» хазарского населения составляли хебуры или кабары (кабардинцы) и другие тесно связанные с ним касские (черкесские) племена. В основе своей это потомки многих десятков меотских племен, которые упоминаются в трудах античных писателей⁸⁰. По свидетельству хазарского царя Иосифа, которое приводилось выше, в начале X в. все эти племена, получают известность под общим названием касы. Отсюда известные по раннесредневековым источникам хоронимы – *Страна Каса*, *Касахия*, *Касаг*, *Касек*, *Акасара*. Вслед за этим, уже в XI–XII вв. на смену этнонимам *касы*, *акасы*, *касаги* приходит этноним *чаркас/черкес* – от перс. «четыре племени касса. Отсюда в конечном итоге соответствующее новому, модифицированному этнониму новое, модифицированное название страны – Черкесия.

VI

В период средневековья следы компактного проживания касов/черкесов, сохраняются отмечены также в различных, главным образом юго-восточных районах Крымского полуострова. Причем по всем данным оставлены они их предшественниками, обитавшими здесь еще в период ранней античности. Иначе говоря, здесь также как и на Северном Кавказе наблюдается определенная преемственность. Достаточно вспомнить в данной связи сообщения античных и раннесредневековых писателей: Геродота, V в. до н.э., Полибия, II в. до н.э., Плиния Секунда, I в. н.э., Помпония Мела, I в. н.э., Арриана, II в. н.э., Епифания (VII в. н.э.) Все они застают и локализуют предков адыгов – *кизикийцев, кизов, киссов, киссиантов, казекос касогдиан, сугдов* по обе стороны Керченского пролива – в Юго-Восточном Крыму и на Тамани, в низовьях Кубани и других рек, впадающих в Азовское и Черное море⁸¹. Это свидетельствует о длительной и прочной связи данного региона с адыгским населением.

Очевидная связь между раннесредневековыми сугдами (касогдианами) в Прикубанье и сугдами (Сугдеей) в Крыму (VIII–IX вв.) лишней раз указывает на подобную преемственность. Большой интерес представляют в этой связи данные археологических раскопок, произведенных недавно И.А. Барановым. Город Судак, согласно этим данным, основан в конце VII – начале VIII веков *касогдианами* или *сугдами* – адыгскими переселенцами из низовьев Кубани⁸². Выводы И.А.Баранова находят свое подтверждение в письменных источниках, в сообщениях святого Епифания, в которых он наряду с адыгским племенем *зихов* и страной Зихией упоминает *касогдиан*, разделяя местность, занятую этим народом, на Сугду горную и Сугду равнинную⁸³. Сугдами, по мнению И.А.Баранова, а также А.В. Гадло и Ф.И. Айбабина, называли низовых прикубанских адыгов (касогдиан) византийцы. Под давлением хазар, считают они, значительная часть сугдов переселилась к «казекийским» черкесам или касам в Юго-Восточном Крыму и основала там ремесленно-торговое поселение Сугдея⁸⁴. Речь идет, видимо, о городе, который фигурирует в сочинении итальянца Гильома де Рубрука (1253 г.) под названием Солдайя. Это, – пишет он, – город, расположенный в области *Газария* или *Кассария*⁸⁵. Такие названия также заслуживают нашего внимания, с одной стороны, как обозначения юго-восточной части Крыма, где еще со времен античности жили адыгские общины, а с другой – как имена, в которых можно рассмотреть одновременно хазарский и касский (черкесский) след. Нам кажется, что в данном случае сочетание *Газария/Кассария* заставляет и обязывает еще раз вспомнить, рассмотренную выше теорию двойственной природы хазар – местной, кабардино-черкесской и пришлой – тюркской.

В XIII–XIV веках юго-восточная часть Крыма между Пантикапеем (Керчь) и Херсонесом была населена и некоторое время даже управлялась черкесами⁸⁶. В 1333 году г. Керчью владел черкесский князь Милен⁸⁷. Во второй половине XVII века⁸⁸ турецкий путешественник Эвлия Челеби застаёт черкесов и черкесские поселения в Кафе, во множестве других мест Крымского полуострова. П.С. Паллас, побывавший в Крыму в конце XVIII, обращает внимание на широкую лесистую долину реки Кабарты между верхним Бельбеком и Качей. Она называлась Черкесской долиной – Черкес-тюсс⁸⁹. По преданию, пишет он, в этой долине и ее окрестностях располагалась страна, в которой некогда жили черкесы или кабардинцы, и отсюда ее название. С пребыванием адыгов на полуострове связывает он и развалины крепости Черкес-Керман (Черкесская крепость) и некоторые

другие топонимы⁹⁰. О.Б. Бубенок дополняет этот список следующими названиями: сел. Черкес на реке Кабарда; с.Черкес-Эли на реке Альма; с. Черкес-Тогай (Черкесский берег) в Феодосийском районе; с.Черкес-Кир в бассейне р.Кара-Эозан; Черкес-Дере – название балки в Гурзуфе; Черкес-Даг (Черкесская гора) – гора в западной стороне Поликастры⁹¹.

Выраженная в различных формах, в том числе и в этнопонимах, информация о компактном проживании черкесов в различных, главным образом юго-восточных районах Крыма прослеживаются вплоть до начала XIX в.⁹² Известны также случаи переселения сюда отдельных групп адыгского населения. «Случалось иногда, – пишет В.Д. Смирнов, – что некоторые черкесы в трудные для них времена, как, например, при утеснении их калмыками, искали в Крыму себе убежища, переселяясь туда целыми племенами»⁹³.

Но при этом не стоит вслед за А.В. Гадло, Ф.И. Айбабиным, Х.А. Поркешяном, связывать освоение Юго-Восточного Крыма черкесами с эпохой средневековья. Не стоит думать, что именно в этот период под давлением хазар, половцев, татаро-монголов, либо по торгово-экономическим или каким-либо другим соображениям началось впервые переселение сюда адыгского населения Прикубанья. В то же время нет оснований считать, что всего этого не было или не могло быть. Более того, аналогичные миграции в этот район по аналогичным причинам происходили, несомненно, и раньше – во времена скифо-сарматской и греческой колонизации Западного Кавказа, в период нашествия алан, готов, гуннов, булгар, печенегов.

Нововсех этих случаях имела место внутренняя миграция – переселение адыгов в область, которая была заселена ими с древнейших времен.

По той же причине критически следует отнестись к этногенетическим преданиям, согласно которым адыги (кабардинцы, черкесы), изгнанные (или ушедшие по своему желанию) из Египта, Вавилона, Индии поселились сначала в Крыму, а затем распространились по всему Северному и Западному Кавказу. По мнению О.Б. Бубенка, данная народная традиция может свидетельствовать лишь о том, «что до того времени в Крыму черкесов было так много, что сами кабардинцы стали верить в то, что Крым являлся одним из первоначальных мест их обитания»⁹⁴. Конечно, подобные предания заслуживают серьезного внимания и тщательного анализа. И определенные шаги в данном направлении уже сделаны. Но этих шагов еще явно недостаточно.

VII

Особого внимания заслуживает представление этнонима *кас* в виде *касак*, *хаскун/касун*, *касаг/кашак*, *каскон/кашкон*. Бесспорно, оно исходило от сармато-алан⁹⁵. Смысловую нагрузку несет здесь не только аффикс принадлежности *он*, который используется и в современном осетинском языке, в том числе и в самоназвании осетин – *ирон*. Определенное, даже решающее значение имеет присутствие форманта *sk/sg* как детерминатива другого народа, другой или чужой страны. Кстати, то же самое наблюдается в средневековых сармато-аланских названиях абхазов и абазин – *абазги/абаски/авазги*.

Вообще многие этнические термины, сложившиеся на Кавказе в глубокой древности сохраняют свое значение и в наши дни. Современные осетины и сейчас называют кабардинцев *касгон*, а термин *касаг* используют для обозначения Кабарды и в качестве прилагательного

«кабардинский». Видимо, в раннем средневековье так называли они не только Кабарду и кабардинцев, но в целом всю страну Каса и всех ее жителей – касов или северокавказских адыгов. Тогда же традиция сармато-аланского наименования адыгов, Страны адыгов и адыгских земель, поселений, городов на Северном Кавказе была продолжена или подхвачена армянами (гашк), арабо-персидскими писателями (ал-Каскан, Кашак, Касак), византийцами (касах, Касахия, Касогдиана) отдельными грузинскими племенами (народ кашак, страна/земля Касаг), русскими (народ касоги, страна Касоги)⁹⁶.

Одним словом, вплоть до монгольского нашествия Центральный Кавказ был одновременно Аланской митрополией и восточной областью Касахии. Это была контактная зона, определявшая смысловую доминанту этнополитической ситуации в данном районе. Отсюда выдвинутый В.А. Кузнецовым тезис, согласно которому «основным этническим пластом населения Алании было местное аборигенное население, жившее здесь с глубокой древности»⁹⁷. По его мнению, «это был тот этнический и культурный субстрат, с которым аланы находились в состоянии теснейших и длительных контактов и который по мере течения времени оказывал всевозрастающее воздействие на алан»⁹⁸.

Вне всякого сомнения, речь идет, и может идти в первую очередь и главным образом о касах или черкесах. Об этом В.А. Кузнецов писал еще раньше, в начале 60-х годов прошлого века. Оценивая обнаруженные в верховьях Кубани постройки, максимально приближенные к древним дольменам, но датируемые эпохой раннего средневековья, он рассматривает это как свидетельство постоянного и длительного присутствия здесь адыгов – потомков дольменостроителей. Подчеркивается, что «местный этнос, создавший дольменообразные склепы, должен быть признан адыгским»⁹⁹. Тем самым, поддерживается выдвигавшаяся еще раньше Е.И. Крупновым, Л.И. Лавровым, а затем В.И. Марковиным и другими исследователями, идея непрерывной связи дольменной культуры с абхазо-адыгским населением Кавказа¹⁰⁰.

В период средневековья, как мы убеждаемся, наряду с сармато-аланскими, осетинскими названиями северокавказских адыгов – с аффиксами принадлежности *он* и *аг* продолжали функционировать исходные названия этих племен – *касы*, *каси*, *кассы*. В письменных источниках средневековья встречаются основанные на этих этнонимах обозначения северокавказских «стран» или владений – *Каса*, *ал-Акасара* и др. С другой стороны, *кассы* наряду с хазарами, аланами, апхазами и другими народами упомянуты в Армянской географии, отражающей этническую ситуацию Кавказа в VI–VII веках. И, что особенно показательное, вместе с ними в список народов Сарматии включены *хебуры/хебары* (кабардинцы) и некоторые другие, скорее всего, касские племена – кутеты, хенуты, хейгаки¹⁰¹.

В середине X века этноним *каси* упоминается в известном сочинении Константина Багрянородного в числе семи так называемых тюркских родов Хазарии¹⁰². Одновременно, хазарский царь Иосиф, отвечая на письмо Хасдая ибн Шапрута из Кордовы, пишет, что на Кавказе существует несколько родственных между собой общностей, «живущих в стране Каса, к западу от алан»¹⁰³. По мнению П.К. Коковцева, поддержанному другими исследователями, и в этом случае речь идет, вне всякого сомнения, о стране касогов, черкесов или адыгов¹⁰⁴.

Надо думать, самой значительной из упомянутых царем Иосифом четырех общностей страны Каса были уже в тот период кабардинцы.

Известные под названием кабаров (хебуров), они обитали сначала – еще в VI–VII веках – в Восточном и Центральном Предкавказье¹⁰⁵, ориентировочно между верхним течением реки Койсу (она называлась тогда Каса) и Баксаном¹⁰⁶, в той области, которая позднее стала восточной частью Кабарды. Затем в VIII–IX веках кабары распространились кроме того на Северо-западном Кавказе, а также в Крыму и в бассейне Азовского моря. Известно, что кабары были одной из самых влиятельных групп туземного (адыгского, касского) населения Хазарии, правящим классом государства, политической и военной опорой его правителя – бега, затем кагана. С этим связано одно из значений термина *кабар* – древнеевр. «товарищ», основанное, быть может, на народной этимологии.

В российской историографической традиции кабаров или кабиров идентифицируют обычно с касогами древнерусских летописей, а также с современными кабардинцами и Кабардой. Поэтому кабардинцем принято считать касожского князя Редедю, с которым в 1022 г. за обладание Тмутороканским княжеством вступил в единоборство внук Святослава Мстислав Владимирович. О том, что кабары Приазовья – это те же касоги (черкесы), восставшие против кагана и затем выселившиеся или изгнанные из Центральной Хазарии, писали Ф. Брун¹⁰⁷, ссылаясь в данной связи на то, что боярин Хабар Симский, как сказано у Н.М. Карамзина, вел свой род от Редеди, князя касогов¹⁰⁸.

К числу собственно касских (касожских, черкесских) следует отнести, кроме кабардинцев, еще три племени, занимавшие земли западней кабардинцев вплоть до Черного моря. Рядом с кабардинцами располагались темиргойцы – *кѣмгуий*, получившие свое название от киммерийцев, объединившихся с меотами. Далее следовали хатукайцы – *хъэтыкъуей*, букв. «принадлежащие сыновьям (потомкам) хаттов». Еще дальше, на Тамани, в окрестностях Анапы, а также, видимо, на юго-востоке Крымского полуострова, жили хегаки – *хэгъакIэ*, название которых означает: «жители конечных, нижних земель» или «жители окраины». Хегаки были и длительное время (вплоть до XVII века) оставались одним из самых авторитетных, знатных и многочисленных касских племен. Под названием *хегайк* они представлены в Армянской географии, в списке народов Сарматии. Под тем же самым названием – *хегайк* остатки этого племени фигурируют в списке западно-адыгских племен середины XIX века.

Таким образом, в раннем средневековье касы Северного Кавказа состояли из четырех племен: кабардинцев (хебуров, кабаров), темиргойцев, хатукайцев и хегаков. Отсюда еще одно – персидское название адыгов: «чахар-Кас» – «четыре клана Кас»¹⁰⁹, на основе которого этноним *каса* приобретает постепенно форму *чаркас*, *чаргаз*, *джаркас*, *джаркис*, *черкес*.

При этом вариант *черкес* сформировался на тюркской почве. А вариант *чаркас/джаркас* был принят и распространен с самого начала среди народов Востока и у итальянцев. Известно, что с такой огласовкой вошло название адыгов в персидский язык: Иногда этот вариант встречается и в армянских письменных источниках. Так, в одной из армянских памятных записей 1412 года в числе народов, «состоящих в роду Христианском», упоминаются *чаргазы* наряду с *руссами*, *аланами*, *хыпчахами*, *асами* и др.¹¹⁰ У грузин точно такое же обозначение черкесов сохранилось в этническом имени (фамилии) *Чаргазия*¹¹¹. У европейцев-фарангов, прежде всего у итальянцев (генуэзцев, венецианцев), модифицированное название адыгов прижилось в форме *джаркас* (*jarkass*). В генуэзских (из Перры и Кафы) нотариальных актах купли-продажи рабов-кавказцев, относящихся к концу XIII в.¹¹² данный этноним

используется неоднократно в сочетании с аналогичными этническими именами. Например, в актах 18 и 20 (CCLIX, CCLXV), написанных, как и все другие документы, на *lingua franca* найдены следующие записи:

18. Руффино де Рубаско продает Боннино де Гверчио де Вальдеттаро раба 14-ти лет, Джарказа по имени Джарказ (*Jarсахium nominatum Jarсахiус*), белого, за 750 аспров барикатов. Свидетели: нотариус Андриоло де Бартоломео и Лукко, секретарь суда коммуны Кафы.

20. Кафа, 20 июля 1289 г. Мясник Гильельмус (Гильельмо) продает нотариусу Бернабо де Порте раба 12-ти лет, светловолосого, джарказа, по прозвищу Джарказ, белого, за 300 аспров барикатов. Свидетели: нотариус Андреоло де Бартоломео и Гильельмо де Финарио.

Встречаются наряду с этим этнические имена *Джаркас* для рабов, *Джарказия* для рабынь в сочетании с соответствующим названием области – *Джарказа*, *Черкесия*, из которой вывезены эти рабы: «раб из области Джарказа по прозвищу джаркас 12 лет», «рабыня 12 лет Джарказия из области Джарказа» и т.д.¹¹³

VIII

В XIII–XV веках этноним или хороним *каса/акаса* как обозначение народа, земли или страны северокавказских адыгов все еще встречается иногда в трудах итальянских, византийских, арабо-персидских писателей, но теперь, как правило, вперемежку или в одном ряду с ее индоиранской и ирано-тюркской версией – в виде *касак*, *джаркис*, *чаргаз*, *черкес*. К примеру, итальянец Плато Карпини, совершивший путешествие в Монголию в 1245–1247 г. в числе множества земель, которые монголы подчинили своей власти, называет *Касы* и *Чиркасы* в одном ряду с *Комуки*, *Аланы*, *Обезы*, *Команы* и др.¹¹⁴

Во второй половине XIII века Ибн-Саид сообщает о стране *ал-Акасара*¹¹⁵. По его словам совершают нападения на владельцев стены или крепости в горном проходе горы ал-Кабк (Кавказ). Далее следует описание крепости ал-Алан, из чего следует, что речь идет об Аланских воротах в Дарьяльском ущелье. Таким образом, есть все основания считать, что средневековая страна *ал-Акасара* располагалась в долине современного Кассарского ущелья – осет. *Акъасара*. Что же касается «жителей страны ал-Акасара», совершавших эти нападения, то это, как видно, касы (или северокавказские адыги, кабардинцы), на что указывает также И.Г. Коновалова: «Ал-Акасара – хороним, по всей вероятности, образованный от этнонима «каса»¹¹⁶.

Но не следует воспринимать эти сообщения как нападения касов (кабардинцев) на алан (осетин). Напротив, они действовали совместно против врагов на севере и на юге страны, в данном случае на врагов, занявших Аланские ворота. Можно вспомнить в этой связи и сообщения Георгия Пахимера, относящиеся ко второй половине XIII века. Он пишет о *сергах*, *акасах* или *черкесах*, которые являются христианами и продолжают войну с монголо-татарами¹¹⁷. Под названиями *акасов* или *сергов* (ср. чеченское название кабардинцев – черси) объединяет «черкесов и алан». Видимо, к этому времени положение касов, касконов, (кабардинцев) в Алании усилилось. Вследствие этого термин *акасы* и способный заменить его термин *серги* мог восприниматься сторонними наблюдателями как общий для черкесов и алан. Более того, не исключено, что этнический термин *акасы* возник в результате симбиоза этнонимов *асы* (овсы) и *касы* (джаркасы) с выпадением свистящего «с» в первом из них.

Видимо, уже во второй половине XIII века некоторые географы воспринимали асов (овсов) и касов (джаркасов), как народы, объединенные в одно этнополитическое целое под названием *Ас-Каски* или *Ас-Касия* (*Ашкисийа*). И отсюда составной этноним *аскаска* или *акасы*. Отсюда также производные от этих имен оронимы *Аскаска* (ал-Идриси), *Аскасийа* (ал-Хоризми, Ибн-Саид, Абульфеда). На самом деле перед нами обозначения гор Центрального Кавказа, где действительно в течение многих столетий жили совместно асы (овсы, аланы) и *касы* (черкесы). В частности, по словам ал-Идриси (XII в.) «гора *Аскаска* протянулась с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. В этой горе берет начало река, которая распадается на два рукава. Один рукав течет на запад «до города *Матриха* (*Матрега*, *Темрюк* – Б.Б.) и впадает там между ним и городом *Русийа* (*Керчь* – Б.Б.)...», а второй «течет на юго-восток до земли хазар и впадает за городом *Исил* в море ал-Хазар (*Каспийское море* – Б.Б.)»¹¹⁸.

Нетрудно понять из данного описания, что ороним *Аскаска/Аскасия* охватывает цепь кавказских гор от истоков Кубани на северо-западном склоне Эльбруса до истоков Терека в Дарьяльском ущелье. Соответственно реки, о которых идет речь (*Кубань* и *Терек*), действительно могут восприниматься как рукава одного потока, формирующегося в самом центре Кавказских гор. Там, где над ними возвышается Эльбрус и живут два близких по культуре народа – асы и *касы*. Там, где берут начало все основные – великие реки Кавказа и Закавказья. Не даром Н.Я. Марр прозорливо, со свойственной ему способностью придать какой-либо важной детали эпический размах, дает свое собственное – следующее определение снежных вершин между Эльбрусом и Казбеком: «*Кавказская, Касская или Каспийская водораздельная территория в цепи гор главного хребта*» (выделено мной – Б.Б.)¹¹⁹. Она, эта территория, распадается, по его словам, на три части: 1) центральную или материковую – на верховьях Терека и Арагвы, со включением верхнего течения Алазани, 2) Понтийскую – на верховьях Кубани и Риона и 3) Каспийскую с озерным перевальным нагорьем между бассейнами – на севере Аргуна, на юге Андийского Койсу¹²⁰.

В сочинениях Г. Пахимера и Ибн-Саида второй половины XIII века достаточно отчетливо показано расположение акасов и их страны ал-Акасара в составе Золотой Орды. Это местность вблизи, где-то справа от Дарьяльского ущелья и, насколько мы понимаем, ее координаты совпадают с долиной Кассарского ущелья. И это, конечно, не случайно. Недаром, в современной Осетии это ущелье называют *Къасара*, почти дословно повторяя одно из раннесредневековых, видимо, грузинских, названий адыгов.

Спустя несколько десятилетий после Пахимера и Ибн-Саида другой средневековый писатель – Абульфеда (1321 г.), выделяет справа от страны ал-Булгар (Вожская Булгария) государство *ал-Касак*, населенное народом, обитающим между *ал-Анджаз* (*Жаннетия* – Б.Б.) и *ал-Лан*¹²¹. Сообщается также о стране *ал-Джаркис* в одном ряду со странами *ал-Булгар*, *ар-Рус*, *ал-Фарандж* и др. «Это, – пишет Абульфеда, – многолюдные страны, великие и очень обширные»¹²².

Выстраивается таким образом, целый ряд однотипных названий одной и той же северо-кавказской страны – *ал-Акасара/ал-Касак/ал-Джаркис*. Все они содержат в себе этнический термин *кас*.

Эти и некоторые другие упомянутые названия являются отражением специфики и различных этапов этнического развития адыгского народа. Например, страна *ал-Анджаз*, в нашем понимании, – это *Жаннетия*,

населенная зихским племенем жанэ (санигами древних, античных писателей). Под названием *Sania* княжество Жаннетия отмечено впервые в 1311 и в 1318 г. на морском атласе Пьетро Висконте в районе Туапсе и Джубги. Сания или Жаннетия расположена на этой карте между Черной Зихией (*Mauro Zega*), покоренной монголами, и Белой Зихией (*Alba Zega*), сохранившей независимость¹²³.

На картах последующего времени в том же районе наряду с названием *Sannia/Sanna* фигурирует название *Sanna Zichia* (Бенанказа, 1480)¹²⁴. Это свидетельствует лишний раз о том, что жанеевцы были изначально южнокавказским, зихским племенем, входившим в состав страны под названием Зихия¹²⁵. По сведениям Эвлия Челеби в 60-х годах XVII столетия Большая Жаннетия располагалась еще за Кавказским хребтом, то есть в Зихии. А Малая Жаннетия находится уже на Северном Кавказа – в низовьях рек Абин, Хабль, Иль и Абурган¹²⁶. При этом несмотря на то, что Жаннетия в Зихии все еще называется Большой, Малая Жаннетия, по словам Эвлия Челеби, «более заселена», чем Большая¹²⁷.

Все это нужно понимать таким образом, что зихи (*зегу, азги, азегу*), включая сюда и жанеевцев, изначально представляли южную, закавказскую ветвь адыгского народа. В период Золотой Орды Зихия воспринималась как страна, разделенная на две области. Первая, северо-западная область включала в себя Черную Зихию, входящую в состав Золотой Орды, вторая юго-восточная область называлась Белой Зихией, так как она не была завоевана татаро-монголами и в состав Золотой Орды не входила.

В отличие от этого страна (государство), которую Ибн-Саид и Абу-л-Фида называют *ал-Акасара/ал-Касак/ал-Джаркис*, располагалась на Северном Кавказе и была населена другой ветвью адыгского народа – касами, кашаками, черкесами. Страна ал-Акасара, как следует из сочинения Ибн-Саида, простиралась от Таманского полуострова (восточного побережья Черного и Азовского морей) на юго-восток как минимум до крепости ал-Алан в Дарьяльском ущелье¹²⁸. При этом в Восточном Причерноморье, в пространстве между Таманью, Цемесской бухтой и Геленджиком располагалось касско-зихское пограничье.

Но Абульфеда, закончивший свое сочинение в 1321 г. наряду с хоронимом *ал-Касак*, и, по всей вероятности, в том же значении, использует название *ал-Джаркис*. Видимо, уже в этот период под золотоордынским влиянием складывалось представление о Черкесии, как о единой стране, объединяющей Зихию и Касу (Касогию), зихов и касов (касогов, черкесов). После татаро-монгольского нашествия и погромов Тимура резко возрастает самосознание адыгских обществ, ускоряются объединительные процессы. Термин *адыгэ/адыхэ*, который сначала применялся зихами по отношению к своим северокавказским соплеменникам, постепенно, под влиянием прежде всего их массового переселения на северный склон Кавказского хребта, становится общим самоназванием как для зихов, так и для касов. А термин «черкесы», который возник как обозначение северокавказских адыгов – касов, распространяется ускоренными темпами также и на зихов.

Этот процесс своего рода этнонимического обмена и семантического преобразования начался, видимо, в конце XV века, о чем свидетельствуют сведения Дж.Интерриано: «Зихи – называемые так на языках: простонародном (*lingua franca* – Б.Б.), греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют – «адига»¹²⁹. В XVI–XVII веках использование терминов *зихи* и *Зихия*, а также хронологически и географически связанных с ними терминов аланы и

Алания, авазги и Авазгия становится анахронизмом, отживающей свой век западноевропейской традицией. Этой традиции следует еще А. Ламберти, который в опубликованном в 1654 году труде о путешествии в Мингрелию пишет, что соседями Мингрелии являются Абхазия, Сванетия, а также Алания (Alani), Зихия (Gichi) и Черкесия (Circassi)¹³⁰.

Что же касается этнического термина *каса*, то к числу последних его упоминаний можно отнести относящееся к началу XV века сообщение Ибн Тагриберди о происхождении мамлюкского султана Баркука ал-Черкаси, правившего Египтом с 1382 по 1399 гг.: «Он – выходец из страны Черкесов и его род называется Каса. Он был похищен со своей родины и продан в Крыму»¹³¹. Тем самым подчеркивается, что Баркук родом из северной части «страны Черкесов», которая тогда – в начале XV века еще была известна под названием Каса.

Все это в соединении с множеством других аналогичных данных почти неопровержимо свидетельствует о том, что культурно-языковое родство абхазов и адыгов с хаттами и касками преломляется через их близость и тесные контакты с древними касситами и их потомками. Отсюда следы корневой морфемы *кас/каш* в древних и средневековых обозначениях адыгских племен и народов, в дошедшем до наших дней этнониме *черкес*, а также в гидронимах, оронимах, в других именах и названиях, распространенных в большом количестве в Крыму и на Северном Кавказе.

1. *Март Н.Я.* Каппадокийцы и их двойники // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Петербург, 1922. Т. II. С. 336.

2. *Мецианинов И.* Каменные статуи рыб – вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // Записки коллегии востоковедов. Л., 1925. Т. I. С. 26.

3. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 101.

4. См. напр.: *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; *Коков Дж.Н.* Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983.

5. *Грозный Б.* Доисторические судьбы Передней Азии // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 38–45.

6. *Forrer E.* Stratification des Langues et des peuples dans le Proche-Orient prehistorique // Journal Asiatique, CCXVII, 1930. P. 230; *Капанцян Гр.* Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. С. 131–135; *Jaritz K.* Kassitische Sprachreste Anthropos. Bd. 52. № 5–6. 1957. S. 852.

7. Предки северо-восточно-кавказских народов // <http://alpan365.ru>.

8. См. об этом: *Бгажноков Б.Х.* Кассито-абхазо-адыгские культурно-языковые параллели // Вестник КБИГИ. 2014. № 1.

9. *Hrozný V.* Ancient history of Western Asia, India, and Grete. New York, 1953. P. 2.

10. *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960. С. 81.

11. *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 230–232.

12. *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 129.

13. *Грозный Б.* Протоиндийские письмена и их расшифровка // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 16–17.

14. *Hrozný V.* Ancient history of Western Asia, India, and Grete. New York, 1953. P. 2; *Jaritz K.* Kassitische Sprachreste Anthropos. Bd. 52. № 5–6. 1957. S. 852.

15. *Капанцян Гр.* Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947. С. 133.

16. *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М., 2011. С. 282–346.

17. См.: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 27.

18. *Гиоргадзе Г.Г.* К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий. Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритоологии. М., 1961. С. 171.

19. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 114.
20. Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. С. 135.
21. Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. С. 134–135.
22. Орбелян С. История области Сисакан. Тифлис, 1911. С. 617.
23. Капанцян Гр. Указ. соч. С. 131.
24. Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий. С. 199.
25. См. об этом: *Hrozny Ph.D. Ancient history of Western Asia, India, and Grete*. P. 2.
26. *Ibid*. P. 49–54.
27. Гомер. Илиада. VI. 299.
28. Намиток А. Происхождение черкесов. Ч. 1 // Архив КБИГИ.
29. Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании // Исторические записки. М., 1937. Т. 1. С. 135.
30. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М., 1949. С. 105; Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1991. С. 92, 93.
31. Страбон. II. I. 39.
32. Муравьев С.Н. Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1986. С. 242.
33. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к золотой орде. Т. 1. СПб., 1884. С. 459.
34. Утемьши-хаджи. Чингиз-наме-Алма-Ата, 1992. С. 52, 102.
35. Стрейс Я.Я. Три путешествия. Рязань, 2006. С. 253.
36. Белецкий Д.В., Габоева Е.Р. Хидикусское «касута»: К вопросу о характере религиозных культур в позднее-средневековых осетинских святилищах // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Вып. 8. 2012.
37. См. напр.: Лубсан Данзан. Алтан тобги (Золотое сказание). М., 1973. С. 228, 232, 368.
38. Там же. С. 48–51.
39. Багов П.М. От истории слова к истории народа // Актуальные вопросы адыгских языков. Нальчик, 1981. С. 53–56.
40. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л., 1958. С. 594.
41. König Fr.W. Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. Leipzig, 1930. S. 62.
42. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 356.
43. См.: Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. С. 324.
44. Геродот. История. Кн. IV, 1, 76.
45. Полибий. История // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ. 1947. № 3. С. 216.
46. Арриан. Объезд Эвксинского моря // АИСК. С. 132.
47. Псевдо-Арриан. Объезд Эвксинского моря // АИСК. С. 181.
48. Плиний Секунд Г. Естественная история. VI. 19, 21 // См.: Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. С. 191, 187.
49. Мела Помпоний. Хорография, 1, 13 // Подосинов А.В., Скржинская М.В. Указ. соч. С. 45.
50. См.: Бгажноков Б.Х. Следы элемента кас в античных названиях адыгов на Северном Кавказе. С. 8.
51. Джанашивили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 21.
52. Гадло А.В. Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н. э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 29.

53. См.: *Василевский В.Г.* Труды. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1909. С. 226–275.
54. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 117.
55. Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. С. 146–147.
56. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 175.
57. *Люлье Л.И.* Черкесия (историко-этнографические статьи). Краснодар, 1927.
- С. 10; *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992. С. 8.
58. *Klaproth J.* Reise in dem Kaukasus nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. II. Halle und Berlin, 1812. S. 557.
59. *Гадло А.В.* Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербенд-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии / Редколлегия: В.А. Кузнецов, А.Г. Кучиев, В.Х. Тменов. Отв. Редактор В.А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1984; *Он же:* Известия о хазарах и Хазарии в позднесредневековой даг. Хронике «Дербент наме» // История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998.
60. *Иловайский Д.И.* Болгаре и Русь на Азовском Поморье // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1975. № 1–2. С. 78.
61. *Кокиев Г.А.* Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946. С. 14.
62. Масуди о Кавказе // В кн.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 206, 207. См. также: *Масуди.* Из книги «Луга золотые и рудники драгоценных камней» Глава 13 // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 54, 55.
63. Согласно грузинским источникам, аланский (овский) царь *Дургудель* прибыл на помощь грузинскому царю *Баграту* с 48-тысячным ополчением; См.: *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 33.
64. *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 221.
65. По мнению В.Ф. Минорского название *черкес/джаркас* «состоит из *чахар-Кас* – четыре [клана] *Кас*» (Указ. соч. С. 206). В.М. Аталиков выдвигает другую, на наш взгляд, менее убедительную версию, согласно которой *джаркас* восходит к тюркскому *жарказ*: *жар* – земля, *каз/кас* – копать, резать, пахать (*Аталиков В.М.* Наша старина. Нальчик, 1996. С. 27).
66. См. об этом: *Моржохов Х.И.* Город Магас – столица Алании // Исторический вестник. Вып. II. Нальчик, 2005.
67. *Худуд-ал-алем.* Рукопись А. Туманского. Л., 1930. С. 31.
68. *Гадло А. В.* Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н. э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 21, 25.
69. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV – X вв.. С. 202.
70. Термин «Аланская конфедерация» А.В. Гадло употребляет наряду с терминами «Аланское царство», «Алания». См. напр.: *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 48.
71. *Györffy Gy.* Landnahme, Ansiedlung und Streifzuge der Ungarn // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae 1985. 31; *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // Материалы по истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1997.
72. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 49.
73. *Тунманн.* Крымское ханство. Симферополь, 1994. С. 61.
74. *Брун Ф.* Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. 11. Одесса, 1880. С. 119.
75. *Ибн Хаукаль.* Книга путей царств // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 113.
76. Там же.
77. *Григорьев В.В.* О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. СПб., 1876. С. 74.
78. *Bodenstedt Fr.* Volker des Kaukasus. Frankfurt-am-Main. 1848. S. 238. См. об этом также: *Dunlop D.M.* The history of the jewish khazars. Princeton, 1954. P. 242–243; *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 56, 70, 75, 80.

79. *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 56.
80. Примерный список этих племен см. в книге: *Аталиков В.М.* Наша старина. Нальчик, 1996. С. 105.
81. См.: *Бгажноков Б.Х.* Следы элемента *кас* в античных названиях адыгов на Северном Кавказе // *Древняя и средневековая история адыгов* (Материалы международной научно-практической конференции, 22–26 октября 2013 г. в г. Нальчике). Нальчик, 2014.
82. См. об этом: *Бубенок О.Б.* Указ. соч. С. 32.
83. *Василевский В.Г.* Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 2. С. 226, 275.
84. *Баранов И.А.* Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989. С. 47; *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиоведения. Ленинград, 1991. С. 100; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 194.
85. Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрука. М., 1957.
86. *Мурзакевич Н.И.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. С. 44.
87. *Тунманн И.Э.* Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 19–20.
88. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме. Симферополь, 1999.
89. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793 – 1794 годах. М., 1999. С. 36.
90. Там же. С. 61, 79, 158.
91. *Бубенок О.Б.* Указ. соч. С. 31.
92. *Тунманн И.Э.* Крымское ханство. Симферополь, 1991.
93. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты. В 2-х томах. М., 2005. Т. 2. С. 14.
94. *Бубенок О.Б.* К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым. С. 31.
95. *Бгажноков Б.Х.* О традиции сармато-аланского названия адыгов Северного Кавказа // Историческая ономастика и этнонимика Северного Кавказа. Сб., посвященный 70-летию А. Максидова. Нальчик, 2014.
96. *Бгажноков Б.Х.* О традиции сармато-аланского названия адыгов Северного Кавказа.
97. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 147.
98. Там же.
99. *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 116.
100. *Крупнов Е.И.* Древнейшая культура Кавказа и Кавказская этническая общность // Советская археология. М., 1964, №1; *Лавров Л.И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Сухуми, 1960. Т. XXXI. С. 106; *Марковин В.И.* Курган Псынако. Памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик, 2011. С. 52.
101. *Хоренский Моисей.* Армянская география VII века по р.х. СПб., 1877. С. 36. К числу касских в списке народов Сарматии можно отнести еще несколько народов: *хебаров/хебуров* (кабардинцев), тесно связанных с хебарами *кудетов* (отсюда род Кундетовых у кабардинцев), *хенутов* или *хеноков* (род Генардуковых), *хегайков* (одно их четырех главных черкесских племен в период позднего средневековья). Похоже, каспы, хеноки и хейгаки – это подразделения одного касско-кабарского или кабардинского народа и возможно, этим объясняются сообщения о том, что кабары представляли собой объединение трех племен, управляемых одним вождем.
102. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. М., 1989. С. 163–165.
103. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 101. По мнению П.К. Коковцева, поддержанному другими исследователями (Дунлоп,, Гадло Панеш Э.Х и др.) и в этом случае речь идет, вне всякого сомнения, о стране касогов, черкесов или адыгов.

104. *Коковцев П.К.* Указ. соч. С. 101; *Гадло А.В.* Указ соч. С. 22; *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа). СПб., 1996. С. 73.
105. *Габриэльян Р.А.* Армянские источники об аланах. М., 1985. С. 47
106. *Юшков С.В.* К вопросу о границах древней Албании // Исторические записки. М., 1937. Т. 1. С. 135.
107. *Брун Ф.* Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852 – 1877). Ч.1. Одесса, 1879. С. 113.
108. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Книга II. Т. VIII. Прим. 224. М., 1989. С. 36.
109. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 206.
110. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). Симферополь, 2008. С. 201.
111. *Табидзе М.Ш.* Лексические варианты этнонима «черкес» в грузинском языке // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Материалы VI международной научной конференции. Майкоп, 2008. С. 269..
112. *Bratiani (G.I).* Actes des notaries genois de Perra et Caffa de la fin du treizieme siècle (1281–1290). Bucarest, 1927.
113. Переводы актов купли-продажи см. в статье: *Аталиков В.М.* К истории рабства на Северном Кавказе // Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. С. 182–183.
114. *Карпини П.* История монголов // Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрука. М., 1957. С. 57.
115. См: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 28.
116. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 46.
117. *Клапрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 112.
118. Цитата по: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. С. 55.
119. *Март Н.Я.* Племенной состав населения Кавказа. Петроград, 1920. С. 16.
120. Там же. С. 16–17.
121. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 119.
122. Там же. С. 84.
123. *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. Там же. С. 300.
125. Однако, расширив границы своей территории до Цемеза одна из жанеевских групп перевалила через хребет и заняла земли по р. Адагум. Здесь уже в середине XVI века она стала одной из самых сильных адыгских княжеств, соперничавших с Кабардой. См. об этом: *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. Киев, 1991. С. 13–14.
126. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 63–64.
127. Там же. С. 63.
128. Указ. соч. С. 173.
129. *Интерьяно Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 46.
130. *Lamberti A.* Relatione della Colchide hoggi detta Mengrellia. Naples, 1654. P. 2.
131. Цит. по: *Бунятов З.М.* К вопросу о происхождении египетского мамлюкского султана Баркука // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Том XLI. № 12. Баку, 1985. С. 79.

АЛАНСКИЕ НАЗВАНИЯ АДЫГСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И КРЫМА

Известно, что в настоящее время осетины используют два однотипных названия кабардинцев и других адыгских этнических групп. Первое из них – *касаг* (*кәсаг*), второе – *каскон/кашкон* (*кәсгон*)¹. Основу этих имен составляет элемент *кас*, который восходит, быть может, к древнеиндийскому *kas* – «сверкать, сиять» и *kasih* – «солнце, свет, сияние, глянecь»².

Под именем *касов*, *акасов* северокавказские адыгские племена были известны в X–XIII вв. В начале X в. об этом пишет хазарский царь Иосиф. Отвечая на письмо Хасдая ибн Шапрута из Кордовы, он сообщает, что на Кавказе существует несколько родственных между собой общностей, «живущих в стране Каса, к западу от алан»³. По мнению П.К. Коковцева, поддержанному другими исследователями, речь идет, вне всякого сомнения, о стране касогов, черкесов, или адыгов⁴.

В XIII–XV вв. этноним или хороним *каса/акаса* как обозначение народа, а также земли или страны северокавказских адыгов встречается иногда в трудах итальянских, византийских, арабо-персидских писателей, но теперь, как правило, вперемежку или в одном ряду с ее индоиранской и ирано-тюркской версией – в виде *касак*, *джаркис*, *чаргаз*, *черкес*. К примеру, итальянец Плато Карпини, совершивший путешествие в Монголию в 1245–1247 гг., в числе множества земель, которые монголы подчинили своей власти, называет *Касы* и *Чиркасы* в одном ряду с *Комуки*, *Аланы*, *Обезы*, *Команы* и др.⁵

Во второй половине XIII в. Ибн-Саид сообщает о стране *ал-Акасара*⁶. По его словам, жители этой страны (акасы) совершают нападения на владельцев стены или крепости в горном проходе горы ал-Кабк (Кавказ). Далее следует описание крепости ал-Алан, из чего следует, что речь идет об Аланских воротах в Кассарском ущелье. Таким образом, есть все основания считать, что средневековая страна *ал-Акасара* располагалась в долине современного Кассарского ущелья – осет. *Акъасара*. Что же касается «жителей страны ал-Акасара», совершавших эти нападения, то это, как видно, касы (или северокавказские адыги, кабардинцы), на что указывает также И.Г. Коновалова: «Ал-Акасара – хороним, по всей вероятности, образованный от этнонима «каса»⁷. Правда, не стоит воспринимать эти сообщения как нападения касов (кабардинцев) на алан (осетин). Напротив, обычно они действовали совместно против врагов на севере и на юге страны, в данном случае – против тех, кто занял Аланские ворота. Возможно, это были предки ингушей и чеченцев, которые действительно длительное время контролировали этот проход.

В числе последних упоминаний термина *кас* или *каса* можно назвать относящееся к началу XV в. сообщение Ибн Тагриберди о происхождении мамлюкского султана Баркука ал-Черкаси, правившего Египтом с 1382-го по 1399 г.: «Он – выходец из страны Черкесов и его род называется Каса. Он был похищен со своей родины и продан в Крыму»⁸. Тем самым подчеркивается, что Баркук родом из северной части «страны Черкесов», которая тогда, в начале XV в. еще была известна под названием Каса.

Что же касается этнонимов *касаг* и *касгон*, то они, как сказано, и сейчас используются в живой речи осетин для обозначения адыгов Северного Кавказа. При этом в первом случае корневая морфема *кас* соединяется с аффиксом принадлежности *он*, аналогично тому как применялся и применяется этот аффикс в других подобных случаях: в названиях осетинских обществ – *ирон*, *дигорон*, *бадилон*, *ассон/аишон*⁹; в женских фамильных именах, например: *Канукон*, *Доцон* *Бацион*, *Хабليون*, в названии танцев: *кашкон кафт* – «кабардинская кафа» и др. Второй в принципе синонимичный вариант функционирует благодаря аффиксу *аг*, также весьма продуктивному в осетинском языке. Этнический термин *касаг* выстроен здесь по той же модели, что и названия *ариаг* – ариец, арийский, *шомихаг* – армянин, армянский, *хатиаг* – хатт, хаттский, *гурджиаг* – грузин, грузинский и др.

Следует сказать, что аналогичным образом называли адыго-черкесов и другие народы. Например, в армянском языке для обозначения адыгов используют термин *гашга/кашка*¹⁰, который стоит близко к хеттскому обозначению касков – *gachgachg*¹¹. А сваны называют северокавказскую равнину и кабардинцев *Кашаг*, *кашаг*¹², опираясь, по-видимому, на античные и арабские названия *казек*, *касак*, *кашак*¹³, которые в свою очередь также возникли на иранской почве. Похоже, в прошлом, еще в XVII в. так же называли кабардинцев и в целом северокавказских адыгов мегрелы¹⁴, отличая их тем самым от юго-восточных адыгов – *зихов*, *джихов*. Еще раньше, в середине X в. такое разграничение провел Константин Багрянородный, выделив Касахию на Северном Кавказе и Зихию – в юго-восточном Причерноморье. В Древней Руси на тех же основаниях проводили различие между *касогами* (северокавказскими адыгами) и *обезами* (адыго-абазинскими племенами на юго-востоке Черкесии).

Таким образом, в осетинском языке вариант этнонима *кас* с суффиксом *аг* используется в том же значении, что и вариант с суффиксом *он*, – для указания на принадлежность к определенному народу. Но здесь это слово может быть и названием страны, в которой живет одноименный народ. Показательно, что в Осетии и сейчас вместо распространенного названия *Кабарда* применяют термин *Кæсаг*, используя его даже в официальном названии Кабардино-Балкарской республики, а также в различного рода топонимах: *Кæсаги будур* – «Кабардинская степь», *Кæсаджы уæлмæрдтæ* – захоронения в одном из кварталов сел. Рассвет в Осетии-Алании, которые местные жители считают кабардинскими¹⁵. По данным В.И. Марковина, словосочетание «кашаджи уалмарта» используется осетинами как название общее для всех касожских (кабардинских) курганов на территории республики¹⁶.

Учитывая, что осетины составляли ядро аланских племен, следует думать, что этнонимы *касаг* и *касгон* являются аланскими. Но, возможно, так называли адыгов еще во II – начале I тыс. до н.э., в период первых контактов с ними индоиранских племен. Отсюда, видимо, включение в состав этих имен форманта *sk/sg*, *k/g* в качестве детерминативов другого народа, другой или чужой страны. Кстати, то же самое наблюдается в средневековых, по-видимому, также иранских (аланских) названиях абхазов и абазин – *абазги/абаски/авазги*.

В античное время и в средние века различные варианты этнонимов *касаг* и *касгон* предстают как привычные аланские или сармато-аланские обозначения адыгских этнических групп¹⁷. Например, в эпиграфических памятниках древней Ольвии встречаются относящиеся ко II–III вв. н.э.

аланские имена *Ариуахос, сын Касага; Касай, сын Парна; Касак, сын Кардзея; Каскен, сын Касага*¹⁸; *Касагос*¹⁹, что, на наш взгляд, объясняется соседством и тесными контактами алан в Ольвии с *касами, касконами, касагами* в Крыму и на восточном берегу Азовского и Черного морей.

В своде грузинских летописей есть сообщение о народе *хаскун* (*каскун*; осет.-аланск.: *каскон, кашкон*), живущем между аланами и *авазгами* (абазинами). Отмечается, что, находясь в зените своей славы, византийский император Юстиниан I (527–565) «вел войну в пограничной к Овсети (Алании. – *Ред.*) стране, на границах Авазгии, с племенем, называемым хаскун, восставшим против греков»²⁰. По мнению А.В. Гадло, это сообщение повествует о событиях, имевших место в 549–550 гг., когда северокавказские адыги (каскун) поддержали абасгов, над которыми учинили жестокую расправу византийцы и картлийцы. В наказание за это по приказу Юстиниана каскуны «подверглись вторжению в их страну лазского войска, возглавляемого одним из живших в Лазике картлийских царевичей»²¹. Это говорит о том, что в VI веке касы заявили о себе как о значительном в рамках Кавказа объединении адыгских этнических групп.

Как видим, термин *каскун* практически ничем не отличается от терминов *каскон/кашкон, касгон*. Очевидно, уже тогда, в античное время и в раннем средневековье, названия *каскун, касгон* для северокавказских адыгов и, прежде всего, для кабардинцев, использовались аланамив-овсами наряду с термином *касга*.

Затем эта – изначально ирано-аланская традиция была подхвачена другими соседними народами и, начиная с VIII–X вв. она находит отражение в греческих, арабо-персидских, древнерусских сочинениях и документах. К рубежу VIII–IX вв. относятся²² сообщения святого Епифания, в которых он наряду с адыгским племенем *зихов* и страной Зихией упоминает *касогдиан*, разделяя местность, занятую этим народом, на Сугду горную и Сугду равнинную²³. В данном случае касогдиане и сугды – это, несомненно, различные названия адыгских племен Северного Кавказа и Крыма. Сугдами называли адыгов греки. А в русских летописях X века касогдиане Епифания всплывают в виде этнонима *касог* и названия страны – *Касогы*. Сообщается о том, что летом 965 года Святослав взял штурмом хазарский г. Саркел (Белая Вежа), а затем победил ясов (алан) и касогов и многих из них привел в Киев на поселение^{24,25}, что можно рассматривать как заимствование этнонима *касог* из языка яссо-алан Подонья, рядом с которыми обитали в этих местах и сами касоги.

По мнению Г.Ф. Турчанинова²⁶, поддержанному О.Б. Бубенком²⁷, «нет никаких оснований думать, что битва с ясами (аланами) и касогами (черкесами) произошла где-то на Северном Кавказе. И те и другие могли находиться (и скорей всего находились) в Подонье, ниже Белой Вежи. Вероятно, и этническое название *касог* (ср. осет. *касаег*. «кабардинец-черкес») вошло в русский язык тогда же, будучи заимствовано из языка не северокавказских, а подонских ясов-алан, ниже которых у дельты Дона сидели касоги ...»²⁸. Подчеркивается тем самым, что в «Повести временных лет» касоги предстают как соседи ясов-аланов в Подонье, ниже Белой Вежи. И с этим следует согласиться. Несомненно, речь идет о кабарах, то есть о той части касов, касогов или кабардинцев, которая в 1870 г. покинула Хазарию и, присоединившись к венграм, расселилась на Нижнем Дону в соседних районах Приазовья, а также в Крыму – в стране Леvedия²⁹.

Часть кабаров (кабардинцев) ушла затем к Дунаю вместе с венграми. Но основной массив кабаро-касожского населения, оторвавшийся от своих

соотечественников в Центральном Предкавказье, оставался длительное время в Нижнем Подонье, в Крыму, на Таманском полуострове. Отсюда местечко Кабарды на северо-западе Азовского моря и локализация Кабарды в устье Дона (на ее левом берегу) на многих европейских картах, отражающих в этой части историко-географическую ситуацию X–XV вв.³⁰ Наконец, с этим связана возможность отождествления со Страной каса, касогами и кабардинцами всей Касахии и затем Черкесии, исключая закавказских адыгов или зихов, но включая Таманский полуостров и его жителей.

Вспомним в данной связи, что как коренное население Таманского полуострова предстают касоги в летописях, повествующих о борьбе за Тмутаракань в 1022 г. русского князя Мстислава и касожского (черкесского) князя Редеди³¹.

Сравнительно полным, достоверным и очень важным для нас источником является сочинение византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», составленное в 948–952 гг. В подробном описании Кавказа он выделяет наряду с Аланией, к западу от нее, еще три страны: Касахию, простирающуюся до «Кавказских гор» (видимо, до Эльбруса), Папагию и на юге от Папагии – Зихию³². Жители этих стран, – бесспорно, черкесы или северокавказские адыги. Но Зихия была обособлена от Касахии и Папагии. Она занимала восточный берег Черного моря, на западной оконечности Главного Кавказского хребта по обеим ее сторонам. Зихи – это, условно говоря, адыгское население Западного Закавказья.

В отличие от этого, касы или касоги, а также соединившиеся с ними папаги занимали северные склоны Главного Кавказского хребта, включая степное Предкавказье и Юго-Восточный Крым. При этом страна, именуемая Касахией, простиралась далеко на восток по направлению к Каспийскому морю. Правильно еще Ю. Клапротом замечено, что Касахия является «страной восточных черкесов внутренних областей Кавказа»³³. По мнению Г.А. Кокиева, восточные пределы Касахии «доходили до Эльбруса и далее на восток до Аланских ворот»³⁴, то есть гораздо дальше, чем это показано на карте, прилагающейся к изданию Константина Багрянородного в 1989 г.

В 956 г. арабский географ Масуди дает относительно точные и подробные сведения о стране и народе *Кашак*³⁵. Так же точно, как и его предшественники, он пишет, что эта страна находится за царством кавказских аланов. Характеризуя внешний облик, быт, нравы кашаков, Масуди подчеркивает, что по своей военной мощи кашаки превосходят алан. Это важное замечание, позволяющее сравнить территорию, численность и военный потенциал Алании и Касахии. По свидетельству Масуди, в случае надобности Алания была способна выставить 30 тыс. всадников³⁶. По другим данным, отражающим ситуацию XI в., еще больше – без малого до 50 тыс.³⁷ Это означает, что кашаки, или черкесы (без зихов) могли бы выставить еще большее число воинов. А общая численность народа могла достигать от 500 тыс. до 1 млн. Что же касается причин слабости кашаков по сравнению с аланами, то они, по словам Масуди, в том, что племена, говорящие на языке кашаков, не могут объединиться под властью одного царя. Если бы это произошло, продолжает он, то ни аланы, ни какой-либо другой народ не смог бы одержать над ними верх. Тем самым лишний раз подчеркивается, что по численности и, вероятно, по занимаемой территории кашаки не уступали аланам и другим соседним народам.

В сочинениях арабо-персидских географов X и затем XIII–XIV вв. аланские названия адыгов присутствуют неизменно в составе названий городов, стран, областей и народов Северного Кавказа. О городе Касак на Таманском полуострове в стране алан упоминает анонимный автор книги «Худуд-аль-Алем», написанной в 982–983 гг.³⁸ По мнению А.В. Гадло, этот город вырос еще раньше под защитой хазарского Тумен-тархана (Тамтаракая, Тмутаракани) вследствие подъема окружавших Хазарский каганат автохтонных адыгских социально-политических образований³⁹. В 1321 г. о государстве *ал-Касак*, населенном народом, обитающим между *ал-Анджаз* (Жаннетия. – Б.Б.) и *ал-Лан*, пишет средневековый писатель Абульфеда⁴⁰. Сообщается также о стране *ал-Джаркис*. Абульфеда ставит ее в один ряд со странами *ал-Булгар*, *ар-Рус*, *ал-Фарандж* и др. «Это, – свидетельствует он, – многолюдные страны, великие и очень обширные»⁴¹.

Можно сослаться в этой связи и на сведения Георгия Пахимера, относящиеся ко второй половине XIII в. Он пишет о *сергах*, *акасах* или *черкесах*, которые являются христианами и продолжают войну с монголо-татарами⁴². Показательно, что под названиями *акасов* или *сергов* (ср. чеченское название кабардинцев – *черси*) Пахимер объединяет «черкесов и алан». Видимо, к этому времени положение *касов*, *каскасов*, (*кабардинцев*) в Алании усилилось. Вследствие этого термин *акасы* и способный заменить его термин *серги* мог восприниматься сторонними наблюдателями как общий для черкесов и алан. Более того, не исключено, что этнический термин *акасы* возник в результате симбиоза этнонимов *асы* (овсы) и *касы* (джаркасы) с выпадением свистящего «с» в первом из них.

Видимо, уже во второй половине XIII в. некоторые географы воспринимали асов (овсов) и касов (джаркасов) как народы, объединенные в одно этнополитическое целое под названием *Ас-Каска*, или *Ас-Касия* (*Ашкисийя*). На этой почве возникает составной этноним *аскаска* или *акасы*. Отсюда также производные от этих имен оронимы – *Аскаска* (ал-Идриси), *Аскасийя* (ал-Хорезми, Ибн-Саид, Абульфеда). На самом деле перед нами обозначения гор Центрального Кавказа, где действительно в течение многих столетий жили совместно *асы* (овсы, аланы) и *касы* (черкесы). В частности, по словам ал-Идриси (XII в.) «гора Аскаска протянулась с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. В этой горе берет начало река, которая распадается на два рукава. Один рукав течет на запад «до города Матриха (Матрега, Темрюк. – Б.Б.) и впадает там между ним и городом Русийя (Керчь. – Б.Б.)...», а второй «течет на юго-восток до земли хазар и впадает за городом Исиа в море ал-Хазар (Каспийское море. – Б.Б.)»⁴³.

Нетрудно понять из данного описания, что ороним *Аскаска/Аскаска* охватывает цепь Кавказских гор от истоков Кубани на северо-западном склоне Эльбруса до истоков Терека в Дарьяльском ущелье. Соответственно реки, о которых идет речь (Кубань и Терек), действительно могут восприниматься как рукава одного потока, формирующегося в самом центре Кавказских гор. Там, где над ними возвышается Эльбрус и живут два близких по культуре народа – асы и касы. Там, где берут начало все основные великие реки Кавказа и Закавказья. Недаром Н.Я. Марр прозорливо, со свойственной ему способностью придать той или иной важной детали поистине эпический размах, дает свое собственное определение снежных вершин между Эльбрусом и Казбеком: «Кавказская, Касская или Каспийская водораздельная территория в цепи гор главного хребта» (выделено мной – Б.Б.)⁴⁴. Она, эта территория, распадается, по его словам, на три части: 1) Центральную или материковую – на верховьях Терека

и Арагвы, с включением верхнего течения Алазани, 2) Понтийскую – на верховьях Кубани и Риона и 3) Каспийскую с озерным перевальным нагорьем между бассейнами – на севере Аргуна, на юге Андийского Койсу⁴⁵.

В сочинениях Г. Пахимера и Ибн-Саида второй половины XIII в. достаточно отчетливо показано расположение акасов и их страны ал-Акасара в составе Золотой Орды. Это местность где-то справа от Дарьяльского ущелья. Насколько мы понимаем, ее координаты совпадают с долиной Кассарского ущелья, что, конечно, не случайно. Также точно, как и то, что в современной Осетии осетины называют это ущелье *Къасара*, почти дословно повторяя вариант одного из раннесредневековых, видимо, грузинских, названий адыгов.

Выстраивается таким образом целый ряд однотипных названий одной и той же северокавказской страны – *Каскун/ал-Акасара/ал-Касак/ал-Джаркис*. Все они содержат в себе этнический термин *кас* и связаны так или иначе с древнеиранскими и аланскими названиями адыгов. Видимо, вплоть до монгольского нашествия Центральный Кавказ был одновременно Аланской метрополией и восточной областью Касахии. Это была контактная зона, определявшая смысловую доминанту этнополитической ситуации в данном районе. Хорошо отображает ситуацию и один из промежуточных этапов формирования Касахии или Черкесии во взаимодействии с Аланией карта-схема XI–XIII вв., составленная А.В. Гадло⁴⁶. Согласно этой карте в обозначенный период самостоятельной областью, составлявшей ядро Аланского царства или «Аланской конфедерации»⁴⁷, была Кабарда. Но название *Кабарда* для междуречья Малки и Терека (Баксана и Малки) сформировалось, скорее всего, еще в хазарский период. По данным Моисея Хоренского, отражающим этническую ситуацию VI–VII вв., преобладающим населением северо-восточного Кавказа были хебуры⁴⁸. Безусловно, это одно из самых могущественных касских племен, получивших затем известность под названием кабаров, кабардинцев, а в сармато-аланской этнонимической традиции – под названием касконов и касагов.

Отсюда выдвинутый В.А. Кузнецовым тезис, согласно которому «основным этническим пластом населения Алании было местное аборигенное население, жившее здесь с глубокой древности»⁴⁹. По его мнению, «это был тот этнический и культурный субстрат, с которым аланы находились в состоянии теснейших и длительных контактов и который по мере течения времени оказывал всевозрастающее воздействие на алан»⁵⁰.

Вне всякого сомнения, речь идет, и может идти в первую очередь о касконах или касагах. Об этом В.А. Кузнецов писал еще в начале 60-х гг. прошлого века. Оценивая обнаруженные в верховьях Кубани постройки, максимально приближенные к древним дольменам, но датируемые эпохой раннего средневековья, он рассматривал эти сооружения как свидетельство постоянного и длительного присутствия здесь адыгов – потомков дольменостроителей. Подчеркивается, что «местный этнос, создавший дольменообразные склепы, должен быть признан адыгским»⁵¹. Так же оценивает эти постройки В.И. Морковин⁵².

Тем самым, поддерживается выдвигавшаяся еще раньше Е.И. Крупновым, Л.И. Лавровым, а затем многими другими исследователями идея непрерывной связи дольменной культуры с абхазо-адыгским населением Кавказа⁵³. В дальнейшем эта культура получила свое развитие в тесном и плодотворном взаимодействии адыгов с аланами (осетинами) и другими соседними народами.

1. *Абаев С.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. 1. С. 588–589.
2. *König Fr.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. Leipzig, 1930. S. 62.
3. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 101. По мнению П.К. Коковцева, поддержанному другими исследователями (*Дунлоп Д.М.*, *Гадло А.В.*, *Панеш Э.Х.* и др.) и в этом случае речь идет, вне всякого сомнения, о стране касогов, черкесов или адыгов.
4. *Коковцев П.К.* Указ. соч. С. 101; *Dunlop D.M.* The history of the jewish khazars. Princeton, 1954. P. 242–243; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 18, 22, 25–27 и др.; *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа). СПб., 1996. С. 73.
5. *Карпини П.* История монголов // Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Гильома де Рубрука. М., 1957. С. 57.
6. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 28.
7. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 46.
8. Цит. по: *Буниятов З.М.* К вопросу о происхождении египетского мамлюкского султана Баркука // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1985. Т. XLI. № 12. С. 79.
9. В настоящее время термин ассон/ашшон используется у осетин для обозначения балкарцев.
10. *Капанцян Гр.* Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947. С. 133–135.
11. *Hrozný V.* Ancient history of Western Asia, India, and Crete. New York, 1953. P. 2.
12. *Абаев С.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. С. 588–589; *Цулая Г.В.* Комментарий к изданию: *Мровели Л.* Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 66.
13. *Бгажноков Б.Х.* Историческая этнография и география Черкесии // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. 12.
14. *Lamberti A.* Relazione della Colchide hoggi detta Mengrellia. Naples, 1654. P. 2.
15. Осетинская этнографическая энциклопедия. Гл. ред. Л.А. Чибиров. Владикавказ, 2013. С. 287.
16. *Марковин В.И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965. С. 91.
17. См.: *Бгажноков Б.Х.* Следы элемента кас в античных названиях адыгов на Северном Кавказе // Древняя и средневековая история адыгов (Материалы международной научно-практической конференции. г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г.). Нальчик, 2014. С. 8.
18. Античные источники о Северном Кавказе. Сост. В.М. Аталиков. Нальчик, 1990. С. 202–203.
19. *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1885. S. 157.
20. *Джанашвили М.Г.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 21.
21. *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н.э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 29.
22. *Бгажноков Б.Х.* Кассы и Страна касов на Северном Кавказе // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. С. 9–10.
23. *Василевский В.Г.* Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 2. С. 226, 275.
24. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 117.
25. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 117.
26. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники языка и письма народов Кавказа и Восточной Европы. М., 1971.
27. *Бубенок О.Б.* Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. Вып. 3. С. 28.
28. *Турчанинов Г.Ф.* Указ. соч. С. 75.

29. Бгажноков Б.Х. Указ. соч. С. 9–10.
30. Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899. Вып. I. Карты XVI, XVII, XIX, XX, XXII, XXIV, XXX, XXXI; *Он же*: Материалы по истории русской картографии. Вып. II. Киев, 1910. Карта XXII, XLI.
31. Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. С. 146–147.
32. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 175.
33. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 177.
34. Кокиев Г.А. Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946. С. 14.
35. Масуди о Кавказе // В кн.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 206, 207. См. также: Масуди. Из книги «Луга золотые и рудники драгоценных камней». Глава 13 // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 54, 55.
36. Там же.
37. Согласно грузинским источникам, аланский (овский) царь Дургудель прибыл на помощь грузинскому царю Баграту с 48-тысячным ополчением; См.: Джанашивили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 33.
38. Худуд-ал-алем. Рукопись А. Туманского. Л., 1930. С. 31.
39. Гадло А.В. Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н.э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 21, 25.
40. Коновалова И.Г. Указ. соч. С. 119.
41. Там же. С. 84.
42. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. С. 112.
43. Цитата по: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. С. 55.
44. Марр Н.Я. Племенной состав населения Кавказа. Петроград, 1920. С. 16.
45. Там же. С. 16–17.
46. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 202.
47. Термин «Аланская конфедерация» А.В. Гадло употребляет наряду с терминами «Аланское царство», «Алания». См. напр.: Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 48.
48. Габриэлян Р.А. Армянские источники об аланах. М., 1985. С. 47.
49. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 147.
50. Там же.
51. Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 116.
52. Марковин В.И. Составной дольмен у села Адербиевка и дольменовидные гробницы в бассейне р. Кяфар // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1975. № 142; *Он же*: Дольменные постройки в бассейне реки Кяфар // Советская археология. 1983. № 3.
53. Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и Кавказская этническая общность // Советская археология. М., 1964. № 1; Лавров Л.И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Сухуми, 1960. Т. XXXI. С. 106; Марковин В.И. Курган Псынако. Памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик, 2011. С. 52.

ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ О КАСОГАХ В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ И СТЕПЕНЬ ИХ ДОСТОВЕРНОСТИ

Известно, что во времена Средневековья в византийских источниках для обозначения адыгов использовалось этническое название *зихи*, происхождение которого представляет отдельную проблему. Но в X в. по отношению к населению, обитавшему на территориях адыгов, многие авторы, включая византийцев, стали использовать новый этноним *касог* (*косог*)¹.

Особый интерес представляют первые упоминания касогов в «Повести временных лет». Необходимо отметить, что древнерусские летописцы использовали два варианта этого этнического названия – *касоги* или *косоги*, что может лишь свидетельствовать о диалектных расхождениях в древнерусском языке.

Обратим особое внимание на сообщение древнерусских летописей о походе Святослава против хазар в 965 г. В большинстве списков «Повести временных лет» нет особых расхождений относительно последовательности событий. Древнерусские авторы об этом пишут: «В лето 6473. Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изыдоша проитиву с князем своим Коганом, и сосгупишоя обои; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победи и Касоги»². Анализ упомянутых фрагментов позволяет предполагать, что в 965 г. Святослав сначала напал на хазар в районе Саркела – Белой Вежи, захватил эту крепость и лишь после этого мог пойти на союзников хазар – аланов-ясов и касогов. Таким образом, получается, что ясы и касоги должны были находиться недалеко от Белой Вежи. Но это известие вызывает недоумение у многих исследователей, ибо считалось, что ясы-аланы традиционно проживали в Центральном Предкавказье, а касоги – на Северо-Западном Кавказе. Поэтому исследователи стали отдавать предпочтение информации Лаврентьевской летописи.

В Лаврентьевской летописи относительно последовательности этих событий имеются некоторые расхождения с содержанием других летописей: «Иде Стослав на Козары. Слышавше же Козары изи[до]ша проитиву съ князем своим Каганом и сътупиша битъ. и бивши брани. Одоле Стослав Козаромъ и град ихъ и Белу Вежю взя [и] Ясы победи и Косоги»³.

Исследователи уже давно связывали с подготовкой к этому походу следующее сообщение древнерусской летописи, относящееся к 964 г., где описан поход Святослава на земли вятичей, находившиеся между Окой и Волгой. В Лаврентьевской летописи об этом сказано: «... и иде на Оку реку и на Волгу. и налезе В'тичи. и реч Вятичем. кому дань даете. они же реша Козаром по шелягу. и от ра даем»⁴. Аналогичная информация содержится, например, и в Радзивилловской летописи: «...и иде на реку Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичем: «кому даете дань?» Они ж(е) реша: «Козаром по шелягу и от раи даем»»⁵.

Некоторые исследователи полагали, что отмеченные древнерусскими летописями события 964–965 гг. нашли отражение в следующем сообщении Ибн Хаукаля. Арабоязычный автор сообщает: «И произвели нашествие на все это русы и погубили все, что принадлежало на реке Итиле всем созданиям божьим из хазар, болгар и буртасов, и овладели

ими». Далее Ибн Хаукаль добавляет: «В это наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от бургасов, ни от хазар». По словам Ибн Хаукаля, русы после этого отправились «в Рум и Андалус»⁶. Как известно, после похода 965 г. Святослав не совершал поход в Испанию («Андалус»). Кроме того, в информации Ибн Хаукаля не содержится какое-либо указание о касогах, впрочем, как и о ясах-аланах.

Несмотря на это, информация Лаврентьевской летописи о событиях 965 г. и известия древнерусских летописей о походе Святослава на Оку и Волгу в 964 г., а также сообщение Ибн Хаукаля о походе русов против хазар, в результате которого русы захватили хазарскую столицу, позволили В.А. Кузнецову⁷, В.В. Бартольд⁸, М.И. Артамонову⁹, А.Н. Сахарову¹⁰ и другим исследователям считать, что Святослав сначала пошел на Среднюю Волгу, в страну болгар и бургасов, а оттуда, пойдя на юг и захватив хазарские города на Волге, в Дагестане и на Дону, повернул в земли ясов и касогов. Исходя из того предположения, что в 965 г. Святослав пришел в район Белой Вежи со стороны Итиля (Волги), М.И. Артамонов, В.А. Кузнецов, А.Н. Сахаров и некоторые другие исследователи склонны были локализовать ясов и касогов в Предкавказье¹¹.

Однако такое предположение не соотносится с этнополитической ситуацией на Северном Кавказе в то время, ибо известно, что северокавказские аланы не могли быть союзниками хазар. Это подтверждают фрагменты из сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанного за двадцать лет до отмеченного древнерусскими летописями события. Византийский автор, например, сообщает в 11-й главе: «Эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев...»¹². А в 10-й главе своего сочинения Константин сообщает о возможностях нападения северокавказских аланов на владения хазар: «...девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам»¹³. Кажется, что в данном случае не может вызывать возражений мнение Ю. Кулаковского, согласно которому в первой половине X в. прикавказские аланы могли полностью избавиться от зависимости от хазар¹⁴. Остается только спросить, если к середине X в. прикавказские аланы-ясы были не союзниками, а врагами хазар, то тогда чем могло диктоваться стремление Святослава совершить поход в их земли в 965 г.?

В связи с этим следует отметить, что А.Ю. Якубовский не склонен был доверять информации Лаврентьевской летописи и считал, что Святослав сначала захватил на Дону Саркел – Белую Вежу и после этого пошел на Среднюю и Нижнюю Волгу, а оттуда продвинулся на юго-запад и разгромил в районе Кавказа ясов и касогов, а потом захватил город Семендер в Дагестане¹⁵.

Действительно, несколько странно, что только в Лаврентьевской летописи содержится фраза: «...и град ихъ и Белу Вежу взя»¹⁶, тогда как в остальных списках она имеет вид «и град их Белую Вежу взя»¹⁷. Как известно, Лаврентьевская летопись сохранилась в единственном пергаментном списке, переписанном в 1377 г. монахом Лаврентием по заказу великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича. Текст Лаврентьевской летописи доведен до 6813 (1305) г. Лаврентьевская летопись считается одной из древнейших из сохранившихся до наших дней.

К числу таких древнейших летописей относится также Радзивилловская. Считается, что это памятник предположительно начала XIII в., потому

что он заканчивается описанием событий 1206 г. Эта летопись дошла до нас в списках конца XV в.: собственно Радзивилловском и Московско-Академическом. В Радзивилловской летописи также сообщение о походе 965 г. отличается от текста Лаврентьевской летописи: «В лет(о) 6473. Иде С(вя)тослав на козары: слышавши же козары изидоша противу со кн(я) зьмъ своимъ Каганомъ, и ступишас(я) бити, и бывши брани, и одоле С(вя)тославъ козаровъ, и градъ ихъ Белу Вежю взя; и ясы победы и касоги»¹⁸.

Создается впечатление, что автор Лаврентьевского списка при составлении свода допустил ошибку. И поэтому весьма странным выглядит маршрут похода в Святослава в 965 г. со Средней Волги на юг, на Кавказ и Дон, который фактически представляет собой надуманную комбинацию известий древнерусской летописи о событиях 964 г., сообщения Лаврентьевской летописи о походе 965 г. и информации Ибн Хаукаля о походе русов против хазар во второй половине X в. Поэтому имеет смысл напомнить мнение А.П. Новосельцева, который считал, что русы совершили против хазар два похода: первый – в 965 г., а второй – в 968 г. Исследователь считал, что сведения о первом походе нашли отражение в древнерусских летописях, а известия о втором – в сообщении Ибн Хаукаля¹⁹. Поэтому весьма логичным выглядит его предположение, что «Повесть временных лет» не содержит указаний на уничтожение Хазарского государства в 965 г., а лишь говорит о поражении хазар, потере ими Саркела и земли вятичей, а также о каких-то военных действиях Святослава в Подонье и Прикубанье²⁰. По мнению М. Грушевского, Т.М. Минаевой, А.П. Новосельцева и других исследователей, войско Святослава двигалось по суше с запада на восток и должно было встретить ясов вблизи Саркела на Нижнем Дону, а касогов – в Прикубанье²¹.

Поход Святослава на земли касогов в Прикубанье, казалось бы, можно объяснить стремлением русов обосноваться на стратегически важном Таманском полуострове, где находилась Тмутаракань. Однако ни в одной из древнерусских летописей нет упоминания о Тмутаракани под 965 г. и последующими годами. Логично считать, что если бы в 965 г. Святослав захватил Тмутаракань на землях касогов, то летописи бы это отметили. Но летописи молчат о Тмутаракани до 988 г. Первое же упоминание о Тмутаракани в древнерусских летописях фиксируется лишь под 988 г., т.е. в год принятия Русью христианства. Тмутаракань упоминается при перечислении тех княжеств, которые были розданы Владимиром своим сыновьям. Известно, что первым князем в Тмутаракани стал Мстислав. Например, в Радзивилловской летописи это отмечено так: «И посади Вышеслава в Новгороде, а Изяслава в Полоцку, а С(вя)тополка в Турове, а Ярослава в Ростове, а Глеба в Муроме, С(вя)тослава в Деревях, Всеволода в Володимире, Мстислава Тмуторокани»²². Поэтому более вероятно, что свой первый поход на Тамань Русь совершила во время корсунской кампании Владимира в 988 г., а не во время похода Святослава в 965 г. Хотя не исключена возможность, что крепость Тмутаракань была захвачена русами во время походов на Итиль и обратно в 968 г., о чем сообщает Ибн Хаукаль²³.

Поэтому имеет смысл поддержать следующую гипотезу Г.Ф. Турчанинова: «...нет никаких оснований думать, что битва с ясами (аланами) и касогами (черкесами) произошла где-то на Северном Кавказе. И те и другие могли находиться (и скорей всего находились) в Подонье, ниже Белой Вежи. Вероятно, и этническое название *касог* (ср. осет. *каесаег* «кабардинец-черкес») вошло в русский язык тогда же, будучи заимствовано из языка не северокавказских, а подонских ясов-алан, ниже которых у дельты Дона сидели касоги...»²⁴.

Вопрос в том: подтверждают ли другие письменные источники локализацию касогов и аланов-ясов в хазарское время на Нижнем Дону? В первую очередь, отметим возможность локализации аланов на Нижнем Дону и обратим внимание на известный пассаж из 11-й главы сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей»: «Эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир»²⁵.

На данный момент имеются основания трактовать сообщение 11-й главы трактата Константина Багрянородного, где упоминается «Климаты и Херсон», не иначе, как указание на существование в середине X в. в Крыму владений Византии, а не Хазарии. В связи с этим достаточно напомнить, что Климаты Херсона неоднократно упоминаются в трактате «Об управлении империей». Имеет резон процитировать 1-ю главу этого сочинения: «Поскольку этот народ пачинакитов (печенегов. – О.Б.) соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты»²⁶. Как показал М.А. Никифоров в своей диссертации «Византийские владения в Горном Крыму в первой половине IX – в начале XIII ст.», «Климатами» византийские авторы называли горный Крым. Это было название первой на полуострове византийской фемы, которая была основана, по его мнению, между 834–837 гг.²⁷. Однако К. Цукерман склонен отодвигать эту дату к 841 г.²⁸.

Весьма примечательно, что предположение о нахождении не хазарских, а «византийских владений в Крыму», упоминаемых в 11-й главе трактата Константина Багрянородного, выдвинул еще в XIX в. Ю.А. Кулаковский. По мнению известного византолога, если аланы могли преграждать путь хазарам к Саркелу и Крыму, то они «должны были составлять часть населения Припонтских степей»²⁹. К подобному выводу также пришел польский историк Т. Левицкий. Он считал, что в 11-й главе сочинения «Об управлении империей» речь идет об аланах, которые обитали на Нижнем Дону³⁰. Если принять во внимание последнюю точку зрения, то сообщение, что «эксусиократор Алании» может препятствовать хазарам достигать Саркела, Климатов и Херсона, должно содержать указание на нахождение аланов в степях Северного Приазовья вблизи Саркела, откуда открывались подходы к Боспору и Перекопу.

В данном случае остается лишь выяснить, локализовали ли авторы X в. в Нижнем Подонье и касогов. Так, в первой половине X в. арабский географ Мас'уди в своем географическом трактате «Мурудж ад-Дзахаб» упоминал на Северо-Западном Кавказе народ *кашак*: «За царством аланов находится народ, называемый кашак и живущий между горой Кабх и Румским (Византийским) морем ... Аланы более мощны, чем кашаки, которые не могли бы справляться с аланами, если бы их не защищали крепости на морском побережье...»³¹. Интересны также и другие сведения Мас'уди о локализации земель кашаков. Как уже удалось убедиться, кашаки проживали на запад от аланов, чья страна находилась

Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности в Центральном Предкавказье. С запада земли кашаков были ограничены морем, о котором Мас'уди сообщает: «По поводу моря, у которого они живут, мнения людей расходятся: одни полагают, что это Румское море, а другие – что это Нитас (Понт). Во всяком случае по морю от них недалеко до земель Трапезонда, откуда товары идут к нам на кораблях и с их стороны также отправляются [корабли]»³². Вполне понятно, что в данном случае речь идет о Черном море. Что же касается запутанности терминологии у Мас'уди, то В.Ф. Минорский данный пассаж объясняет следующим образом: «Это показывает, что Мас'уди использовал различные сообщения. Его описание черкесов, видимо, основано на рассказах черноморских купцов. Даже в своем позднейшем *ат-Танбих* Мас'уди не обнаруживает ясного знания географии черноморского бассейна»³³.

Не менее интересны сведения Мас'уди о северо-западных соседях кашаков: «За этой прибрежной нацией следует нация, чья страна называется Семь земель... Это большое и хорошо защищенное племя. Его земли простираются далеко, но я не знаю, к какой из наций оно принадлежит и какова его религия... К ним примыкает другое большое племя, отделенное от кашаков рекой, которая по величине подобна Евфрату и впадает в Нитас (Понт), на котором стоит Трапезонд...»³⁴. В.Ф. Минорский в комментариях к этому фрагменту отметил сложность этнической идентификации упомянутых народов, но высказал предположение, что это могли быть проживавшие в конце IX в. в степях Приазовья булгары или мадьяры³⁵.

О стране касогов – «Касахия» – упоминает в середине X в. в своем сочинении «Об управлении империей» Константин Багрянородный: «Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алания»³⁶. Как видим, Константин Багрянородный для обозначения этнических групп на землях адыгов использовал в середине X в. три этнопонима, одним из которых являлось название *Касахия*. А.В. Пьянков прокомментировал данное сообщение следующим образом: «Указание Константина Багрянородного, что места с нефтяными источниками отстоят от моря на расстоянии дня пути без смены коня, и данные топонимики позволяют локализовать Папагию на территории современного Крымского и, возможно, предгорной и горной части Абинского района. В таком случае, Касахия в первой половине X в. должна была занимать Закубанские земли на восток от Папагии, вплоть до реки Псекупс»³⁷. Что касается территории Зихии, то исследователь локализовал ее следующим образом: «Западные земли касогов были заняты племенами зихов, которые, судя по сообщениям более ранних письменных источников и археологическим данным, населяли территорию Черноморского побережья к юго-востоку от Цемесской бухты... Зихи расширили ареал своего расселения на северо-запад вплоть до старого русла Кубани и заняли отстоящую далеко от берегов Папагию. Эта новая этнополитическая ситуация нашла отражение в сообщении Константина Багрянородного»³⁸.

В конце X в. неизвестный фарсоязычный автор трактата «Худуд ал-'Алам» локализовал близ страны аланов на берегу Черного моря город *Касек*: «Слово об области аланов и городах ее. Это область в ущельях и горах; богатое место; царь их – христианин. У них тысяча больших деревень; между жителями есть христиане и идолопоклонники, горцы и степняки. Касек – город в стране алан, расположенный на берегу Черного моря; место богатое; в нем есть купцы...»³⁹. Как видим, в X в. этнопоним

Касек уже находился в стране аланов, что вполне согласуется с более ранней информацией Мас'уди о набегах аланов на земли кашаков⁴⁰. Это в конечном итоге должно было привести к покорению аланами касогов, которые проживали на восточном побережье Черного моря.

Напомним, что осетины, потомки кавказских аланов, еще до сих пор называют кабардинцев *каесаег*, *каесгон*⁴¹. Именно осетинское окончание данного этнонима *-аег* дало основания Г.Ф. Турчанинову говорить об аланах как о посредниках в распространении данного этнического термина среди восточных славян.⁴² Следовательно, восточные славяне, византийцы, арабы, персы и другие народы могли заимствовать этноним *касоз* благодаря посредничеству аланов.

В пользу того, что этноним имел первоначальный вид *кас-* могут свидетельствовать данные некоторых других письменных источников. Так, в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, составленной значительно позже середины X в., в непосредственной близости от владений кавказских аланов упомянута «страна Каса»: «Оттуда граница поворачивает к горам. Азур, в конце (страны) Б-г-да, С-риди, Китун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-, Ал-бус-р, Ухус-р, Кварус-р, Циг-л-г, Зуних, расположенные на очень высоких горах, все аланы до границы Аф-кала, все живущие в стране *Каса* и все (племена) Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань...»⁴³. Комментируя пассаж с упоминанием «страны Каса», П.К. Коковцов указал: «По весьма вероятному предположению Вестберга... с которым полностью согласен Маркварт... под этим именем следует разуметь соседний с аланами народ «Кашак» арабских географов, или Касогов русских летописей... имя которых у более поздних арабских писателей имеет вид также «Каса»... Это совпадение поздней арабской формы имени с написанием его в нашем хазарском документе не говорит, по мнению Маркварта, в пользу древности последнего»⁴⁴. Следует отметить, что происхождение этнонима *касози* до сих пор остается предметом острых научных споров. По этому поводу существует несколько гипотез, хотя ни одна из них не получила широкой поддержки среди исследователей. Однако в нашем случае видим, что ни один раннесредневековый письменный источник, кроме «Повести временных лет», не позволяет локализовать касогов на берегах Дона. Наоборот, все раннесредневековые авторы пишут о касогах как о народе, живущем между аланами Центрального Предкавказья и восточным побережьем Черного моря. Остается лишь обратиться к другим источникам.

Так, свои предположения о локализации в раннее Средневековье касогов в Нижнем Подонье Г.Ф. Турчанинов подтверждает не только данными древнерусских летописей, но и надписями на раннесредневековых фляжках из-под Новочеркасска, которые он прочитал на касожском (адыгском) языке⁴⁵. Исследователь на основе своей гипотезы о существовании особой письменности у народов Хазарского каганата сделал довольно оригинальное предположение относительно происхождения надписей, найденных возле Новочеркасска: «Присмотревшись к надписям на камнях Маяцкого городища и на флягах из Новочеркасского музея, нетрудно обнаружить, что буквы этих надписей выходят за пределы аланского и касожского письмен... некоторые из букв этих надписей по своему виду и звучанию либо совпадают с буквами глаголического и кириллического славянского письма, либо отличаются от них незначительно... В основу раннего восточнославянского... и в основу касожского (средневекового

Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности кабардино-черкесского)... письма легло средневековое осетинское (аланское) письмо... уходящее своими корнями в древнеосетинское (скифо-сарматское) письмо арамейского дукта»⁴⁶.

В результате Г.Ф. Турчанинов прочел две надписи на флягах на касожском, как он полагает, языке. Обратим внимание на их содержание. Первая надпись в транслитерации, по мнению Г.Ф. Турчанинова, имеет вид: «Х'умигк'ан: зай': Лайук: зауэ · Кууай (·) л'а · 'бк · л'а п'а». По мнению исследователя, перевод должен звучать так: «Кувшин: кому принадлежащий: Лейюк: воин Кууева (·) рода – племени – знаменитого был».

Вторая надпись в транслитерации, по мнению Г.Ф. Турчанинова, имеет вид: «Лух'а · К'айсих · кан · К'айсихи», что в переводе должно означать: «Мужественный был · Кайсих · кан (воспитанник) · Кайсиха»⁴⁷. В данном случае обращает на себя внимание фрагментарность этих надписей. А это не исключает возможности того, что их с таким же успехом можно прочесть и на тюркском, и на аланском языках. Поэтому использование таких лаконичных надписей не может быть весомым аргументом для доказательства предложенной версии.

Несмотря на то, что попытки Г.Ф. Турчанинова прочесть надписи на новочеркасских фляжках на адыгском (касожском) языке выглядят довольно спорными, имеется определенное археологическое подтверждение этой гипотезы. В первую очередь, это касается локализации ясов-аланов, которые упомянуты в «Повести временных лет» как соседи касогов вблизи Белой Вежи. Так, в конце 50-х гг. прошлого столетия недалеко от Правобережного Цимлянского городища, т.е. на противоположном от Саркела берегу, близ Аксяя (в балке Большой Луг), был обнаружен катакомбный могильник салтовского типа⁴⁸. Кроме того, уже на селище Правобережного Цимлянского городища в яме одного из жилищ был раскопан небольшой подбой, напоминавший салтовскую катакомбу⁴⁹.

Что же касается самого Саркела – Левобережного Цимлянского городища, – то присутствие здесь аланов еще более ощутимо. Так, во дворе Саркельского городища было обнаружено захоронение № 3, совершенное в катакомбе салтовского типа⁵⁰. В свое время автор настоящей статьи, ссылаясь на опубликованные О.П. Артамоновой результаты археологического изучения салтовского могильника Саркела и выводы антропологов, пришел к выводу, что в самом Саркеле аланский элемент был представлен довольно широко. Это касается в первую очередь необычного обряда погребения: захоронения были групповые и совершались в ямах круглой формы; женщины при этом погребались в скорченном положении на боку; в антропологическом отношении многие погребенные были долихмезокранами и т.п. Все это мы наблюдаем на катакомбных могильниках Северного Кавказа и лесостепного Подонья. Разница только в конструкции погребальных сооружений. Кроме того, в Саркеле встречались захоронения и в заброшенном жилище как в лесостепном Подонье, где традиционно локализуют аланов⁵¹.

Если в археологическом аспекте следы присутствия аланов в Нижнем Подонье можно проследить, то относительно следов пребывания здесь касогов возникают определенные трудности. В связи с этим, во-первых, очень важно знать, какой был погребальный обряд населения Северо-Западного Кавказа в предхазарский и хазарский периоды. Во-вторых, необходимо выделить аналогичные памятники в Нижнем Подонье. Следует отметить, что работа в последнем направлении еще не проводилась.

По словам В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружининой, ситуация на Черноморском побережье Кавказа в раннее и развитое Средневековье выглядит

следующим образом: «По-видимому, именно с зихами следует связывать грунтовые ингумационные погребения в каменных ящиках. Данный тип погребений, наряду с погребениями в простых ямах, хорошо известен в памятниках VI–VII вв. района Туапсе (могильник Бжид, Сопино, Агойский аул) и Геленджика (могильник Борисовский). Отсутствием четкой западной ориентировки (за исключением мог. Бжид), положением покойного, наличием разнообразного инвентаря эти памятники отличаются от раннесредневековых христианских погребений в плитовых могилах Таманского полуострова, горной зоны Северного Кавказа, Крыма. Погребения в каменных ящиках существовали на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа до XIV в., с VIII в. испытывая на себе влияние кремационного обряда (памятники так называемой «кубано-черноморской группы кремаций»)»⁵².

Такую же сложную ситуацию в регионе в VIII–X вв. отметил А.В. Гадло: «Археологические памятники юго-западного района представляют адыгские племена, ту зихско-касожскую общность, которая фиксируется письменными источниками. Особенностью материальной культуры этого района, отражающей особенности территориального положения адыгских племен, является ее многовариантность. Здесь сталкиваются элементы культуры, присущие причерноморско-византийским памятникам Крыма (Побережье), салтово-маяцким памятникам Тамани и Приазовья (Закубанье), аланским памятникам Центральной части Предкавказья (междуречье Лабы и Зеленчука). Как и в других районах средневекового Северного Кавказа, здесь одновременно сосуществуют несколько различных форм погребальной обрядности, что ярко отражает незавершенность этнической и идеологической консолидации адыгов»⁵³.

По наблюдениям И.О. Гавритухина и А.В. Пьянкова, в Северо-Восточном Причерноморье в предхазарский период ситуация выглядела следующим образом: на могильнике Бжид, как и на могильнике Сопино, «в VI–VII вв. полностью господствуют ингумации в каменных ящиках или грунтовых ямах с сосудами, поставленными у ног»; на могильнике Агойский аул «нет могил с каменной обкладкой и господствует юго-восточная ориентировка погребенных»; аналогичная ситуация зафиксирована и на Борисовском могильнике⁵⁴. По данным И.О. Гавритухина и А.В. Пьянкова, в VIII–IX вв. в Северо-Западном Причерноморье, кроме ингумационных захоронений в каменных ящиках и простых грунтовых ямах, появился новый обряд захоронений по обряду кремации⁵⁵.

Характерно, что на Борисовском могильнике на участке хазарского времени встречались не только кремации салтовского типа, но и ингумации в каменных ящиках, что соответствует местным традициям⁵⁶. Этот могильник, находящийся близ Геленджика, был исследован В.В. Сахановым более ста лет назад и им же был датирован на основе нумизматического материала как V–VII вв., так и IX в⁵⁷. Для данного некрополя была характерна поливариантность погребального обряда. В.В. Саханов выделил на могильнике три группы захоронений, различных по хронологии и особенностям погребального обряда. Первую и вторую группы исследователь датировал VI–VII вв. и более поздним периодом. Подавляющее большинство этих захоронений были совершены по обряду ингумации в каменных ящиках или в некоторых случаях в простых грунтовых ямах. Ориентация погребенных была различной. Кроме того, в 128 могилах этих групп были встречены и синхронные грунтовым захоронениям семь кремаций, совершенным на стороне, но помещенным в 6 случаях в каменные

Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности

ящики и один раз – в грунтовую яму. Третью же группу на Борисовском могильнике представляли более поздние захоронения, для которых был характерен обряд кремации. Всего же в третьей части могильника было вскрыто 70 погребений, среди которых 45 кремаций в каменных ящиках и 10 грунтовых кремаций, 7 тайников с вещами, 7 погребений в каменных ящиках и одно погребение в деревянном гробу. В.В. Саханов соотнес в первой, второй и третьей группах ингумационные погребения в каменных ящиках и грунтовых ямах с зихами, а кремационные захоронения в каменных ящиках связал с крымскими готами. Что же касается остальных захоронений, принадлежащих к третьей группе, то исследователь не решился дать им этническую атрибуцию. В.В. Саханов пришел к выводу, что инвентарь из отмеченной группы захоронений имеет прямые аналогии на Верхнесалтовском могильнике, и соответственно датировал третью часть захоронений Борисовского могильника IX в.⁵⁸

Однако картина была бы неполной без упоминания могильника Дюрсо, расположенного близ Новороссийска. Как и Борисовский, могильник Дюрсо является биригуальным: здесь представлены более ранние труположения в грунтовых ямах и более поздние трупосожжения, которых было 173. Кремации могильника Дюрсо представляют небольшие кучи пережженных костей, рядом с которыми были сложены предметы, которые несут следы пребывания в огне. Необходимо отметить, что кремации совершались на стороне. При этом оружие, орудия труда, кухонные принадлежности часто приводились в негодность. Рядом с захоронениями ставились сосуды (кувшины, кружки) из красной и серой глины. Особо интересен инвентарь могильника, представленный изделиями из металла. Исследователь могильника А.В. Дмитриев на основе анализа инвентаря датировал трупосожжения могильника Дюрсо VIII–IX вв., т.е. хазарским периодом⁵⁹.

Как отметил А.В. Дмитриев, кремационный раннесредневековый могильник Дюрсо не единственный на Северо-Западном Кавказе⁶⁰. Анализируя ситуацию в Северо-Западном Причерноморье, А.В. Пьянков пришел к следующим выводам: «В VIII в. происходит частичная смена населения, отразившаяся в распространении в отдельных районах нового погребального обряда. На анапско-геленджикском побережье в Западном Закубанье, вплоть до устья реки Псекупс, выявлено 20 могильников с кремациями второй половины VIII–IX вв. Эти могильники занимают компактную территорию. Ее северной границей служила река Кубань, южной – северные склоны Кавказского хребта, западной – берег Черного моря, а восточной – река Псекупс»⁶¹.

Исследователей кремационных могильников Северо-Западного Кавказа сразу же заинтересовали вопросы, связанные с происхождением населения, оставившего их, ибо своим обрядом они никак не походили на соседние ингумационные захоронения предшествующего и хазарского времени. Поэтому эти ученые довольно быстро нашли им аналогии уже среди памятников салтовской культуры. Так, А.В. Дмитриев отметил: «Могильники четвертого периода Дюрсо с таким же набором инвентаря хорошо известны на Северском Донце ... и в Предкавказье – у аула Казазово, станицы Молдаванской и др. ... Причем часто их сходство можно считать абсолютным»⁶².

А.В. Пьянков также отметил, что «сожжения типа Дюрсо по материальному облику близки кругу салтово-маяцких древностей и находят многочисленные аналогии погребальному обряду и инвентарю

в материалах синхронных им могильников бассейна Северского Донца (кремации типа Новопокровки)»⁶³. Еще в 1996 г. А.В. Пьянков и А.В. Тарабанов эти сходства на кремационных могильниках бассейна Северского Донца и Северо-Западного Кавказа объясняли «общностью происхождения» населения, их оставившего⁶⁴.

А.В. Пьянков же считал, что «кремации типа Дюрсо не имеют корней на Северо-Западном Кавказе в предшествующий период, и их носители не могут быть признаны автохтонным кавказским народом»⁶⁵. А.В. Дмитриевым была высказана, и не без оснований, довольно интересная гипотеза относительно центральноазиатского происхождения населения, оставившего кремационные могильники в Дюрсо и на Северском Донце⁶⁶.

И.О. Гавритухин и А.В. Пьянков появление в Северо-Восточном Причерноморье кремационных погребальных памятников типа Дюрсо объясняли следующим образом: «К началу собственно «салтово-маяцкого времени» полностью пропадают ингумации в Дюрсо, оформляется структура III группы погребений в Борисово. Все это совпадает с эпохой новых потрясений и изменений среди подвластных хазарам народов на протяжении второй трети VIII в. (пик борьбы с арабским натиском, переселение части алан в лесостепь и др.). По-видимому, и на «зихской» границе каганат проводил «стабилизационные» мероприятия»⁶⁷. Следовательно, хазарский каган мог переселить одно из подразделений хазарской орды на юго-западные границы каганата для контроля над весьма ненадежными адыгами. То же самое можно сказать и о причинах появления такого же населения на северо-западных границах Хазарского государства, где поселились вассальные кагану аланы и болгары. Очевидно, как это принято в традициях средневековых кочевников, эти две группы близкородственного населения должны были представлять собой правое и левое крыло одного племени.

Поэтому имеет смысл поддержать предположение А.В. Пьянкова, согласно которому появление на Северо-Западном Кавказе кремационных захоронений салтовского типа и возникновение нового этнонима *касоги* взаимосвязаны. При этом исследователь считал касогов, которые практиковали обряд трупосожжения, тюркоязычными пришельцами на землях адыгов-зихов, не знавших обряда кремации. Если следовать логике исследователя, то получается, что во второй половине VIII в. на земли адыгов, находившихся на юго-западной границе Хазарского каганата в бассейне Кубани и на северо-восточном побережье Черного моря, хазарской администрацией были поселены племена кочевников, самоназванием которых был термин *кас*, который со временем распространился на часть местного адыгского населения. По мнению исследователя, название пришельцев-завоевателей – *касог* – начало распространяться на адыгов лишь в X в.⁶⁸. Хотя возможен и тот вариант, что уже до начала X в. под названием *касоги* могло скрываться смешанное население, состоявшее из абorigенов-адыгов и пришельцев. Получается, что с касогами можно связывать кремации салтовского типа и грунтовые захоронения в каменных ящиках.

Попробуем найти в Нижнем Подонье такие памятники. Сразу же отметим, что кремационные захоронения салтовского типа так и не были там обнаружены. Однако погребения другого типа там все-таки были зафиксированы.

Речь идет о некоторых грунтовых могильниках салтовского типа в степном Подонье, где широко использовались каменные обкладки могил. Так,

Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности

С.А. Плетнева выделила могильник в окрестностях г. Камянска-Шахтинского, вблизи Рыгинского городища, на правом берегу Северского Донца (рис. 1, 1), в нижнем его течении, где могильные ямы или были облицованы каменными плитами по периметру, или перекрыты ими сверху. Кроме того, здесь покойники лежали головами на юг, иногда в скорченном положении и на угольной подсыпке. Довольно часто встречались коллективные захоронения. По словам С.А. Плетневой, на могильнике были зафиксированы и особые погребальные сооружения: погребенные перекрывались наклонными плитами, один конец которых стоял на дне могилы, а другой упирался в противоположную стену; умершие обычно были ориентированы головой на юг, а плиты наклонены к западу, т.е. стоят с правой стороны погребенного; две из таких могил были коллективными. С.А. Плетнева считала, что инвентарь в большинстве погребений Рыгинского могильника был представлен желтыми кувшинами с шаровидным туловом без лощения и лепными горшками, которые отличаются от керамики типично зливкинских форм. Это позволило исследователю датировать могильник VI–VII вв. Рыгинский могильник так и не стал объектом исследования антропологов⁶⁹.

Однако данные выводы были сделаны на основе произвольного отчета И. Тимощенко, опубликованного в 1905 г. К сожалению, в отчете нет ни фотографий, ни рисунков. Поэтому приходится полагаться лишь на описание. Обратимся к самому первоисточнику, который в ряде деталей отличается от информации С.А. Плетневой. Вот как был описан И. Тимощенковым погребальный обряд: «Могилы попадаются сплошь, на каждом шагу. При копании погребов и возведении домашних построек то и дело выбрасываются человеческие кости. Многие из жителей находили между костями медные перстни и др. разные вещи. Покойники хоронились не в деревянных гробах, а между камнями и под камнями. Встречаются могилы, в которых каменные плиты поставлены со всех 4 сторон, а сверху прикрыты также плитами и представляют собою таким образом для покойника прочный и не гниющий склеп. Но в большинстве могил каменные плиты стоят только с одной стороны покойника. Погребение было к одной стороне могилы и прикрывалось камнями, поставленными в могиле наискось так, что одна нижняя сторона каждой каменной плиты стоит на подошве могилы, а другая, верхняя, упирается в ту сторону могилы, под которою в пустоте лежит покойник. Покойники лежат все (как говорили мне старожилы) головами на юг, а ногами на север»⁷⁰.

И. Тимощенко даже занимался раскопками некоторых таких могил. Так, он сначала произвел раскопки на том месте, где был найден инвентарь. Вот как И. Тимощенко описал ситуацию: «...я узнал, что местный житель, казак Кондрат Дмитриевич Колесников, с год тому назад копал у себя в дворе яму, напал на могилу, из которой вместе с человеческими костями вынул серебряные и медные вещи, составлявшие женский убор. Я отправился к Колесникову, чтобы осмотреть найденные им в могиле предметы. Колесников охотно удовлетворил мое любопытство. Оказалось, что он нашел в раскопанной могиле: семь серебряных пластинок ажурной формы, составлявших набор, вероятно, женского пояса, бронзовый браслет и золотую серьгу...»⁷¹. К сожалению, изображения этих находок не приводятся в отчете (впрочем, как и изображения других артефактов).

На месте находок И. Тимощенко произвел раскопки и в результате этого отметил: «Когда я произвел раскопку ямы в том виде, в каком она выкопана под картофель, то увидел, что в ней в южную сторону

на поларшинной высоте ото дна ее торчат большие каменные плиты, поставленные в ряд с севера на юг и в наклонном положении к западу. Около камней с той стороны, куда они наклонены, земля была рыхлая и рассыпающаяся, и в ней на одном горизонте с нижнею стороною стоящих каменных плит видны были человеческие кости...». Как оказалось, это было групповое захоронение двух человек, потому что были обнаружены два черепа. Тут же был найден и могильный инвентарь. Вот как И. Тимощенко описал эти находки: «Кувшин сделан из серой глины и формою похож на теперешние умывальники и молочники. Он с ручкой и особым носком в верхней части. Дальше при вынугии земли лежащей вокруг черепов найдены были: 1) золотая серьга с жемчужиной и особою привеской из полого золота... 2) золотой бубенчик с погребушкой; 3) пара крупных сердоликовых бус; 4) пара перламутровых крупных пластин с отверстиями посредине; 5) три серебряные пластинки ажурной работы; 6) бронзовый перстень с каким-то зеленовато-белым камнем»⁷². К сожалению, и в этом случае никаких изображений этих находок не оказалось в наличии.

Кроме того, И.И. Ляпушкин рядом с этим могильником отметил «укрепленное поселение у ст. Каменской (Рыгинское городище) на Северском Донце, именно ту часть, которая обнесена земляным валом»⁷³. При этом исследователь руководствовался, прежде всего, словесным описанием уже упомянутого И. Тимощенко⁷⁴.

Обратим внимание еще на один подобный случай, зафиксированный К.И. Красильниковым на территории Луганской обл. в нижнем течении Северского Донца (рис. 1, 2): «Аланские черты погребальной обрядности замечены, в частности, на могильнике у сел. Желтое, где обнаружено 30 захоронений, из них – 27 праболгарских с обрядом «зливкинского» типа. Одно – в каменном ящике из мергелевых плит – крымского типа, еще два захоронения выполнены в ямах с катакомбами, входы в которые были закрыты мергелевыми плитами. Одно из них (№ 28) особенно напоминает аланские катакомбные захоронения Маяцкого могильника на р. Тихая Сосна...»⁷⁵. Для нас интерес могут представлять не только катакомбные захоронения, но и погребение в могильной яме, облицованное по периметру каменными плитами, которое К.И. Красильников отнес к захоронениям «крымского типа». К сожалению, в цитируемой статье не указана ориентация погребенного. К этому следует добавить, что захоронения в каменных ящиках с различной ориентацией имели распространение также на Кавказе. Быть может, не случайно рядом с катакомбами, связываемыми с северокавказскими аланами, и было обнаружено такое захоронение. Однако данный вопрос следует считать открытым.

Очевидно, что к хазарскому времени следует также отнести функционирование аналогичного Рыгинскому Артугановскому могильнику, который был обнаружен на левом берегу Дона, в нижнем его течении, в урочище Артугановском вблизи станицы Багаевской. Весьма характерно, что Артугановский могильник был расположен по прямой линии от Рыгинского на расстоянии 100 км (рис. 1, 3). По данным С.А. Плетневой, погребения там совершались также в могильных ямах, облицованных каменными плитами. Покойники были ориентированы головой на северо-восток⁷⁶. Необходимо отметить, что С.А. Плетнева руководствовалась результатами разведок М.И. Артамонова, произведенных в 20–30-е гг. XX в. Поэтому имеет смысл обратиться к первоисточнику.

Результаты этих разведок нашли свое отражение в монографии М.И. Артамонова «Средневековые поселения на Нижнем Дону», опубликованной в

Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности

1935 г. Та часть монографии, где начинается описание Артугановского могильника, уже несколько обескураживает. Так, М.И. Артамонов сообщает: «Километрах в двух выше Багаевской станицы, в местности «Вертуганово» или Артугановское, издавна находили человеческие кости и черепки сосудов вдоль берега Дона, подмываемого водой. При посадке деревьев и при рытье ям в расположенных здесь садах местные жители натыкались на погребения. Сообщают, что костяки были обложены камнями и что в могилах были находимы горшки. Предание приписывает эти могилы черкесам»⁷⁷. Последняя деталь очень интересна, ибо черкесами называли адыгов в позднее Средневековье, тогда как ранее они были известны как касоги. К сожалению, в данном случае проследить истоки данного предания не представляется возможным, хотя и не исключена взаимосвязь.

Не меньший интерес представляет описанный М.И. Артамоновым местный погребальный обряд: «При нашем осмотре оказалось, что невысокий левый берег реки Дона, отошедший еще на памяти современных местных жителей немного в сторону от него, изрезан рядом ложбин с протоками или ручейками вдоль них. На двух образовавшихся таким образом островах вдоль берега Дона, по отмели, встречаются в большом количестве фрагменты керамики и кости, в том числе и человеческие. В одном месте в обрыве берега было замечено полуразрушенное погребение, находящееся от поверхности почвы не более чем на 0,7 м. Раскопка показала, что оставшаяся на месте нижняя часть скелета, положенного на спину в вытянутом положении и ориентированного на СВ, в соответствии с рассказами жителей, обставлена по бокам небольшими камнями в один ряд. Поверх скелета также встречены мелкие камни. По словам местных жителей, особенно часто человеческие кости встречаются на следующей выше по реке возвышенности, занятой в настоящее время сплошь садами, отделенной ложбиной от той возвышенности, на которой нами было найдено погребение»⁷⁸.

Найденный рядом подъемный материал, по наблюдениям М.И. Артамонова, имеет в ряде случаев аналогии с салтовским из соседних поселений. Исследователь так описал находки: «Преобладают части низкогогорлых амфор с высокими поднимающимися над горлом ручками, найдены фрагменты сделанных на круте серых и красных горшков с прямым или отогнутым венчиком. У последних также как и у цимлянских горшков этого типа по краю изнутри имеется жлобок. Кроме того, найдены фрагмент лепной техники, несколько обломков крупных стеклянных браслетов и металлический (бронзовый) нательный крестик»⁷⁹. Но, как справедливо отметил М.И. Артамонов, «трудно сказать, какие из этих предметов являются остатками разрушенных погребений и какие происходят из культурного слоя поселения, несомненно, занимавшего в свое время первую возвышенность, а равно невозможно без исследований могильника решить, современен он поселению или относится к другой эпохе»⁸⁰. Необходимо отметить, что ситуация осложняется еще тем, что в нашем распоряжении нет изображений упомянутых находок, кроме крестика неизвестной эпохи, равно как и изображений местных погребений в каменных ящиках.

Относительно происхождения таких могильников С.А. Плетнева выдвинула предположение, что истоки традиции обкладывания могильные ямы каменными плитами следует искать в Крыму⁸¹. Однако, по данным И.А. Баранова, начало широкого распространения плитовых могильников в Крыму следует относить лишь к VIII–IX вв., что было связано с

укреплением позиций христианства на полуострове. На них преобладала западная, а не северо-восточная или южная ориентация покойников⁸². Поэтому имеет смысл искать аналогии на соседних территориях, среди которых ближайшими являются Северный и Западный Кавказ. Так, по ряду признаков: каменные обкладки, групповые захоронения, скорченные погребения на боку, угольная подсыпка, и т.п. – Рыгинский могильник очень напоминает могильник вблизи дер. Харх в Северной Осетии. Тем не менее последний памятник датируется более поздним временем – XI–XII вв. Однако необходимо отметить, что на северокавказских могильниках вблизи дер. Кобань, Лац, Задалиск, Камбулта, Дартвас, датированных III–VIII вв., кроме каменных обкладок и угольной подсыпки, была зафиксирована разнообразная ориентация покойников, в том числе и южная⁸³.

В.Ф. Генинг и А.Х. Халиков высказали одно интересное наблюдение: «Захоронения с каменными внутримогильными конструкциями типологически можно сопоставить с большетарханскими могилами с заплечиками. Основное, что их сближает, – это отсутствие деревянного гроба и устройство могильной камеры – склепа. Различается лишь материал, употребляемый для устройства камеры. Действительно, могилы с односторонними заплечиками перекрывались наклонно поставленными короткими бревнами, и точно так же производились захоронения с наклонно поставленными плитами. В погребениях с двусторонними заплечиками в качестве опоры для горизонтального перекрытия использовались уступы – заплечики, оставленные при рытье могильной ямы, а в погребениях с каменными ящиками такие опоры выкладывались специально из каменных плит»⁸⁴. В данном случае следует обратить внимание на то, что в степной местности, где был обнаружен Рыгинский могильник, всегда существовали проблемы с деревом как строительным материалом. В то же время не было проблем с камнем. Исходя из этого, имеются основания считать Рыгинский могильник близким не только к раннесредневековым некрополям Центрального Кавказа, но и к Большетарханскому могильнику на Средней Волге.

Однако существует также проблема с датировкой Рыгинского могильника. У нас есть лишь словесное описание находок И. Тимощенкова⁸⁵, но нет изображений или фотографий этих предметов. Поэтому можно считать утверждение С.А. Плетневой, согласно которому следует датировать Рыгинский могильник VI–VII вв., пока преждевременным⁸⁶.

Что же касается Артугановского могильника, то ближайшие к нему аналогии содержат те погребения Борисовского могильника близ Геленджика, на Северо-Западном Кавказе, которые были продатированы В.В. Сахановым на основе нумизматического материала V–VII вв., хотя не исключено и более позднее время их сооружения. Для данного некрополя, как уже отмечалось, была характерна биритуальность погребального обряда, что проявилось в наличии разновременных трупоположений и трупосожжений, которые встречаются как в каменных ящиках, так и в грунтовых ямах. Большинство одиночных погребений по обряду ингумации находились там в грунтовых ямах с каменными обкладками. На Борисовском могильнике, как и на Артугановском, преобладала северо-восточная или восточная ориентация покойников в каменных ящиках. Известно, что в более позднее время, в IX–XV вв., на Северо-Западном Кавказе на смену грунтовым погребением в ямах с каменными обкладками пришли аналогичные им захоронения, но под курганными насыпями⁸⁷.

На Борисовском могильнике довольно хорошо сохранилось погребение № 30 (рис. 2). По словам, В.В. Саханова, захоронение было обнаружено

Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности на глубине 0,34 м и было облицовано 7 каменными плитами. Размеры могильного сооружения: глубина 0,28, длина 1,85 и ширина 0,36 м. «В гробнице, – отмечает далее исследователь, – мужской костяк лежал на спине, головой на ВЮВ, руки вдоль туловища, ноги вытянуты, череп на правой стороне». При погребенном были найдены вещи: железный кинжал; несколько стеклянных бус; обоюдоострый меч; железные ножи; зеркало из серой бронзы; металлический тонкий браслет; две серебряные серьги; серебряная пряжка с прорезью; небольшая серебряная пряжка со щитом в виде трапеции; серебряная фибула и т.п. В.В. Саханов сделал интересное наблюдение: «Судя по атрибутам, покойник был воином, а множество чисто женских украшений, как бусы, серьги браслеты, и др., являются, очевидно, приношением покойному. В пользу этого говорит как то, что все эти вещи найдены преимущественно в ногах костяка, как бы брошенными сверху, так и то, что некоторые из них разрознены»⁸⁸.

Необходимо отметить, что на Борисовском могильнике зафиксирована ориентация погребенных в каменных ящиках не только как ВЮВ или В, но и как ВСВ или СВ. Последнюю мы наблюдаем в следующих захоронениях: №№ 19, 21, 22, 23, 27, 28, 29, 35, 36, 37, 39, 44, 47, 54, 56, 57, 58, 59, 65, 66, 68а, 72, 73, 76, 79, 83, 84, 92б, 95б, 97, 108, 112, 113, 122⁸⁹. Складывается впечатление, что на Борисовском могильнике умерших стремились хоронить в каменных ящиках головой на восток. Но так как захоронения совершались в различные времена года, то во многих случаях они имели сезонные отклонения на юг или север. Вполне возможно, что такая ситуация существовала и на Артугановском могильнике в Нижнем Подонье. Ведь М.И. Артамонов дал нам описание лишь одного исследованного им захоронения «положенного на спину в вытянутом положении и ориентированного на СВ»⁹⁰.

Таким образом, имеются основания говорить о генетической связи населения, которое оставило Артугановский могильник на Нижнем Дону и Борисовский – на Северо-Западном Кавказе.

Вопрос в том, кто совершал такие захоронения в каменных ящиках на Северо-Западном Кавказе и в Нижнем Подонье? Как уже отмечалось, автор раскопок Борисовского могильника В.В. Саханов считал, что на Северо-Западном Кавказе во времена раннего Средневековья проживали племена адыгов, известные в византийских источниках как *зихи*, и поэтому имеет смысл связывать Борисовский могильник именно с пребыванием зихов⁹¹. На Руси же адыгов называли касогами. Следовательно, можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что в 965 г. князь Святослав встретил ясов (аланов) и касогов (адыгов) не на Кавказе, а на Нижнем Дону. В этом нас убеждают отмеченные параллели между нижнедонскими и северокавказскими могильниками. Может быть, и прав Г.Ф. Турчанинов в том мнении, что надписи на флягах Новочеркасского музея были написаны не на тюркском или иранском языках, а именно на касожском (адыгском)⁹².

Таким образом, данные раскопок Борисовского могильника на Северо-Западном Кавказе и Артугановского могильника на Нижнем Дону, а также сведения «Повести временных лет» о событиях 965 г. позволяют сделать предположение, что в первой половине VIII в. с Северного Кавказа в Подонье хазарами были переселены не только аланы и болгары, но и одно из племен зихов-касогов, которые являлись подданными хазарского кагана. Нахождение адыгов в низовьях Дона как нельзя лучше отвечало стратегическим интересам хазар. Прежде всего, там должна была находиться мелководная переправа.

В одной из своих статей А.А. Тортика на примере легенды о переправе гуннов через Боспор Киммерийский показал, что гунны переправились через брод именно в устье Дона, потому что готские историки, по недоразумению, перепутали Керченский пролив с устьем Дона, ибо «устье Танаиса и устье Меотиды часто рассматриваются как равнозначные и взаимозаменяемые термины»⁹³. Кроме того, с конца IX в., по данным мусульманских авторов, через дельту Дона к волоку от Дона к Волге начали плавать русы в намерении достичь Каспийского моря. Как свидетельствуют письменные источники того времени, такие плаванья с течением времени становились все более нежелательными для хазар. Так, Мас'уди в своем сочинении «Мурудж ад-Дзахаб» считает, что Волга и Дон были соединены протоком, а не сухопутным волоком, и при этом отмечает, что Волга «вытекает из верхних частей тюркских земель... от нее рукав течет в направлении страны бургар (*нахва билад ал-Бургар*) и впадает в Майтас (Мэотис)»⁹⁴. Это же находит подтверждение и в другом сообщении Мас'уди: «В верхней части хазарской реки (Волги. – О.Б.) есть проток (масабб), вливающийся в залив моря Нитас (Понт) – море русов»⁹⁵. Именно этим путем, по данным мусульманского автора, и воспользовались русы во время похода на Каспий после 300 г. х. (912 г.): «500 судов (маркаб) их прибыли в пролив (халидж) Нитаса (Понта), соединенный (муттассил) с Хазарским морем...»⁹⁶. Естественно, кто-то должен был контролировать нижнее течение Дона. Поэтому сохранение касожской колонии вблизи устья Дона в X в. было продиктовано новыми политическими обстоятельствами. И это поселение касогов должно было сохраниться вплоть до похода Святослава против хазар в 965 г., что и нашло отражение в «Повести временных лет».

Получается, что не лишено оснований сообщение Новгородской Первой летописи, согласно которому после победы над хазарами возле Белой Вежи в 965 г. Святослав «Ясы победи и Касоги и приведе Киеву»⁹⁷. Патриаршая летопись относительно судьбы этих ясов и касогов уточняет: «...и приведе к Киеву»⁹⁸. Данный пассаж Д.С. Лихачев предложил трактовать как свидетельство того, что ясы и касоги были приведены в зависимость от Киева⁹⁹. Это вполне согласуется с целью похода 965 г. – создать плацдарм от устья Дона до переволоки к Волге для последующего похода русов на кораблях, целью которого был расположенный на берегах Волги хазарский центр Итиль.

Ситуация, при которой одна часть беспокойных подданных переселялась на новые территории, а на их место принудительно селили других вассалов, вообще была типична для Хазарского каганата. Вот как видит В.А. Кузнецов причины и последствия миграций части аланов из западной части Центрального Предкавказья в лесостепное Подонье. По его мнению, «...исходным районом аланского переселения на север был район г. Кисловодска, где аланы были вытеснены болгарами...»¹⁰⁰. В другом случае по этому поводу он высказался более осторожно: «Почти с передвижением салтовских алан с юга на север произошло встречное перемещение значительной массы тюркоязычного болгарского населения с севера на юг, в бассейн верхней Кубани»¹⁰¹.

Что же тогда мешает считать, что аналогичные процессы не проходили на Северо-Западном Кавказе во второй половине VIII в.? Вполне возможно, что после арабо-хазарских войн хазары начали проводить стабилизационные мероприятия на юго-западных границах каганата, где проживали адыгские племена, которых было весьма сложно контролировать. В результате часть

Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности беспокойных адыгов была переселена в низовья Дона, а на их место была поселена часть верного кагану кочевого племени. Необходимо отметить, что через земли адыгов, южнее Таманского полуострова, проходила граница Хазарского каганата, и эта территория, находившаяся вблизи Керченского пролива, имела особое значение для хазар.

Осуществляя политику переселений народов, хазары решали важные для себя задачи: 1) ослабляли сепаратизм своих подданных; 2) укрепляли новые границы Хазарского каганата за счет переселенцев. При этом переселенцы оказывались в среде иноэтничного населения, что еще больше ставило их в зависимость от центральной власти.

Таким образом, вопреки распространенному мнению, приходится признать, что этноним *касоги* или *кас* в хазарское время использовался не только для обозначения адыгоязычного населения Северо-Западного Кавказа, но и являлся первоначальным обозначением кочевого населения, внедренного хазарской администрацией в адыгскую среду в рамках стабилизационных мероприятий на юго-западной границе Хазарского каганата в VIII–IX вв. Вполне вероятно, что это было самоназванием пришельцев, распространивших данное наименование на подвластных им адыгов. На Северо-Западном Кавказе с этими пришельцами следует связывать кремационные захоронения типа Дюрсо, Борисово, а с местным адыгским населением – ингумационные захоронения в каменных ящиках. Данные археологии свидетельствуют о том, что одно из аборигенных племен Северо-Западного Кавказа было переселено хазарами в низовья Дона, а их место заняли носители кремационного обряда. Стало быть, сообщение «Повести временных лет» о том, что в 965 г. киевский князь Святослав победил ясов и касогов возле Белой Вежи, не лишено оснований, ибо он их встретил не на Кавказе, а в Нижнем Подонье.

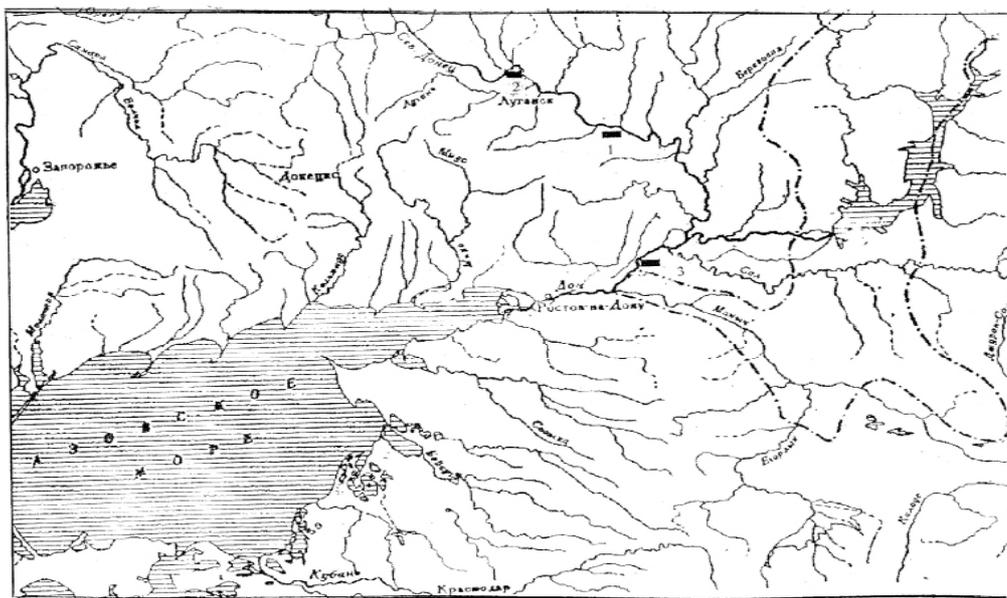

Рис. 1. Распространение в Нижнем Подонье ингумационных захоронений хазарского времени в каменных ящиках

- 1 – Рыгинский могильник; 2 – могильник у сел. Желтое;
3 – Артугановский могильник

Рис. 2. Реконструкция погребения № 30 Борисовского могильника на Северо-Западном Кавказе (по данным В.В. Саханова)

1. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 19–20.
2. Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 287; Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1843. Т. 2. С. 246; Приселков М.Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста). М.–Л.: Наука, 1950. С. 84.
3. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л.: АН СССР, 1926–1928. Т. 1. С. 46.
4. Там же.
5. Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Л.: Наука, 1989. Т. 38. С. 33.
6. Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. М., 1940. Вып. 1. С. 35.
7. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 117–118.
8. Бартольд В.В. Арабские известия о русах. С. 35.
9. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. С. 427–428.
10. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 97.
11. Бартольд В.В. Арабские известия о русах. С. 35; Артамонов М.И. История хазар. С. 427–428; Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. С. 97.
12. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. С. 52–53.
13. Там же. С. 50–53.
14. Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С. 51–54.
15. Якубовский А.Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. III. № 5. С. 470–471.
16. Лаврентьевская летопись. С. 46.
17. Воскресенская летопись. С. 287; Ипатьевская летопись. С. 246.
18. Радзивилловская летопись. С. 33.
19. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 220.
20. Там же. С. 220.
21. Грушевський М. Історія України-Руси. Київ, 1992. Т. I. С. 462; Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставроп. кн. изд., 1971. С. 199; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль... С. 220.
22. Радзивилловская летопись. С. 55.

Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности

23. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль... С. 220.
24. Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. М.: Наука, 1971. С. 75.
25. Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 52–53.
26. Там же. С. 37, 281–283.
27. Нікіфоров М.А. Візантійські володіння у Гірському Криму у першій половині IX – на початку XIII ст. Автореф. дисс. ... канд. іст. н. Київ, 2013.
28. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 312–316.
29. Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей... С. 53–54.
30. Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław–Kraków, 1956. T. 1. S. 38.
31. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М.: Изд. вост. лит., 1963. С. 206.
32. Там же. С. 206.
33. Там же. С. 206, прим. 83.
34. Там же. С. 207.
35. Там же. С. 207, прим. 86–87.
36. Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 173–174.
37. Пьянков А.В. Касоги/казахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып. 1. С. 201.
38. Там же. С. 205.
39. Худуд ал-Алем (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Л.: АН СССР, 1930. С. 31; Табл. 38а.
40. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. С. 206.
41. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. С. 20–21.
42. Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. С. 75.
43. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: АН СССР, 1932. С. 100–102.
44. Там же. С. 105, прим. 14.
45. Турчанинов Г.Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология. 1964. № 1. С. 82–86; Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. С. 75.
46. Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа... С. 78.
47. Там же. С. 75–78.
48. Артамонов М.И. Предисловие к III тому трудов Волго-Донской археологической экспедиции // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). М., 1963. № 109. С. 6.
49. Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Симферополь, 1994. Вып. IV. С. 307.
50. Артамонова О.П. Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА. М., 1963. № 109. С. 20.
51. Бубенок О. Б. Аланы-ясы в Саркеле – Белой Веже // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. VIII. С. 334–361.
52. Чхаидзе В.И., Дружинина И.А. Зихская епархия и попытка христианизации зихов // Восточная Европа в древности и Средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI: Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2014 г. // Материалы конференции. М., 2014. С. 289–290.
53. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: ЛГУ, 1979. С. 199–200.
54. Гастритухин И.О., Пьянков А.В. Северо-Восточное Причерноморье. Могильники VI–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 193–195.

55. *Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Северо-Восточное Причерноморье. Древности и памятники VIII–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 195–200.
56. *Саханов В.Б.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Археологической комиссии. М., 1914. Т. 56. С. 75–219.
57. Там же.
58. Там же.
59. *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. С. 200–205.
60. Там же. С. 205.
61. *Пьянков А.В.* *Касоги/касахи/кашаки* письменных источников... С. 204.
62. *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник... С. 200–205.
63. *Пьянков А.В.* *Касоги/касахи/кашаки* письменных источников... С. 205.
64. *Пьянков А.В., Тарабанов В.А.* Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей: Тезисы докладов юбилейной конференции. 25–27 июля 1996 г. Керчь, 1996. С. 64.
65. *Пьянков А.В.* *Касоги/касахи/кашаки* письменных источников... С. 204–205.
66. *Дмитриев А.В.* К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – начала IX века в районе Новороссийска–Геленджика. 2009 / <http://www.nasledie.org/v3/ru/?action=view&id=127163>
67. *Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Северо-Восточное Причерноморье. Древности и памятники VIII–IX вв. ... С. 198–199.
68. *Пьянков А.В.* *Касоги/касахи/кашаки* письменных источников... С. 204–206.
69. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. М., 1967. № 142. С. 95–96; *Плетнева С.А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. Прабългарската култура: Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София: Бълг. акад. наук, 1984. Т. II. С. 11–12.
70. *Тимощенко И.* Отчет Ив. Тимощенко об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыпинской // Труды Двенадцатого Археологического съезда в Харькове. 1902. М., 1905. С. 572.
71. Там же.
72. Там же. С. 573–574.
73. *Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. М., 1958. № 62. С. 94.
74. *Тимощенко И.* Отчет Ив. Тимощенко... С. 570–571.
75. *Красильников К.И.* Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII – начала X вв. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. С. 316–317.
76. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. С. 95–96; *Плетнева С.А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья. С. 11–12.
77. *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 131. С. 114.
78. Там же.
79. Там же.
80. Там же.
81. *Плетнева С.А.* Древние болгары... С. 12.
82. *Баранов И.А.* О восстании Иоана Готского // Феодальная Таврия. Киев: Наукова думка, 1974. С. 154.
83. *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. № 106. С. 80–81, 89–103.
84. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. С. 122.
85. *Тимощенко И.* Отчет Ив. Тимощенко... С. 572–574.
86. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. С. 95–96; *Плетнева С.А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья. С. 11–12.
87. *Саханов В.Б.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. С. 75–219.

Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности

88. Там же. С. 85–86.
89. Там же. С. 82–123.
90. *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. С. 114.
91. *Саханов В.Б.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. С. 166–175.
92. *Турчанинов Г.Ф.* О языке надписей на камнях Маяцкого городища... С. 82–86; *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. С. 75.
93. *Тортика А.А.* К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Босфор Киммерийский // Боспорские исследования. Симферополь, 2003. Вып. III. С. 70.
94. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI вв. С. 192–193.
95. Там же. С. 196–197.
96. Там же. С. 198.
97. Новгородская Первая летопись. М.–Л.: Наука, 1950. С. 117.
98. Патриаршая или Никонова летопись. Патриаршая Девятая // ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 31.
99. Повесть временных лет / Под ред. Д.С. Лихачева. М.–Л.: АН СССР, 1950. Ч. I. С. 311.
100. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 110.
101. Там же. С. 112.

Очерк четырнадцатый

КАСОГИ В КИЕВЕ

Этнические связи населения Южной Руси и Северного Кавказа в эпоху развитого Средневековья всегда находились в центре внимания исследователей. Однако на сегодня, к большому сожалению, мы мало знаем о присутствии адыгов-касогов на землях Киевского княжества. Хотя нам прекрасно известно, что буквально с конца X в. киевские князья периодически вмешивались в политические процессы на Северо-Западном Кавказе, где значительный процент населения составляли адыгоязычные касоги. Это в конечном итоге должно было способствовать переселению отдельных групп касогов в Киев – столицу Руси. Однако «Повесть временных лет», казалось бы, молчит на этот счет. Это заставляет считать, что таких переселений не могло быть. Однако, так ли это?

Интересный пассаж на этот счет находим во втором томе сочинения В.Н. Татищева «История Российская». К этому следует добавить, что некоторые современные историки склонны использовать работу В.Н. Татищева как исторический источник, мотивируя это тем, что этот автор первой половины XVIII в. использовал информацию недошедших до наших дней древнерусских летописей. Однако в его «Истории Российской» нет ссылок на те списки «Повести временных лет», откуда он брал сведения. Поэтому иногда очень сложно отделить информацию летописи от предположений и догадок самого В.Н. Татищева.

Для нас особый интерес представляет пересказ В.Н. Татищевым информации «Повести временных лет» о Восточном походе киевского князя Святослава в 965 г. Так, российский историк сообщает: «6473 (965). *Война с казарами. Каган. Казары побеждены. Беловежа. Ясы. Косоги .* Ходил Святослав на казаров. Слышавши же, казары вышли против него с князем своим каганом (136), и, соступившись войсками, учинили жестокий бой. И после долгого и мужественного обоюдного сражения одолел Святослав и град Беловежу взял. И потом пойдя, ясов и касогов победил, из которых много привел в Киев на поселение, а грады их разорил (137)»¹.

Казалось бы, здесь можно вполне доверять информации В.Н. Татищева. Однако его объяснения относительно приведенного сообщения, мягко говоря, обескураживает. Так, комментируя известия летописей о событиях 965 г., когда была захвачена хазарская крепость Белая Вежа, В.Н. Татищев отмечает: «Но греческие историки разорение оного [Белой Вежи. – О.Б.] сказывают от гетов, гл. 17, н. 68 [?]. Сие от того, что Святослав до Дуная гетами, которых он касогами именует, обладал и в Переяславле на Дунае в древней области гетов жил. Оные же казары и касоги хотя многие тогда в Русь переведены и по реке Руси в Переяславле и других градах поселены, но их еще после осталось много, ибо Нестор сказывает в Киеве приход жидов казарских из Белавежи. Что же Святослав столь великое число по Днестру, Дунаю, Бугу и Днепру городов разорил, о том свидетельствуют многие там запустелые городища, а особенно на Ингуле немалый город, камнями великими строенный, который тайный советник Неплюев при размежевании с турками в 1740 году описал. И думаю, что оных конечное разорение и запустение от татар учинилось. Касогов же Стрыковский указывает в Литве с ятвягами, но сие после перевода их от Дуная понимать

следует. Многие сходством имени ошибаются, что касогов за казаков почитают...»².

Как видим, В. Н. Татищев локализует хазарскую крепость Белая Вежа, а вместе с ней и хазар, ясов и касогов в Подунавье. Не допустил ли В.Н. Татищев элементарную описку? Однако при дальнейшем описании событий 967 г. В.Н. Татищев подтверждает предложенную им локализацию касогов и их соседей: «6475 (967). Святослав, как по призыву Никифора, царя греческого, на болгар, так и по своей обиде, что болгары помогали казарам, пошел снова к Дунаю. И сошлись у Днестра, где болгары, казары, касоги и ясы в великой силе Святослава ожидали, не желая через Днестр пустить. Но Святослав, перехитрив их, обойдя, вверх по Днестру перешел, где ему помощь от венгров приспела. И так дойдя до полков болгарских, после долгого сражения и жестокого боя болгар и казар победил; и взяв 80 градусов их по Днестру, Дунаю и другим рекам, сам остался жить в Переяславце (138), куда ему греки уложенную ежегодную дань бесспорно присылали; с уграми же имел любовь и согласие твердое»³.

Подобные пассажи встречаются и в других частях «Истории Российской» В.Н. Татищева. Так, во фрагменте главы 17 первого тома В.Н. Татищев упоминает информацию Диона Хризостома, согласно которой «геты Олбию взяли и весьма разорили»⁴. В комментарии к этому было отмечено: «Геты Олбию разорили. Думаю, что Святослава I-го разумеет. И так как столицу на Дунае в Переяславле имел,... то может гетов к себе привосокупил и Олбию, по-русски Белудежу разорил»⁵. Как уже отмечалось, В. Н. Татищев называл гетами касогов.

Но было, по мнению В. Н. Татищева, и другое обозначение для касогов. Так, во втором томе своей «Истории Российской» он неоднократно упоминает этническую группу «днестряне»: «Пришли на Дунай. Венгрию захватили. Моравы. Чехи. Хорваты. Сербь. Днестряне. Хорутане. Вологты, или волохи. Висла р. Лехи, или ляхи. Ленчане. Лютичи. Мазовшане. Поморяне. После многих же времен придя, вселились славяне по Дунаю и в горах, там, где Угорская земля (6) и Болгарская земля. И от тех славян многие разошлись по странам и прозвались отдельно своими именами по пределам, кто в котором поселился. Так одни сели на реке, именуемой Морава, и от той прозвались моравы, другие чехи нареклись, иные хорваты белые, сербы, днестряне (7) и хорутане»⁶. Комментарий В.Н. Татищева по этому поводу был следующий: «7. Днестряне. Некоторый народ по реке Днестру, а особенно, думаю, казаров разумеет. В верховьях же, где нынешняя Мултянская земля, жили ясы и касоги, и, может, всех сих в одно имя заключает. В древности же река Днестр Тирас именована, и народ от нее у греков и латинян тириты и тирогеты именовались. Плиний, кн. 4, гл. 12; смотри гл. 13, н. 19, 31, гл. 14, н. 15»⁷.

Как оказывается, В. Н. Татищев не имел четкого представления не только о локализации касогов, но также и о нахождении Тмутаракани, которая соседствовала с землями касогов. Не имел он также четкого представления о происхождении касогов. Так, в одном из примечаний о деятельности тмутараканского, а позднее черниговского, князя Мстислава он отметил: «... касоги народ был в Молдавии и переведены в Русь, но где поселены, не показано. Хотя думается, что Мстиславу из Тмутаракани за Днепр в Молдавию или даже за Киев идти было далеко, но тогда легко воюющим все было не далеко, или, может, тогда касоги с печенегами, как единокровными, около верховий Дона, перейдя, обитали»⁸. В то же время В. Н. Татищев не только высказал предположение о родстве касогов с более

поздними черкесами, но и первым предложил гипотезу о том, что город Черкасы в Поднепровье был основан именно кавказскими черкесами⁹.

В данном случае не понятно, почему В.Н. Татищев был склонен локализовать касогов не на Кавказе, а в Днестровско-Придунайском районе. Кажется, что причина этого в том, что касоги часто упоминались вместе с ясами-аланами. Во времена В.Н. Татищева еще живы были воспоминания том, что в позднее Средневековье в Днестровско-Дунайском междуречье существовала поселения ясов. Именно это и могло дать повод В.Н. Татищеву считать, что и в более ранний период ситуация была аналогичной. На основании этого и появилось утверждение В.Н. Татищева: «Косоги вместе с ясами в Молдавии»¹⁰.

Следовательно, имеются очень большие сомнения относительно утверждения В.Н. Татищева, что после похода 965 г. Святослав ясов и касогов «много привел в Киев на поселение». Следует отметить, что историки, жившие в более позднее время, в своих исследованиях умалчивали об этом. Так, Н.М. Карамзин, говоря о деятельности Святослава, в первом томе своей «Истории государства Российского» отметил: «Он покорил вятичей, которые все еще признавали себя данниками хана Козарского, и грозное свое оружие обратил против сего некогда столь могущественного Владетеля. Жестокая битва решала судьбу двух народов. Сам Каган предводительствовал войском; Святослав победил и взял Козарскую Белую Вежу, или Саркел, как именуют ее Византийские Историки, город на берегу Дона, укрепленный Греческим искусством. Летописи не сообщают нам о сей войне никаких дальнейших известий, сказавши только, что Святослав победил еще Ясов и Касогов; первые – вероятно, нынешние Оссы или Осетинцы – будучи Аланского племени, обитали среди гор Кавказских, в Дагестане, и вблизи устья Волги; вторые суть Черкесы, коих страна в X веке именовалась Касахией: Осетинцы и теперь называют их Касахами. Тогда же, как надобно думать, завоевали Россияне город Таматарху, или Фанагорию и все владения Козарские на восточных берегах Азовского моря: ибо сия часть древнего Царства Боспорского, называемая потом Княжеством Тмутараканским, была уже при Владимире, как мы увидим, собственностью России»¹¹. Если игнорировать то, что Н.М. Карамзин употреблял вместо термина «Русь» обозначение «Россия», то можно отметить, что уже в конце XVIII в. взгляды этого историка мало чем отличались от подходов современных исследователей. Однако Н.М. Карамзину не было ничего известно о переселении Святославом ясов и касогов в Киев после похода 965 г.

Ничего об этом также не знал и украинский историк М. Грушевский. В первом томе своей «Истории Украины-Руси» события 964–966 гг. он видит следующим образом: «Повесть сообщает, что Святослав ходил походом на Оку и на Волгу; по дороге он встретил вятичей и, узнав, что они платят дань Хазарам, пошел на Хазар, победил их кагана в битве, взял Белую Вежу, победил Ясов и Касогов и после того новым походом победил Вятичей и заставил их платить дань»¹². Относительно же побежденных ясов и касогов М. Грушевский уточнил: «... произошла эта битва и одолел Хозар Святослав и взял город Белую Вежу; и Ясов победил, и Касогов и вернулся в Киев»¹³.

Таким образом, практически все, кроме В.Н. Татищева, долгое время не верили в то, что после похода 965 г. Святослав мог переселить побежденных ясов и касогов в Киев. Основанием для этого было молчание по этому поводу в большинстве известных списков «Повести временных

лет». Однако уже в середине XIX в. был опубликован текст Патриаршей или Никоновской летописи, где после описания похода Святослава в 965 г., в результате которого хазарская крепость Белая Вежа была захвачена и ясы с касогами были побеждены, относительно судьбы последних отмечено: «... и приведе к Киеву»¹⁴. Однако данный пассаж, по мнению Д. С. Лихачева, отнюдь не является свидетельством того, что ясы и касоги были переселены Святославом в Киев. Д.С. Лихачев считал, что здесь речь идет о том, что ясы и касоги были приведены в зависимость от Киева¹⁵. Необходимо отметить, что оснований для этого не мало. Как уже отмечалось, во всех известных до этого списках «Повести временных лет» данный пассаж не был зафиксирован. Кроме того, считается, что Никоновская летопись относится к числу довольно поздних летописных списков, ибо она была составлена лишь в XVI–XVII вв. Обратим внимание еще на то, что первые издатели летописи отметили, что вместо «приведе к Киеву» еще возможен вариант «прииде к Киеву»¹⁶.

Однако значительно более древней считается Новгородская Первая летопись, которая представляет собой группу дошедших до нас летописных новгородских памятников или списков, близких по содержанию. Этот оригинальный памятник был полностью опубликован в середине XX в. и сразу же привлек внимание исследователей из-за ряда пассажей. К их числу следует отнести и информацию о походе Святослава в 965 г.: «Одоле Святослав Козаром, и град их Белу вежу взя. И Ясы победи и Касоги, и привиде Киеву»¹⁷. При этом издатели допускают, что вместо «привиде Киеву» возможен вариант «привиде къ Киеву»¹⁸.

А.В. Гадло этому отрывку из Новгородской Первой летописи не был склонен доверять буквально. Его он прокомментировал следующим образом: «... Святослав, по свидетельству сохранившейся наиболее древний вариант повествования о его походе на Восток Новгородской Первой летописи, повел себя необычно. Победив их (“... Ясы победи и Касоги...”)

он не обложил их данью как вятичей, а потребовал от них признания вассальной зависимости от Киева (“...и привиде Киеву...”). Этим он приобрел, несомненно, двух сильных союзников в борьбе с каганатом и обеспечил себе выход из глубин Хазарии на Русь...»¹⁹.

Однако то, что упомянутый фрагмент был именно в Новгородской Первой летописи, в одном из древнейших сохранившихся летописных сводов, позволяет не отбрасывать той версии, что изначально речь могла идти о какой-то миграции ясов и касогов в Киев. Это переселение было настолько незначительным, что составители других списков «Повести временных лет» не удостоили его своим вниманием. Вполне возможно, что один из подобных вариантов изложения событий 964–985 гг. и попал в руки В.Н. Татищева.

В данном случае проверить гипотезу о возможном переселении ясов и касогов в Киев после похода 965 г. можно лишь при помощи данных археологии. А для этого необходимо иметь представление о том, где Святослав в 965 г. мог встретить ясов и касогов.

Со времен В.Н. Татищева представления ученых об этом сильно изменились, хотя среди них есть расхождения в деталях. Однако практически все исследователи склонны были локализовать касогов в Предкавказье в бассейне Кубани. Что же касается локализации ясов, то одни историки локализовали ясов в Предкавказье²⁰, а другие – вблизи Саркела на Нижнем Дону²¹. Имеется та группа исследователей, которые считают, что в 965 г. Святослав достиг низовьев Кубани и таким образом

покорил касогов на Таманском полуострове, положив тем самым начало Тмутараканскому княжеству²². Г.Ф. Турчанинов вообще был склонен локализовать упомянутых ясов и касогов на Нижнем Дону²³.

С археологической точки зрения, упомянутые районы в хазарское время представляли собой зону распространения памятников салтовской культуры. Следовательно, Святослав мог переселить в Киев носителей салтовской культуры. Следует отметить, что памятники салтовской культуры на территории Древнего Киева до сих пор большая редкость, но они иногда встречаются. Можно, например, вспомнить, что в конце XIX в. в Киеве на улице Прорезной были обнаружены катакомбы, но с трупосожжениями в урнах, что очень необычно для салтовской культуры. Однако это не помешало М.К. Каргеру высказать предположение, что тут мы имеем дело с памятником салтовской культуры. При этом исследователь ссылался на то, что в Киеве было также обнаружено ингумационное захоронение с горшком, который был похож на керамику Верхне-Салтовского могильника²⁴. Не меньший интерес представляют недавние исследования киевскими археологами остатков так называемого «Жидовского города», расположенного недалеко от ул. Прорезной на территории Копырева конца, что в районе нынешней Львовской площади. По наблюдениям исследователей данного памятника, «открытые на городище остатки крепостной стены имеют много общего с фортификационной стеной на Теплинском городище, входившем в состав Хазарского каганата... Это городище располагалось на р. Северский Донец...»²⁵. На этом перечень памятников салтовского типа на территории Киева можно считать исчерпанным. Вполне возможно, что в Древнем Киеве процент выходцев из Хазарского каганата был незначительным.

Поэтому пока невозможно археологически проследить передвижение салтовского населения с Нижнего Дона и Прикубанья в Киев. Тем не менее, сообщение В.Н. Татищева, равно как и Патриаршей (Никоновой), и Первой Новгородской летописей о том, что после похода 965 г. Святослав мог переселить часть побежденных ясов и касогов в Киев, не лишено оснований, хотя и остается недоказанной гипотезой.

Новый же этап в переселениях касогов в Киев следует связывать с основанием Тмутараканского княжества на Тамани. Обычно исследователи обращают внимание на то, что Тмутараканское княжество, или волость, на протяжении длительного времени находилось либо под контролем черниговских князей, либо здесь находились у власти князья-изгой. Однако не всегда акцентировалось внимание на том, что Тмутаракань в определенные периоды была под непосредственным контролем киевских князей. Именно такие прямые контакты должны были способствовать переселению касогов из Тамани в Киев. Рассмотрим в хронологической последовательности попытки Киева установить свой непосредственный протекторат над Тмутараканью.

Как уже было отмечено, некоторые исследователи склонны считать началом Тмутараканской волости уже поход киевского князя Святослава в 965 г. Однако данная гипотеза не находит убедительного подтверждения. Более популярным среди современных исследователей является мнение, что к основанию Тмутараканского княжества был более причастен киевский князь Владимир накануне или после его корсунской кампании в 988 г. Известно также, что перед своей смертью он отдал в удельное управление Тмутаракань своему сыну Мстиславу²⁶. Получается, что приблизительно с 986 г. по 1015 г. Тмутаракань находилась под прямым управлением

киевского князя Владимира Святославича. Следующий этап следует связывать с утверждением на киевском престоле его сына Ярослава. Как известно, 1023 по 1026 гг. имела место борьба между братьями Ярославом и Мстиславом за киевский престол, которая закончилась перемирием, приведшим к дуумвирату. Весьма характерно, что V Новгородская летопись под 1029 (6537) г. сообщает о походе князя Ярослава против аланов-ясов: «Ярослав ходи на ясы и взять их»²⁷. Примечательно, что об этом событии упоминает лишь одна летопись, что может свидетельствовать о незначительности масштаба похода.. Поэтому проблематично говорить о походе Ярослава в Центральное Предкавказье. А. В. Гадло считал, что Ярослав по просьбе своего брата Мстислава, подавлял вблизи от Тмутаракани восстание местных касогов и хазар, которых поддерживали соседи-ясы²⁸. Стало быть, в этом 1029 г. Ярослав мог привести в Киев с Кавказа не только аланов-ясов, но и касогов.

Весьма характерно, что летописи после этого молчат о Тмутаракани буквально до 1064 г., когда город захватил внук Ярослава Ростислав Владимирович, выгнав Глеба Святославича. Получается, что до смерти черниговского (бывшего тмутараканского) князя Мстислава Тмутаракань находилась под его непосредственным управлением. Только не известно, к кому перешел контроль над Тмутараканью после 1036 г., когда умер Мстислав и единовластным правителем Руси стал киевский князь Ярослав Владимирович. В.Н. Чхаидзе относительно этого высказался следующим образом: «В результате известных событий с разделением Руси между братьями возникает система дуумвирата. Тмутараканью же продолжают управлять назначаемые из Чернигова (после смерти Мстислава в 1036 г. – из Киева) посадники, одним из которых мог быть сын Мстислава – Евстафий (ум. 1031 г.). Тмутаракань утратила свой кратковременный княжеский статус. И последующие за Мстиславом князья уже не обладали теми правами, которыми пользовался на Руси Мстислав»²⁹. Таким образом, получается, что под контролем киевского князя Ярослава Владимировича Тмутаракань могла находиться с 1036 г. буквально до его смерти в 1054 г., т.е. чуть менее 20 лет.

Известно также, что после того, как в 1079 г. жители Тмутаракани схватили тмутараканского князя Олега и отправили его в Константинополь, в Тмутаракани на короткое время установилась вновь власть киевских князей. После устранения Олега киевский князь Всеволод Святославич сажает в Тмутаракани посадником Ратибора – единственного известного по имени посадника не княжеского происхождения. Посадничество Ратибора длилось недолго – в 1081 г. в Тмутаракань бегут еще два князя-изгоя – Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич, которые и изгоняют из Тмутаракани Ратибора³⁰. Как отметил Н.Ф. Котляр, «восстановление киевского посадничества в Тмутаракани могло быть одной из первоочередных задач нового киевского князя и его соправителя и сына Владимира Мономаха»³¹. Таким образом, последнее правление Киева в Тмутаракани было недлительным – с 1079 г. по 1081 г.

Не может быть сомнений в том, что при киевских князьях Владимире Святославиче, Ярославе Владимировиче и Всеволоде Святославиче касоги переселялись в Киев с Таманского полуострова. Однако древнерусские летописи прямо об этом не пишут. Но есть свидетельство иного рода, которое прямо подтверждает такие миграции.

Речь идет об обнаруженной на стенах Софии Киевской надписи. Надпись находится в южной наружной галерее собора и вместе другими

граффити была нанесена на фреску «Онуфрий». Здесь мы имеем четыре строки, написанные крупными, но не всегда разборчивыми, буквами. Первый ее исследователь С. А. Высоцкий предложил перевести ее на современный русский язык следующим образом: «Дедилье (?)–касожич. Уходя от святых, я бо, господи, надеюсь прийти к тебе на воскресение. Ох, душа моя!»³².

Однако такая интерпретация вызвала значительное несогласие со стороны А. А. Зализняка. Во-первых, он предложил читать начальное слово надписи не как *Дедилье*, а как *Дедильце*. По его мнению, это «просто то же самое имя, что в Ипатьевской летописи, только с необычным окончанием -е»³³. Во-вторых, А.А. Зализняк обратил внимание на следующее: «у слов “Дедилье (?)–касожич” нет сказуемого, а отрезок *тъму* в переводе вообще выброшен». Кроме того, он отметил еще одну особенность: «После отрезка *тъму* на прориси С. А. Высоцкого почему-то нет вообще никаких букв (хотя остается место еще для 5-6 букв и хотя в тексте издатель дает после *тъму* буквы *по*) На фотографии две буквы видны совершенно явственно, только это не *по*, а *то*. Видны также, хотя уже несколько слабее, и следующие две буквы: *ро*. Еще две буквы, следующие за ними, полностью рассмотреть уже не удастся, но прослеживаемые элементы штрихов позволяют предположить, что это были *к* и *и*. ...Таким образом, восстанавливается отрезок *тъм[о]уторо[ка]*. Совершенно очевидно, что перед нами какое-то производное от топонима *Тъмutorокань* – скорее всего *тъмutorоканец*»³⁴. В результате А. А. Зализняк предложил новую версию интерпретации и перевода этой надписи из Софии Киевской: «Дедилец-касог, тмутаракан[ец, писал], идя от святых. Ибо я, Господи, чаю прийти к тебе на воскресение. Ох, душа моя»³⁵. Как видим, в переводе А.А. Зализняка Дедилец фигурирует не как «касожич», а как «касог», что несколько удивляет.

Особый интерес может представлять время и обстоятельства появления надписи. На этот счет существует несколько мнений. Так, В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружинина считают, что это «надпись последней четверти XI – первой четверти XII в.»³⁶. Но, как нам известно, именно в этот период прекратились прямые связи Киева с Тмутароканью. Такую датировку надписи они обосновывают широким распространением христианства среди касогов именно в то время. Это они подкрепляют следующей информацией: «Княживший в это время в Тмутаракани Олег Святославич (1083–1094) около 1084 или 1088 гг. возвел на Зихскую кафедру русского архиепископа, монаха Киево-Печерского монастыря Николая... И Зихская епархия, и Русская церковь одинаково были подчинены Константинопольскому патриарху. ...В данном контексте обнаруженная в Киевской Софии надпись чрезвычайно интересна и важна. Она составлена касогом-христианином, носящим славянское мирское имя Дедилец»³⁷. Таким образом, исследователи дают понять, что касог Дедилец прибыл из Тмутаракани в Киев поклониться святым местам.

Паломническую версию относительно обстоятельств появления граффити допускает также А. А. Зализняк. Относительно употребления автором надписи своего мирского имени Дедилец исследователь отметил: «... он уже достаточно ревностный христианин, чтобы отправиться в паломничество к святым мученикам, но еще не привык обозначать себя в делах веры своим крестильным именем»³⁸. При этом А.А. Зализняк предполагает: «Дедилец находился в Киеве, совершив паломничество к мощам святых мучеников и, очевидно, возвращаясь домой: он пишет *ида*

(а не *пришедь*). При этом *ида* в принципе может означать как 'находясь в пути' так и 'отправляясь в путь'; это значит, что он либо посетил святыни в каком-то другом месте (например, мощи святых Бориса и Глеба в Вышгороде) и возвращается через Киев, либо объектом его паломничества были святыни в самом Киеве. Скорее всего он направляется домой в Тмутаракань»³⁹. Однако это всего лишь одна из версий, предложенных А.А. Зализняком, так как на рубеже XI–XII вв., по его же замечанию, Тмутаракань уже была захвачена половцами. Поэтому для исследователя оказалось весьма затруднительным датировать приведенное граффити: «Ни палеография, ни лингвистика не дают возможности отличить, скажем, последнюю четверть XI века от первой четверти XII»⁴⁰.

Однако существует мнение, согласно которому эта надпись была выполнена не раньше XII в. С.А. Высоцкий по этому поводу высказался следующим образом: «Графика букв надписи достаточно древняя. Первая строка написана несколько более мелким почерком, чем остальные три. Буква А – с острой петлей, N – с укороченной перекалиной, находящейся посередине буквы, Ч – в виде чаши на ножке, “ять” – с коромыслом, немного приподнятом, как в начертаниях XII в. ...»⁴¹. Кроме того, С.А. Высоцкий обратил внимание на имя «Дедилье». По его наблюдениям, подобный антропоним имел распространение на Руси в XII в.: «Близкое по созвучию имя встречено в Ипатьевской летописи под 1175 годом, где упоминается рязанский боярин Дедильць (Дедилця). В Никоновской летописи под 1177 годом рассказывается о разгроме владимирским князем Всеволодом Юрьевичем Глеба Рязанского. Наряду с другими вельможами в плен был взят упомянутый выше боярин, названный Дедило (Дедила)»⁴².

На последнее обратила свое внимание В.Ю. Франчук, которая носителя имени Дедильць отметила среди людей черниговского воеводы Ольстина Олексича – участника похода Игоря на половцев в 1185 г., которого она склонна отождествлять с рязанским боярином с тем же именем, который был на службе у рязанского князя Глеба. В связи с этим весьма интересно следующее предположение В.Ю. Франчук: «В Лаврентьевской летописи довольно подробно говорится как о печальной судьбе самого рязанского князя, умершего в заточении, так и о судьбе его советников, перенесших с ним и позор поражения, и тягости жизни в плену. После освобождения из плена один из них оставил на стенах киевской Софии благодарственную запись-обращение к Богу»⁴³. Если следовать предположениям В.Ю. Франчук, то это случилось накануне похода 1185 г. Кроме того, видимо на основании того, что Дедилец был касогом и в Черниговской земле традиционно проживали касоги, исследователь отметила, что «к потомкам касогов, предполагаем, могли принадлежать и черниговские коуи и воевода Ольстин Олексич»⁴⁴.

Относительно происхождения «Коуев Черниговских» среди исследователей существуют различные мнения. Так, Д.А. Расовский считал «Ковуев Черниговских» частью «Черных Клобуков»⁴⁵, П.П. Толочко – частью торков⁴⁶, А.А. Росляков видел в «коуях» огузов-кайы⁴⁷. А.И. Попов соотносил «коуев» с частью огузов, но он не считал их племенной группой, а видел в них особый отряд, который шел в погоню за врагом (от тюрк. *ковмак* – «гнать») ⁴⁸. Однако ни у кого из исследователей не возникало идеи отождествлять «Коуев Черниговских» с касогами.

Что же касается касогов, приведенных Мстиславом в начале XI в. на земли Черниговского княжества, то В. В. Мавродин считал, что «касого-ясо-хазарская дружина Мстислава осталась в Черниговщине». В качестве

доказательства этого он отметил, что еще в XVII в. «под Рыльском упоминается о “Словенской пустыне, в Касожской волости на Словенском городище, на реке Семи да на Словенском озере”». По его данным, на бывших северных границах Черниговского княжества буквально до XVII в. существовало село Касожичи, которое впоследствии получило иное название – Коробкино⁴⁹. Как видим, в Черниговском княжестве касоги оставались известными под своим прежним именем значительно позже конца XII в.

Не стоит игнорировать то, что упоминания в летописях во второй половине XII в. носителей имени Дедилец может означать не автора надписи в Софии Киевской, а совсем иных персонажей. Приходится признать, что никто из исследователей так и не смог убедительно определить время и обстоятельства появления граффити, автором которой являлся ««Дедилец-касожич, тмутараканец»».

В.Н. Чахидзе и И.А. Дружинина, доказывая, что Дедилец прибыл в Киев из Тмутаракани на рубеже XI–XII вв., неожиданно отмечают при этом: «Она оставлена касогом-христианином, носящим славянское мирское имя Дедилец. Слова, написанные на совершенном древнерусском языке, свидетельствуют о глубоком и искреннем принятии писавшим христианской веры»⁵⁰. В данном случае интересно было бы знать, как проживавший в далекой и уже оторванной от Руси Тмутаракани касог Дедилец мог носить не только славянское имя, но при этом писать на «совершенном древнерусском языке»? Это было только возможно, если бы Дедилец длительное время жил на Руси.

Поэтому не лишено оснований одно из предположений А.А. Зализняка относительно места проживания Дедильца: «... не исключено и то, что он жил уже не в Тмутаракани, а где-то в Киевской земле. Ведь Тмутаракань уже на рубеже XI и XII веков была захвачена половцами, потеряла связь с остальной Русью и, очевидно, перестала быть важным христианским центром. Следует полагать, что какое-то количество христиан ушло при этом на Русь. К сожалению, мы не знаем, раньше или позже этого момента составлена данная надпись»⁵¹. Не меньший интерес представляет и другое наблюдение А.А. Зализняка: «Но был ли Дедилец в самом деле касогом? Не является ли слово *касожичь* просто прозвищем природного славянина? Исключить такую возможность, по-видимому, нельзя, хотя и не кажется естественным, чтобы в подобной записи человек называл себя с прозвищем. Дедилец мог также быть жителем Тмутаракани, происходящим от смешанного брака...»⁵². Относительно того, что Дедилец мог являться потомком касога А.А. Зализняк привел следующий аргумент: «... слово *касожичь* здесь можно было трактовать и просто как отчество. В самом деле, *касожичь тмутараканець* выглядит очень похоже... Ясно, однако, что в данном случае это ничего не меняет: ‘касого’ или ‘сын касога’ – это реально одно и то же»⁵³.

Таким образом, имеются основания видеть в Дедильце отпрыска того касога, который мигрировал из Тмутаракани и поселился на Руси. Вопрос в том, когда такая миграция была возможна? Как уже отмечалось, касоги могли беспрепятственно переселяться в Киев из Тмутаракани при правлении Ярослава Мудрого в 1029 г. или в 1036–1054 гг., а также при Всеволоде Святославиче с 1079 г. по 1081 г. Если после этого у одного из касогов в Киевской земле родился сын Дедилец, который по происшествии двух-трех десятков лет мог оставить надпись на стенах Софии Киевской, то вполне реальной может быть датировка: вторая половина XI – начало XII вв.

Продолжая разговор о присутствии касогов в Киеве, хотелось бы выделить пассаж из Поучения киевского князя Владимира Мономаха, содержащееся в той части Лаврентьевской летописи, которая датирована 1096 г.: «куда же ходяще путем по своимъ землямъ . не дайте пакости десяти . отрокомъ ни своимъ . ни чюжимъ . ни в селе . ни в жите . да не кляти вас начнуть . куда же поидете | идеже станете . напоите накормите . оуне ина»⁵⁴. В данном отрывке особые вопросы может вызывать происхождение и значение термина «оунеин». На этот счет предлагались различные версии.

Именно это стало предметом особого интереса В.А. Воскресенского, который в конце XIX в. по этому поводу отметил: «... Буслаев (Историческая Хр., стр. 76) говорит, что нужно читать: “Напойте, накормите уне ина”, – то есть лучше накормите иного кого-нибудь. В Русском же Хр., стр. 75: “Унеин, иначе уньць, просящий, алчущий, от унити – просить” (?). Аристов (Христ. по русск. истории. Варшава, 1870) в слове “унеин” видит “юнеин” – малый, слабый, бедный. – Последнее чтение можно принять и в том случае, если в слове “унеина” видеть испорченную форму “оунеиша” (от оун – юный, малый, слабый)»⁵⁵. Именно эта последняя этимология и дала основания В. А. Воскресенскому объяснить термин *унеин* из Поучения как «бедняк, просящий»⁵⁶. В соответствии этому исследователь предложил свой вариант перевода фрагмента из Поучения Владимира Мономаха: «Во время объезда земель своих не позволяйте бесчинствовать ни своим, ни чужим слугам ни в селах, ни на полях, чтобы вас не проклинали; [напротив] куда пойдете и где останетесь – напоите и накормите нуждающихся»⁵⁷.

С. Протопопов был склонен полностью поддержать мнение Н. Аристова, согласно которому *унеин* – «юнеин, малый, слабый, бедный»⁵⁸. Отметим, что некоторые современные исследователи также продолжали считать, что термин *унеин* имеет славянское происхождение. Так, Н.А. Мещерский указывал, что речь, возможно, идет о княжеских отроках, младших дружинниках (“унеины” – по аналогии со “старейшинами”), которых Мономах предписывал накормить в первую очередь для предотвращения ими грабежей⁵⁹. Существуют и другие аналогичные объяснения, сводящиеся к славянской этимологии термина «унеин».

Однако уже давно заметили, что мнение Н.М. Карамзина было явно отличным на этот счет: «В подлиннике: “Напойте, накормите унеина” вместо хазяина. Унна значит дом на языке Кабардинском (см. Сравнитель. Слов. 4. II, стр. 117). Россияне могли заимствовать сие слово от Козаров, или Касогов, Торков, Половцев, ибо его нет в Славянском и Скандинавском языках»⁶⁰. На основании этого российский историк предложил свой вариант перевода интересующего фрагмента Поучения Владимира Мономаха: «Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду Княжеским Отрокам; и где останетесь, напоите, накормите хазяина»⁶¹. Получается, что термин *унеин* можно объяснить из адыгских языков как «хозяин [дома]».

Из современных исследователей ярким приверженцем этой гипотезы Н.М. Карамзина оказался В.П. Кобычев, который верил в то, что в прошлом существовали интенсивные контакты между населением Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья. И для доказательства этого он привел ряд аргументов, среди которых были следующие: «Наконец, в сочинении Владимира Мономаха мы обнаруживаем и отголосок живой адыгской речи в русском языке XII в. Это известная фраза из “Поучения чадам”: “Куда же пойдете, иде же станете, напоите, накормите унеина и

более же чтите гость. . . ти бо . . . прославлять человека. любо добрым, любо злым" ("Полное собрание русских летописей», т. 1, Лаврентьевская летопись. М., 1962, стлб. 246). Загадку здесь представляет слово **унеин**, которое академик А.С. Орлов, посвятивший специальное исследование данному памятнику, пытается переводить как "нищий, странник", что, однако, плохо увязывается с контекстом. Между тем еще Н.М. Карамзин указывал, что данное слово восходит к кабардинскому **унэ** – "дом", откуда **унеин** значит "домохозяин" (ср. топонимическое *Уний*, *Уненъж* на Черниговщине или в балкарском языке *унаут* – "дворовый раб")⁶².

Последнее, в какой-то степени, перекликается с предположением Н.А. Мещерского, что в Поучении Владимира Мономаха речь может идти о княжеских отроках, младших дружинниках, которых Мономах предписывал накормить в первую очередь для предотвращения ими грабежей⁶³. Вполне возможно, что термин **унеин** мог означать не «хозяин дома», а «домашний слуга» у князя. Отсюда понятно, почему их надлежало в первую очередь накормить (было необходимо предотвратить погромы местного населения). Не логичной выглядит версия о том, что княжеские отпрыски должны кормить и поить местных домохозяев, а не успокаивать своих голодных слуг. Таким образом, термин **уне-ин** составной и может иметь адыго-славянское происхождение, где первая часть представляет собой корень, происходящий от адыгского **унэ** – «дом», а вторая – славянский суффикс **-ин-**, служащий для указания либо на происхождение человека (напр. Торч-ин, Яс-ин и т. п.), либо на его социальный статус (напр. бояр-ин). Создается впечатление, что термин **унеин** мог возникнуть в смешанной адыго-славянской среде.

Отсюда возникает закономерный вопрос: где и когда Владимир Мономах мог заимствовать этот термин кавказского происхождения? В данной ситуации также не известно время письменной фиксации слова **унеин**. Однако установить это представляется возможным.

Еще в XIX в. С. Протопопов и В. А. Воскресенский, ссылаясь на наблюдения М.П. Погодина, сумели доказать, что Поучение Владимира Мономаха совершенно случайно находится в Лаврентьевской летописи под 6604 (1096) г. По их мнению, реальная дата составления основного текста Поучения – 1099 г. Что же касается упоминания более поздних событий, то исследователи сумели показать, что это были более поздние приписки, сделанные уже после 1099 г.⁶⁴ Из современных исследователей этого мнения продолжает придерживаться, например А.Б. Головкин⁶⁵.

По наблюдениям В. А. Воскресенского, «Все, следующее за словами "и се ныне иду Ростову", до последнего похода на Ярослава (1118 г.), нужно считать позднейшей вставкой, сделанной или самим Мономахом, или летописцем»⁶⁶. Если следовать этому, то получается, что в Поучении Владимира Мономаха термин **унеин** встречается в той части сочинения, которая была написана в 1099 г.⁶⁷ Поэтому остается выяснить, где Владимир Всеволодович мог иметь интенсивные контакты с касогами до 1099 г.? Напомним широко известные факты из жизни Владимира Мономаха.

Как известно, Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125 гг.) детские годы провел при дворе своего отца Всеволода Ярославича в Переяславле. С 1073 г. по 1078 г. он был князем Смоленским, с 1078 г. по 1094 г. – князем Черниговским, с 1094 г. по 1113 г. – князем Переяславским и, наконец, с 1113 г. по 1125 г. Владимир Мономах был Великим князем Киевским⁶⁸. Как видим, до 1099 г. Владимир Всеволодович еще не занимал киевский престол. Следовательно, общаться с касогами он мог лишь вне пределов

Киева. Не мог Владимир Всеволодович и побывать в Тмутаракани, что являлось следствием сложных политических событий второй половины XI в.⁶⁹ Получается, что общаться с касогами Владимир Мономах мог непосредственно на Руси.

Обратим внимание на то, что в то время, когда его отец Всеволод Ярославич занимал киевский престол, Владимир с 1078 г. по 1094 г. был князем Черниговским. Как уже отмечалось, В.В. Мавродин сумел доказать, что черниговские князья не только имели длительные связи с Тмутараканью, но и после смерти Мстислава на Черниговской земле еще долгое время сохранялась касожская община⁷⁰. Поэтому будет вполне логично считать, что в Чернигове в окружение Владимира Мономаха были включены местные касоги. История знает немало случаев, когда новый монарх при вступлении на престол приводит с собой в столицу своих людей, которым он особенно доверяет. Так могло случиться и с людьми Владимира Мономаха – сначала они могли переселиться вместе с ним из Чернигова в Переяславль, а оттуда – в Киев.

Не исключено, что касоги могли проживать не в самом Киеве, а под Киевом. Так, В.П. Кобычев отметил недалеко от Киева гидроним «Унава – приток Ирпени (от адыгского *уна* – “дом”, ср. по соседству река *Домашняя*)»⁷¹. В данной ситуации, можно высказать предположение, что адыгоязычные касоги поселились недалеко от славян, проживавших на берегах реки Домашняя, и назвали близлежащую к им реку названием соседней реки, но переведенным на родной язык. Однако возможна и совсем обратная картина: в глубокой древности на берегах реки Унава жили представители кавказоязычного народа, по соседству с которыми позже поселились предки славян и при этом обозначили близлежащую к ним реку переводом на родной язык названия Унавы – «Домашняя».

Таким образом, приходится констатировать, что письменные источники прямо не говорят о переселении касогов в Киев в X–XII в., но косвенно дают понять нам, что касоги в это время были в столице Руси. По сравнению с Киевом, ситуация на землях Черниговского княжества была иной: летописи сообщают о переселении касогов в пределы Черниговского княжества при Мстиславе; данные топонимии также подтверждают пребывание здесь касогов. Это можно объяснить, прежде всего, тем, что связи Черниговского двора с Тмутараканью были более длительными и оживленными, чем кратковременные периоды правления киевских князей на Таманском полуострове. Кроме того, различным был и характер переселений касогов на земли Южной Руси. Если в Черниговскую землю касоги переселялись группами и проживали на новых местах компактно в составе касожских общин, то миграции касогов в Киев носили индивидуальный характер, что очень скоро приводило к ассимиляции касогов славянским большинством. Как известно, сначала потомки пришельцев теряют язык предков, а потом начинают преобладать местные имена и уже после этого меняется этническое самосознание. Это мы хорошо можем видеть на примере Дедильца, сына касога из Тмутаракани, который оставил надпись на стенах Софии Киевской. Касоги в Киеве, в отличие от своих соплеменников на Черниговской земле, не смогли создать на новом месте отдельную общину. Поэтому древнерусские летописи о них и не упоминали.

1. *Татищев В.* История Российская. Т. 2. М.: Ермак, 2003. С. 35.

2. Там же. С. 608.

3. Там же. С. 35.

4. *Татищев В.* История Российская. Т. 1. М.: Ермак, 2005. С. 250.
5. Там же. С. 263–264.
6. *Татищев В.* История Российская. Т. 2. М.: Ермак, 2003. С. 6–7.
7. Там же. С. 567.
8. Там же. С. 532.
9. Там же.
10. *Татищев В.* История Российская. Т. 1. М.: Ермак, 2005. С. 293.
11. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. I. СПб., 1818. С. 199–200.
12. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. I. К.: Наукова думка, 1991. С. 459–460.
13. Там же. С. 460.
14. Патриаршая или Никонова летопись. Патриаршая Девятая // ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862. С. 31.
15. Повесть временных лет / Под ред. Д. С. Лихачева. Ч. II. М.–Л.: АН СССР, 1950. С. 311.
16. Патриаршая или Никонова летопись. С. 31. Прим. и.
17. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова // ПСРЛ. Т. III. М.–Л.: АН СССР, 1950. С. 117.
18. Там же. С. 117. Прим. 39.
19. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. X–XIII вв. СПб.: ЛГУ, 1994. С. 73.
20. *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Советское востоковедение. М., 1940. Вып. 1. С. 35; *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. С. 427–428; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М.: Наука, 1982. С. 97.
21. *Грушевський М.* Історія України-Руси. К.: Наукова думка, 1992. Т. I. С. 462; *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставроп. кн. изд., 1971. С. 199; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 220.
22. *Артамонов М.И.* Белая Вежа // СА. Том XVI. М.: АН СССР, 1952. С. 44; *Вестберг Фр.* Записка Готского топарха // ВВ. Том XV. Вып. 2–3. СПб., 1910. С. 248, 262; *Васильев А. А.* Готы в Крыму // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Т. V. Л.: АН СССР, 1927. С. 249, 251; *Мавродин В.В.* Тмутаракань // Вопросы истории. 1980. №11. С. 178; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.: АН СССР, 1968. С. 94; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск, 1995. С. 103; *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков // САИ. Е1-44. М., 1964. С. 44.
23. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. М.: Наука, 1971. С. 75.
24. *Каргер М.К.* Древний Киев. М.–Л.: АН СССР, 1958. С. 136–137.
25. *Иевлев М.М., Козловский А.А., Минаева Н.И.* Распространение влияния Хазарского каганата в Среднем Поднепровье (к вопросу существования «Жидовского города» на территории Древнего Киева) // Хазарский альманах. Т. 12. К.–Харьков, 2014. С. 80.
26. *Котляр Н.Ф.* Тмутараканские заботы киевских князей // Норна у источника судьбы. Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой. М.: Индрик, 2001. С. 191–192; *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X–90-е гг. XI веков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2010. № 1 (5). С. 26; *Головки О.Б.* Північне Причорномор'я та Приазов'я в політичному та економічному розвитку Русі (IX – середина XIII ст.) // Український історичний журнал. 2014. № 1. С. 31–33.
27. Новгородская Пятая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Петроград, 1917. Ст. 116.
28. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. X–XIII вв. СПб.: ЛГУ, 1994. С. 93–94.
29. *Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X–90-е гг. XI веков. С. 27.
30. *Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X–90-е гг. XI веков. С. 29–30; *Котляр Н.Ф.* Тмутараканские заботы киевских князей. С. 196–197.
31. *Котляр Н.Ф.* Тмутараканские заботы киевских князей. С. 197.

32. *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.). К.: Наукова думка, 1976. С. 59.
33. *Зализняк А. А.* К изучению древнерусских надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. и др.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М., 2004. С. 256.
34. Там же.
35. Там же.
36. *Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А.* Граффити из Софии Киевской – свидетельство христианизации касогов в конце XI – начале XII вв. // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа.* Армавир, 2005. Вып. 5. С. 155.
37. Там же. С. 157.
38. *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 257.
39. Там же.
40. Там же.
41. *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской. С. 60.
42. Там же. С. 59–60.
43. *Франчук В.Ю.* Иноплеменники в структуре государственной власти Руси XII в. // *Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза.* XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2015 г. Материалы конференции. М., 2015. С. 292.
44. Там же. С. 293.
45. *Расовский Д.А.* Печенеги, торки и береди на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovia.* Т. 6. Praga, 1933; *Расовский Д.А.* Печенеги, торки и береди на Руси и в Угрии // *Из истории русской культуры.* Т. II (Киевская и Московская Русь). М., 2002. С. 136–137.
46. *Толочко П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. К., 1999. С. 94.
47. *Росляков А.А.* Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России). Ашхабад, 1956. С. 14.
48. *Попов А.И.* Названия народов СССР. Л., 1973. С. 124.
49. *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 137.
50. *Чхаидзе В.Н., Дружинина И. А.* Граффити из Софии Киевской – свидетельство христианизации касогов в конце XI – начале XII вв. С. 157.
51. *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 257.
52. Там же.
53. Там же.
54. *Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ. Т. I. Л., 1926–1928. С. 172.
55. *Поучение детям Владимира Мономаха* / Ред. и прим. Вознесенского В.А. СПб., 1893. С. 46. Прим. 46.
56. Там же. С. 6. Прим. ц.
57. Там же. С. 13.
58. *Протопопов С.* Поучение Владимира Мономаха, как памятник религиозно-нравственных воззрений к жизни на Руси в до-татарскую эпоху // *ЖМНП.* 1874. Февраль. С. 290. Прим.
59. *Мещерский Н.А.* К толкованию лексики одного из «темных» мест в «Поучении» Владимира Мономаха // *Русская историческая лексикология и лексикография.* Вып. 2. Л., 1977. С. 39–42.
60. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. II. СПб., 1818. С. 133. Прим. 232.
61. Там же. С. 163.
62. *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. С. 91–92.
63. *Мещерский Н.А.* К толкованию лексики одного из «темных» мест в «Поучении» Владимира Мономаха. С. 39–42.
64. *Протопопов С.* Поучение Владимира Мономаха, как памятник религиозно-нравственных воззрений к жизни на Руси в до-татарскую эпоху. С. 232, 236–237; *Поучение детям Владимира Мономаха* / Ред. и прим. Вознесенского В.А. С. V–VII.
65. *Головка О.Б.* Торки в історії причорноморських степів (IX–XII ст) // *Etymon.* До 80-річчя академіка О. Прицака (Східний світ. 1999. № 1–2). С. 111–118.

66. Поучение детям Владимира Мономаха / Ред. и прим. Вознесенского В.А. С. VII.
67. Там же. С. 6, 8.
68. Орлов А.С. Владимир Мономах. М. –Л.: АН СССР, 1946; Брюсова В.Г. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // Византийский временник. Т. 28, 1968, С. 127–135; . Ищенко А.С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону: Антей, 2014. 276 с.
69. Чхаидзе В.Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков. С. 29.
70. Маеродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 137.
71. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М., 1973. С. 91–92.

ДАнные ТОПОНИМИИ О МИГРАЦИЯХ АДЫГОВ НА УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ

Исследователи неоднократно указывали на возможность миграций адыгского населения на украинские земли в Поднепровье в Средние века. При этом данные топонимии привлекались в незначительной степени ввиду того, что очень трудно было сопоставить появление интересующих названий на местности с данными письменных документов. Однако на настоящий момент это представляется возможным.

В связи с этим следует отметить, что многие топонимы кавказского происхождения могли появиться в Северном Причерноморье в древности. К ним следует отнести название реки на Днепровском Левобережье – *Псел* и производные от этого названия гидронимы, являющиеся притоками этой реки. Почти столетие тому назад А.М. Бодянский нашел аналогию названия реки *Псел* с кавказскими гидронимами типа *Пса*, *Псе*, *Псекупс*, *Психуаба* и т.п. По его мнению, в основе этих гидронимов находится корень *Псы-*, что в адыгских языках означает «вода, река»¹. Эту гипотезу поддержали современные лингвисты Дж.Н. Коков, К.М. Тищенко и др. Однако они не склонны были относить появление данного гидронима на территории Украины ко временам Средневековья². Относительно же других гидронимов, а также топонимов, у нас есть основание видеть в них следствие миграций адыгского населения на территорию Украины в XI–XVII вв., что подтверждается данными некоторых письменных источников. Это касается, в первую очередь, названий, происшедших от средневековых наименований адыгов – *касоги*, *черкасы*.

Уже в свое время А.С. Стрижак отметил на левобережье Псла гидроним *Косоговка*, который являлся левым притоком р. Лютенькой, впадающей в Псел с левого берега³. Эта информация базировалась на данных «Описания рек Черниговского наместничества» от 1785 г.⁴ На топографических картах второй половины XIX в. *Косоговка* уже не обозначена. Кроме того, на левобережье Псела, в среднем его течении, в недалеком прошлом имели распространение топонимы с основой *косог* (*косаг*). По данным переписи 1859 г., на территории Полтавской губернии в Зиньковском уезде существовали поселения: *Косоговщина* (*Пащенковка*) и *Косоговщина* (*Ивановка*)⁵. Кроме того, «Военно-топографическая карта Российской империи» (1869–1890) свидетельствует о том, что в этом же районе на правом берегу речки Мужевая Долина во второй половине XIX в. существовал хутор *Косоговщина* (*Паськова*)⁶.

Относительно появления этих топонимов и гидронима *Косоговка* существует мнение, что они были связаны с деятельностью Косогова Григория Ивановича, который был «стольник и воевода Русский»⁷ в XVII в. Обычно в качестве аналогии приводят данные о «Косоговом вале», построенном им на южных границах современных Харьковской и Полтавской обл.⁸ Учитывая существование на Левобережной Украине гидронима *Косоговка* и *Косогова вала*, А.С. Стрижак предположил, что название реки произошло от антропонима⁹. Однако такие случаи очень редко встречаются в гидронимии. К тому же на юге Харьковской обл., где проходил «Косогов вал» и действовал генерал Григорий Косогов, не

зафиксировано ни одного гидронима или топонима с основой *Косогов-*. Поэтому появление гидронима и топонимов с основой *Косог-* в бассейне Псела можно объяснить и с позиций альтернативной точки зрения.

Имеет смысл обратиться к тем древнерусским летописям, где речь идет о сыне киевского князя Владимира – Мстиславе, который был сначала князем «Тмутороканских земель», а со временем стал и Черниговским князем. Для нас интерес представляет следующее сообщение Ипатьевской летописи: «В лета 6531 (1023) собрася Мстислав со Козари и Касоги на Ярослава, брата своего...»¹⁰. Другие летописи также повторяют эту информацию. В то время на Руси началась борьба за власть между киевским князем Ярославом и его братом Мстиславом, который из Тмутаракани перебрался в Чернигов. В этом же 1023 г. войско Ярослава, основу которого составляли варяги-норманы, и войско Мстислава, которое состояло из северян и кавказских дружинников – касогов и хазар, сошлись в битве возле Лиственя. Летописец сообщает, что войско Мстислава победило, а его дружинники – касоги и хазары – не пострадали¹¹. В свое время В.В. Мавродин высказал предположение, что Мстислав должен был селить своих вассалов как на северных, так и на южных границах своего княжества, как это делал его брат Ярослав¹². В тот период продолжала сохраняться опасность со стороны кочевников – печенегов и торков. Поэтому появление касогов и хазар на южных границах Черниговского княжества было вполне закономерно. Но в то время южная граница Левобережной Руси проходила не по р. Псел, а вдоль течения р. Сулы. По наблюдениям М.М. Коринного, в XI–XII столетиях «за Сулой простирались земли Летописной «Украины» – буферного территориального образования между Русью и Половецкой землей, заселенной выходцами из Руси и степняками»¹³. Получается, что к этой «вольнице» относились и земли бассейна Псела. Вполне возможно, что после смерти Мстислава в 1036 г. часть верных ему касогов не пожелала признать власть Ярослава и переселилась на нейтральные территории в бассейн Псела. Это и нашло свое отражение в гидронимии и топонимии.

В Среднем Поднепровье имеется топоним, который может свидетельствовать о переселении адыгов в более позднее время. Речь идет о названии города *Черкассы*, расположенного на правом берегу Днепра. Этот топоним по форме напоминает этноним *черкас*, распространенный на Северном Кавказе. Именно это и породило в исторической литературе XVI–XIX вв. легенды, согласно которым: 1) этноним *Черкассы* появился в Среднем Поднепровье еще в XII в. и был связан с Черными Клобуками (Н.М. Карамзин); 2) в начале XIV в. крепость Черкассы основал литовский князь Гедимин, название ей дали переселенные им с Кавказа адыги-«черкасы» (литовская люстрация 1552 г.); 3) крепость Черкассы основали в XIII–XIV вв. мигрировавшие в Поднепровье из Курского княжества беженцы-«черкасы», которые являлись выходцами из Пятигорья на Кавказе (В.Н. Татищев, И. Болтин, М.И. Антоновский, Д. Бантыш-Каменский, А. Ригельман и др.)¹⁴.

Несмотря на то, что все эти легенды имели идеологическую основу, современные исследователи считают, что третья легенда имела под собой исторические основания, хотя при этом отрицается причастность территории Курского княжества к этой миграции. Это подтверждают не только данные письменных источников, но и археологии. Прежде всего, обратим внимание на первое упоминание этнонима *черкас*. К сожалению, существует ошибочное мнение, что этноним *черкас* произошел от этнического названия *черкес*. Но в сочинении Платона Карпини «История

монгалов», написанном еще в 40-е гг. XIII в., среди завоеванных монголами народов Кавказа уже упомянут народ *чиркасы*¹⁵. Даже еще в XV в. итальянские авторы И. Барбаро и Г. Интериано использовали форму *черкас*¹⁶. Что же касается российских документов, то в XIV в. «черкасами» стали называть народ на Северном Кавказе, т.е. адыгов¹⁷, а с середины XV столетия «черкасами» уже называли не только жителей Северного Кавказа, но и часть жителей Центральной Украины¹⁸. Это можно объяснить тем, что с XV в. гор. Черкассы долгое время являлся одним из административных центров Польско-Литовского государства, где происходил процесс формирования украинского казачества. По названию гор. Черкас, вокруг которого казаки селились, их и стали именовать «черкасами». Характерно, что такая ситуация с данным экзоэтнонимом в российских документах сохранялась буквально до XVIII в., т.е. «черкасы» были и «малороссийские», и «пятигорские».

Однако уже с XVI–XVII в. западноевропейцы относительно адыгов Северного Кавказа начали использовать термин *черкес*¹⁹. В этом следует видеть влияние турок-османов, потому что особенность приспособленной к турецкому языку арабо-персидской графики давала вариант *чркс* без обозначения гласных, который турки-османы произносили как *черкес*²⁰. Поэтому нельзя ссылаться на переводы сочинений арабо-персидских авторов XIII–XIV в., где якобы упоминается этноним *черкес*. На самом деле, там фигурирует данный этноним без обозначения гласных либо в форме *ч.рк.с*, либо как *ал-дж.рк.с*. Стало быть, этноним *черкас* был первоначальным, и он появился в 40-е гг. XIII в.

Именно это и позволяет обратиться к фрагменту из сочинения Георгия Пахимера (1242 – около 1310) «История о Михаиле и Андронике Палеологах», где зихи отнесены к числу христианских народов Северного Причерноморья, впрочем как и русские, готы и аланы, которые признали власть Ногай в конце XIII в.²¹ Напомним широко известный факт, что византийцы называли адыгов зихами, а не использовали по отношению к ним другие наименования. Однако сообщение Георгия Пахимера так и не объясняет, были ли среди народов Северного Причерноморья, подвергшихся нападению Ногай, зихи, или они пришли вместе с Ногаем с Кавказа? Неясна также территория нахождения этих зихов: либо это Среднее Поднепровье, либо это Крым?

Тем не менее проведенные в 1996-м и 1999 г. С.К. Рецем и Д.П. Куштаном археологические разведки на месте бывшего сел. Василица, которое ныне находится в черте современного гор. Черкассы, позволили выявить в истории Черкас золотоордынский период. Там были обнаружены могильник и поселение XIII–XIV вв. На могильнике были исследованы три христианских захоронения с редким инвентарем, который находит аналогии среди находок золотоордынского времени в Нижнем Поднепровье²². Стоит напомнить, что средневековые авторы неоднократно отмечали, что часть зихов, или кавказских черкасов исповедывали христианство²³. Таким образом, гипотеза о том, что правители монголов во второй XIII в. переселили с Кавказа в Среднее Поднепровье адыгов, которые основали поселение Черкассы, на сегодняшний день уже не выглядит анахронизмом.

До недавнего времени исследователи не подвергли анализу топонимы, содержащиеся в люстрациях Каневского и Черкасского замков, датированных 1552 г. Однако там имеются подвергшиеся славянской обработке названия, которые невозможно объяснить из индоевропейских или алтайских языков. Но связать их происхождение с кавказскими

(адыгскими) языками, по нашему мнению, вполне возможно. В данном случае себя вполне может оправдать привлечение данных об аналогичных названиях на Северном Кавказе, в первую очередь, в местах расселения адыгского населения.

Так, в люстрации Каневского замка упомянуто «Селище замьково *Тепсеев* на Рси, 5 миль от замьку»²⁴. Если отбросить славянское окончание, то получаем исходные формы – **Тепсей* или **Тепсе*. Последняя форма очень хорошо соотносится с современным топонимом на Западном Кавказе – *Туансе*, который Дж.Н. Коков объясняет из адыгских языков как «две реки, двуречь»²⁵. В нашем случае появление топонима *Тепсеев* можно объяснить тем, что поселение находилось между двумя реками – Рось и Днепр.

Там же находилось «село *Тулибле* у версти оть замьку»²⁶. В конце люстрации Каневского замка упомянуты и жители этого села как «*Тулибцы*»²⁷. Исходя из этого, можно считать исходной формой топонима термин **Тулиб*. Дж.Н. Коков отметил на Северном Кавказе существование подобного топонима – *ТхьальэIунI(э)* [Тхатлаупа], что означает «место, где совершается молитва»²⁸.

Недалеко от Канева было зафиксировано также и «селище Дердева, пусто, землянское»²⁹. Если отбросить славянское окончание, то получаем приблизительную первоначальную форму – **Дерд-*, что напоминает кабардинское слово *Дурдыл* – «необычайно хорошее, красивое». В данном случае вполне резонно видеть в первоначальном названии термин с семантикой «Красивое (место)», что вполне согласуется с природой Среднего Поднепровья. Однако на этом перечень подобных названий отнюдь не исчерпан. Кажется, люстрации Каневского и Черкасского замков от 1552 г. могут представлять большой интерес для лингвистов-кавказоведов и служить доказательством того, что задолго до середины XVI в. адыгские переселенцы уже были в Среднем Поднепровье.

В дополнение к сказанному можно отметить, что в этом же районе протекает река с явно кавказским названием – *Псоля*, которая является правым притоком Днепра. Возможно, что «Книга Большому Чертежу» начала XVII в. содержит одно из первых упоминаний о ней: «А с правые с Литовские стороны Днепра, ниже города Могилева, пала в Днепр река Береза; с правые же стороны, выше Сулы, пала река Тесмень. А ниже Тесмени, против реки Псла, пала речка Омельник Псельской»³⁰.

В упомянутой люстрации Каневского замка от 1552 г. среди большого количества имен особый интерес представляет антропоним «*Степанец Пятигорчин*»³¹. Создается впечатление, что малороссийские черкасы называли пятигорских черкасов не иначе, как «*пятигорцы*». Исходя из этого можно объяснить и происхождение названия села *Пятигорцы* на левом берегу Днепра на берегах р. Слепород, являющейся правым притоком р. Сулы. В легенде об основании гор. Черкассы, содержащейся в данной люстрации, отмечено, что князь Гедимин «приведьши Черкасовъ часть з княгинею ихъ, посадилъ ихъ на Снепородѣ, а иныхъ на Днепре, где теперъ черкасы сидятъ, а Снепородцевъ посадилъ на Днепрежъ у Каневе и сидячи Снепородце на Днепре у Каневе, предся отъчизны свои по речкамъ инымъ Севирскимъ уходити не престали»³². Несмотря на легендарность сообщения, приходится отметить возможность того, что пятигорские черкасы находились и на левом берегу Днепра, откуда они могли заселять правобережье Среднего Поднепровья. Следствием этого и стало появление на берегах р. Слепорода после 1552 г. села, носящего имя *Пятигорцы*, т. е. здесь мы видим множественное число, аналогичное названиям поселений *Черкассы*, *Яссы* и т. п.

На территории Украины известно всего лишь несколько сел с аналогичными названиями: Пятигоровка в Луганской обл., Пятигоры в Ровненской обл., Пятигоры в Киевской обл. и Пятигорское в Харьковской обл. И если происхождение названий большинства из них могло иметь отношение к ландшафту местности, то появление сел. Пятигорское в Харьковской обл. вызывает особый интерес.

Село расположено на берегах Северского Донца именно там, где в XVII в. проходила сторожевая линия Московского государства от набегов крымских татар. Там возникло немало укреплений, информацию о которых мы находим в актовых документах Московского государства. В частности, в них среди жителей этих крепостей Слободской Украины во второй половине XVII в. неоднократно упомянуты выходцы из «Пятигор»³³. При этом редактор и издатель «Материалов...» Д.И. Багалея посчитал «Пятигоръ» селом, но при этом не уточнил точную его локализацию³⁴. Исходя из этого, можно соотносить это селение либо с современными Пятигорцами на Полтавщине, либо с Пятигорами на Киевщине, либо с Пятигорским в Харьковской обл. Не исключено, что в данных случаях речь могла идти и о выходах из района Пятигорья на Северном Кавказе. Этому имеются подтверждения в письменных документах того времени.

Так, в московских актовых документах сообщается, что по приказу царя Алексея Михайловича под Харьков и Чугуев неоднократно совершал свои рейды кабардинский князь Каспулат Муцаловия Черкасский в 1678-м и 1679 г.³⁵ Вполне очевидно, что часть этих пятигорских черкасов могла остаться на землях Слободской Украины, что могло отразиться и в топонимии, т. е. можно предположить, что сел. Пятигорское в Харьковской обл. и было основано ими.

Таким образом, появление на территории Центральной и Восточной Украины топонимов, содержащих этнические названия адыгов, вполне можно связать с миграциями адыгского населения с Северного Кавказа в XI–XVII вв., что вполне соотносимо с информацией письменных источников того времени.

1. В-ко Н. К вопросу о происхождении названия Полтавы // Киевская старина. Т. LXXXI. К., 1903. С. 3; Мацевич Л. К вопросу о происхождении названия «Полтава» // Киевская старина. Киев, 1896. Т. IV.

2. Коков Дж.Н. Кабардинские географические названия: Краткий словарь. Нальчик, 1966. С. 159; Тищенко К. Мовні контакти: свідки формування українців. Киев, 2006. С. 89–90.

3. Стрижак О.С. Назви річок Полтавщини. Киев, 1963. С. 27.

4. Описание рек Черниговского наместничества // Записки Черниговского губернского статистического комитета. Чернигов, 1868. Кн. 2. Вып. 1–2. С. 26.

5. Полтавская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862. С. 53.

6. Военно-топографическая карта Российской империи (1869–1890) // history11.usoz.ru Листы 23, 23–12.

7. Стрижак О.С. Назви річок Полтавщини. С. 27.

8. Гильденштедт. Путешествіе академика Гильденштедта / Переводъ съ немецкаго М. Салтыковой, съ ея предисловіем и съ примечаніями проф. Д.И. Багалея // Харьковскій сборникъ. Вып 5. Харьков, 1891. Прим. 16.

9. Стрижак О.С. Назви річок Полтавщини. С. 27.

10. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 265.

11. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. С. 95.

12. *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины. Львов, 1940. С. 137.
13. *Коринный Н.Н.* Переяславская земля. X – первая половина XIII века. Киев, 1991. С. 58.
14. *Горленко В.Ф.* Об этнониме «черкасы» в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX в. // СЭ. 1982. № 3. С. 96–106.
15. *Карпини П.* История монгалов // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М.;Л., 1957. С. 57, 72.
16. *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 108; *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 24.
17. Патриаршая Десятая, или Никонова летопись // ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X. С. 184; Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII. С. 34; Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1962. С. 71.
18. Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 136.
19. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. С. 24.
20. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Т. III. Ч. 2. Ст. 1969.
21. *Георгий Пахимер.* История о Михаиле и Андронике Палеологах // Византийские историки. СПб., 1862. Т. I. С. 317.
22. *Рець С.К.* Звіт про археологічні розвідки і спостереження в районі м. Черкаси 1996 р. // Науковий архів Інституту археології НАН України. 1996. 71 ар.; *Куштан Д.П.* Звіт про археологічні розвідки у Черкаській околиці за 1999 рік // Науковий архів Інституту археології НАН України. 1999/11. 48 ар.
23. *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиновеведения. Л., 1991. С. 93–106; *Барбаро И.* Путешествие в Тану. С. 157; *Поркшеян Х.А.* К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху Средневековья // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1957. Т. XIII. С. 361–362.
24. Архивъ Юго-Западной Росіи. Киевъ, 1886. Ч. VII. Т. I. С. 101.
25. *Коков Дж. Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. С. 264–265.
26. Архивъ Юго-Западной Росіи. С. 99.
27. Там же. С. 105.
28. *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. С. 260.
29. Архивъ Юго-Западной Росіи. С. 98.
30. Книга Большому Чертежу. М.–Л., 1950. С. 112.
31. Архивъ Юго-Западной Росіи. С. 104.
32. Архивъ Юго-Западной Росіи. С. 103.
33. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии. Харьков, 1886. Т. 1. С. 52, 79.
34. Там же. С. 350.
35. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. I. XVI–XVII вв. М., 1957. С. 362–363, 369–371.

КРЕПОСТЬ ХАЖИКАЛА (предварительные итоги исследования)

В литературе довольно часто упоминаются северокавказские крепости эпохи нового времени¹. Однако, о располагавшейся в верховьях Кубани, крепости Хажикала известно очень не много.

Остатки крепости Хажикала (по-кабардински – Хьэжыкъала, по-турецки – Хаджи-кале (город или крепость паломника)) находятся в северной степной части Карачаево-Черкесской республики у слияния Кубани и Малого Зеленчука с правой стороны устья ручья Смертная балка (рис. 1).

Крепость в этом районе упоминается в работе турецкого путешественника Эвлии Челеби в XVII в. посетившим Прикубанье. Он кратко описывает крепость Шад-керман расположенную у слияния реки Дженджек (Зеленчук – авторы) и Кубани. Это деревянная крепость четырехугольная в плане, цитадель сложена из кирпича, имеется ров с деревянным висячим мостом. Кадием сюда был назначен Тухтар Хаджи-Али из кумыков. В крепости обосновались 100 кумыкских джигитов. Кроме того, гарнизон состоял из 50–60 джигитов. В крепости находились соборная и квартальная мечети, постоялый двор и баня. Как сообщает Э. Челеби крепость была построена кабардинским князем Мисост-беем (судя по контексту в XVII в. – авторы)² для защиты от калмыков и взята под управление крымским ханом Мухаммед-Гиреем³. По сведениям Ш.Б. Ногмова крепость с мечетью была основана во время похода крымско-османских войска во главе с Алегот-пашой на Кабарду. В составе войска отправившегося через Закубанье «на поражение кабардинцев были многие муллы, эфенди, хаджи ... строя при этом в некоторых местах мечети и крепости. ... Они успели многих закубанцев обратить к исламу и основать в их земле крепость и мечеть, назвав ее Хаджи-кале. Развалины этой крепости сохранились и до настоящего времени; место это называется Хаджи-тагой, или «долина хаджи»⁴.

На карте, составленной Е.Д. Фелицыным, на левобережье верхней Кубани обозначено турецкое укрепление Хаджи-Кале⁵.

В работе Р.У. Туганова⁶ приводятся сведения, что крепость Хаджи-кале была основана в 1761 году Темрюко – старшим сыном старшего князя Кабарды Бомата (Мугамет-бека) Кургокина (Атажукина).

Темрюко Атажукин твердо придерживался протурецкой ориентации, был в Крыму и Турции, совершил хадж (паломничество) в Аравию, получив звание хаджи. Л.И. Лавров ссылаясь на данные дневника майора И. Татарова писал, что князь Темрюко дал присягу крымскому хану и согласовал с ним свое переселение на Кубань «где помянутым ханом имеет быть построен город и мечеть, дано ему, Темрюку, от крымского хана два человека»⁷.

В 1761 году Темрюко с семьей переселился на левый берег Кубани, основав там Хаджи-кале – поселение с мечетью и оружейными мастерскими⁸.

Следует сказать, что хан Крым-Гирей проводил активную политику на Кавказе. В 1761 году он пришел с войсками в Закубанье, но встретил сопротивление адыгов-темиргоевцев. Крымцы проникали в Закубанье и в Кабарду, пытаясь привлечь горцев на свою сторону. Князь Темрюк-Хаджи стал проводником крымской политики в прикубанских землях, значительную часть населения которых составляли абазинцы. Майор И. Татаров писал, что Темрюк поселился «в Абазах» под предлогом «жить и богу молиться»,

но вскоре он «учредил себя над абазинцами главным командиром» и стал готовить военную поддержку армии Крым-Гирея⁹.

Одновременно с этим Темрюк-Хаджи приступил к постройке боевой башни «за Кубанью, при реке Шолом-Инджике в урочище Акпилек-Акбир», что переводится как «за Кубанью, при реке Малом Зеленчуке, в урочище Великая Адиюх»¹⁰.

Историческая память местного населения сохранила сведения о находившейся в старину крепости Хажикала близ современного поселка Эркин-Шахар. Но в 60–70-х гг. прошлого века только здешние учителя-краеведы удовлетворяли свое любопытство раскопками наиболее интересных археологических объектов. Таким объектом и стало правобережье устья Смертной балки. Возможно, из этих самовольных раскопок происходит серебряная турецкая монета султана Мустафы III (1757–1771 гг.) (рис. 5)¹¹.

В конце 80 – начале 90-х гг. XX столетия остатки Хажикала осматривались учителем, краеведом, сотрудником музея-заповедника В.Г. Мозговым¹². Он собрал здесь фрагменты древней керамики, передал ее в музей и опубликовал небольшую работу. В этой публикации отмечено, что в среде современного ногайского населения наряду со словом Аьжикъала для названия урочища используется топоним Акмешет¹³. Второе название связано с некогда находившейся на территории Хажикала мечетью, возможно сложенной из белого камня (известняка?)¹⁴. С прежним существованием здесь ориентира – белой мечети связано также название станицы Беломечетской основанной на противоположном берегу Кубани в 1826 году.

В.Г. Мозгов отметил также, что крепость Хаджи-кале имела сравнительно небольшие размеры. Сохранились оплывшие ров и вал крепости с въездным проемом. На территории крепости и вблизи ее рва прослежены впадины – остатки существовавших здесь жилищ или других построек (рис. 2)¹⁵.

Осенью 2006 года территория крепости и ее окрестности была осмотрена. Наибольший интерес вызвали памятники, расположенные в устье Смертной балки. На правом и левом берегу устья выявлены яркие материальные свидетельства пребывания древних людей. На поверхности земли зафиксированы фортификационных сооружений рвов, валов, конусовидных укреплений или сторожевых возвышений. На основании этих предварительных данных можно прийти к выводу о существовании в устье на обоих берегах Смертной балки крупного хорошо укрепленного древнего поселения – городища. Точная датировка этого незаурядного археологического памятника пока затруднительна – необходимы дальнейшие научные исследования. Пока можно сказать, что городище в устье Смертной балки было обитаемо в скифо-сарматскую (меотскую) эпоху и его основными обитателями были меоты. Похожее меотское городище у хутора Дружба близ Черкесска было частично раскопано доктором исторических наук Евгенией Павловной Алексеевой в 60-х гг. XX в.¹⁶.

Следует отметить, что, меотское городище в устье Смертной балке разрушается оползневыми процессами на берега бурной реки Кубань. Однако наибольший вред этому уникальному памятнику наносят кладоискатели, без устали копающие шурфы и траншеи на территории городища. В этих полузасыпанных и «свежих» грабительских траншеях археологам удалось проследить глубину отложений культурного слоя – 1,5 – 2 м, что подтверждает незаурядность этого памятника. Вблизи этих «раскопов» были замечены свинцовые пули второй половины XVIII или начала XIX в., а также фрагменты бронзовых и железных предметов вероятно того же времени (рис. 3).

К сожалению, пока не удалось обнаружить следов длительно существовавшего у слияния Кубани и Малого Зеленчука ориентира - белой мечети.

Мечеть крепости Хажикала вряд ли сохранилась. Ее камень использовался для строительных нужд. Из каменных блоков Хажикала была построена расположенная рядом ферма. По некоторым данным этот же камень использовался при строительстве моста через Смертную балку и при возведении некоторых зданий в Черкесске.

И все же нельзя терять надежду найти остатки культовых построек в Хажикала. Так в одной из промоин обнаружены фрагменты светлой штукатурки, которая могла прежде находиться на стенах Белой мечети (рис. 4).

Следует сказать и о старинных мусульманских кладбищах, расположенных у Хажикала. На одном из них (ближайшем к крепости) ранее находились каменные надгробия с тамгами. В настоящее время это кладбище частично разрушено карьером, а камень использован для укрепления фундаментов. Несколько дальше от Хажикала (на северной окраине Нижнего аула (Эркин-Халк)) также зафиксировано кладбище XVIII – первой половины XIX в. с каменными надгробиями, но тамги и здесь не сохранились¹⁷.

Ранее была высказана гипотеза о том, что Хажикала в 60-х гг. XVIII в. была дополнена системой боевых каменных башен (Адиюх, Новоисправнская, Кызыл-калинская, Хурзукская). Вполне вероятно, что эти укрепления составляли единую систему, созданную в Верхнем Прикубанье кабардинским князем Темрюк-Хаджи Атажукиным¹⁸. Следует предположить что, строительство или восстановление заброшенных укреплений в верховьях Кубани и ее притоках может свидетельствовать о попытке Крыма и Османской империи установить контроль над местным населением (бесленевцами, абазинами, ногойцами, карачаевцами). Названные крепости могли быть использованы и для контроля важнейших региональных торговообменных и скотопрогонных путей, что также усиливало в крымско-османское влияние в Верхнем Прикубанье¹⁹.

Большой интерес представляют недавно опубликованные сведения о башне Тугановых (Тыгьонэмэ якъал). Это старинное крепостное сооружение, башня рода Тугановых, располагалось на восточной окраине нынешнего Армавира. Согласно легенде эта башня была возведена примерно в XV–XVI вв. представителями знатного «адыго-аланского» рода Тугановых²⁰.

Башня Тугановых, судя по архитектуре, также была построена в середине XVIII в., а ее расположение позволяет предположить, что верхнекубанские каменные башни были частью линии укреплений, созданных при содействии крымцев вдоль Кубани. В низовьях Кубани известны укрепления, принадлежавшие крымскому хану и туркам²¹, но в Среднем Прикубанье (от Невинномыска до Краснодара) из укреплений известна только Тыгьонэмэ якъал.

Следует сказать также, что долина Кубани административно входила в состав Крымского ханства длительное время и система укреплений у выхода из гор на равнину могла возникнуть здесь намного раньше 60-х гг. XVIII в.²²

Прекращение функционирования крепости Хажикала также как и всей созданной в начале 60-х гг. XVIII в. в Верхнем Прикубанье линии (или точнее сети) укреплений (рис. 8) относится, вероятно, к 70-м гг. того же столетия. В это время в западной части Кабарды действовал мощный отряд российских войск генерала И. де Медема при поддержке калмыцкой конницы²³. По условиям Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г. равнинная часть междуречья Кубани и Лабы становилась зависимой от России.

Трудно что-либо уверенно сказать о судьбе населения Хаджи-кале на рубеже XVIII–XIX вв. Вероятно, эти люди ушли в более удаленные районы Закубанья, а позднее частью переселились вместе с Темрюко Атажукиным в Кабарду. Известно, что он в 1771 году находился в Турции, спасаясь от русских. Умер Т. Атажукин в 1780 году и был похоронен в Кабарде близ устья реки Гунделен²⁴.

Вполне возможно, что часть прежних обитателей Хаджи-кале поселилась в Аджи-ауле (Хъэжыхъэблэ), основанном сыном князя Темрюка.–Измаил-беем Атажукиным в 1810 году и названном по прозвищу отца.–хаджи. Хаджи-аул (Аджи-аул, селение Аджиево, Хаджи-кабак или покабардински Хъэжыхъэблэ) был основан кабардинским князем Измаил-беем Атажукиным (ХъэтIохъуцокъуэ) в Пятигорье (современный район Кавказских Минеральных Вод) у восточного подножия Козьих скал (отрог горы Бештау) (рис. 7) на месте древнего и раннесредневекового поселения у истоков ручья Гремучка²⁵.

Князь Измаил Атажукин в отличие от отца старался придерживаться пророссийской ориентации и стремился поселить своих подданных (кабардинцев и абазин) вблизи линии крепостей, у формирующегося курорта Горячие Воды. Близкое расположение скалистых вершин Бештау и лесного массива гарантировали жителям Хаджи-аула некоторую безопасность во время не редких конфликтов с российской военной администрацией. Но существовал аул, основанный Измаил-беем чуть менее 20 лет²⁶.

На месте существовавшего горского селения в разное время краеведами были найдены несколько предметов, бытовавших в начале XIX в. в том числе кумган для намаза. Здесь же был найден и стальной штамп токарного производства для изготовления (подделки?) монет с портретом французского короля Людовика XIV²⁷ и надписью REX LVD XIII D.C. FR ET NAV (рис. 6). Общая форма штампа шайбообразная. Максимальный диаметр 56, диаметр рабочей поверхности 40 мм.

Этот штамп мог попасть в Хаджи-аул через жителей Хажикала. Часть хаджиаульцев, возможно, прежние жители крепости Хажикала²⁸, где они в 60-х гг. XVIII в. были подвластными Темрюк-Хаджи Атажукина. Известно, от турков при торговле к соседним народам попадали не только османские монеты, но и подделки французских монет – украшения-подвески, т.н. дукачи²⁹. Более эффектные подделки шли на изготовление украшений, тогда как османские деньги для этого почти не использовались, т.е. не портились³⁰. Стальной штамп для изготовления имитаций французских монет мог быть передан крымцами или турками Темрюко Атажукину или ремесленникам, поселившимся в Хажикала³¹.

Хаджи-аул известен и тем, что здесь жил кабардинский ученый Ш.Б. Ногмов³². Именно Хаджи-аул, судя по его местонахождению между горами Машук и Бештау, описан М.Ю. Лермонтовым под созвучным Бастунджи – в одноименной поэме. В детстве в 1825 г. поэт побывал в этом ауле на празднике байрам. М.Ю. Лермонтов в 1832–1833 годах посвятил отдельное произведение и основателю аула Измаил-бею.

Примерно в 1828–1829 году аул Хъэжыхъэблэ из-под горы Бештау переселился на левый берег реки Малки³³. Хаджи-аул у горы Бештау был довольно сложным по происхождению там живших людей, «интернациональным аулом». Жители этого аула стали основателями многих современных кабардинских родов, «положили основу и развили ныне существующий интереснейший хажихаблинский акцент кабардинского языка»³⁴. Потомки переселенцев из Аджи-аула (хажиаульцы) проживают сегодня в селении Малка (восточная половина села – Хъэжыхъэблэ), селениях Каменномоетском, Батех, Этоко и других местах Кабарды³⁵.

Памятники археологии в устье Смертной балки (меотское городище и крепость Хажикала) являются уникальными историко-археологическими объектами, расположенными на территории Карачаево-Черкесии. Их научное исследование несомненно обогатит наши знания по древней и новой истории адыгов.

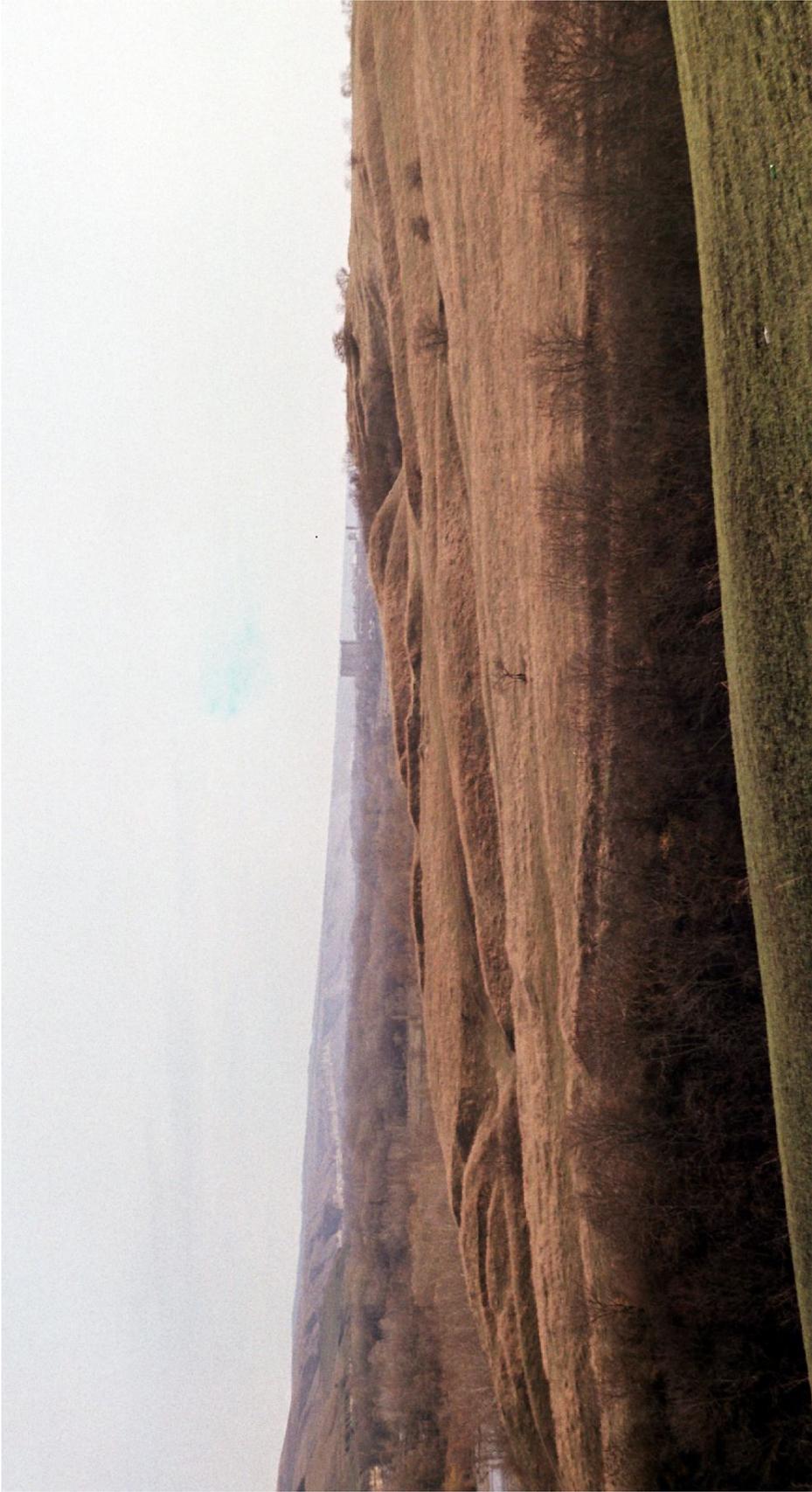

Рисунок 1. Общий вид с северо-запада крепости Хажикала и правобережной части меотского городища.
На заднем плане поселок Эр-кин-Шахар.

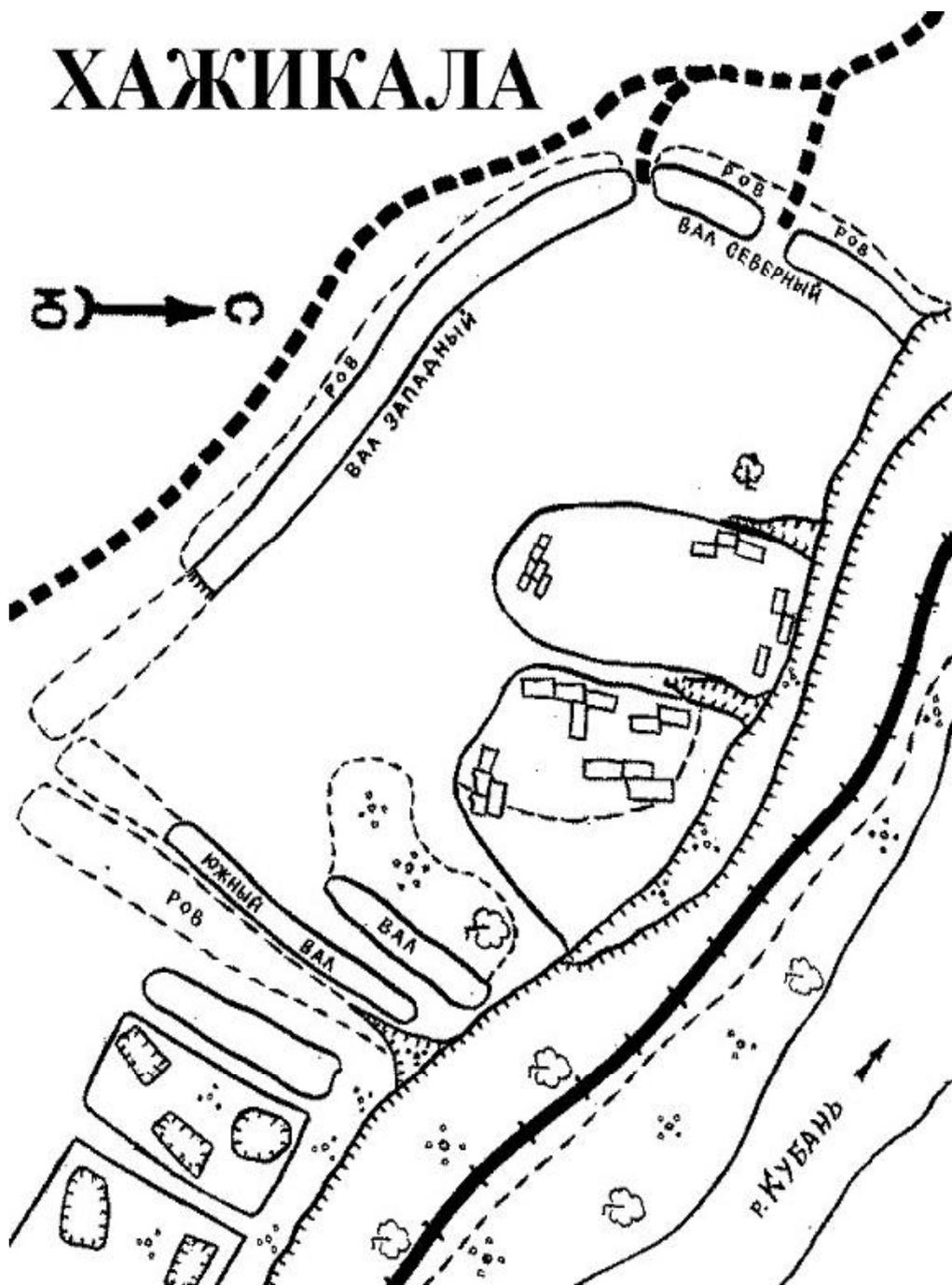

Рисунок 2. Схематический (глазомерный) план крепости Хажикала, составленный краеведом В.Г. Мозговым

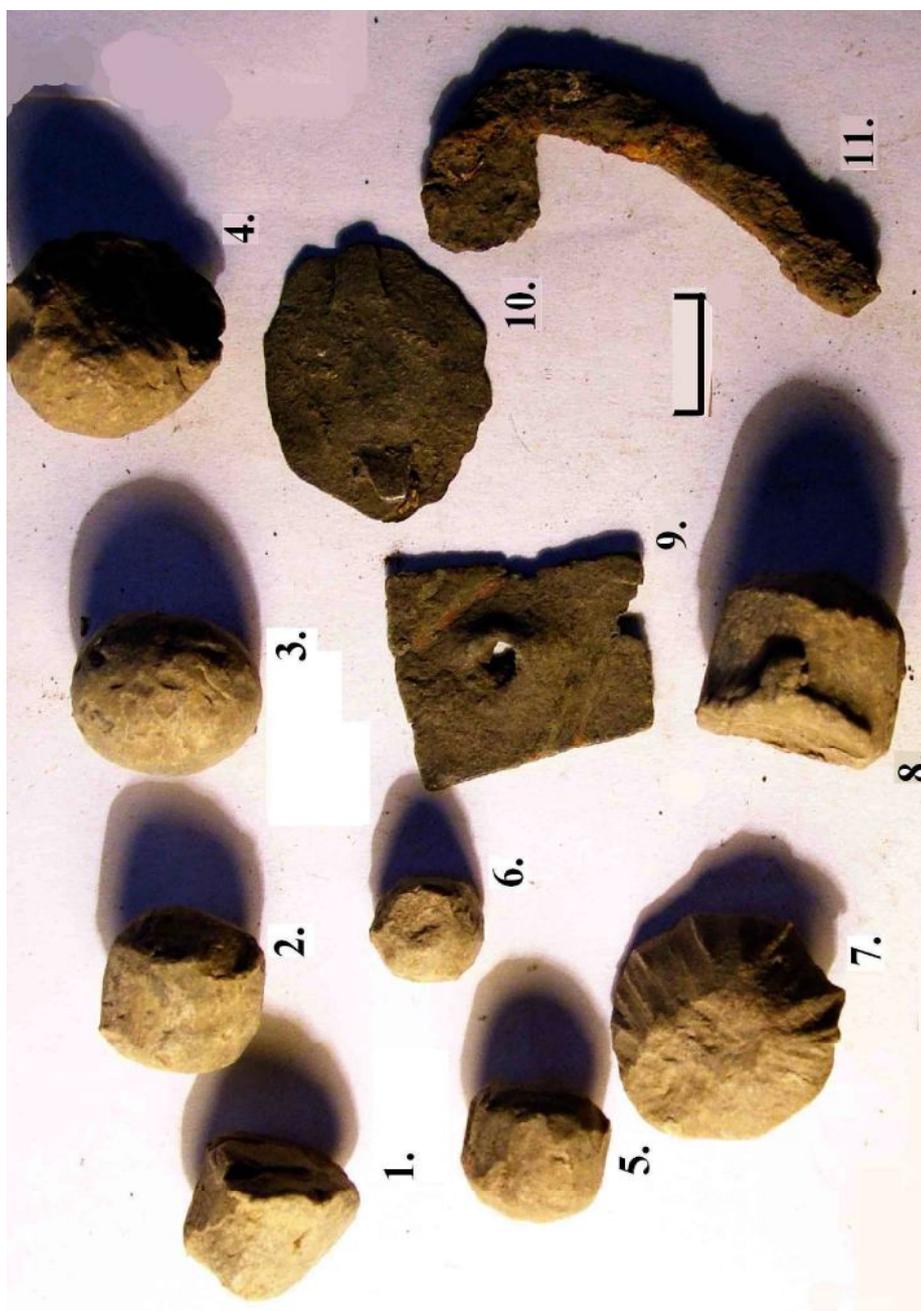

Рисунок 3. Подъемный материал с центральной части крепости Хажикала
(1-8 - свинец, 9-10 - бронза, 11 - железо).

Рисунок 4. Фрагменты штукатурки, найденные в центральной части крепости Хажикала

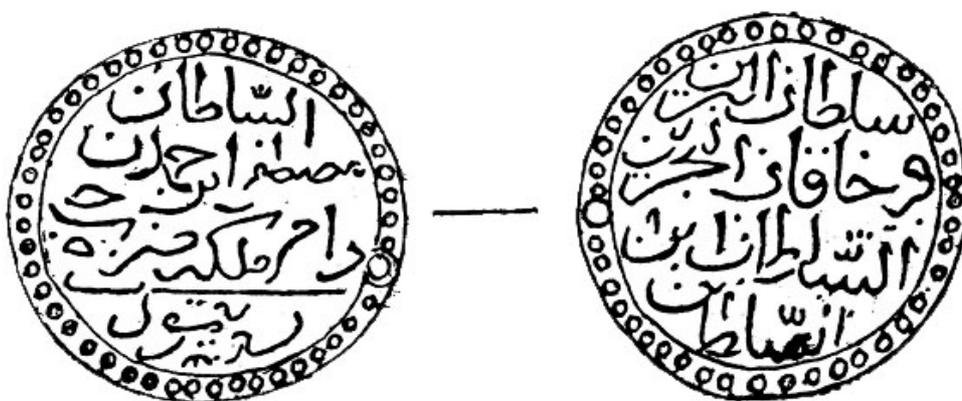

Рисунок 5. Серебряная монета султана Мустафы III (1757-1771 гг.)
из окрестностей города Невинномыска (по Ю.А. Прокопенко)

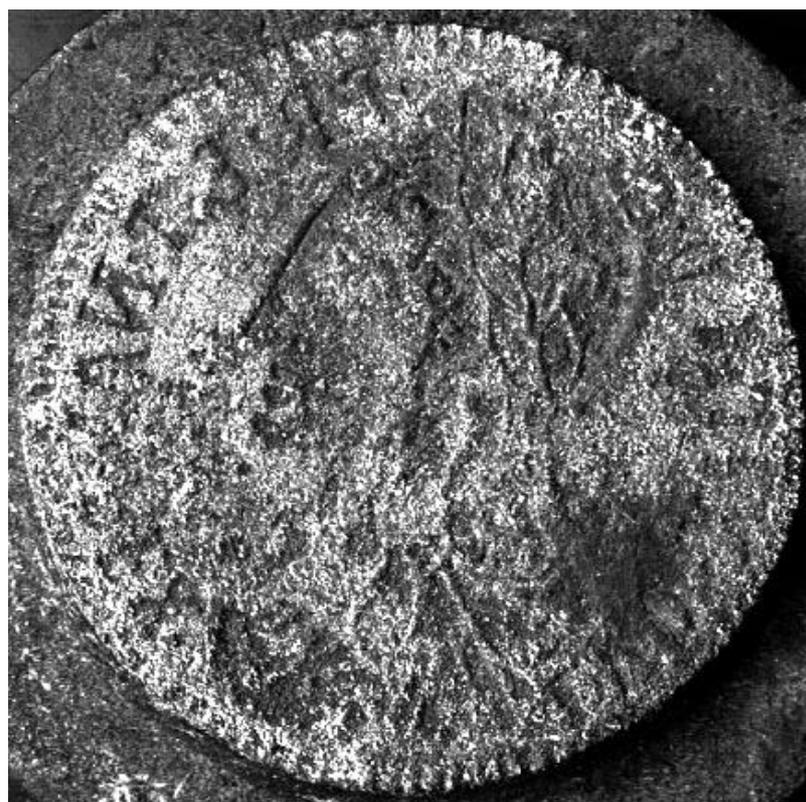

Рисунок 6. Изображение на железном штампе,
найденном на месте Хад-жи-аула у горы Бештау

Рисунок 7. Схема расположения населенных пунктов у горы Бештау и в ее окрестностях в 1810-1828 гг.

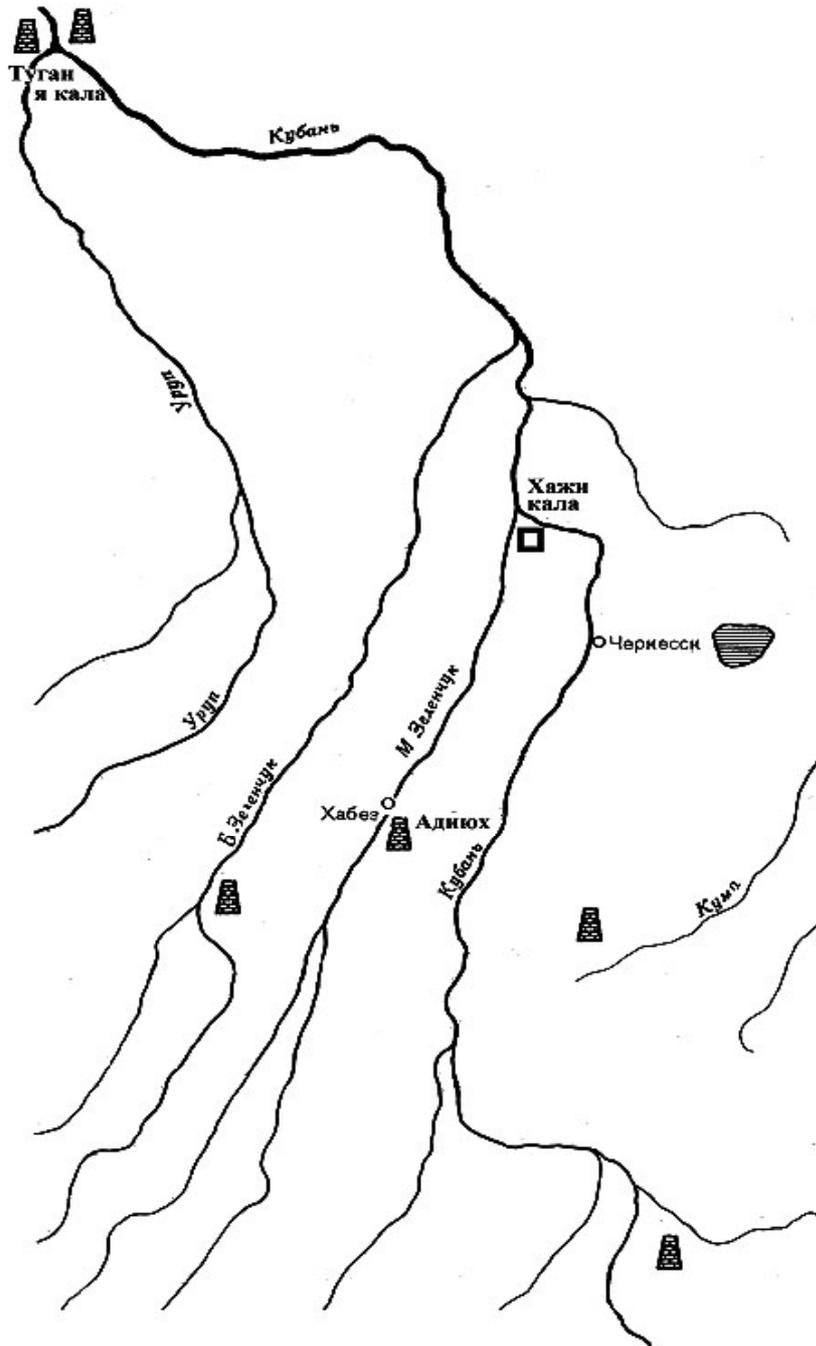

Рисунок 8. Схема расположения каменных башен и крепости Хажикала в верховьях Кубани

1. См.: *Приймак Ю.В.* К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV – первая треть XIX вв.). Армавир, 1997; *Рудницкий Р.Р.* Исторические предпосылки создания Азово-Моздокской оборонительной линии. Пятигорск, 2003.
2. Видимо речь идет о Мисосте Казиеве. См.: *Бгажноков Б.Х.* Историческая этнография и география Черкесии // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. Вып. 12. С. 26.
3. *Челеби Э.* Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 84.
4. *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 145.
5. *Фелицын Е.Д.* Военно-историческая карта Северо-Западного Кавказа (издана, вероятно, в Тифлисе в 1898 году). Отдельный оттиск хранится в библиотеке Пятигорского краеведческого музея.
6. Туганов Рашад Умарович (1928–2000) – историк, историограф, кандидат исторических наук, автор книги об Измаил-бее (Нальчик, 1972). См.: Туганов Рашад Умарович // Кабардино-Балкарскому институту гуманитарных исследований – 75 лет. Нальчик, 2001. С. 106–107.
7. *Лавров Л.И.* О времени постройки кабардинской башни на реке Малом Зеленчуке // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1948. Т. IV. С. 275–279; *Татаров И.* 1879. Дневник майора Татарова, веденный в Кабарде в 1761 году // Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в Ставропольских губернских ведомостях. Первое десятилетие (1850–1859 гг.). Тифлис, 1879. С. 178.
8. *Туганов Р.У.* Измаил-бей. Нальчик, 1972. С. 21.
9. *Татаров И.* 1879. Дневник ... С. 177, 204.
10. Там же. С. 198; *Лавров Л.И.* О времени постройки ... С. 275–279.
11. *Прокопенко Ю.А.* Клады и находки единичных монет на территории Ставропольского края и Карачаево-Черкесии // Из истории земли ставропольской. Ставрополь, 1995. С. 10, 30; Рис. 19.
12. В окрестностях Хажикала Виктор Георгиевич Мозгов проводил летние лагеря для местных школьников, много сделал для развития школьного краеведения в Адыге-Хабльском районе Карачаево-Черкесии.
13. *Мозгов В.Г.* Из опыта эколого-археологической работы близ границ Средней Кубани // Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Армавир, 1994. С. 54.
14. Мечеть называется белой по цвету стен, которые в XVIII столетии обычно возводились из камня (не обязательно белого), затем покрывались белой штукатуркой или белились. Подобные мечети часто строились в Крымском ханстве – например, существующая и сегодня Акмечеть в Симферополе.
15. *Фоменко В.А.* Хаджи-кале // Тринадцатые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 2006. С. 21–23.
16. *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992. С. 132–134.
17. Местный историк Р.Х. Керейтов утверждает, что эти кладбища ногайские. Необходимо отметить, что наряду с адыгами и абазинами в Хажикала и ее окрестностях проживали и ногайцы. Так еще в XVII в. численность ногайцев наиболее тесно связанных с Черкесией и черкесами составляла примерно 250–300 тыс. человек; См.: *Бгажноков Б.Х.* Воинский класс и демографическое пространство Черкесии в XVII – середине XIX в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. –Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 53–54.
18. *Фоменко В.А.* Хаджи-кале ... С. 21–23.
19. *Фоменко В.А.* О верхнекубанских башнях XVIII в. // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. - Армавир, 2008. С. 19–22.
20. *Аракелов Р.К.* Очерки топонимии Армавира и его окрестностей. Армавир, 2004. С. 34–36.
21. *Соловьев В.А.* Суворов на Кубани. Краснодар, 1992. Карта на четвертой странице вклейки между С. 96 и 97; См. также: *Приймак Ю.В.* К хронологии османского присутствия ...

22. См. выше упоминание Э. Челеби крепости Шад-керман.
23. *Потто В.А.* Два века терского казачества. Владикавказ, 1912 (Ставрополь, 1991). С. 231–244, 279–290.
24. *Туганов Р.У.* Измаил-бей ... С. 22.
25. *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII века. Пятигорск, 2002. С. 25–27.
26. *Фоменко В.А.* Пятигорье ... С. 25–27.
27. Людовик XIV (1638–1715), французский король с 1643 года из династии Бурбонов.
28. *Туганов Р.У.* Измаил-бей С. 153.
29. Украшение-подвеска распространенное на юге Восточной Европы. Название происходит от дуката – старинной монеты (итал. ducato) из серебра или золота.
30. *Арсюхин Е.* Использование восточных монет в качестве украшений народами Российской империи в XVIII–XX вв. // XI Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2003.
31. *Фоменко В.А.* Штамп с Изображением Людовика XIV с территории Хаджи-аула близ Пятигорска // I Сиротенковские чтения по всеобщей истории. Армавир, 2007. С. 149–151.
32. *Туганов Р.У.* Новое о старом. Несколько замечаний к биографии Шоры Ногмова // Живая старина. Нальчик, 1991. № 1. С. 37–40; *Афаунов А.* О местожительстве и потомках Ш.Б. Ногмова // *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
33. *Коков Дж.Н.* Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966. С. 71.
34. *Шора Ногмов* (1844–1944). Нальчик, 1944. С. 23.
35. *Афаунов А.* О местожительстве ... С. 185–186, 189.

Научное издание

*Бгажноков Барасби Хачимович
Фоменко Владимир Александрович
Бубенок Олег Борисович
Новичихин Андрей Михайлович*

**ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ
И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ
АДЫГОВ**

Макет и техническое редактирование *А.В. Гергоковой*

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 23.12.2016
Формат заказной. Гарнитура Palatino Linotype
Усл. печ. л. 18. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 173

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: 8 (8662) 42-46-97, 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru